

Майн РИД
БЕЛАЯ ПЕРЧАТКА

Перевод с английского М.П.Богословской

Глава 1

МАРИОН УЭД

Встретить в лесу женщину, одну, в глухой чаще! Такая встреча невольно вызывает любопытство, будь это простая цыганка или крестьянская девушка, собирающая хворост.

Если же эта незнакомка – златокудрая красавица, она пробуждает в вас не только любопытство, но изумление и восторг. Юное прелестное золотоволосое создание невольно пленяет ваш взор и вызывает благоговейное восхищение. Марион Уэд бесспорно обладала всеми качествами, способными внушить такое чувство: это была прелестная белокурая девушка, и она была одна-одинешенька в лесу.

И то, что она сидела на белой лошади, держала на руке сокола, а за ней бежала ее собака, – не только не уменьшало интереса к ней, а даже наоборот. Ведь кругом не было ни души; лошадь, сокол и собака были ее единственными спутниками.

Ясно, что она сама пожелала уединиться, ибо дочь сэра Мармадюка Уэда почли бы за честь сопровождать многие доблестные рыцари из его свиты.

Небо было осеннее; полуденное солнце стояло высоко, и его золотистый свет, пробиваясь сквозь листья, отражался в сверкающей синеве, подобной синеве небосвода. Это не была синева гиацинта, мелькающая в лесной чаще, и не скромной фиалки, что растет по краям тропинки. В октябре не бывает ни тех, ни других. Это была более глубокая, ослепительная синева чудесных глаз Марион Уэд.

Солнечные лучи играли на ее белокурых косах, вспыхивая, сливались с золотом ее волос и приникали пламенным поцелуем к белоснежным щечкам, покрытым нежным румянцем, заметным даже в лесном сумраке.

Что она делает здесь, одна в лесу, без спутников, без провожатых? Охотится с соколом?

Казалось бы, так, если судить по птице, сидящей на ее затянутой в перчатку руке. Но уж сколько раз дичь соблазнительно мелькала перед ней, а голова сокола по-прежнему накрыта колпачком и путы крепко держат его за ноги.

Может быть, она сбилась с дороги? Заблудилась?

Не похоже. Вот тропинка. А вон там подальше – роскошный парк, обнесенный оградой, и вдоль нее – проезжая дорога. За оградой среди деревьев в глубине парка выступает величественное здание. Это знаменитая усадьба Бэлстрод; она существует со времен Альфреда Великого (Альфред Великий (849 – 900) король англосаксонского королевства Уэссекс в 871 – 900 годах. Вел упорную борьбу с датскими завоевателями; положил начало морскому флоту; покровительствовал просвещению.), и это родительский дом Марион. Значит, она не могла заблудиться.

Но почему же тогда она заставляет свою лошадь топтаться на одном месте? Проедет с десяток шагов и снова возвращается назад. Если даже Марион и не заблудилась в лесу, то во всяком случае мысли ее блуждают где-то очень далеко.

Ее как будто огорчает глубокая тишина этой лесной тропинки: она то и дело останавливается и нагибается в седле, словно прислушиваясь к каким-то звукам.

Можно подумать, что она ждет кого-то...

Но вот издалека доносится стук копыт. Всадник едет по лесу. Его еще не видно, но по стуку копыт, ударяющих по утоптанной земле, можно судить, что он едет по тропинке и что он приближается к Марион.

Невдалеке в лесу виднеется просека с зеленой лужайкой. Ее перерезает тропинка, которая ответвляется от проезжей дороги возле ворот бэлстродского парка и идет потом

дальше через холмы на северо-запад.

По этой-то тропинке и кружит Марион Уэд, то углубляясь на несколько шагов в сторону, то останавливаясь, но во всяком случае не удаляясь.

Вот она выехала на лужайку. На самой середине ее стоит громадный бук, широко раскинув свои могучие ветви, словно стараясь укрыть всю лужайку зеленым шатром. Тропинка бежит под его ветвями.

Под его густым сводом прекрасная всадница останавливает лошадь, словно желая защитить от палящих лучей полуденного солнца и сокола, и собаку, и коня.

Но нет! У нее другая цель. Она остановилась, чтобы подождать приближающегося всадника, и сейчас ни сокол, ни собака, ни лошадь не занимают ее мысли.

Она пристально вглядывается в ту сторону, откуда доносится стук копыт. Глаза ее горят радостным ожиданием.

И вот вскоре из-за поворота появляется всадник: крестьянин в грубой одежде на простой деревенской кляче!

Неужели это тот, кого ждала Марион Уэд?

Возглас досады срывается с ее надутых губок:

– Ах! Я могла бы по топоту копыт догадаться, что это не благородный конь, а деревенская кляча!

Поселянин, поравнявшись с ней, отвечает неловкий поклон.

На его поклон едва отвечают рассеянным и небрежным кивком. Он удивлен: ведь он знает эту юную леди – дочь сэра Мармадюка Уэда, любимицу всей деревни, всегда такую приветливую со всеми. Разве он мог догадаться, как он ее разочаровал!

Вот поселянин уже скрылся из виду, и мысли ее теперь далеко от него: не удаляющийся топот его лошади жадно ловит настроженный слух Марион, а частый звонкий стук подков, гулко подхватываемый лесным эхом. Теперь его уже слышно совсем явственно, и наконец на повороте тропинки появляется другой всадник.

Какой разительный контраст с только что проехавшим поселянином! Это всадник с благородной осанкой. На нем шляпа с перьями; он нетерпеливо шпорит своего прекрасного вороного коня, и тот мчится, закусив удила; пена хлопьями выступает на его взмыленной шее.

Достаточно взглянуть на этого скакуна, чтобы понять восклицание девушки о «благородном коне», а один беглый взгляд на всадника безошибочно подтверждает, что это и есть тот самый человек, которого ждет Марион Уэд.

Но она не достаивает его и беглым взглядом. Она даже не глядит в ту сторону, откуда он приближается. Она спокойно сидит в седле, сохраняя невозмутимое равнодушие. Но это напускное равнодушие. Сокол, вздрагивающий на ее руке, явно изобличает охватившую ее дрожь, а высоко вздымающаяся грудь выдает скрытое волнение.

Легким аллюром всадник выезжает на лужайку. Увидев девушку, он осаживает коня и заставляет его идти медленнее, словно желая выразить свои почтительные чувства.

Марион по-прежнему сохраняет все то же деланное равнодушие и ледяную невозмутимость, хотя все мысли ее устремлены к приближающемуся всаднику.

Послушаем, как она рассуждает сама с собой: это позволит нам заглянуть в ее мысли и представить себе характер взаимоотношений, существующих между прекрасной всадницей и благородным всадником, которых случай или умысел свел на этой уединенной тропинке.

«Если он заговорит со мной, – спрашивает себя девушка, – что я ему скажу? Что я могу сказать? Он, конечно, знает, что не случай привел меня сюда. Да ведь это уже который раз! Если бы я думала, что он знает правду, я умерла бы со стыда! Мне хочется, чтобы он заговорил, и в то же время я боюсь этого. Ах, мне нечего бояться! Он никогда сам не заговорит. Сколько раз он уже проезжал вот так мимо, не промолвив ни слова! Но разве его взгляды не говорят мне, что он жаждет этого! Ах, эти несносные правила высшего света, которые не позволяют незнакомым людям быть просто вежливыми друг с другом, не нарушая приличий! Я бы хотела, чтобы мы были простыми крестьянами, только пусть он

останется таким же красивым! Как ужасно быть связанными глупыми светскими правилами, в особенности если ты – женщина! Ведь я не смею заговорить первая: это унизило бы меня даже в его глазах. Неужели он проедет мимо, как и раньше? Неужели нет никакой возможности нарушить эту невыносимую сдержанность?»

Мысленные восклицания, последовавшие за этим, свидетельствовали о том, что прекрасная всадница обдумывает какой-то план, только что пришедший ей в голову.

«Да как же я решусь на это? И что сказал бы мой гордый отец, если бы он узнал? Даже моя добрая кузина Лора и та пристыдила бы меня. Совершенно незнакомый человек, ведь я знаю только его имя, – и это все. Может быть, даже он и не джентльмен! О нет, нет, нет! Этого не может быть! Если он не владеет поместьями, все равно он владеет моим бедным сердцем! Я не могу не обратиться к нему, если даже потом сгорю от стыда и раскаяния. Я это сделаю, сделаю!»

Эти слова показывали, что Марион на что-то решилась. Но на что же?

Ответ мы угадываем в ее поступке, мгновенно последовавшем за этими словами. Быстрым движением девушка сбросила сокола с руки на шею коня, и птица тотчас же судорожно вцепилась в белоснежную гриву. Затем, сняв с руки белую перчатку, Марион небрежно уронила ее на седло, позволив ей соскользнуть с колен по амазонке. Перчатка упала посреди тропинки.

Все это произошло в одно мгновение. Марион, как будто не заметив потери, натянула поводья лошади и, едва взмахнув хлыстом, выехала из-под буковых ветвей, повернув прочь от приближавшегося всадника.

Сначала она ехала медленно, по-видимому надеясь, что он ее догонит. Потом пустила лошадь рысью, все быстрее и быстрее, и наконец помчалась во весь опор, как будто, внезапно передумав, решила во что бы то ни стало избежать встречи. Ее толстые золотые косы, выбившись из-под гребня, взлетая, били по крупу лошади. Щеки ее пылали, глаза сверкали лихорадочным возбуждением, в них проскальзывало что-то похожее на стыд. Она стыдилась своего поступка, и раскаивалась в нем, и страшилась его последствий.

И вместе с тем ее нестерпимо тянуло оглянуться назад; но она не решалась.

И вот наконец на повороте тропинки ей представилась эта возможность. Поворачивая лошадь, она бросила взгляд на то место, где упала ее перчатка.

Зрелище, открывшееся ей, было отрадно для ее взора: всадник, нагнувшись с седла, только что поднял перчатку на острие своей блестящей шпаги!

Что всадник с ней сделал, Марион не пришлось увидеть. Лошадь ее свернула в чащу деревьев, которые скрыли всадника. Он, конечно, легко мог догнать ее на своем быстроногом коне, но, сколько ни прислушивалась, она не слышала позади себя стука подков.

Марион вовсе и не желала, чтобы он ее догнал. Достаточно с нее унижений на сегодня, хотя, правду сказать, она сама навлекла их на себя, по доброй воле. Она продолжала мчаться во весь опор до тех пор, пока не очутилась в ограде парка и не увидела перед собой стены родительского дома.

Глава 2

БЕТ ДЭНСИ

Если Марион Уэд охватило такое смятение чувств после того, как она нарочно уронила с руки столь красноречивый сувенир, то не меньшее смятение охватило и Генри Голтспера, когда он поднял его.

Если бы Марион задержалась еще на миг, она увидела бы, как всадник бережно снял перчатку с острия шпаги, пылко прижал ее к губам с ликующим видом, а затем прикрепил рядом с пером на тулье своей шляпы.

Она видела только, что ее вызов принят, и с радостным трепетом, смешанным с чувством стыда, тут же ускакала прочь.

А всадник, осчастливленный своей находкой, по-видимому, пришел в замешательство: он не знал, можно ему следовать за нею или нет. Внезапное исчезновение девушки, казалось, налагало на него запрет, и он, сдержав свой пыл, осадил коня и остался под тенью приютившего его бука.

Несколько минут он сидел в седле, погруженный в размышления. На лице его явно отражалась борьба чувств: радость и восторг сменялись мучительным сомнением, и даже что-то похожее на горечь и раскаяние не раз омрачало его черты. Мы скорее разберемся в этой смене выражений, если попробуем заглянуть в его мысли.

«Могу ли я быть уверен, что это предназначалось мне? Но как же можно сомневаться? Будь это только один раз, я мог бы объяснить все случайностью. Но ведь это уже не первая встреча в лесу, на той тропинке! Зачем же она каждый раз встречает меня здесь, если... А ее взгляд? Раз от разу все красноречивей и нежнее! О, как сладостно это внимание! Как не похоже на ту, другую любовь, что завершилась так грустно! Тогда меня отличали за мое положение, за блестящую будущность, за богатство. А когда все это исчезло, меня покинули!.. Если она любит меня, то ее чувство не может быть связано с такими расчетами! Она не знает меня, не знает даже моего имени! А то, что она могла слышать обо мне, ничего не говорит ей ни о моем происхождении, ни о моем состоянии. Если она любит меня, то только ради меня самого. Какое блаженство поверить этому!»

Глаза всадника сверкнули торжеством, и он гордо выпрямился в седле.

Но тут же мысли его приняли другой оборот, и вся радость мигом погасла.

«Но ведь когда-нибудь она узнает? Должна узнать! Ведь я сам должен открыть ей эту страшную тайну. О, сладостная мимолетная мечта, что останется от нее? Сразу наступит конец всему, и любовь ее обратится в ненависть, в презрение! О Боже! Подумать только - такой конец! Знать, что ты завоевал ее любовь и никогда не сможешь вкушать плодов победы!»

Черты всадника омрачились глубокой скорбью.

«Зачем я только поддался этому увлечению, позволил ему зайти так далеко и жажду его продлить? Что можно на это ответить? Только одно: а кто бы устоял? Кто может устоять? Такова уж природа человека: как можно взирать на такое прелестное существо и не жаждать, чтобы оно стало твоим! Видит Бог, я старался побороть эту несчастную страсть, заглушить ее, вырвать из своего сердца. Я пытался избегать встречи с той, которая мне ее внушала. Может быть, это и удалось бы мне, если бы она... Увы! У меня больше нет сил сопротивляться. Нет сил, а теперь нет уже и желания. Меня неудержимо влечет к ней, я не могу устоять, – как мотылек, который летит на свет, хотя его ждет верная гибель».

И тут на лице его отразилось горькое раскаяние. Чем оно было вызвано? По-видимому, это была какая-то тайна, в которой он не смел признаться даже себе самому.

«А что, если все это просто случайность? – воскликнул он, снова охваченный сомнением. – Все, все, что сделало меня таким счастливым и вместе таким несчастным? Эти взоры, что дарили мне такое блаженство и в то же время пробуждали во мне угрызения совести, когда я невольно отвечал на них пламенным взглядом – быть может, читая в них больше того, что было? Если она хотела, чтобы я поднял перчатку и возвратил ей, почему она не подождала, чтобы взять ее из моих рук? Может быть, я не так понял ее? Неужели я просто жертва собственной фантазии и тешу себя призрачной надеждой, вызванной чрезмерным тщеславием?»

Раскаяние на его лице сменилось глубокой грустью. Сейчас всадник, по-видимому, не огорчался тем, что его так любят, – наоборот, он горевал, что его совсем не любят, и это было гораздо более горькое чувство.

«Нет! Я не мог ошибиться. Я видел – перчатка была у нее на руке и на ней сидел сокол. И я сам видел, как она вдруг сбросила птицу на шею лошади и стянула перчатку, и в тот же миг перчатка выскользнула из ее рук! Конечно, она сделала это умышленно!»

Он поднял руку к шляпе, снял перчатку и снова прижал ее к губам.

– О, если бы она сейчас была на ее ручке! – с жаром воскликнул он, увлекаясь сладкой

мечтой. – Если бы я мог прижать к губам ее пальчики вот так же, – и чтобы они не сопротивлялись, – ах, я мог бы тогда поверить, что есть еще счастье на земле!

Шаги, донесшиеся до его слуха, прервали эту восторженную речь. Шаги были легкие, свидетельствующие о приближении женщины; вернее, она уже была тут, так как, обернувшись, он увидел, что она стоит рядом с его лошадью.

Он увидел хорошенькое личико; быть может, даже он нашел бы его красивым, если бы перед его взором не стояло сейчас другое лицо, всецело поглотившее его мысли. Эта незаметно подошедшая молоденькая девушка была достойна внимания, несмотря на свое скромное крестьянское платье.

И лицо ее и фигура невольно привлекали взгляд, она нигде не прошла бы незамеченной. И этим она была обязана не своему наряду или каким-нибудь искусным ухищрениям, а исключительно природе, которая проявила к ней необыкновенную щедрость.

В этой юной девушке, рослой и статной, с округлыми формами, ловкими, крепкими руками и быстрыми движениями, чувствовалась гордая, пламенная натура с сильными страстями.

Ее глаза, если бы они не были так черны, можно было бы сравнить с глазами орлицы; роскошный хвост коня Генри Голтспера вряд ли мог поспорить длиной с ее великолепными черными волосами, блестящими и мягкими, а ее зубки превосходили своей белизной меловые отроги ее родимых гор – Чилтернских холмов.

Одеть ее в шелка, атлас и бархат – она выглядела бы настоящей королевой. Украсить ее жемчугами и драгоценностями – любая придворная дама позавидовала бы такой красоте. Даже в простом домотканом деревенском платье она была прекрасна, и ее лицо под пышной короной черных как смоль волос, украшенных полевыми цветами, могло бы внушить зависть принцессе.

Взгляд, устремленный на нее всадником, не выразил ни удивления, ни восхищения. По этому спокойному взгляду, сопровождавшемуся коротким кивком, можно было заключить, что он узнал ее.

Взгляд девушки был далеко не столь равнодушен. Всякий, глядя со стороны, мог бы заметить, что она любит этого человека.

Всадник не обратил внимания на ее восхищенный взгляд, а может быть, даже и вовсе не заметил его. Все внимание его было поглощено письмом, которое она держала в протянутой руке. Письмо было адресовано ему.

– Спасибо! – сказал он, вскрывая печать. – Твой отец, должно быть, привез его из Эксбриджа, не так ли?

– Да, сэр. Он тут же послал меня к вам и велел спросить, будет ли ответ. Вас не было дома, вот я и принесла его сюда. Правильно я сделала, сэр?

– Конечно! Но как ты узнала, где меня найти? Ведь мой немой слуга Ориоли не мог тебе этого сказать.

– Он показал мне знаками, сэр, что вы поехали по этой дороге. Я и подумала, что встречу вас здесь; отец сказал, что для вас, может быть, важно получить письмо как можно скорее.

Щеки девушки густо зарделись, когда она объясняла все это. Ведь отец вовсе не посылал ее сюда. Он велел ей оставить письмо в Каменной Балке, где жил Генри Голтспер. Всадник, поглощенный письмом, не заметил ни ее румянца, ни смущения.

– Это очень мило с твоей стороны, – сказал он, с признательностью, взглядывая на девушку, после того как прочел письмо. – Твой отец угадал правильно. Для меня было очень важно получить это письмо вовремя. Можешь сказать ему, что ответа не будет. Я должен дать ответ лично и немедленно. Но скажи мне, Бетси, чем я могу вознаградить тебя за эту услугу? Может быть, подарить тебе ленту для твоих прекрасных черных волос? Только какого цвета? Мне кажется, голубая – вот как эти цветы – не очень идет тебе. Может быть, лучше красную?

Как ни старался он быть любезным, его слова явно не понравились девушке. Видно, это

были не те, которые ей хотелось бы услышать.

– Благодарю вас, сэр, – ответила она, и в ее голосе слышалась обида или, может быть, какое-то другое, внезапно вспыхнувшее чувство. – Красивая лента вряд ли подойдет к моим жестким волосам. Хороши для них и эти цветы!

– Полно, Бетси! Ты клеветешь на свои прекрасные косы. Правда, их от этого не убудет; но ведь ты сама знаешь, что они не жесткие и не грубые. Ну уж, если ты отказываешься от ленты, ты должна принять от меня деньги. Я никак не могу допустить, чтобы такая важная услуга осталась без награды. Вот возьми себе золотой и купи на него сама что тебе хочется – шарф, платье, перчатки словом, что-нибудь по своему вкусу.

Однако, к немалому удивлению всадника, его щедрость была отвергнута и на этот раз без всякого гнева, но с таким явным огорчением, что, если бы он хоть сколько-нибудь подозревал о том, что за ним скрывается, он не мог бы его не заметить.

– Ну хорошо, – сказал он, пряча монету в кошелек. – Право, жаль, что ты не позволяешь мне отплатить за твою услугу. Но, может быть, мне еще представится случай? А теперь пора в путь. Письмо, которое ты мне передала, не позволяет мне медлить ни минуты. Премного тебе благодарен, Бетси, счастливо оставаться!

Конь, почувствовав шпоры, вылетел стрелой на тропинку, и всадник помчался к дороге на Эксбридж и скрылся за поворотом, исчезнув из глаз черноокой девушки, которая до самой последней минуты провожала его взглядом, полным страсти и разочарования.

Глава 3

РЕВНИВЫЙ ПОКЛОННИК

Девушка несколько минут прислушивалась к удаляющемуся звонкому стуку подков, затихавшему вдали. Потом, опустив глаза, застыла на месте, скрытая густой листвой; ее смуглое лицо омрачилось; казалось, на него легла глубокая тень.

Некоторое время она стояла задумавшись.

– Я взяла бы от него ленту, если бы он мне ее подарил, – прошептала она. – Но ведь это был не подарок. Нет! Он просто хотел мне заплатить и даже совал мне деньги – вот что самое обидное! Ах, если бы он предложил мне прядь своих волос! Это было бы для меня дороже всякого золота, всех золотых монет в его кошельке, всех шелков в эксбриджских лавках! Он сказал, что у меня прекрасные волосы, два раза сказал! Мне самой они вовсе не кажутся красивыми, хотя я часто слышала это от других. Мне хотелось бы, чтобы они были не черные, а золотистые, как у мисс Марион Уэд. Вот тогда они были бы красивые! Он сказал, что голубое мне не к лицу. Долой противный цвет! Никогда больше Бет Дэнси не воткнет себе в волосы голубых цветов!

С этими словами она выдернула из косы букетик барвинков, приколотый гребнем, и бросила его себе под ноги.

«Мне подарил их Уилл. Он только что нарвал их, всего какой-нибудь час назад. Что, если бы он их теперь увидел! Ах, не все ли мне равно! Стоит ли об этом думать? Разве я когда-нибудь поощряла его? Никогда! И цветы эти приколоты не затем, чтобы понравиться ему, а потому, что мне хотелось украсить себя для того, кого я люблю. Если бы я знала, что ему не нравится голубой цвет, так ведь в старом саду Каменной Балки масса красных цветов. Я могла бы сорвать несколько красных цветочков, когда шла по саду. Какая жалость, что я не знала, какой цвет ему больше по вкусу!»

– Ах, что это? – воскликнула она, выйдя на тропинку и наклонившись над тем местом, где упали цветы; на земле виднелись свежие следы. – Это не его лошадь. Маленькая подкова... Я знаю ее – это лошадь мисс Марион Уэд!

С минуту она стояла нагнувшись и молча разглядывала следы. Она видела, что это свежие следы; кто-то проезжал здесь сегодня... может быть, с час назад.

Отец ее служил лесничим, но тайком был не прочь поохотиться за ланями. Бетси родилась в лесу, выросла под тенью его деревьев. Она хорошо разбиралась в лесных следах,

и то, что она прочитала сейчас по этим свежим следам, смутило и взволновало ее.

– Мисс Марион Уэд была здесь! – воскликнула она. – Последнее время я часто видела в лесу эти следы, а два раза встретила и ее самоё. Что может ее привлекать на этой глухой тропинке? Зачем она была здесь сегодня утром? Не затем ли, чтобы встретиться с ним?

Она не успела ответить себе на этот вопрос. Едва только у нее вырвалось это восклицание, как невдалеке послышался конский топот: кто-то скакал по дороге.

Может быть, это всадник возвращался обратно?

Нет. Это был простой деревенский парень верхом на своей лошаденке, тот самый, что проезжал здесь час назад и доставил такое разочарование красавице Марион Уэд.

Это был лесоруб Уилл Уэлфорд.

– А, Бет! Это ты? – закричал он, подъехав ближе. – Ведь я только что видел тебя дома, в твоей избушке! Что это тебе понадобилось здесь?

– А отец тут же вернулся, только ты уехал. Он, верно, шел лесом, и вы разминулись.

– Похоже, так оно и было, – отвечал парень, явно подозревая какое-то увиливание. – Да только ты не ответила на мой вопрос. Я спрашиваю тебя: как ты попала сюда, на эту дорогу?

– Я... Ах, ты про меня спрашиваешь, Уилл?

– Ну да. А про кого же еще, как не про тебя, Бет?

– Отец привез из Эксбриджа письмо для мастера Голтспера. Он очень устал с дороги, а так как ты угнал его лошадь, он и послал меня в Каменную Балку.

– В Каменную Балку! Да разве эта дорога ведет в Каменную Балку? До нее отсюда по меньшей мере полмили.

– А я сначала пошла туда. Мастера Голтспера не было дома, а его немой слуга показал мне знаками, что он поехал в эту сторону и скоро вернется. Вот я и пошла ему навстречу. Отец сказал, что письмо очень важное, и велел тут же передать в руки мастеру Голтсперу.

– Так ты его видела, Голтспера?

– Видела, Уилл. Я его встретила под старым буком.

– Ну, и что же ты сделала?

– Отдала письмо. Что же я еще могла сделать?

– То-то же! Кто тебя знает, Бет Дэнси... Очень уж ты любишь бегать по чужим делам, а в особенности для мастера Голтспера! Что, разве я не правду говорю?

– Я бегала по поручению отца. Как же я могла не передать письма, раз он меня за этим послал...

– Ну ладно, ладно! – перебил ее ворчливый поклонник, по-видимому удовлетворенный этим объяснением, которое несколько успокоило его ревнивые подозрения. – А ну-ка, полезай, садись сзади! Подушки-то у меня, правда, нет, да это тебе нипочем. Ведь это ваш мерин, Бет, он тебя знает и как только почувствует хозяйку на своем крупе, так обрадуется, что станет мягче перины! А где же мои цветы, которые я нарвал тебе, чтобы ты воткнула в косы?... Гляди-ка, вон они валяются на земле!

– Да, правда! – промолвила Бет с притворным удивлением. – Должно быть, они упали, когда я поправляла волосы. Отец так торопил меня, что я кое-как наспех заколола их гребнем. Ох, уж эти мои волосы! Просто мученье! Такие густые, что никак не причешешь. Уж я думаю, не остричься ли мне... Ведь вот пуритане (Пуритане (от латинского *rigus* – чистый) – английская религиозная секта, сыгравшая большую роль в английской буржуазной революции XVII века. Пуритане отличались суровостью и простотою нравов, они осуждали роскошь, легкомыслие и суетные развлечения знати. Правительство подвергало пуритан суровым преследованиям. Умеренная часть пуритан называлась пресвитерианами, более радикальная – индепендентами.)... Сколько их у нас развелось – все ходят с короткими волосами. А? Как ты думаешь?

– Нет, черт возьми, не смей этого делать! Остричь такие красивые волосы! Да ты только себя изуродуешь! А цветы что жалеть! Нарвем еще – вон сколько их повсюду растет! А ну-ка, влезай поживей! Мне недосуг – надо скорей повидать твоего отца. Прыгай, и едем домой!

Девушка не очень охотно подчинилась этому требованию, или, вернее, приказу, и, взобравшись на круп лошади, обхватила за пояс своего дружка так, по крайней мере, называл себя влюбленный Уилл, внушавший Бетси скорее страх, чем какие-то иные чувства.

Глава 4

КУЗИНЫ

Очутившись за оградой парка, Марион Уэд осадила лошадь и шагом подъехала к родительскому дому.

Пунцовая краска на ее щеках сменилась бледностью. Даже губы ее побледнели.

Она робко оглядывалась по сторонам, и в глазах ее мелькало какое-то виноватое выражение, как если бы она совершила преступление и боялась, что его откроют. Но кому пришла бы в голову мысль о преступлении при взгляде на это прелестное личико!

Она непринужденно сидела в седле, и ее статная фигура мягко покачивалась на спине иноходца, медленно поднимавшегося в гору по аллее парка.

Сокол сидел у нее на запястье, но перчатка уже не защищала руки, и острые когти, вцепившиеся в нежную кожу, разодрали ее в кровь. Тонкая струйка крови текла по атласной кисти и капала с кончиков пальцев.

Она не чувствовала раны и не замечала крови. Душевные переживания притупили ее чувствительность. Всецело поглощенная своим неосторожным поступком, уже почти раскаиваясь в нем, она не замечала ничего, пока лошадь не остановилась под окнами дома.

Отдав повод конюху, она легко спрыгнула на землю и тихонько направилась к боковому входу, надеясь войти незаметно.

У себя в комнате она могла без стеснения дать волю чувствам, бушевавшим в ее груди.

Но ее надежды не оправдались. Не успела она переступить порог, как чей-то звонкий голос окликнул ее с террасы, в ту же минуту хорошенькая девушка, почти такая же прелестная, как и она сама, выбежала ей навстречу и пошла с нею рядом.

Это была Лора, Лора Лавлейс, ее кузина, о которой она вспоминала в лесу.

– Дай мне моего любимца! – воскликнула Лора, повернувшись к ней и снимая сокола с ее руки. – О Марион! – вскричала она, отшатнувшись при виде крови. – Что это такое? Ты ранена?

– Да, правда! Я и не заметила. Наверно, сокол оцарапал меня когтями. Вот злючка! Надо подрезать ему коготки. Да ты не беспокойся, это пустяки.

– А где же твоя перчатка, Марион? Если бы она была у тебя на руке, он бы тебя так не исцарапал.

– Ах, верно, перчатка! Где же она? Дай-ка я ее поищу.

Марион осмотрела свое платье, встряхнула шляпу – словом, перебрала все, за что могла зацепиться перчатка, и ничего не нашла.

– Должно быть, я обронила ее, – сказала она, прикидываясь удивленной. – А может быть, она зацепилась за что-нибудь в седле? А если нет, значит, я потеряла ее дорогой. Ну, ничего! Куплю себе новую пару, вот и все.

– Милая кузина, – сказала Лора умоляющим тоном, – мне делается так страшно, когда я вижу кровь! Я очень беспокоюсь, когда ты уезжаешь одна так далеко на соколиную охоту! Ты должна брать с собой кого-нибудь, Марион. Или не выезжать за ограду парка. Я уверена, что за оградой тебе грозит опасность!

– "Грозит опасность"! Ха-ха! Может быть, ты и права, милая Лора. Может быть, это-то и манит меня за ограду парка. Когда я отправляюсь на охоту с собаками или с соколом, мне тесно в этой ограде, я чувствую себя, как в клетке. То ли дело охотиться на просторе, глубоко в лесной чаще!

– Но ты только подумай, Марион! Ты ведь слышала все эти рассказы о разбойниках? Это они напали на одну знатную даму и остановили ее карету на Красном Холме. Дядя говорит, что это правда и что они с каждым днем становятся все отчаяннее, потому что у нас

плохие порядки. Ах, кухня, послушайся моего совета, не ездь больше одна!

– Хороший совет, дочка, хотя ты слышишь его от младшей сестры! И я надеюсь, что ты последуешь ему и не заставишь меня подкрепить его приказанием.

Высокий пожилой джентльмен со строгим благородным лицом, который так неожиданно вмешался в их разговор, был не кто иной, как сэр Мармадюк Уэд, отец Марион и дядя Лоры.

– Твоя кухня говорит правду, – продолжал он, – и хорошо, что мне об этом напомнили. Дороги сейчас небезопасны. А уж если сказать правду, даже у себя в доме небезопасно, потому что по всей нашей нищей, несчастной стране идет разбой – и при дворе короля, и на королевских дорогах. Поэтому прошу вас, дети, не выходите за пределы парка: за оградой небезопасно даже и с провожатыми.

– Правда, – подтвердила Лора. – Ведь у той леди, которую ограбили, было несколько слуг. Кажется, вы так говорили, дядя?

– Да, ее карету сопровождало шесть человек. Подумайте, какая надежная охрана! И все до одного разбежались. Так и следовало ожидать! Откуда же им быть честными и верными при таких негодных правителях! Скоро у нас в стране исчезнет всякое представление о чести. У скверного хозяина и слуги становятся скверными. Ну ничего, детки! Будем надеяться на лучшие времена. А для того, чтобы воскресить дух доброй старой Англии, я хочу устроить для вас праздник и пригласить всех наших друзей и соседей.

– А что же это будет такое? – спросила Лора, которую перспектива праздника обрадовала, по-видимому, гораздо больше, чем ее молчаливую кухню.

– Это будет сельский праздник.

– Где? Здесь? В нашем парке?

– Ну конечно, у нас в парке.

– А кого же вы пригласите, дорогой дядя?

– Всех окрестных соседей на десять миль вокруг, а то и дальше, если захотят приехать. Я не пожалею пары лишних быков ради такого дня.

– Но какой же день, дядя? Ведь это не Рождество, не Троицын день и даже не Майский праздник!

– А разве ты ничего не можешь припомнить, кроме праздников? Ну, а если это день рождения?

– Ах, правда! Ведь на той неделе день рождения Уолтера! Но, папа, разве он приедет домой?

– Вот именно. Он должен приехать как раз накануне своего дня рождения. Бедный мальчик! Долго он пробыл вдали от нас, но, я надеюсь, все же не так долго, чтобы его успели испортить в этой опасной школе. Так вот, мы устроим ему встречу по старому обычаю, достойную Бэкингемшира. А вам, девочки, придется поработать и принять на себя заботы по приготовлению к приему гостей.

С этими словами сэр Мармадюк повернулся и пошел к себе, оставив племянницу и дочку обсуждать эту приятную перспективу.

После его ухода кухни стояли молча, каждая погруженная в свои мысли.

«Ах, какой это будет счастливый день! Ведь Уолтер уже будет здесь!» радовалась про себя Лора.

А Марион шептала, замирая:

«Ах, какой это был бы счастливый день, если бы Голтспер был здесь!»

Глава 5

УОЛТЕР УЭД

В воздухе еще чувствовалась осень, но это была уже поздняя осень, и буковые леса давно оделись в багряно-желтый наряд. Кукушка уже не куковала в роще, а ласточки собирались стаями на деревенской колокольне; дикие голуби попрятались в долинах;

перепела сновали там и сям. Фазаны со своими выводками выходили из чащи, куропатки водили птенцов по сжатому полю, а зяблики, воробьи и коноплянки собирались каждый своей семьей в летучие отряды, готовясь к холодным, ненастным дням, когда они будут так нуждаться друг в дружке, чтобы сохранить бодрость.

Надо отдать должное этому прекрасному краю: он прекрасен и ранней весной, и жарким летом, и еще прелестнее в октябре. Куда бы вы ни поехали, вы нигде не найдете таких чудесных буковых лесов, а цветущие долины, окаймленные мягкими холмами, недаром славятся своей красотой. Здесь нет скалистых гор, редко попадаются озера, но всюду перед вами и вокруг вас простираются отлогие склоны волнистых холмов, романтические долины; взор путешественника беспрестанно пленяют всё новые лесные красоты, и он, восхищенный, останавливается и долго не сводит с них глаз.

Так думал юный всадник, покидая окраины города Эксбриджа и въезжая на своем рослом коне на старый мост, перекинутый через реку Колн.

Солнце уже садилось за Чилтернскими холмами; их лесистые склоны, пронизанные золотым сиянием, сбегали в долину, словно встречая и приветствуя его.

Чудесный пейзаж расстился перед глазами всадника. Из-за гребня Красного Холма лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь заросли буков, окрашивали их блеклую желтизну в червонное золото. Там и сям дикая вишня выделялась яркой листвой, светло-зеленый дуб, черно-зеленый падуб пятнами выступали на склоне, а на другой стороне, глубоко между холмами, долины Элдерберна и Челфонта постепенно окутывались сумраком в угасающем пурпуре заката.

Справа и слева глубокие излучины Колна прорезали изумрудную зелень лугов, и его широкая гладкая поверхность отражала сапфировое небо; стада упитанных коров бродили в густой траве или стояли неподвижно в воде, словно их поставили туда для завершения картины, изображающей спокойствие и довольство.

Поистине это была картина, достойная кисти Ватто (Ватто Антуан (1684 1721) – знаменитый французский художник.) или Кейпа (Кейп – семья голландских художников XVII века, из которых наиболее известен Альберт Кейп (1620 – 1691) – портретист и пейзажист.) и словно созданная для того, чтобы вселить спокойствие и мир даже в сердце чужеземца. Так, вероятно, думал Уолтер Уэд, который после долгой разлуки с родным краем любовался теперь его лесистыми холмами и долинами и узнавал знакомые места, где протекало его детство.

Его охватило неизъяснимое чувство радости. Поднявшись на высокий настил старого моста, откуда Чилтернские холмы предстали перед ним во всей своей красе, он задержал лошадь посреди дороги, и из груди его невольно вырвался восторженный возглас.

– Милые Чилтернские холмы! – воскликнул он. – Вы – словно друзья, простирающие ко мне объятия! Какими светлыми и чистыми кажетесь вы после дымного Лондона! Как жаль, что я не выехал на час раньше – я мог бы тогда полюбоваться чудесным закатом с вершины Красного Холма! Ну, не беда! К тому времени, как я поднимусь на перевал, выйдет месяц, и это не менее чудесно! Солнечный или лунный свет – все равно, только бы мне проскакать на коне по нашим буковым лесам.

«Право, я не понимаю, – продолжал он рассуждать про себя, – как это можно любить городскую жизнь? Вот у меня ведь, кажется, были все возможности жить в свое удовольствие. Королева была так добра ко мне, просто удивительно добра! Она дважды поцеловала меня. И король тоже был доволен моей службой. Только когда я пришел проститься, он ужасно рассердился на меня. А за что не знаю. Я ничего такого не сделал, чтобы его прогневать... Интересно, зачем меня вызвали домой? Отец ничего не пишет об этом в письме. Но, наверно, скажет, когда я приеду. Все равно я так рад вернуться в милый старый Бэлстрод! Надеюсь, что этот неисправимый браконьер Дик Дэнси не перестрелял всех наших оленей. Я мечтаю поохотиться зимой, устроить хорошую облаву!.. Сколько же это будет? Три года... нет, три года исполнится на Рождество, как я поступил на королевскую службу при дворе. Я не удивлюсь, если кузина Лора стала за это время совсем взрослой

девушкой. И сестра Марион тоже? Да, Марион и тогда уже была совсем большая. Лора никогда не будет такой рослой, как она. Нет, у нее совсем другое сложение. Лора из тех, кого королева называет „petite“ (Petite (франц.) – маленькая.). Но как бы то ни было, все-таки она уже взрослая женщина. Ей столько же лет, сколько и мне, а уж про себя-то я, кажется, могу сказать, что я мужчина. Ой-ой, как время-то летит!»

И, как будто он вдруг понял, что надо поскорей наверстать время, юный всадник ударил хлыстом коня и помчался во весь опор.

Но хотя Уолтер Уэд и назвал себя мужчиной – правда, не так уж уверенно, это не совсем соответствовало действительности, и его заблуждение следует приписать вполне простительной слабости, свойственной очень молодым людям, которым почему-то не терпится скорее возмужать.

Это был юноша девятнадцати лет, правда достаточно рослый для своего возраста, так что с этой точки зрения он вполне мог сойти за мужчину. Маленькие усики уже пробивались на его верхней губе. Они были светлые, как и волосы, не рыжеватого, а скорее соломенного оттенка – иначе говоря, того истинно саксонского «желтого» цвета, который так часто сочетается с голубыми глазами и пленяет нас в женщинах, ибо сочетание это дает совершеннейшие образцы женской красоты.

Это признавали и греки – высшие ценители прекрасного, хотя сами они темноволосый народ и, следовательно, этим признанием отвергали превосходство собственной расы.

Морской пене кипрская богиня уподоблялась белизной своей кожи, лазурному небу – цветом глаз, золотистому солнцу – золотом своих волос. Темноволосая Венера у древних не пользовалась большим успехом.

Но удивительно, что голубые глаза не пленяются голубыми очами и белокурые косы не жаждут переплестись со светлыми кудрями. Может быть, противоположные натуры инстинктивно стремятся к сближению... может быть, это вложено в них природой, и этим-то объясняется пристрастие темноволосых греков к белокожей Цитере.

Бывают также светловолосые юноши, которые радуют и мужской взор и пленяют женщин. Таким был Уолтер Уэд. У него были вьющиеся волосы, высокий открытый лоб, орлиный нос, подчеркивающий его благородное происхождение, резко выступающий подбородок и тонкие губы с характерным выражением презрения ко всему низкому.

Вряд ли его лицо можно было назвать красивым. Для мужчины оно было, пожалуй, слишком женственным. Но человек, хорошо разбирающийся в физиогномике саксов, глядя на такое лицо и зная, что у обладателя его есть сестра, мог бы с уверенностью сказать, что уж она-то бесспорно отличается несравненной красотой.

Достаточно было взглянуть на этого юного всадника, чтобы сразу сказать, что это отпрыск благородного рода.

Прекрасная лошадь, дорогое седло, великолепная одежда, тонкие черты лица, гордая осанка – все это изобличало богатство и знатность.

И действительно, это был сын владельца Бэлстродского замка, сэра Мармадюка Уэда, чье родословное дерево уходило своими корнями в глубь времен, предшествующих завоеванию Англии; его саксонские предки, вместе с Бэлстродами, Гемпденами и Пеннами, так доблестно и упорно защищали от норманнских захватчиков свои буковые леса и обширные поля, что великий завоеватель в конце концов рад был примириться с ними и оставил им навсегда их владения. Это был род, который издавна недолюбливал королей. Сэр Мармадюк Уэд принадлежал к числу тех родовых дворян, которые заставили жестокого тирана, короля Иоанна, подписать «Великую хартию вольностей» («Великая хартия вольностей» была подписана 15 июня 1215 года английским королем Иоанном Безземельным (царствовал в 1190 – 1216 гг.). Она ограничивала права короля в пользу крупных феодалов и рыцарей; в частности, обязывала его не налагать ареста на имущество свободных английских граждан без приговора суда. Деятели английской буржуазной революции XVII века использовали «Великую хартию вольностей» в своей борьбе с абсолютизмом.), и не раз представители этого рода выступали борцами за свободу и

сражались в первых рядах.

Может показаться удивительным, что юный Уолтер оказался на придворной службе. Но это легко объяснить. У него была честлюбивая мать, состоявшая в родстве с королевой, дядя занимал высокий пост при дворе, – и это было причиной того, что сын сэра Мармадюка Уэда оказался пажом при королеве.

Но влияние матери окончилось – ее уже не было в живых. А ее брат, дядя Уолтера, не мог противостоять сэру Мармадюку Уэду и помешать ему отозвать сына от двора, распушенность коего стала притчей во языцех. Сэр Мармадюк Уэд был любящим отцом и справедливо опасался развращающего влияния придворной жизни на своего сына.

Вот почему юноша возвращался в свой отчий дом и почему король высказал неудовольствие, расставаясь с ним. Это был дерзкий поступок со стороны вассала, и потребовалось все влияние его высокопоставленного шурина, чтобы отвести от него мечь Карла, самого презренного из тиранов.

Но не об этом думал Уолтер, продолжая свой путь. Мысли его были поглощены много более приятным предметом: он думал о своей кухне Лоре.

Юношеские мечты о любви – разве это не самое сладкое в жизни, хотя, может быть, и самое мимолетное!

Но любовь Уолтера отнюдь не была мимолетной. Она зародилась в шестнадцать лет, а с тех пор прошло уже три года. Она выдержала испытание долгой разлуки, да еще при таких обстоятельствах, которые мало благоприятствуют прочности юношеской привязанности. Среди улыбающихся фрейлин и придворных дам сердце Уолтера мужественно устояло перед чарами не одной прелестницы; не забудем при этом, что двор в то время славился своими красавицами.

Робкий поцелуй, подаренный ему кухиной в уединении лесной чащи, где они бродили, собирая цветы, нежное пожатие маленькой ручки, сладостные слова «дорогой Уолтер», слетевшие с хорошеньких губок Лоры, – все это он вспоминал сейчас так живо, как если бы это было только вчера.

А она? Вспоминает ли она об этом с таким же волнением? Вот мысль, которая не давала покоя Уолтеру с того самого момента, как он покинул Уайтхоллский дворец.

За два года своего отсутствия он иногда получал вести о том, что происходит в Бэлстродде. Хотя письма в те дни писали редко и по большей части только тогда, когда требовалось сообщить что-нибудь важное, Уолтер все же поддерживал переписку с Марион и обменивался с нею посланиями раз в месяц. Лоре он не осмеливался писать, не решался писать даже о ней. Он знал: все, что он пишет сестре, будет сообщено его маленькой возлюбленной, и он боялся, как бы его не сочли слишком назойливым. Каждое слово в письме, касающееся кухни, он тщательно взвешивал и обдумывал, стараясь предугадать, какое впечатление оно произведет, – в этой любовной стратегии юная любовь пускается на хитрости и не уступает более зрелому чувству. Случалось, что юный паж даже прикидывался равнодушным к своей кухне, и между ними не раз грозила возникнуть ссора или, по крайней мере, некоторое охлаждение. Это бывало главным образом в тех случаях, когда его сестра, не подозревая, какие страдания она причиняет брату, расписывала ему красоту Лоры, рассказывала о том, какое смятение она вносит в сердца бэкингемширских кавалеров.

Быть может, если бы Марион относилась к себе, это больше соответствовало бы действительности, потому что, как ни прелестна и очаровательна была кухня Уолтера, его сестра бесспорно считалась первой красавицей графства.

Глава 6

«ЗА КОРОЛЯ!»

Уолтер проехал уже примерно с полмили после моста через Колн, и все это время мысли юного пажа были всецело поглощены кухиной. Он вспоминал ту прогулку в лесу, поцелуй на лужайке среди цветов, который был для него свидетельством ее любви. И,

вспоминая это, он не позволял себе усомниться в верности Лоры.

Но вот неожиданно его приятные мечты нарушила грубая действительность.

Он поравнялся с постоянным двором, и зрелище, представившееся его глазам, сразу вывело его из этой сладкой мечтательности.

Возле постоянного двора, под открытым небом, расположился отряд конников. По их вооружению и одежде Уолтер узнал кирасиров королевского войска.

Их было человек пятьдесят; по тому, как они суетились, по их взмыленным лошадям, еще не успевшим остыть после долгого перехода, видно было, что они только что пришли на стоянку.

Одни распрягали лошадей, другие задавали им корм, а те, что уже успели покончить с этим делом, расселись под большим старым вязом и шумно угощались едой, добытой на постоялом дворе.

Юному всаднику достаточно было только взглянуть на этих буянов, чтобы сразу понять, что они собой представляли: это был отряд войск, отозванных с севера, которые король только что тайно перебросил на юг.

Эти войска первоначально набирались в Нидерландах, и среди них было немало чужеземцев. В сущности говоря, англичане составляли меньшинство; много было представителей галльского типа и еще больше наймитов-валлонцев, пользовавшихся широкой славой и игравших существенную роль в войнах того времени.

В оглушительном шуме голосов юный всадник различал и французскую, и фламандскую, и родную речь, а проклятия и ругательства, раздававшиеся на всех трех языках, позволили ему безошибочно определить, что это не что иное, как жалкие остатки тех войск, которые «так страшно чертыхались во Фландрии».

Толпа окрестных жителей собралась вокруг постоянного двора; они стояли, разинув рты, и с невыразимым удивлением следили за каждым жестом и ловили каждый возглас необыкновенных, закованных в латы всадников, свалившихся на них как снег на голову.

Для Уолтера зрелище не представляло ничего удивительного. Все это он не раз видел в Лондоне, а за последнее время даже довольно часто. В сущности говоря, он даже предвидел эту встречу – прежде всего потому, что, проезжая через Эксбридж, слышал, что впереди прошел отряд конников, затем потому, что он видел следы, оставленные ими на пыльной дороге.

Он не знал, для чего они направляются в Бэкингемшир, но это уж было не его дело, а дело короля. По всей вероятности, путь их лежит в Оксфорд или в какой-нибудь гарнизон на западе, и они, встретив на пути постоянный двор, решили расположиться на ночлег.

Все это юный всадник успел заметить мимоходом и уже совсем было проехал мимо, не обращая внимания на грубые шутки солдат, сидевших под деревом, когда чей-то голос, раздавшийся из дверей харчевни, резко отличавшийся от других голосов, приказал ему остановиться.

И тотчас же на крыльце харчевни показались два офицера; один из них, сделав несколько шагов, громко повторил приказание.

То ли от удивления и неожиданности, то ли оттого, что Уолтер подумал, не исходит ли это приказание от какого-нибудь старого знакомого при дворе, он придержал лошадь и остановился.

Нетрудно было догадаться, что два эти офицера, так настойчиво требовавшие, чтобы он остановился, представляли собой начальство и командовали отрядом.

Шелковые камзолы, видневшиеся из-под стальной кирасы, нарядные сапоги испанской кожи с золотыми шпорами и с гофрированной обшивкой наверху, белые страусовые перья, развевающиеся над шлемами, роскошные рукоятки мечей в богато украшенных ножнах – все это свидетельствовало об их высоком звании и чине. Это подтверждалось также их повелительным тоном и тем, как они держали себя в присутствии солдат.

Солдаты при виде их тотчас же прекратили свои шутки, и, хотя кружки с пивом не перестали опрокидываться в глотку, это проделывалось теперь в сдержанном и

почтительном молчании.

Оба офицера были в шлемах, но забрала были подняты, и Уолтер мог ясно разглядеть их лица.

Он обнаружил, что ни тот, ни другой не знакомы ему, хотя одного из них он как будто видел мельком несколько дней назад на приеме у королевы.

Это был старший из двух и, очевидно, выше чином – явно командир отряда. Ему было лет тридцать на вид; его смуглое лицо можно было бы назвать красивым, если бы не следы распутства и дурных страстей, которые не щадят даже и самые благородные черты. Его лицо когда-то, несомненно, отличалось благородством, и до сих пор в нем сохранились черты, которыми, пожалуй, мог бы гордиться всякий, если бы только не циничное и угрюмое выражение его глаз, столь несовместимое с истинным благородством. А впрочем, это было одно из тех подвижных лиц, которые беспрестанно меняются: стоит ему улыбнуться оно покоряет сердца, а стоит нахмуриться – оно отталкивает и страшит.

Младший, судя по наплечным нашивкам – корнет, был совершенно другого типа. Несмотря на его молодость, в его лице было что-то чрезвычайно отталкивающее. Не надо было даже вглядываться в него: оно вызывало отвращение с первого взгляда. В этой красной круглой физиономии со спускающимися на лоб жидкими прядями прямых желтых волос сразу же поражаило какое-то удивительное сочетание глупости, пошлости и жестокости.

Уолтер Уэд никогда раньше не видел этой физиономии, и она не внушала ему желаний познакомиться ближе с ее обладателем. Будь на то его воля, юный паж предпочел бы никогда не встречаться с ним.

– Что вам угодно? – спросил он, гордо приподнимаясь на стременах и обращаясь к офицеру, окликнувшему его. – Вы потребовали, чтобы я остановился. Что вам угодно?

– Надеюсь, вы не сердитесь, молодой кавалер? – возразил капитан кирасиров. – Я не хотел вас обидеть, поверьте. Судя по тому, как взмылена ваша лошадь... А ведь неплохой конь! Славная лошадка! Правда, Стаббс?

– Если она здорова, – коротко ответил корнет.

– Ну, разумеется, здорова! Ах вы, неисправимый лошажник!.. Так вот, юноша, я говорил, что, судя по тому, как взмылена ваша лошадь, вы едете издалека и едете быстро. И вы и ваша лошадь нуждаетесь в подкреплении. Мы окликнули вас только затем, чтобы предложить вам приют в этой харчевне.

– Благодарю за любезность, – ответил Уолтер таким тоном, что сразу можно было понять, как он относится к этому предложению, – но я никак не могу воспользоваться ею. Я сам не нуждаюсь в подкреплении. Что касается моей лошади, то через пять миль она будет в стойле и о ней не преминут позаботиться.

– А, так вы уже недалеко от цели вашего путешествия?

– Еще пять миль езды – и я достигну ее.

– Наверно, вы изволите ехать в гости к каким-нибудь деревенским знакомым, где вы сможете наслаждаться ароматом буковых лесов, завтракать каждое утро свежими яйцами и кушать за обедом свинину с соусом из молодой репки, не так ли?

Раздражение благовоспитанного юноши постепенно усиливалось, и, быть может, он дал бы ему выход и ответил какой-нибудь резкостью, но у Уолтера Уэда был счастливый характер, и он умел оценить шутку даже на свой счет. Видя, что его новые знакомые не имеют никаких дурных намерений, а просто рады случаю развлечься и поболтать, он подавил свою досаду и отвечал таким же шутливым и насмешливым тоном.

Перекинувшись двумя-тремя остротами и доказав, что он вряд ли позволит себя превзойти, юный паж уже хотел было продолжать свой путь, когда капитан кирасиров снова радушно предложил ему распить с ними чарку браги, которую хозяин только что вынес из дома.

Предложение это было сделано в такой изысканно-учтивой форме, что Уолтер, не желая показаться невежей, принял его.

Он уже поднес к губам кружку, когда угощавшие его офицеры потребовали, чтобы он

провозгласил тост.

– Какой же тост? – спросил юный паж.

– Какой угодно! Пусть это будет тост за то, что более всего занимает ваши мысли. Наверно, это ваша возлюбленная?

– Конечно, его возлюбленная! – поддержал корнет.

– В таком случае, за мою возлюбленную! – сказал Уолтер, осушая бокал и возвращая его капитану.

– Хорошенькая пастушка с Чилтернских холмов, нежная лесная нимфа, не так ли? Пью за ее здоровье! А теперь, – продолжал капитан, не отнимая кружку от губ, – уж раз я выпил за здоровье вашей милой, вы не откажете мне выпить за здоровье моего господина – короля? Надеюсь, вы не возражаете против этого тоста?

– Ни в коем случае! – отвечал Уолтер. – Я рад выпить за здоровье короля, хотя мы и расстались с ним не как добрые друзья.

– Ха-ха-ха! Друзья с королем! Значит, его величество имеет честь быть знакомым с вами, не правда ли?

– Я состоял у него на службе около трех лет.

– При дворе?

– Я был пажом королевы.

– Вот как! Может быть, вы будете настолько любезны и окажете мне честь сообщить ваше имя? Конечно, если вы ничего не имеете против.

– Ровно ничего. Мое имя Уэд – Уолтер Уэд.

– Сын сэра Мармадюка из Бэлстрод Парка?

– Да.

– Ага!.. – многозначительно протянул капитан, задумчиво глядя на юного пажа.

– Так я и думал, – пробормотал корнет, обмениваясь быстрым взглядом со своим начальником.

– Так, значит, вы сын сэра Мармадюка! – продолжал капитан. – В таком случае, мастер Уэд, мы с вами видимся не последний раз, и, быть может, вы когда-нибудь еще сообразовите представить меня вашей прелестной пастушке. Ха-ха-ха! А теперь тост каждого верного англичанина – за короля!

Уолтер поддержал тост, хотя и не очень охотно, потому что и тон капитана и его слова произвели на него неприятное впечатление. Но такой тост в те времена было небезопасно отклонить; и молодой паж, отчасти из этих соображений, а отчасти оттого, что у него, в сущности, не было никаких причин для отказа, снова поднес к губам бокал, воскликнув: «За короля!»

Корнет, осушая свой кубок, подхватил возглас, а солдаты под деревом, чокнувшись своими кружками и присоединяясь к тосту, дружно закричали: «За короля! За короля!»

Глава 7

«ЗА НАРОД!»

После этого всеобщего изъявления верноподданнических чувств сразу наступила глубокая тишина, как обычно бывает после провозглашения тоста.

Внезапно эту тишину прервал громкий голос, который до сих пор не участвовал в общем хоре; и голос этот отчетливо и ясно произнес: «За народ!»

Этот тост настолько не соответствовал тому, который был только что подхвачен солдатами, что вызвал всеобщее смятение. Кирасиры, сидевшие под деревом, сразу повскакали с мест, оба офицера мгновенно обернулись в ту сторону, откуда раздался голос, их глаза засверкали гневом из-под поднятых забрал.

Незнакомец, так дерзко заявивший о себе, и не думал скрываться. Это был всадник с благородной осанкой, который только что подъехал к харчевне и остановился, не сворачивая, среди дороги, куда хозяин, словно по заведенному обычаю, даже не дожидаясь

требования, вынес ему кубок с вином. И вот этот самый всадник провозгласил во всеуслышание: «За народ!»

Солдаты, только что подхватившие тост за короля, так ревностно выражали свои чувства, что даже не заметили, как он подъехал, и, наверно, не обратили бы на него внимания, если бы не этот знаменательный возглас, который произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Все глаза тотчас же обратились к нему.

А незнакомец тем временем спокойно поднес к губам кубок с вином. Словно не замечая произведенного впечатления, он медленно осушил кубок и с тем же невозмутимым спокойствием отдал его в руки хозяину.

Эта неслыханная дерзость так ошеломила солдат, что они как вскочили на ноги, так и застыли на месте, точно остолбенели. Даже их офицеры, бросившиеся было вперед, тоже остановились, словно пораженные громом, вне себя от ярости и изумления. Только в толпе, собравшейся вокруг постоянного двора и состоявшей из конюхов, сидельцев, трактирных слуг и праздных зевак из окрестных жителей, раздавались громкие возгласы. Толпа эта постепенно все увеличивалась и теперь уже не уступала отряду.

Несмотря на присутствие вооруженных представителей королевской власти, народ в толпе, несомненно, разделял чувства, выраженные незнакомым всадником; там чокались, шумно выражая свое одобрение, пили друг за друга и за себя, восклицая: «За народ!»

Многие из них только что с таким же воодушевлением пили «За короля», но этой внезапной переменой чувств они напоминали наших современных политиков, удостоенных высокого звания «государственных мужей».

Однако в этой разношерстной толпе были люди, которые не присоединились к тосту за короля, но горячо подхватили второй тост с полным сознанием того, что он несовместим с первым.

Едва затихли возгласы, подхватившие этот священный клич, наступила зловещая тишина, и двое из присутствующих очутились в центре всеобщего внимания – капитан кирасиров и всадник посреди дороги: тот, кто поднял кубок «За короля», и тот, кто поднял его «За народ».

Все ждали, что скажет капитан. Ведь это ему бросили вызов – если он сочтет это вызовом.

Будь это какой-нибудь деревенский парень или кто-нибудь из толпы, будь это даже зажиточный фермер из пуритан, – капитан кирасиров не стал бы медлить: он сразу нашел бы, что ответить... может быть, для вящей убедительности, сопроводил бы свой ответ ударом шпаги. Но всадник в расшитом камзоле, в сапогах из испанской кожи, поблескивающих золотыми шпорами, с длинной шпагой у пояса, – этот всадник на великолепном коне был не такой человек, с которым можно так сразу разделаться; ему надо было ответить подумав.

– Что это значит? – воскликнул, выступая вперед, капитан кирасиров. – Что вы, с ума сошли? Или, может быть, выпили лишнего? То-то от вас так разит! А ну-ка, земляк, долой шляпу! Я заставлю вас говорить по-другому! Вы у меня с места не двинетесь, пока не прочистите свою изменническую глотку и не выпьете, как подобает всякому честному англичанину, в честь короля!

– "Земляк"! – воскликнул всадник, окидывая презрительным взглядом кирасира, осмелившегося обратиться к нему с таким оскорбительным требованием. – Земляк, – повторил он спокойным насмешливым тоном, – не имеет привычки пить с первым встречным. Ему не по вкусу тост, так же как и ваши манеры! Если бы ему пришла фантазия выпить за английского короля, так уж, во всяком случае, не в этой компании – с людьми, которые запятнали славу Англии у Ньюбернского брода (28 августа 1640 года при Ньюберне (около Ньюкасла) королевское войско было разбито шотландцами.)!

С этими словами, сопровождавшимися презрительным смехом, незнакомец подобрал поводья и, вонзив шпоры в бока своего великолепного коня, вихрем помчался по дороге.

Услышав этот смех, капитан кирасиров бросился вперед, не помня себя от ярости; гневно сверкая глазами, почернев от злобы, он выхватил шпагу, пытаясь настичь обидчика.

– Гнусный изменник! – вскричал он, потрясая шпагой. – Я заставлю тебя выпить за здоровье короля твою собственную кровь! Эй! Остановите его! крикнул он, тщетно пытаясь достать его шпагой. – Где мои пистолеты?.. А ну, живо! – скомандовал он солдатам. – Стреляйте в него! Где ваши карабины, мерзавцы? На коней! В погоню!

– Послушайте моего совета, – вмешался хозяин харчевни, здоровенный детина, видимо не робкого десятка, – оставайтесь-ка вы лучше здесь! А поедете – вернетесь ни с чем! Все равно что за диким гусем гнаться. Уж поверьте мне, он вперед на две мили ускачет, пока вы оседлаете своих коней!

– Негодяй! – вскричал капитан кирасиров, оборачиваясь к нему. – Да смеешь ли ты...

– Я только даю вам добрый совет, господин полковник, а уж слушаете вы или нет – это как вам будет угодно. А догнать – все равно не догоните. Ночью где же догнать, хоть и месяц на небе и видать все...

Удивительная невозмутимость, с которой этот деревенский Бонифаций приводил свои доводы, не только не рассердила кирасира, а, наоборот, подействовала на него успокаивающе.

– А ты что? Знаешь его? – спросил он уже совсем другим тоном.

– Д-да, знаю малость. Бывает он здесь проездом. Как же не промочить глотку, когда едешь мимо! А вот коня я, может, знаю лучше. Такого коня всякому лестно узнать. Не раз видел, как он единым духом берет вот эти ворота. А в них будет не меньше шести футов! Да мы все это видели. А что, неправда?

– Видели, видели, мастер Джервис! – подтвердили несколько человек, стоявших тут же.

– Вот то-то оно и есть, господин полковник! – продолжал хозяин, снова обращаясь к капитану кирасиров. – Так вот, если ваши ребята отправятся за ним в погоню, пусть знают, что им придется скакать без путей, без дороги, а не то чтобы...

– Кто он такой? Имя? – нетерпеливо прервал его кирасир. – Ты знаешь, где он живет?

– Нет, не знаю ни кто такой, ни где живет, – отвечал хозяин. – Знаю только, как и все, что называют его здесь Черным Всадником, а живет он где-то среди холмов, по пути к Джеррет Хис, за большим бэлстродским парком.

– Так, значит, он живет неподалеку от Бэлстрода?

– Кажется, где-то там.

– А я знаю, где он живет, – сказал парень, стоявший рядом. – В заброшенном кирпичном доме. Глухое место, называется Каменная Балка. А стоит этот дом в лесу между Биконсфилдом и двумя Челфонтами. Могу вас туда проводить, господин офицер, если вашей милости угодно.

– Джем Биггс! – тихо сказал хозяин харчевни, пододвинувшись к парню и нагибаясь к самому его уху. – Ты что это, подлая твоя душа, мешаешься не в свое дело? Если только посмеешь показать туда дорогу, не вздумай больше соваться в мою харчевню! Чтоб я больше не видал твоей поганой рожи!

– Довольно разговоров! – нетерпеливо крикнул капитан. – Я думаю, мы легко разыщем этого молодца... Слезай с коней, ребята! – сказал он, обращаясь к солдатам, которые уже успели вскочить в седло. – Ведите лошадей в стойло. Мы можем спокойно переночевать здесь, – шепнул он корнету. – Нет смысла гоняться за ним, пока не рассветет. Старый болтун прав: мы зря прогоняем лошадей. Да, кроме того, у меня еще есть дельце в Эксбридже. Но, клянусь Небом, я разыщу этого мерзавца, хотя бы мне пришлось обшарить для этого все графство!.. Эй, хозяин, вина! Тащи-ка сюда браги и пива для этих бездельников, а то у них пересохла глотки. Выпьем за нашего короля еще трижды три раза! Ба! Где же наш придворный? Тоже исчез?

– Он только что отъехал, капитан, – сказал один из солдат, еще гарцевавший в седле. – Может, прикажете догнать и привести его назад?

– Нет, – ответил кирасир, подумав с минуту. – Пускай мальчишка едет своей дорогой. Его-то я знаю где найти и завтра буду иметь честь обедать с ним за одним столом... Вина! Эй вы, верные королевские плуты, полней наливайте ваши кружки и пейте за здоровье короля!

– За короля! За короля! Ура!

Глава 8

ЧЕРНЫЙ ВСАДНИК

Юный паж, давно уже горевший желанием отделаться от неприятной компании, в которую его так бесцеремонно втянули против его воли, воспользовался поднявшейся суматохой и спокойно поехал дальше. Скрывшись за поворотом, откуда дорогу уже было не видно из харчевни, он пришпорил коня и пустился вскачь.

Хотя его никто не обижал, он все же опасался, как бы его не догнали и не потребовали, чтобы он вернулся, так как эти грубияны, от которых он только что отделался, были вполне способны на такое насилие. Он знал, что безобразия, которые учинялись именем короля, – обычное явление. Приспешники королевской власти привыкли безнаказанно оскорблять народ. Особенно нагло вели себя солдаты, а среди них больше всего отличались те голодные отряды, которые, не получив жалованья, возвращались после Северной кампании и без дела оседали в стране. Бесчестье, которым они покрыли себя, позорно бежав от шотландцев в битве у Ньюбернского брода, лишило их всякого сочувствия соотечественников; они отвечали на это наглыми выходками и каким-то безудержным удалством.

Случай, в котором Уолтер Уэд только что оказался невольным участником, вызвал в его душе какое-то необычайное смятение. Придержав бешено скакавшего коня, он поехал шагом, погруженный в размышления, которые весьма отличались от всего того, что до сих пор занимало его мысли.

Он был еще слишком молод и плохо разбирался в политических распрях. Он знал, что между королем и народом существует раздор, но, так как жизнь его протекала исключительно в придворном кругу, ему даже не могло прийти в голову, что правда не на стороне короля.

Он знал, что король, после одиннадцатилетнего междуцарствия, созвал парламент, чтобы уладить разногласия между собой и своими подданными. Он знал это, так как сам присутствовал при его открытии. Он знал кроме того, что этот парламент, заседавший всего несколько дней, был тут же распущен; он также присутствовал при его роспуске.

Какое отношение мог иметь юный паж ко всем этим событиям, сколь бы ни были они значительны для патриота или политика?

Но воздадим должное Уолтеру Уэду: несмотря на свой юный возраст, он относился далеко не безучастно к тому, что происходило вокруг. Он унаследовал от своих предков любовь к свободе, которой они так отличились при Руннимеде (В долине Руннимед 15 июня 1215 года была подписана королем Иоанном Безземельным «Великая хартия вольностей»). И любовь эта жила в его душе, хотя обстоятельства и среда, окружавшая его до сих пор, не позволяли ей проявиться. Он не раз был свидетелем позорных казней и пыток, когда, по приговору «Звездной палаты» («Звездная палата» – следственный и судебный орган эпохи английского абсолютизма, получивший название от одного из залов королевского дворца, потолок которого был украшен звездами. Главное орудие тирании Карла I, палата выносила жестокие приговоры противникам короля. Уничтожена в начале революции актом парламента (1641).) и королевского суда, людей привязывали к позорному столбу и отрубали им уши, руки, выкалывали глаза; и хотя многие из окружающих его равнодушно взирали на это страшное зрелище или даже находили в нем удовольствие, Уолтер долго потом ходил, потрясенный до глубины души. Хотя он был очень молод, он нередко задумывался над всеми этими жестокостями. Но он волей-неволей вращался в таком кругу, где улыбка тирана считалась высокой милостью, и, кроме того, он был еще слишком юн и легкомыслен, чтобы задумываться над такими серьезными вещами и углубляться в размышления о свободе.

В придворных кругах, разумеется, считалось, что враги короля несут заслуженную кару. Он слышал это со всех сторон, слышал из прелестных уст самой королевы.

Мог ли он сомневаться в этом?

Встреча с кирасирами произвела на него тяжелое впечатление и настолько поколебала усвоенные им при дворе политические взгляды, что едва ли не произвела в них переворот.

«Какой позор, – с возмущением говорил он себе, – что этим наглецам офицерам дозволено делать все, что им вздумается! Удивляюсь, как только король терпит это. Может быть, этот „злой Пим“ (Пим Джон (1584 – 1643) лидер парламентской антимонархической оппозиции, пользовавшийся громадным влиянием.), как называет его королева, был прав, когда, выступая в парламенте, сказал, что его величество поощряет такую распущенность? А если это в самом деле так, я должен был бы присоединиться к тому смельчаку, который пил за народ. Кстати, кто бы это такой мог быть? Он ускакал по этой же дороге... Может быть, он живет где-то в наших краях? Какая великолепная посадка! И конь, достойный своего всадника! Мне прежде никогда не случалось встречаться с ним. Если он живет неподалеку от Бэлстрода, наверно, он поселился там уже после того, как я уехал. А может быть, он здесь только проездом? Но ведь лошадь его выглядела совсем свежей, как будто ее только что вывели из конюшни. Если это просто приезжий, так не дальше, чем из Эксбриджа... Мне показалось, что они собирались пуститься за ним в погоню, размышлял он, оглядываясь через плечо. – Верно, раздумали, иначе я слышал бы их за собой. Если они станут его догонять, я отъеду вот туда, за деревья, и пропущу их. Не желаю я больше разговаривать с такими господами, как этот капитан Скэрти, – так, кажется, корнет называл его? – да и с самим этим корнетом Стаббсом! Вот, в самом деле, имечко – Стаббс! Право, оно ему очень подходит».

Тут юный паж подтянул поводья и остановился, прислушиваясь.

До него смутно доносились какие-то выкрики с постоялого двора. Это солдаты кричали «Гип-гип, ура!», осушая тост «За короля». Кроме этого, ничего не было слышно; по крайней мере, ничего такого, что говорило бы о погоне.

«Отлично! Значит, они не погнались за ним. Предусмотрительно с их стороны. Разумеется, если он едет тем же аллюром, что взял с самого начала, он уже сейчас на много миль впереди. Значит, и у меня нет никаких шансов нагнать его! – подумал паж, снова пуская рысью своего коня. – А мне так хотелось бы этого, честное слово! Мне припоминается сейчас, будто я слышал, что на этой дороге случаются нападения разбойников. Да-да! Сестра не очень давно писала мне об этом. Они напали на какую-то знатную даму, которая ехала в карете, и ограбили ее; кажется, самой даме они не причинили никакого вреда, просто отобрали у нее все ее драгоценности, даже вынули серьги из ушей! И только один из них – сам атаман, наверно, – приблизился к карете. Остальные стояли кругом молча, не проронив ни слова. Странные у них заведены правила... Ну, если я, на свою беду, встречу с разбойниками, будем надеяться, что мне так же повезет. Если они будут вести себя так благовоспитанно, я охотно отдам им все, что у меня есть, – не так-то много! – только бы они отпустили меня, как ту леди, не причинив никакого вреда. Глупо я поступил, что выехал из Лондона так поздно! А это неприятное происшествие на постоялом дворе еще задержало меня. Ведь уже совсем ночь... Правда, месяц светит вовсю, но какой от этого прок? Кругом ни души, глушь! Только разбойникам на руку – им будет легче меня обобрать».

Хотя юный путник и уверял себя, что бояться разбойников нечего, ему все же было несколько не по себе. В то время дороги Англии кишели разбойниками и грабителями. Что ни день, доходили слухи о нападениях и грабежах, нередко даже на окраинах Лондона, а уж на больших дорогах или проселках требование отдать кошелек считалось чуть ли не столь же обычным, как просьба о милостыне в наши дни.

Обычно эти «рыцари большой дороги» не проявляли кровожадных наклонностей. Некоторые из них, напротив, отличались необыкновенной учтивостью. Сказать правду, многие из них были доведены до нищеты деспотическими преследованиями монарха и считали себя вынужденными прибегнуть к этому незаконному способу для пополнения своих ресурсов. Не все они были закоренелыми преступниками. Но были среди них и такие, у которых слова «стой, руки вверх!» означали «кошелек или жизнь!»

Уолтер Уэд не без опасения вглядывался в дорогу, которая вела к вершине Красного Холма. Он сейчас находился у его подножия. На этом самом холме, как писала сестра, и напали на даму в карете и отняли у нее все драгоценности.

Дорога, поднимавшаяся по склону, была не очень широкой и отнюдь не напоминала нынешнее шоссе. Это была обыкновенная проселочная дорога, по которой можно проехать на колесах, а по обеим сторонам ее тянулись буковые леса, и она, прорезая их, бежала вверх; деревья по бокам сходились так близко, что в некоторых местах образовали над ней сплошные своды.

Юный путник снова придержал лошадь и прислушался. Крики с постоялого двора больше уже не доносились до него, не слышно было никаких отголосков. Он предпочел бы их услышать! Он чуть ли не жалел, что там отказались от погони. Как ни мало удовольствия доставляло ему общество капитана Скэрти и корнета Стаббса, все же это было лучше шайки разбойников.

Он нагнулся в седле, стараясь уловить, не слышно ли что-нибудь впереди, на дороге, но не услышал ничего – по крайней мере, ничего такого, что могло бы внушить опасения. До него доносилось только монотонное пение козодоя да громкое квохтанье куропатки, сзывающей птенцов на жниво. Вдалеке также слышался лай сторожевой собаки да позвякивание колокольчиков в овчарне; но эти звуки спокойной сельской жизни, сладостные для его слуха, так долго лишенного их, нимало не исключали того, что где-нибудь здесь, поблизости, укрывшись за деревьями, могли притаиться разбойники: ведь их не пугали эти звуки.

Уолтер Уэд был далеко не робкого характера, но можно ли обвинять в трусости девятнадцатилетнего юношу только потому, что он желает избежать встречи с разбойниками!

И это было отнюдь не проявлением трусости с его стороны, когда, двинувшись вперед по дороге и тревожно оглядываясь по сторонам, он внезапно остановился, увидев невдалеке фигуру всадника, смутно вырисовывающуюся в тени деревьев, и заколебался, ехать ему дальше или нет.

Всадник был шагах в двадцати от него и не двигался ни в ту, ни в другую сторону; он словно застыл в седле посреди дороги.

«Разбойник! – подумал Уолтер, не зная, что делать: ехать вперед или повернуть обратно. – Да нет, вряд ли это так... С чего бы разбойнику торчать так на самом виду? Он скорее прятался бы за деревьями... по крайней мере, пока...»

Так он гадал и вдруг услышал, как его окликнули, и сразу узнал голос: это был тот самый голос, который так смело провозгласил: «За народ!»

Юный путник, успокоившись, двинулся вперед. Человек с такой благородной внешностью, как этот всадник на вороном коне, и с такими благородными чувствами, которые он так смело выражал, вряд ли мог быть дурным человеком и тем более – разбойником. Уолтер в этом не сомневался.

– Если я не ошибаюсь, – сказал незнакомец после того, как они обменялись приветствиями, – вы тот самый молодой джентльмен, которого я только что видел в не очень приятной компании?

– Вы не ошиблись, это я.

– Тогда едем вместе. Если только вы один и гонитесь за мной, я думаю, что не подвергаюсь большой опасности, позволив вам догнать себя. Поедем вместе, юноша! Пожалуй, для нас обоих будет безопаснее, если мы поедем вдвоем.

После такого искреннего приглашения юный паж, не колеблясь, пришпорил коня и поехал рядом с всадником. Они вместе стали подниматься на холм.

На полпути от вершины дорога сворачивала на юго-запад и некоторое время шла по открытому месту, ярко залитому лунным светом. И только тут впервые оба всадника могли разглядеть друг друга.

Незнакомец, все еще сохранявший инкогнито, быстро окинул взглядом своего спутника

и, по-видимому, удовлетворенный этим беглым наблюдением, отвел глаза в сторону.

Быть может, он уже успел разглядеть юного пажа раньше, на постоялом дворе.

Что же касается Уолтера, он видел Черного Всадника только мельком, поэтому он теперь поглядывал на него с любопытством. Но так как он не хотел показаться невежливым, то старался делать это незаметно.

Сказать правду, юного пажа поразила необычайная внешность незнакомца. Он видел рядом с собой не юношу своего возраста, но зрелого мужчину, лет тридцати или более, в полном расцвете мужественной силы. Он видел статную фигуру безупречного сложения, со стальными мускулами, подчеркивающими упругую мощь тела, красиво посаженные плечи, широкую грудь, крепкую круглую шею, упрямо выдающийся подбородок, свидетельствующий о твердости и решительности. Он разглядел темно-каштановые волосы, обрамляющие смуглое лицо, которое, вероятно, было несколько блее в юности; теперь же оно казалось бронзовым от покрывавшего его загара. Он разглядел темно-карие глаза, сверкавшие в лунном свете мягким и теплым блеском, – глаза горлинки. Но Уолтер знал, что эти глаза могут вспыхивать подобно орлиному взору; он вспомнил, каким огнем они сверкали, когда он их увидел впервые.

Короче говоря, юный паж видел рядом с собой человека, напоминавшего ему одного романтического героя средневековья из книжки, которую он недавно прочел, героя, глубоко поразившего его пылкое воображение.

Одежда всадника вполне гармонировала с его прекрасной фигурой и красивым лицом. Он был одет просто, но все на нем было из добротного, дорогого материала. Плащ, камзол и шаровары из темно-коричневого бархата, сапоги – из тончайшей испанской кожи; шляпа с широкими полями, красиво отогнутыми спереди, с пряжкой в драгоценной оправе, придерживающей черное страусовое перо, спускавшееся сзади до самого плеча. Алый пояс из китайского крепа, завязанный вокруг талии, вышитая перевязь через плечо, на которой висела шпага в великолепно отделанных ножнах; палевые перчатки с раструбами, батистовые манжеты, выпущенные из рукавов камзола; белый отложной воротник, спускающийся на плечи.

Лошадь была под стать всаднику – крупный, мощный конь; такого коня выбрал бы себе некогда паладин, отправляясь в крестовый поход. Конь был сплошной черной масти, только около носа и лба атласистая кожа отливала медно-красноватым оттенком цвета янтаря. Если бы хвост коня был опущен, он коснулся бы земли, но, вытянутый по диагонали, он плавно покачивался из стороны в сторону на каждом шагу. А когда всадник пускал коня вскачь, тот летел, распустив хвост веером вровень со спиной.

Пятнистая шкура южноамериканского ягуара на алой подкладке украшала седло, через луку которого были перекинута две кобуры, покрытые пушистой блестящей шкурой североамериканского бобра.

У этого прекрасного скакуна было имя, – Уолтер слышал, как всадник обращался к нему. Когда юный паж подъехал, окликнутый всадником, конь стоял, опустив голову, и нетерпеливо рыл землю копытом. Быстрая скачка разгорячила его, и всадник успокаивал коня, ласково поглаживая его по атласному загривку затянутой в перчатку рукой, и, обращаясь к нему, как к другу, называл его по имени – Хьюберт.

Черный Всадник первым нарушил это молчание:

– Вы Уолтер Уэд – сын сэра Мармадюка Уэда из Бэлстрод Парка?

– Да, – ответил юный паж, не скрывая своего удивления. – Откуда вы знаете мое имя, сэр?

– Я слышал его из ваших собственных уст.

– Из моих уст! Но когда же, разрешите спросить? – воскликнул Уолтер, всматриваясь с любопытством в лицо незнакомца. – Я не помню, чтобы я когда-нибудь имел честь встречаться с вами раньше.

– Всего каких-нибудь полчаса назад. Вы забыли, юный сэр, что вы назвали свое имя в моем присутствии.

– Ах, да, правда! Значит, вы подъехали как раз, когда...

– Я подъехал как раз в тот момент, когда вы назвали себя. Сыну сэра Мармадмока Уэда незачем скрывать свое имя. Он может только гордиться им.

– Благодарю вас от имени моего отца. Вы знаете его, сэр?

– Я видел его и знаю, какой он пользуется славой, – задумчиво ответил незнакомец. – А вы служите при дворе? – спросил он после некоторого молчания.

– Больше не служу. Покончил со своей службой сегодня утром.

– Подали в отставку?

– Мой отец пожелал, чтобы я вернулся домой.

– Вот как! А по какой же причине? Простите, что я позволяю себе задать вам этот вопрос.

– Я охотно сообщил бы вам причину, – простодушно отвечал молодой паж, да, признаться, я и сам ее не знаю. Знаю только, что отец написал королю и просил его разрешить мне вернуться домой; король дал разрешение, но у меня есть основания думать, что это вызвало неудовольствие его величества, потому что при прощании король был очень разгневан на меня или, может быть, не столько на меня, сколько на моего отца.

Незнакомец, выслушав рассказ бывшего придворного, не только не выразил сочувствия или сожаления своему спутнику, а, наоборот, обнаружил явные признаки удовлетворения.

– Пока все хорошо! – пробормотал он про себя. – Он безусловно на нашей стороне. В этом его спасение.

Уолтеру, хотя он и услышал эти слова, смысл их остался непонятен.

– По-видимому, у вашего батюшки были важные причины поступить так, продолжал незнакомец. – И можно не сомневаться, мастер Уолтер, что он сделал это для вашего блага, хотя вам, может быть, и не очень приятно променять веселую жизнь в королевском дворце на тихую деревенскую жизнь.

– Напротив! – воскликнул юноша. – Я только и мечтал об этом! Я люблю охоту с соколом и с собакой, а не такие торжественные выезды, как на королевской охоте, когда женщины своим визгом распугивают дичь, – нет, я люблю спокойно бродить среди холмов один или с кем-нибудь из друзей. Это действительно удовольствие!

– Вот как! – улыбнулся незнакомец. – Какая непростительная ересь для придворного! Не странно ли из уст пажа услышать такой пренебрежительный отзыв о женщинах, а тем более о придворных дамах? Ведь фрейлины все такие красотки, не правда ли? Я слышал, что наша француженка-королева нарочно окружает себя красавицами. Говорят, у нее их целая свита.

– Раскрашенные куклы! – презрительно заметил бывший придворный. Наряженные по французской моде. Мне больше по душе наши англичанки, которые выросли в деревне, у которых румянец во всю щеку и хоть немножко стыдливости в душе. Потому что, клянусь честью, сэр, у этих придворных дам нет ни того, ни другого, все сплошная подделка!

– Bravo, bravo! – воскликнул незнакомец. – Пожалуй, вы могли бы прослыть критиком при дворе, а не придворным. Что ж, я рад услышать мои собственные мысли в таком красноречивом выражении. И мне больше по душе наши английские девушки, которые растут на чистом деревенском воздухе.

– Ах, вот это хорошо! – пылко воскликнул юный Уолтер.

– Ну что же, здесь, среди этих Чилтернских холмов, вы встретите немало таких девушек. И среди них даже наверно найдутся и ваши знакомые, мастер Уэд. И может быть, даже сейчас перед вашим взором стоит чей-то милый образ? Признайтесь! Ха-ха-ха!

Уолтер густо покраснел и, запинаясь, пробормотал что-то невнятное.

– Простите меня! – спохватившись, воскликнул всадник, перестав смеяться. – Я вовсе не хотел ничего у вас выпытывать, я не имею на это права. Боюсь, что вы считаете меня слишком бесцеремонным.

– О нет, что вы! – отвечал Уолтер, чувствувавший себя так непринужденно, что ему даже не могло прийти в голову обидеться на своего собеседника.

– Но, может быть, вы сочтете простительным такое любопытство приезжего, продолжал Черный Всадник. – Я поселился в этих краях совсем недавно, и вполне естественно, что мне хочется побольше знать о своих соседях. Если вы обещаете не обижаться, я позволю себе смелость задать вам один вопрос.

– Я не обижусь ни на один вопрос, с которым благородный человек может обратиться к другому. Ведь вы дворянин, сэр?

– Я был воспитан, как дворянин, и хотя я лишился – или, вернее, меня лишили – состояния, приличествующего этому званию, я надеюсь, что не утратил на него права. Вопрос, который я собираюсь вам задать, покажется вам очень обыденным после такого сложного вступления. Я только хотел узнать: вы единственный сын, у вашего отца нет больше детей?

– Нет, как же, есть! – с готовностью отвечал юноша. – У меня есть сестра – сестра Марион.

– Взрослая, как и вы?

– Теперь уж наверное – да. Она была еще не совсем взрослой, когда я виделся с ней последний раз. Это было больше двух лет назад, на Рождество. Она старше и я даже не удивлюсь, если она теперь окажется выше меня. Я слышал, что она очень выросла, чуть не на голову выше Лоры.

– Лоры? А кто эта Лора?

– Лора Лавлейс – это моя кузина, сэр.

«Так, значит, его сестра – это Марион. Я так и думал. Марион Уэд. Какое чудесное имя! Как гордо оно звучит и как оно подходит ко всему ее смелому облику! Марион! Вот я теперь знаю имя той, кого я уже столько дней боготворю, кто столько дней...»

– Моя кузина, – простодушно продолжал юный паж, перебивая пылкие размышления своего спутника, – также выросла в нашей семье. Она уже давно живет с нами в Бэлстрод Парке и, я думаю, останется с нами до тех пор, пока...

Тут наследник Бэлстрода запнулся, словно не совсем уверенный, до каких пор продлится пребывание его кузины в Бэлстрод Парке и окончится ли оно...

– Так до каких же пор? – спросил всадник с многозначительной улыбкой. Пока что?..

– Право, не знаю, сэр, – пробормотал Уолтер смущенно. – Я не могу сказать, сколько времени наша кузина захочет жить с нами. Но когда она достигнет совершеннолетия, ее может вызвать опекун. Папа не ее опекун.

– Ах, мастер Уолтер Уэд, бьюсь об заклад, что еще до совершеннолетия мисс Лора Лавлейс сама выберет себе опекуна – и такого, который не будет возражать против ее пребывания в Бэлстрод Парке до конца ее жизни! Ха-ха-ха!

И тут, вместо того, чтобы возмутиться, кузен Лоры Лавлейс тоже засмеялся, очень довольный. В этом намеке незнакомца было что-то очень приятное и обнадеживающее.

Так незаметно за этим шутивным разговором путешественники достигли вершины холма и поехали дальше по довольно глухой местности, известной под названием Джеррет Хис.

Глава 9

СТОЙ, НИ С МЕСТА!

Джеррет Хис, ныне обширное пастбище, представляло собою в то время, о котором мы пишем, пустынную местность, расположенную на возвышенной части Чилтернских холмов. Начинаясь от вершины Красного Холма, это плато, замкнутое с двух сторон живописными долинами Челфонт и Фулмир, простирается на много миль к западу.

В те времена только в этих соседних долинах и можно было заметить редкие селения. В Челфонте находилась усадьба Челфонт Хаус с одноименной деревней; по другую сторону плоскогорья, укрывшись под сенью вековых деревьев, лежала усадьба Фулмир. А еще на две мили дальше, к западу, там, где плато прерывается рядом волнообразных холмов, стоял

великолепный замок Бэлстрод, родовое владение сэра Мармадьюка Уэда.

Равнина, раскинувшаяся между этими тремя владениями, не носила почти никаких признаков жилья. Самое название – Джеррет Хис – указывало, что представляла собой эта безлюдная местность. Это была пустынная равнина, по которой никогда не проходил плуг, густо заросшая вереском и дроком. Кое-где изредка попадались низкорослые рощицы, перелески, где среди остролиста и можжевельника одиноко торчали белые и черные березы; но по обеим сторонам плато склоны долин были покрыты густым буковым лесом.

Через эту пустынную равнину проходила большая королевская дорога, соединяющая Лондон с Оксфордом; далее она шла мимо Бэлстрод Парка до города Биконсфилда.

Поперек Джеррет Хис шли еще две дороги; одна из них вела от усадьбы Фулмир к селению Челфонт, другая соединяла Челфонт с селениями Сток и Виндзор. Но это были не столько дороги, сколько тропки для вьючных лошадей, петляющие среди деревьев и зарослей дрока. Проселок от Стока до Челфонта считался наиболее оживленным; на склоне плато, обращенном к Челфонту, стояла харчевня «Вьючная лошадь», казалось бы, знаменующая собой движение и торговлю, но ни то, ни другое не отличалось бойкостью, а о харчевне ходила худая слава.

Но как бы там ни было, это был единственный признак жилья в Джеррет Хис, если не считать старой, развалившейся хижины у края проезжей дороги в Лондон, как раз в том месте, где она поворачивает к западу от Красного Холма и выходит на плато.

В этой хижине уже давно никто не жил. Крыша у нее давно обвалилась; это было не жилье, а развалина. Небольшой пустырь перед ней, через который теперь проходила дорога, когда-то, возможно, был садом, но теперь весь порос дроком и кустарником и только тем и отличался от окружающей густой чащи, что кусты здесь еще не успели сойтись сплошной стеной.

Странно, как могло кому-то прийти в голову построить дом в таком месте! Больше чем на милю вокруг не было никакого жилья, ближайшим в сторону Челфонта была та самая подозрительная харчевня «Вьючная лошадь». Быть может, именно эта уединенность и прельстила чудака хозяина построить себе жилище в таком месте.

Но, так или иначе, это было жалкое жилище. Даже если бы белый дымок поднимался из его глиняной трубы, все равно оно казалось бы угрюмым. Но сейчас, когда оно превратилось в развалины, когда крыша его обрушилась, а стены заросли сорняком и на месте сада оцетинился колючий кустарник, оно представляло собой унылое зрелище страшного запустения и заброшенности. В таком месте, пожалуй, и в самом деле могли ограбить, да и не только ограбить, а и убить.

Между тем, как мы уже рассказали, оба путника, приятно беседуя, выехали к тому месту, где стояла полуразрушенная хижина. Месяц светил по-прежнему ярко, и за густыми зарослями, через которые проходила дорога, уже виднелись в просвете вдаль, на расстоянии мили с лишним, вершины великолепных деревьев – дубов, вязов, каштанов, – выступающих на отлогих холмах Бэлстрод Парка. Путники уже могли различить в серебристом сиянии луны контуры величественного замка норманнской архитектуры темно-красного и белого цвета.

Еще десять минут – и Уолтер Уэд будет дома.

Юный паж уже предвкушал эту сладостную минуту. Вот он уже совсем рядом, родной дом, после такой долгой разлуки, родной дом, что сулит встречу с близкими и, может быть, еще нечто большее...

Всадник, которому надо было ехать дальше, уже собирался было поздравить своего спутника с предстоящей ему радостной встречей, когда вдруг какой-то подозрительный шорох справа от дороги заставил их прекратить разговор. И в ту же минуту в тишине раздался грубый окрик:

– Стой, ни с места! Отдавай кошелек!

Оба путешественника уже выехали на открытое место против разрушенной хижины, но они не успели даже сообразить, откуда раздался голос, как прямо перед ними внезапно

появился человек и преградил им дорогу.

Его угрожающий вид, длинная пика, которой он размахивал над головами лошадей, не оставляли ни малейших сомнений в том, что это грабитель.

Прежде чем они успели что-либо ответить, он еще раз громко повторил свое требование, с тем же угрожающим видом размахивая пикой.

– Стой, ни с места? Отдавай кошелек? – переспросил всадник, медленно повторяя эту избитую формулу. – Вы этого требуете, почтеннейший, так ли мы вас поняли?

– Да, требую! – зарычал нападающий. – Да поторапливайтесь, коли дорожите своей шкурой!

– Так вот, – продолжал всадник, сохраняя полнейшее хладнокровие, – вы не можете сказать, что мы недостаточно быстро повиновались вашему первому требованию. Вы видите, что мы оба стоим и не двигаемся. Что касается второго, тут надо подумать. Прежде чем вручить вам свои кошельки, мы должны узнать, почему, с какой целью и, главное, кому мы должны передать свое имущество. Надеюсь, вы не откажетесь сообщить нам свое имя, а также причину, побудившую вас предъявить нам столь скромное требование?

– К черту болтовню! – заорал тот, злобно замахиваясь пикой. – На большой дороге не спрашивают ни имен, ни причин! Кошелек или жизнь! Да не пытайтесь улизнуть! Поглядите, сколько нас вон там – целая дюжина! И не пробуйте сопротивляться! Вы окружены!

И с этими словами разбойник махнул своим страшным оружием в сторону густой чащи.

Глаза обоих путников невольно устремились в ту сторону, куда указывала пика.

Да, действительно, они были окружены. Шесть или семь человек, необыкновенно свирепого вида, вооруженные таким же оружием, как и их атаман, стояли вокруг открытой поляны на равных друг от друга расстояниях, наполовину скрытые деревьями и кустарником. Они стояли совершенно неподвижно. Даже пики в их руках словно застыли в воздухе. Никто из них не издавал ни звука, не порывался вперед, а ведь, казалось бы, им следовало это сделать хотя бы для того, чтобы подкрепить требование своего атамана.

– Смирно, товарищи! Ни шагу! Нечего торопиться! – командовал тот. – Мы имеем дело с порядочными людьми. Не надо причинять им вреда – они не будут сопротивляться.

– А вот и будут! – насмешливо крикнул всадник, выхватывая решительным жестом пистолет из кобуры. – Я намерен сопротивляться не на жизнь, а на смерть! И этот храбрый юноша тоже.

Уолтер поспешно извлек из ножен свою гибкую рапиру – единственное оружие, которое у него было.

– Как! Сдаться шайке трусливых грабителей? – продолжал всадник, взводя курок. – Нет! Скорей уж...

– Да падет ваша кровь на вашу голову! – вскричал разбойник, ринувшись вперед и яростно выбрасывая пику так, что ее стальной конец едва не вонзился в шею лошади.

И, наверно, тут же ему и пришел бы конец, если бы яркий свет месяца не озарил внезапно эту страшную, свирепую физиономию, искаженную злобой, обросшую густой черной щетиной, с черной всклокоченной бородой, с налившимися кровью глазами, сверкающими неистовой яростью из-под черной копны волос, падающих космами на лоб.

Всадник уже поднял взведенный пистолет. Стоило только нажать курок грянул бы выстрел, и разбойник тут же свалился бы бездыханный под ноги его коня.

Но внезапно рука всадника опустилась, и из уст его вырвалось изумленное восклицание.

– Грегори Гарт! – вскричал он. – Ты – разбойник!.. Грабитель! Ты дошел до того, чтобы убивать...

– Хозяин! – сдавленным голосом прохрипел бродяга, чуть не выронив из рук пику. – Как! Это вы? О, простите, простите меня, сэр Генри! Я не знал, что это вы!

С трудом вымолвив эти слова, он бросил наземь оружие и, низко опустив голову, стоял пристыженный, не смея поднять глаза на всадника, из-за которого дело приняло такой

неожиданный оборот.

– Ох, мастер Генри! – снова воскликнул он. – Вы простите меня, не правда ли? Хоть и зверь я стал, а, клянусь, не пережил бы, если бы, не дай Бог, хоть волосок задел на вашей голове! А все это моя проклятая доля, она-то и довела меня до этого!

На минуту воцарилась глубокая тишина. Даже все бандиты из разбойничьей шайки, казалось, почувствовали необычайность положения: ни один из них не пошевелился и не открыл рта.

Пристыженный атаман первый нарушил это неловкое молчание.

– Ах, мастер Генри! – вскричал он отчаянным голосом, не помня себя от горя. – Убейте меня, если хотите! Застрелите тут же! После того, что случилось, мне только и остается, что умереть. Вот вам моя грудь! Всадите в нее пулю и положите конец несчастной жизни Грегори Гарта!

И с этими словами он рванул свой истрепанный камзол и обнажил широкую мускулистую грудь, сплошь заросшую густой черной шерстью.

Приблизившись вплотную к коню, он подставил всаднику свою грудь, словно искушая смерть, которую он так настойчиво призывал. Его слова, выражение его лица и весь его вид – все доказывало полную искренность.

– Ну, ну, полно, Гарт! – успокаивающе сказал всадник, пряча пистолет обратно в кобуру. – Ты хороший человек – по крайней мере, был когда-то, – не такой, чтобы тебя следовало вот так пристрелить.

– Да, когда-то был, мастер Генри! Может, оно и правда. Но теперь я только этого и заслуживаю.

– Не обвиняй себя, Грегори. Тебе, так же как и мне, выпала тяжелая жизнь. Я это знаю и поэтому не буду попрекать тебя тем, что случилось. Слава Богу, что не вышло похуже! Будем надеяться, что это послужит твоему исправлению.

– Я исправлюсь, мастер Генри, обещаю вам! Непременно исправлюсь!

– Рад слышать это и не сомневаюсь, что ты сдержишь свое слово. А теперь прикажи своим верным сообщникам – кстати, ты их хорошо вымуштровал! отступить и пропустить нас. Завтра утром по этой дороге проедет большая компания, и я ничуть не возражаю, чтобы ты и твои товарищи поупражнялись на них в своем необычном ремесле. А сейчас прикажи этим молодцам отойти подальше. Я не хочу подпускать их близко, а то как бы мне, на грех, не попался среди них еще какой-нибудь старый знакомый, так же вот, как ты, сбившийся с пути.

Разбойник слушал все это молча, и по его свирепому лицу пробежало какое-то странное выражение; внезапно оно расплылось в добродушную, плутоватую улыбку.

– Ах, мастер Генри, приказать-то я могу, чтобы угодить вашей милости, да только они меня не послушают. Но вам нечего их бояться. Можете подойти хоть вплотную, – они вас не тронут. Хотите, колите их шпагой, любого насквозь проткните, – и не пикнет!

– Вот как? Признаться, на редкость терпеливые малые! Но довольно! Что ты хочешь сказать этим, Грегори?

– Да то, что там никого нет, мастер Генри, – пустота, ровно никого. Ведь это все просто чучела – старые платья да шляпы, и все они хорошо послужили своим хозяевам, пока не попали в руки Грегори Гарта; ну, а теперь они служат ему и неплохо несут свою службу, только она совсем другого рода, как вы сами изволите видеть.

– Так, значит, это просто пугала? У меня промелькнуло такое подозрение.

– Пугала, мастер Генри, и ничего больше. Совершенно безвредные, как и я был когда-то; но после того, как у вас отобрали старое поместье и замок и вы уехали в чужие края, после того...

– Я не хочу слышать твою историю, Гарт, – перебил его прежний хозяин, по крайней мере, после того... Что было, то прошло! Не будем поминать прошлого, если только ты обещаешь мне на будущее бросить свое теперешнее занятие. Рано или поздно, а оно приведет тебя на виселицу.

– Ну, а что же мне теперь делать? – жалобно-укоряющим тоном спросил разбойник.

– Что делать? Да все, что угодно, кроме того, что ты делаешь теперь. Найди себе честную работу.

– Уж сколько я старался и искал! Ах, сэра Генри, вы ведь давно не были в наших краях, не знаете, какое теперь гиблое время! И что только у нас делается! Жить честно – это значит помереть с голоду. Честность теперь не в ходу, у нас в Англии!

– Будет время, – сказал всадник задумчиво, откидываясь в седле, – когда ее будут ценить, и это время не за горами... Грегори Гарт! – продолжал он, обращаясь к разбойнику серьезным и строгим тоном. – У тебя смелое сердце и сильная рука, я это знаю. И я не сомневаюсь, что, несмотря на то что ты сейчас ведешь преступную жизнь, ты сам стоишь за справедливость и чувства у тебя правильные, ибо ты тоже пострадал за них. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Понимаю, сэра Генри, понимаю! – горячо отозвался разбойник. – Правильно вы говорите! Хотя я и зверь и разбойник, а у меня все-таки есть чувство в груди. Из-за этого я и дошел до такой жизни!

– Послушай меня, – сказал всадник, нагнувшись с седла и понижая голос. Недалеко время – и, может быть, гораздо ближе, чем думают иные, – когда твердое сердце и сильная рука, такие, как у тебя, Грегори, понадобятся на другое дело, намного более полезное, чем твое теперешнее ремесло.

– Вы правда так думаете, сэра Генри?

– Да, правда. Послушайся моего совета. Распусти своих верных помощников их стойкость пригодится на что-нибудь другое. Постарайся сбить их одежку и живи себе тихо и спокойно, жди, когда раздастся священный клич «Во имя Бога и народа!»

– Да благословит вас Бог, сэра Генри! – вскричал разбойник, бросаясь к нему и в избытке чувств горячо тряся руку своего бывшего хозяина. – Я слышал, что вы поселились в старом доме, там в лесу, но уж никак не ожидал, что встречу вас на этой дороге. Позвольте мне прийти к вам! Обещаю вам, что вы никогда больше не увидите меня разбойником. С этой ночи Грегори Гарт распрощается с большой дорогой!

– Вот это хорошее решение! – сказал всадник, дружески пожимая руку разбойника. – Я рад за тебя, держись его... Спокойной ночи, Грегори! крикнул он, отъезжая. – Приходи ко мне, когда вздумаешь... Доброй ночи, джентльмены! – промолвил он, с насмешливой учтивостью приподняв свою шляпу с перьями, и помахал ею на прощанье чучелам. – Доброй ночи, почтеннейшие! смеясь, повторил он, проезжая мимо них. – Не трудитесь отвечать на мое приветствие! Ха-ха-ха!

Юный паж, следуя за ним, тоже шутливо раскланялся, и так оба, смеясь, поскакали дальше, оставив разбойника с шайкой его безгласных сообщников.

Глава 10

ПРИГЛАШЕНИЕ

Это необыкновенное происшествие не могло не произвести впечатления на юного пажа и не насмешить его так, что он долго не мог остановиться. Он долго хохотал не переставая и так громко, что хохот его разносился по всей равнине.

– Я почти уверен... – сказал он, задыхаясь от смеха, – совершенно уверен, что это тот самый человек, который остановил карету знатной дамы. Мне этот случай описывала сестра. А вы слышали о нем?

– Слышал, – смеясь, отвечал всадник. – Можно не сомневаться, что Грегори Гарт и разбойник, о котором вы говорите, одно и то же лицо.

– Ха-ха-ха! Подумать только, шесть провожатых... да, кажется, шесть человек верхом охраняли карету! И все шестеро разбежались от одного человека!

– Но вы забываете сообщников! Ха-ха-ха! Ведь надо думать, что Грегори в том случае тоже не преминул расставить свои шесть пугал. И, право, они оказались надежнее, чем те

верховые, которые сопровождали леди. Ха-ха! Клянусь честью, не будь это столь безнравственно, такая изобретательность делает честь моему старому ловчому! А все-таки я никак не ожидал, что мой бывший лесник не придумает для себя ничего лучшего, чем пойти в разбойники! Бедняга! Кто знает, что ему пришлось пережить! Какие испытания и соблазны выпали на его долю! Чего только не приходится терпеть английскому народу во имя – и с ведома – английского короля! Да самый кроткий христианин от всего этого может превратиться в преступника! А Грегори Гарт никогда не отличался кротостью. Уж верно что-нибудь довело его до исступления, раз он пошел на такую отчаянную жизнь. Все это я скоро узнаю.

– Одно обстоятельство, во всяком случае, говорит в его пользу, – заметил юный паж, который, по-видимому, проникся явной симпатией к разбойнику. – Он не позволил себе причинить никакого вреда леди, хотя и остался с нею с глазу на глаз. Правда, он отобрал у нее все драгоценности, но, вообще говоря, держал себя вежливо. Я даже слышал продолжение этой истории, когда проезжал через Эксбридж. Ха-ха! Такое же забавное, как и весь этот необыкновенный случай. Оказывается, прежде чем уйти, он поймал одного из сбежавших провожатых, заставил его сесть на козлы, сунул в руки негодю вожжи и кнут и велел ему продолжать путь!

– Да, все так и было, как вы говорите, мастер Уэд. Я сам слышал этот рассказ, хотя мне, конечно, и в голову не приходило, что этот шутник-разбойник – мой старый слуга, Грегори Гарт. А на него это похоже. Старый плут всегда отличался галантностью. Меня радует, что он не совсем утратил ее.

– И потом, он был прямо вне себя от отчаяния после того, как...

– После того как чуть не отправил на тот свет человека, или, лучше сказать, чуть сам не отправился на тот свет. Счастье, что луна выглянула в эту минуту и осветила его бородатое лицо. А если бы не это, лежал бы он сейчас посреди дороги, бездыханный и безгласный, как его сообщники-пугала. Клянусь, мне было бы очень горько оказаться его палачом! Я рад, что все так хорошо обернулось, а еще больше рад, что он дал мне слово если не совсем исправиться, то по крайней мере как-то изменить свой образ жизни. У него есть свои достоинства – во всяком случае, были, – если только эта скверная жизнь не вытравила из него все хорошее. Ну, я, наверно, скоро увижусь с ним и тогда попробую подвергнуть его испытанию. Посмотрим, осталось ли в нем что-то от былой честности, можно ли надеяться, что он переродится... Это, кажется, въезд в парк вашего отца?

И он кивнул головой, показывая на увитую плющом каменную ограду с чугунными воротами, едва выделявшимися своими мощными перекладинами в густой тени высоких каштанов, которые стояли стройными рядами по обе стороны аллеи, ведущей от ворот к дому.

Наследнику Бэлстрода можно было не напоминать об этом. Три года отсутствия не стерли в его душе ни одной мелочи из памятной картины, столь милой и дорогой его сердцу. Он хорошо помнил дорогу к родительскому дому, и, не успев его спутник договорить, он уже остановился у ворот.

– Мой путь лежит дальше по этой дороге, – продолжал всадник. – Мне жаль, мастер Уэд, что я лишаюсь вашего приятного общества, но ничего не поделаешь, придется расстаться.

– Нет, сэръ! – горячо сказал Уолтер. – Надеюсь, что нет! Не прежде, чем вы дадите мне возможность поблагодарить вас за оказанную услугу. Если бы не вы, то это дорожное приключение и все мое сегодняшнее путешествие могло бы окончиться совсем по-другому. Меня непременно ограбили бы, а может быть, и убили, и я лежал бы, пронзенный пикой вашего бывшего слуги. Благодаря вам я доехал до своего дома целый и невредимый. Поэтому я надеюсь, что вы не откажете сделать мне честь и назовете мне свое имя, имя человека, оказавшего мне столь неоценимую услугу.

– У меня мало прав на вашу благодарность, – возразил всадник. – По правде сказать, вовсе никаких прав, мастер Уэд. Нас с вами свел просто случай, вот мы и оказались

спутниками.

– Ваша скромность, сэра, – отвечал юный паж, – восхищает меня не менее вашего мужества, коего я не раз был свидетелем. Но вы не можете помешать мне чувствовать благодарность и запретить мне выразить ее; если вы откажете мне в чести назвать ваше имя, я все же смогу рассказать своим друзьям, как сильно я обязан неведомому сэру Генри.

– Сэру Генри! Ах, да! Этим титулом наградил меня Гарт. У старика лесничего всегда была страсть к титулам. Так звали моего отца, а чудак Грегори, не искушенный в геральдике, думает, что титул – наследственный. Но это не так. Я не удостоился чести быть посвященным в рыцари шпагой его королевского величества. Да и вряд ли когда-нибудь удостоюсь ее! Ха-ха!

Эта последняя фраза и смех, сопровождавший ее, звучали каким-то горьким вызовом; казалось, тот, у кого вырвались эти слова, не очень-то ценил высокую монаршую милость.

Юный паж, которому так и не удалось узнать имя своего защитника, молчал. Ему казалось, что, поскольку он сам назвал свое имя, он мог бы рассчитывать на большее доверие со стороны своего спутника. Всадник словно угадал его мысли.

– Простите меня, – сказал он прочувствованным голосом. – Простите меня, мастер Уэд, за мою кажущуюся невежливость. Вы оказали мне честь, поинтересовавшись моим именем, и, так как сами вы были откровенны со мной, я не считаю себя вправе, да и не желаю скрывать его от вас. Мое имя – просто Генри Голтспер, а не сэра Генри, как, вы слышали, недавно меня называли. А затем, мастер Уэд, если вам приходилось слышать что-нибудь о некоем заброшенном убежище, именуемом Каменной Балкой, расположенном в глубине леса примерно в трех милях отсюда, и если вы способны разыскать дорогу туда, я могу обещать вам радушный прием, кусок дичи и кубок канарского вина, чтобы запить его, и, пожалуй, ничего больше. Утром я почти всегда дома. Если вам придется проезжать мимо, милости просим!

– Но сначала вы должны прийти к нам, – сказал Уолтер. – Я с удовольствием пригласил бы вас сейчас, если бы не было так поздно. Боюсь, что у нас уже все спят. Но приезжайте непременно и поскорей! И разрешите мне познакомить вас с отцом. Я уверен, что он захочет поблагодарить вас за оказанную мне услугу, так же как и моя сестра Марион.

Сердце Генри Голтспера радостно встрепенулось, когда он услышал эти слова. Марион захочет поблагодарить его! Вспомнит о нем, пусть даже это воспоминание будет вызвано только благодарностью!

О, любовь! Какое счастье любить и быть любимым! Какое невыразимое блаженство предвкушать тебя в сладостной мечте!

Будь юный паж несколько наблюдательнее, он подметил бы сейчас на лице Генри Голтспера какое-то странное выражение, которое тот явно старался скрыть.

Брат возлюбленной – это не тот человек, кому влюбленный спешит открыть тайну своего сердца. Неизвестно, как он отнесется к вашему признанию, даже если вы не менее состоятельны и знакомство совершилось по всем правилам, а намерения ваши вполне честны. Но если, по несчастному стечению обстоятельств, нарушено хоть одно из этих неперемных условий, брат оказывается для вас самым страшным и непримиримым противником.

Может быть, эта мысль вызвала у Генри Голтспера невольное смятение чувств, которое он постарался скрыть от брата Марион Уэд? Не потому ли он был так смущен, когда благодарил его за приглашение? И не потому ли на его открытом лице промелькнуло какое-то странное выражение несвойственной ему робости?

Юный паж, ничего не замечая, продолжал настойчиво уговаривать его:

– Так вы обещаете приехать?

– Благодарю вас! Приеду как-нибудь, с удовольствием!

– Нет, мистер Голтспер, «как-нибудь» – это очень неопределенно. Правда, мое приглашение тоже неопределенно. Тогда вот что: приезжайте завтра. Отец устраивает праздник под открытым небом у нас в парке. Завтра день моего рождения, и, наверно,

празднество будет по всем правилам, на широкую ногу. Обещайте, что вы будете нашим гостем!

– Обещаю от всего сердца, мастер Уэд! Буду чрезвычайно счастлив.

Пожелав друг другу на прощание доброй ночи, путешественники расстались: Уолтер скрылся за воротами парка, а всадник поехал дальше по дороге, которая бежала вдоль ограды.

Глава 11

СОМНИТЕЛЬНОЕ НАПУТСТВИЕ

Проводив взглядом удаляющихся путников, незадачливый разбойник долго стоял на месте, прислушиваясь к замиравшему вдалеке стуку копыт.

Потом он уселся на краю дороги, упершись локтями в колени и склонив на руки свою лохматую голову. Так он сидел некоторое время в полном оцепенении, безмолвный и неподвижный, как сфинкс.

Быстрая смена выражений, пробегавших по его лицу, вряд ли была бы понятна человеку, не посвященному в его биографию и не участвовавшему, хотя бы в качестве свидетеля, в недавнем происшествии. Скорбное раскаяние омрачало его чело, между тем как в темно-серых глазах нет-нет, да и вспыхивала горькая досада, когда он вспоминал о двух кошельках, так неожиданно ускользнувших из его рук.

По-видимому, тут происходила борьба чувств. Совесть вступала в поединок с жадностью, и, надо полагать, им давно уже не приходилось сталкиваться. Он так был поглощен этой борьбой, что даже лишился дара речи, а сообщники его, разумеется, почтительно соблюдали тишину.

По лицу Грегори Гарта, несмотря на его преступное ремесло, даже и в самые худшие минуты, можно было заключить, что это не бесчестный человек. Сейчас, когда он сидел вот так – на обочине дороги, на той самой обочине, где он часто прятался в засаде, – на его лице, ярко освещенном луной, проступали подлинные человеческие чувства – раскаяние, глубокая скорбь. Если бы не его окружение, не все эти красноречивые персонажи из драматической сцены, всякий, кому ни случилось бы сейчас пройти мимо, наверно, решил бы, что это честный человек, которого недавно постигло какое-то тяжкое бедствие.

Но никто не проходил, и, сидя один в ночной тиши, он молча предавался своим печальным думам.

Но вот наконец он прервал молчание. Ночная тишина огласилась не угрожающими криками, не разбойничьими возгласами, а тихими горестными стенаньями.

– О Господи! – причитал он. – Подумать только, я угрожал мастеру Генри! Конечно, я и не собирался его колоть, только поугатать хотел, чтобы не сопротивлялся. Да ведь он-то все равно думает, что я собирался его убить! О Господи! Разве он когда-нибудь простит мне это? Ну, да теперь уж ничему не поможешь, придется сдержать обещание. Довольно промышлять чужими кошельками или обирать проезжих богатых дам! Охота кончена!

На его сокрушенном лице внезапно промелькнуло выражение досады, словно ему вдруг стало жаль, что он дал такое обещание и теперь придется его держать. Борьба между совестью и жадностью, по-видимому, еще не совсем окончилась.

– Нет, я сдержу свое слово! – вскричал он, вскакивая на ноги и словно кому-то объявляя о своем решении. – Я сдержу его во что бы то ни стало, хотя бы мне пришлось подохнуть с голоду! Разойдись! – насмешливо scomандовал он безмолвной шайке. – Марш по домам, бродяги! Ваш атаман Грегори Гарт больше не нуждается в вас. Эх, черт побери, жаль мне расставаться с вами, ребята! продолжал он все тем же насмешливым и важным тоном. – Вы были мне верны, как сталь! Никогда между нами худого слова не было. Ну что ж, ничего не поделаешь, ребята! Рано или поздно, расстанутся лучшие друзья, а прежде чем нам расстаться, я уж, как-никак, позабочусь обо всех вас. Есть у меня приятель в Эксбридже. Он держит ссудную лавку, промышляет разным старьем. Выгодное дельце! Я думаю, у него

найдется для вас местечко. Вам у него будет неплохо! Будет вам и компания, самая что ни на есть лучшая – золото да драгоценности. И не бойтесь, там с вами ничего не случится. Я на всех на вас возьму расписки, чтобы вы были в полной сохранности; а в случае, если вы мне опять понадобитесь...

Но тут раскаявшийся разбойник внезапно прервал свою удивительную прощальную речь: до его слуха донеслись какие-то звуки, и звуки очень знакомые для его настороженного слуха. Это был конский топот, свидетельствующий о приближении всадника – путника, едущего по дороге. Это были не те путники, с которыми он расстался недавно, – те ехали на Джеррет Хис, а этот ехал с противоположной стороны: топот слышался по дороге от Красного Холма.

По стуку подков можно было сказать, что он едет один. И едет медленно, осторожно, едва плетется, словно он не знает дороги или боится пустить лошадь рысью, чтобы не споткнулась на неровной тропинке.

Услышав конский топот, Грегори Гарт тотчас, словно подчиняясь какому-то инстинкту, прекратил свою диковинную речь и, даже не извинившись перед благовоспитанными слушателями, повернулся к ним спиной и прислушался.

– Одиноким путник! – пробормотал он про себя. – Плетется черепашим шагом. Должно быть, фермер хватил лишнего в «Голове сарацина» да и заснул в седле. А ведь сегодня, кажется, рынок в Эксбридже!

Грабительские инстинкты, только что побежденные совестью, проснувшейся в нем после такой унижительной встречи с прежним хозяином, снова начали одолевать его. – А любопытно, – продолжал он бормотать себе под нос, – есть ли у этого колбасника денежки при себе? Или он все спустил в кабаке? Ах, да какое мне дело, есть они у него или нет! Я же дал слово мастеру Генри, что это моя последняя ночь! И, черт меня побери, я должен сдержать слово!.. Ага! Пстой-ка! – промолвил он, помолчав минуту. – Я обещал ему, что это будет последняя ночь. Да, так ты и сказал, Грегори Гарт, совершенно точно! Так, значит, я вовсе не нарушу обещания, если... Ведь ночь-то еще не кончилась! Сейчас еще немногим больше одиннадцати. Я слышал, как на челфонтской колокольне пробило одиннадцать. А ночь кончится только после двенадцати. Так оно считается по закону нашей страны. Да что там раздумывать! Хуже, чем сейчас, все равно быть не может. А коли украд овец и тебе грозит виселица, лучше уж разом отвечать за все стадо! Ведь мастер-то Генри вовсе не обещал взять меня к себе. А далеко ли я на своей честности уеду? Что же мне, так с голоду и подыхать? Ведь у меня сейчас хоть все карманы вывороти, ничего нет. А за эти лохмотья много не выручишь. А ну его к черту! Остановлю этого колбасника да погляжу, не продал ли он свою скотину.

– По местам, ребята! – скомандовал он снова, оборачиваясь к своим чучелам с таким видом, словно он и в самом деле верил, что это его помощники. Смирно, ребята! Будьте наготове и ведите себя так, будто мы и не собирались с вами расставаться.

И, закончив свою речь этим внушительным предостережением, разбойник отступил в тень кустов и спрятался за развалившейся хижинкой; притаившись в своей засаде, он стал поджидать неосторожного путника, которого его злополучная судьба заставила пуститься в этот поздний час по глухой дороге в Джеррет Хис.

Глава 12

НАПАДЕНИЕ НА ПРИДВОРНОГО

Разбойнику недолго пришлось дожидаться своей жертвы. Некоторое время ушло у него на приготовление к встрече, и, когда путник наконец поравнялся с хижинкой, Гарт, притаившийся в засаде, еле удерживался, чтобы не выскочить раньше времени, точно собака на сворке, рвущаяся за дичью.

Когда всадник, появившись из-за деревьев, выехал на открытое место и луна осветила и его и его коня, разбойник замер от удивления: вместо фермера, одурманенного скверной

водкой в «Голове сарацина», Гарт увидел перед собой кавалера в роскошном шелковом камзоле, верхом на усталом, но прекрасном коне.

Но как ни велико было изумление Грегори, он ничуть не смутился и не оробел. Наоборот, он даже обрадовался, когда вместо пьяного увальня, да еще, быть может, с пустым карманом, увидел перед собой богатого дворянина, который всем своим видом сулил ему кошелек, полный золота, и – на опытный глаз грабителя – заставить этого дворянина расстаться с кошельком не представляет особой трудности: вряд ли это было связано с большим риском.

Не медля ни секунды, разбойник выскочил из-за хижины, приветствуя раздетого в атлас кавалера тем же грозным окриком, каким он полчаса назад встретил двух всадников.

Но только в этот раз на его обычное требование: «Стой, ни с места!» последовал совсем другой ответ. Такие путешественники, как Черный Всадник, редко попадались на дороге, а этот щеголь на загнанном коне, вместо того чтобы выхватить пистолет из кобуры или шпагу из ножен, сразу поднял обе руки вверх в знак того, что он сдается, и дрожащим голосом жалобно взмолился о пощаде.

– Чего ты расхныкался, черт тебя дери! – прикрикнул на него Гарт, направляя свою пику на грудь перепуганного всадника. – Не бойся, тебе ничего дурного не сделают. Никто из них тебя пальцем не тронет, ежели ты не вздумаешь сопротивляться... Смирно, ребята! Кавалер не вздорный, он с нами спорить не станет.

– Нет, нет, уверяю вас! – с готовностью подхватил путник. – Я никому из вас не желаю зла. Поверьте мне, друзья! Я с радостью отдам вам все деньги, которые у меня есть. Их не так много – ведь я всего-навсего бедный королевский гонец!

– Королевский гонец? – явно заинтересовавшись, повторил атаман. – А позвольте вас спросить в таком случае, – продолжал он, подходя вплотную к всаднику и хватая за узду его коня, – куда это ваша милость держит путь?

– О сэра, – дрожа всем телом, отвечал придворный, – я рад, что встретил человека, который, наверно, может указать мне дорогу. Я везу письмо от его королевского величества капитану Скэрти, командиру отряда королевских кирасиров, который должен квартировать или уже расквартирован в Бэлстрод Парке у сэра Мармадьюка Уэда, в графстве Бэкингем, где-то в этих краях.

– Ого, вот оно что! – пробормотал про себя Грегори Гарт. – Письмо от его королевского величества капитану Скэрти! Сэр Мармадьук Уэд! Бэлстрод Парк! Что бы это такое могло значить?

– А вы, милый друг, знаете сэра Мармадьюка Уэда?

– Ну, если я и не имею удовольствия знать вас, господин Шелковый Камзол, – презрительно отвечал разбойник, – а также не имею чести считать себя вашим другом, то что касается сэра Мармадьюка Уэда, – я все же могу сказать, что он мне не безызвестен! А вот про вашего капитана Скэрти... Первый раз в жизни слышу, что есть такой в наших краях! И про то, что кирасиры на постое стоят в Бэлстрод Парке, тоже впервые слышу! Все это диво дивное для Грегори Гарта.

– Уверяю вас, милый друг, все это сушая правда. Капитан Скэрти со своим отрядом сейчас уже, наверно, в Бэлстрод Парке, и если вы только проводите меня туда...

– Не мое это дело! Провожайте себя сами! До Бэлстрод Парка отсюда рукой подать. А что до капитана Скэрти или королевских кирасиров, – я таких не знаю. А ежели у вас есть письмо, можете отдать его мне вместе со всей наличностью, что у вас есть при себе, господин шелкопер. А ну-ка, выкладывайте!

– Ах, сэра, пожалуйста, берите все мои деньги, и вот вам еще часы, и эта цепочка, но умоляю вас, во имя любви к нашему доброму королю, позвольте мне продолжать мой путь и выполнить возложенное на меня поручение!

– А может, у меня вовсе и нет такой любви к «нашему доброму королю», как ты думаешь, ливрейная твоя душа! А ну, живо выкладывай все, что у тебя есть, пока мои молодцы не раздели тебя догола!.. Смирно, ребята, ни шагу! Он и не думает сопротивляться!

– Нет, нет, друзья! Клянусь, я отдам вам все, что у меня есть. Вот вам мой кошелек. Мне очень жаль, что в нем не так много денег. Вот вам мои часы. Это подарок нашей всемилостивейшей королевы. Можете убедиться, сэр, очень ценная вещь!

Разбойник с жадностью вырвал у него из рук часы и, сжав их в своей грубой, мозолистой ладони, стал разглядывать при свете луны.

– И впрямь ценные, – промолвил он, повертев их и пощупав крышку. Похоже, отделано драгоценными камнями. Так ты говоришь, это подарок королевы?

– Я получил их из собственных рук ее величества.

– Экая подлая французинка! Так-то она пускает на ветер наши английские денежки! Вот и выходит, что она – грабитель почище, чем Грегори Гарт. Так вот и скажи ей от меня, если тебе еще выпадет случай побеседовать с ней. Ну, поторапливайся у меня! Что там у тебя еще есть, выворачивай карманы!

– Тут только перочинный ножик, вот эти облатки и карандаш. И это все, уверяю вас!

– А это что такое блестит? – спросил разбойник, тыкая пальцем в отворот камзола, которым придворный явно старался что-то прикрыть. – Что это там висит у тебя на шее? А ну-ка, дай поглядеть!

– Это... это, сэр, медальон.

– Медальон? Это что за штука?

– Ну... это... просто...

– По виду совсем как часы. А что там внутри?

– Ничего.

– Ничего? Так чего ради ты носишь его на шее?

– В нем хранится... Ах, сэр, для вас это не имеет цены! Это просто прядь волос.

– Прядь волос? А, чей-то локон на память! Ну конечно, какая же ему цена! Мне, по крайней мере, от него никакого проку. Можешь оставить его себе. Только вынь его из этой штучки да давай ее сюда. За нее кое-что можно выручить. Ну, живей!

Придворный, не помня себя от страха, тотчас же подчинился требованию и с перепугу даже не воспользовался позволением сохранить драгоценный локон; сняв с шеи медальон, он покорно отдал его вместе с локоном в руки грабителя.

– Вот, сэр, – умоляюще прошептал он, – теперь я отдал вам все, что у меня есть!

– Нет, не все! – грубо проворчал разбойник. – У тебя есть еще отличный камзол, новехонький, весь атласный, и под ним такие же штаны; сапоги со шпорами отменного качества и прекрасная шляпа с перьями. Да вон еще какой тесак за поясом! Я-то сам не ношу таких вещей, да есть у меня родственник вот ему будет от меня подарок. Ну, раздевайся!

– Как, сэр! Неужели вы заставите меня раздеться догола? Вы забыли, что я королевский гонец и еду по поручению его величества!

– Помню, помню, провались ты со своим королем! Что ты мне такое поешь? Тут тебя слушать некому, это у вас при дворе пение в чести. А с тобой говорю попросту: слезай с коня да стаскивай с себя все!

Хотя в голосе разбойника явно слышалась насмешка, несчастный гонец видел, что с ним вовсе не шутят.

Как ни обидно ему было, а пришлось слезть с коня и раздеться посреди дороги.

Безжалостный разбойник стоял над ним, пока он не разделся почти догола на нем остались только сорочка да носки.

– О сэр, неужели вы позволите мне ехать в таком виде? – протягивая к нему руки, взмолился несчастный гонец. – Неужели вы отпустите меня так, меня, королевского гонца? Как я могу ехать верхом без сапог, без шляпы, без камзола, без...

– Будет тебе хныкать! – прикрикнул на него Гарт, связывая в узел его одежду. – Кто тебе сказал, что ты поедешь верхом? И где твоя лошадь, хотел бы я знать? Гонец неуверенно кивнул в сторону своего коня.

– Эта?... – невозмутимо протянул разбойник, продолжая возиться с узлом. Может быть, минут десять назад это и была твоя лошадь, а теперь она стала моя. Довольно я походил

пешком, пока ты разъезжал в свое удовольствие! Пришло время и мне покататься немножко. Так-то оно будет справедливой – по очереди.

Королевский гонец, онемев от страха, стоял раздетый посреди дороги; он уже почти перестал что-либо понимать от потрясения, но чувствовал, что никакие мольбы и увещания ничем не помогут. Поэтому он ничего не ответил. Он стоял, трясаясь всем телом, и зубы его отбивали непрерывную дробь, похожую на стук кастаньет, потому что ночь выдалась холодная, одна из тех осенних ночей, когда холод пробирает вас насквозь, вроде как в декабре.

Разбойник не обращал на него внимания, пока не сложил все вещи и не справился со своим узлом. Затем, разогнув спину, он стал во весь рост прямо против своей жертвы и окинул ее с ног до головы насмешливым и вместе с тем суровым взглядом. Постепенно угрюмая суровость на его лице вытеснила все остальное; казалось, его охватило какое-то подозрение.

– Хоть ты и трус, королевский любимчик, – промолвил он с горькой усмешкой, презрительно обращаясь к трясущемуся гонцу, – а кто знает: может, ты труслив, да хитер и еще наделаешь бед. Лучше уж я позабочусь, чтобы ты не двигался с места. Идем-ка со мной в этот домишко. Да не противься, тебе там будет теплей! Эх тебя всего трясет! Идем!

И, не дожидаясь его согласия или отказа, разбойник схватил гонца за руку и втащил его чуть живого через порог в хижину.

Очутившись с ним в стенах развалившейся лачуги, он взял толстую веревку и начал старательно связывать свою несчастную жертву, не оказывающую ему ни малейшего сопротивления. В лачуге было достаточно светло, так как через обвалившуюся крышу светил месяц, озаряя голые стены и устланный соломой земляной пол.

Грегори был не новичок по части вязания узлов и быстро справился со своим делом; через несколько минут королевский гонец стоял крепко связанный по рукам и ногам, словно какой-нибудь опасный преступник.

– Вот так-то будет лучше! – с видимым удовлетворением сказал разбойник, затягивая последний узел. – Теперь ты у меня не выпутаешься, пока кто-нибудь тебя не развяжет; но уж кто это будет – не знаю, только не я. Я не хочу поступать с тобой жестоко, хоть ты и королевский прислужник; мне кажется, тебе будет удобнее лежать. Дай-ка я помогу тебе!

С этими словами он выпустил веревку из рук, и злосчастный гонец тяжело грохнулся наземь.

– Лежи здесь, господин посыльный, пока кто-нибудь не подымет тебя. Я позабочусь о том, чтобы доставить твою грамоту. Спокойной ночи!

И Грегори Гарт, посмеиваясь, шагнул через порог, оставив ошеломленного путника наедине с его невеселыми и отнюдь не спокойными думами.

Выйдя из хижины, разбойник взял коня под уздцы и вывел его на середину дороги; он привязал узел с одеждой к седлу и уж совсем было вложил ногу в стремя, как вдруг, словно спохватившись, остановился в раздумье. Так он стоял с минуту, не двигаясь с места.

– Ах, черт возьми, старые товарищи! – внезапно воскликнул он, поворачиваясь к своим сообщникам. – Как же можем мы с вами так вот расстаться! Если Грегори Гарт стал теперь настоящим баринком, он не должен гнушаться своими скромными помощниками. Нет-нет! Все вы поедете со мной, все до единого. Хоть вы все вместе не стоите одной этой блестящей штучки, что тикает у меня в кармане, все же вы годитесь на что-нибудь получше, чем пугать ворон здесь на Джеррет Хис. Едем со мной, ребята! Я думаю, этот рослый коняга из королевской конюшни свезет нас всех, уж как-нибудь мы да усядемся. Кто – на круп, а кто – на загривок. А ну, собирайся живей!

И он тут же бросился в кусты и начал стаскивать одеяния со своих пугал, постепенно переходя от одного к другому. Обобрав их всех до единого, он вернулся с этой грудой старья к лошади и стал пристраивать его сзади и спереди к седлу; затем обвязал все веревками и наконец, усевшись сам, довольный пустился в путь.

Едва он доехал до перекрестка, часы в Челфонте на колокольне церкви Святого Петра

пробили двенадцать.

– Ровно двенадцать! – радостно воскликнул Гарт. – Только-только поспел! А все-таки я сдержал свое слово – не обманул мастера Генри! Да ведь я не мог бы посмотреть ему в лицо, коли бы нарушил слово! Вон он звонит, старый колокол! Как приятен этот звон в ночной тиши! Вспоминается время, когда я был еще невинным младенцем. Звони, звони, челфонтский колокол! Звони на весь свет, чтобы все знали, что Грегори Гарт распростился с большой дорогой!

Глава 13

СЕЛЬСКИЙ ПРАЗДНИК

Там, где Чилтернские холмы сбрасывают с себя свой древесный покров, которым и поныне одета большая часть их поверхности, они удивительно напоминают великую североамериканскую степь, те ее обширные области, что на языке охотников называются волнистыми долами. А еще их можно уподобить океану, затихшему внезапно после сильного шторма, когда волны уже не вздымают пенистых гребней и не набегают одна на другую высокими параллельными грядами. Если вы способны вообразить себе эту водяную стихию, внезапно превращенную в твердую землю, вы получите точное представление о рельефе Чилтернского края. С незапамятных времен эти холмы пользовались особой славой. Англия давно уже стала возделанной страной, но еще много лет спустя после расцвета английского земледелия их девственная почва не знала прикосновения плуга; и даже и по сие время обширные пространства этого края остаются нетронутой целиной, поросшей вереском, дроком или покрытой густой чащей буковых лесов.

В истории Англии за этими холмами сохранилась недобрая слава. Их непроходимые чащи, где водится благородный олень и прочая дичь, достойная внимания охотника, служат надежным убежищем разбойникам и беглым преступникам; и в прежнее время здесь необходим был постоянный надзор, который поручался смотрителю, располагавшему вооруженной охраной, дабы обеспечить путникам безопасный проезд в этих краях. Вот тогда-то и возникла эта пресловутая должность – ныне, к счастью, представляющая собой только синекуру (Синекура (от латинского sine cura – без заботы) – хорошо оплачиваемая должность, не требующая от занимающего ее никакого труда.), но, к несчастью, в нашей обремененной налогами стране это не единственная синекура, пережившая свое полезное назначение.

В самой восточной части Чилтернского края расположено родовое поместье Уэдов Бэлстрод. Это одно из самых старинных владений в Англии, существовавшее еще до нашествия норманнов... быть может, со времен отвода римских войск. Некогда здесь происходили бои, о чем свидетельствуют уцелевшие и поныне остатки древнегерманских укреплений и странная легенда, связанная с ними и дошедшая до нас от тех времен.

На всем обширном пространстве, свыше тысячи акров, где раскинулось поместье Бэлстрод Парк, вряд ли найдется хотя бы один клочок земли, который можно было бы назвать плоским; единственное исключение составляет площадь, обнесенная рвом, где виднеются укрепления, о которых упоминалось выше. Всюду вокруг отлогие холмы, волнистые склоны, отделенные друг от друга глубокими долинами и оврагами, впадины которых так точно повторяют округлые выпуклости пригорков, что кажется, будто эти пригорки выкорчеваны из долин и поставлены на прежнее место вверх подножиями. Парк представляет собой ту же картину, что и Чилтернские холмы, – зыбь океана, внезапно обратившуюся в твердь, когда волны и борозды между ними утратили свою параллельность. Долины и овраги разбегаются во все стороны, сталкиваясь и пересекая друг друга; то они взбираются вверх, то обрываются круто глубокими таинственными лощинами, густо поросшими кустами боярышника, орешником и остролистом, откуда всю ночь напролет доносится соловьиное щелканье. Гряды холмов так же беспорядочно набегают одна на другую или кое-где поднимаются одиночными пригорками, такими ровными и гладкими, что

они производят впечатление искусственных. Заросли кустарника, купы громадных деревьев – вязы, дубы, буки и каштаны одевают склоны, опоясывают вершины, а открытые пространства между ними манят такой яркой, свежей зеленью, какую только и можно увидеть на пастбищах или в английских парках. Так выглядел Бэлстрод Парк в XVII веке; таким, невзирая на кое-какие незначительные перемены, сохранился он и по сей день.

Наступил тот знаменательный день, который сэра Мармадюк Уэд решил отметить торжественным празднеством, – день рождения сына, первый день после его возвращения в родительский дом.

Раннее осеннее утро полыхает алой зарей и обещает погожий денек, и огненный шар солнца, словно подтверждая это обещание, уже плывет над горизонтом в синем безоблачном небосводе. Косые солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву деревьев, мягко золотят мглистые лесные тропинки, но на открытых полянах парка они уже осушили росу, и яркая зелень так и манит к себе, словно пышный ковер, раскинутый для предстоящего праздника.

По всему видно, что сэра Мармадюк Уэд щедро разослал приглашения, и нет сомнений, что все они с радостью приняты. На много миль в округности по всем дорогам и тропинкам, ведущим в усадьбу, с раннего утра движутся пестрые кучки празднично одетых крестьян – старых и молодых, белокурых и темноволосых, пригожих и невзрачных; но все они одинаково полны оживления, всем хочется повеселиться.

На открытой площадке, обнесенной рвом, собралась тысячная толпа. Кто топчется на месте, кто уселся в тени под деревьями или на заросшем травой откосе рва; там и сям стоят тесным кольцом зрители и с интересом наблюдают за происходящими внутри кольца играми и состязаниями. Тут идет игра в мяч, там – в шары, любимая королевская игра, а потому и самая модная; а там дальше народ обступил двух фехтующих – только не на рапирах, а на палках: два здоровенных парня с таким усердием дубасят друг дружку, словно поклялись проломить один другому череп; к счастью, оружие у них таково, что достичь этого не так просто.

Тут же поблизости идет другая, более изящная игра – в горелки, в которой голубоглазые девушки бегут врассыпную, спасаясь от своих кавалеров, и все же охотно позволяют себя поймать.

Тут можно наблюдать и борьбу, и футбол, и метание колец, и стрельбу в цель, и бег наперегонки, и чехарду, и прыжки.

Недалеко от площадки, за рвом, устроены большие очаги под открытым небом, где слуги сэра Мармадюка жарят громадные туши быков и свиней со вспоротым для фаршировки брюхом. Это место часа через два будет самым заманчивым для гуляющих.

В парке сэра Мармадюка собрались не только поселяне. Роскошно одетые кавалеры с нарядными дамами стоят, оживленно беседуя, и следят с интересом за играми; многие из них и сами принимают участие в играх «Fkte champktre» (Fkte champktre (франц.) – сельский праздник.) – это модное развлечение, и никакое звание не заглушает в человеке жажды невинного веселья. Поэтому владелица замка может, не нарушая приличий, присоединиться к пляскам под открытым небом наравне со своими служанками, а хозяин – сыграть партию в шары или пофехтовать на палках со своим арендатором. В те времена даже сам король нередко снисходил к таким забавам.

Веселье царило в парке сэра Мармадюка Уэда, праздновавшего день рождения своего отпрыска, счастливый и памятный день, в который Провидение послало ему наследника и сына.

Глава 14

ВПЕРЕД, МАРШ!

Часы на колокольне в Эксбридже прозвонили полдень; кирасиры Скэрти все еще толпились на постоялом дворе, хотя уже в полной готовности, каждый около своего коня, готовый по первому знаку очутиться в седле.

Время было позднее, давно бы уж пора двинуться в поход, но им пришлось задержаться. Причина их задержки была налицо: новенькие подковы на ногах лошадей. А для этого пришлось вызывать кузнеца из Эксбриджа.

А впрочем, им некуда было особенно торопиться. Идти было недалеко, и не пройдет и часа, как задание, возложенное на них, будет завершено. В двенадцать они уже все выстроились в ожидании приказа.

– По коням! – раздалась короткая команда, и в ту же секунду на крыльце харчевни появились оба офицера.

Кирасиры вскочили в седла, и звон сабель, стальных доспехов и стук копыт в полуденной тишине осеннего дня разнесся далеко по окрестностям. Лавочники в Эксбридже, услышав издали этот шум, вздохнули с облегчением. Всю ночь королевские головорезы шатались по улицам, буянили, не давали покоя жителям и угощались на чужой счет.

Неудивительно, что все обрадовались, услышав это бряцание сабель и шпор, свидетельствующее о том, что капитан Скэрти со своим отрядом снялся наконец из «Головы сарацина».

Когда солдаты уже сидели на лошадях, оба офицера не спеша подошли к своим коням. Корнет долго не мог попасть ногой в стремя, а когда он с трудом уселся верхом, каждому, глядя на него, невольно приходило в голову: а сможет ли он удержаться в седле? Стаббс был здорово пьян и качался из стороны в сторону.

Командир также был сильно навеселе, хотя и не до такой степени. Во всяком случае, по нему это было не так видно. Он взобрался на своего коня без посторонней помощи и, очутившись в седле, держался прямо. Возможно, это превосходство над товарищем объяснялось в данном случае простой привычкой. Скэрти был старый солдат, а у Стаббса этого преимущества не было.

Они сели угощаться в харчевне еще накануне, на исходе дня.

Происшествие, разыгравшееся там, вряд ли оказало на них утешительное действие, поэтому офицеры продолжали пить, только перенесли это занятие в Эксбридж, где они переходили из одного кабака в другой. Там им подвернулись собутыльники, которые в свою очередь пригласили их в компанию веселых ночных гуляк; так они пировали до зари, и только когда уже бледный утренний свет забрезжил над долиной Колна, усталые бражники, шатаясь, поплелись через мост на свою временную квартиру.

Пока кузнецы ковали лошадей, офицеры прилегли на часок и оба встали разбитые, хоть им и предоставили самые лучшие кровати из всех, что были на постоялом дворе. Проснувшись около двенадцати, Скэрти потребовал себе кружку браги для успокоения нервов; он чувствовал, что они у него здорово развинтились за ночь. Позавтракав на скорую руку, он скомандовал отряду садиться на коней. И теперь все только ждали приказа двинуться в путь.

– Друзья! – обратился Скэрти к солдатам, твердо усевшись в седле. – Мы провели с вами ночь в гнезде бунтовщиков. Этот город Эксбридж кишит предателями: квакеры, сектанты, пуритане, – все это одна шайка.

– В-ик!-вверно, – икнул Стаббс, пытаясь держаться прямо.

– Верно, капитан, правильно вы говорите! – хором подхватили солдаты, и громче всех те, которые не расплатились по счетам.

– Ну, и черт с ними! – пробормотал Скэрти, внезапно потеряв всякий интерес к Эксбриджу и всему, что в нем делается. – Посмотрим, что ждет нас впереди... Нет... не то... Сначала оглянемся назад. Ни одной хорошенькой девчонки в харчевне! Экая жалость! Ну, наплевать! Обойдемся и без женщин, было бы вино! Эй, Бонифас, а ну-ка, выкатывай бочку!.. Что вы будете пить, дармоеды? Пиво? – Да-да, все, что вы ни поднесете, господин капитан!

– Пива, Бонифас! А мне тащи хересу... А вы что скажете, Стаббс?

– Хересу! – еле ворочая языком, выговорил корнет. – Только хересу, нич-чего больше! Хересу!

– Кто платит? – спросил хозяин, явно опасаясь, как бы этот последний заказ не оказался даровым угощением.

– Получай, скотина! – крикнул Скэрти и, достав из кармана золотой, швырнул его в лицо хозяину. – Ты что думаешь, королевские кирасиры – это разбойники с большой дороги? Вина, вина! Да поживей! А не то я откупорю твой бочонок своей шпагой!

На постоянных дворах в прежнее время держали много подручных, и через несколько секунд солдаты уже держали в руках кружки с пивом, а офицеры чарки с вином. Отечественный напиток был разлит быстрее, но солдаты из уважения к начальству дожидались, пока офицерам не нальют чарки белого испанского вина.

Схватив поданную ему чарку, Скэрти поднял ее над головой и крикнул:

– За короля!

– За кко-ро-ля! – повторил Стаббс.

– За короля! За короля! – разом подхватили полсотни голосов, и кое-кто из стоявших рядом тоже пробормотал: – За короля!

– Бросай кружки! – скомандовал капитан и первый швырнул свою чарку на середину дороги.

Солдаты тотчас же последовали его примеру, и мигом вся мостовая была усеяна блестящими оловянными кружками.

– Вперед, марш! – гаркнул Скэрти, прищпоривая своего скакуна.

И отряд кирасиров с бешеным командиром во главе выехал с постоянного двора и направился по дороге к Красному Холму, а мертвецки пьяный корнет трусил позади всех.

Несмотря на изрядное количество поглощенного им вина, капитан кирасиров был настроен отнюдь не весело. Он, собственно, и пил-то главным образом для того, чтобы заглушить вином неприятное воспоминание, до сих пор не дававшее ему покоя. Он никак не мог забыть того оскорбления, которое ему нанесли вчера вечером; ему казалось, что оно уронило его в глазах подчиненных. Признаться, он был почти уверен в этом, и поэтому все его мысли сейчас, когда он ехал впереди своего отряда, были заняты исключительно Черным Всадником и тем, как бы отомстить таинственному незнакомцу.

Скэрти направлялся на постояльцы в те края, где, по рассказам, находился и дом Черного Всадника, и он утешал себя мыслью, что, если квартира окажется скучной, у него, по крайней мере, будет развлечение: уж там-то он сумеет найти способ проучить незнакомца и удовлетворить свою жажду мщения!

Если бы он мог в эту минуту проникнуть взглядом сквозь густую листву деревьев, опоясывающих вершину Красного Холма, он увидел бы того самого человека, которому он мечтал отомстить, – всадника на черном коне, из-за чего он и получил свое прозвище, Скэрти увидел бы, как всадник вдруг круто повернул и поскакал в сторону, в том самом направлении, куда и он, Скэрти, ехал со своим отрядом, – в Бэлстрод Парк, в усадьбу сэра Мармадьюка Уэда.

Но хоть Скэрти и не видел этого, его дневной поход все же не обошелся без приключений, и приключение это было настолько необычно, что о нем стоит рассказать, тем более что для капитана кирасиров оно было чревато некоторыми важными и непредвиденными последствиями.

Когда отряд кирасиров поравнялся с развалившейся хижинкой на Джеррет Хис, до их слуха донеслись жалобные стоны, исходившие, по-видимому, из самой хижины. Время от времени эти стоны переходили в отчаянные вопли.

Кирасиры бросились в хижину, и глазам их представилось странное зрелище: на полу, в одной сорочке, связанный по рукам и ногам, лежал человек. Он рассказал им, что он, кажется, видел ужасный сон, но похоже, что это вовсе не сон, а действительно случилось с ним на самом деле. Он курьер его королевского величества и направлялся в Бэлстрод Парк, вез письмо капитану Скэрти, но письмо это пропало; у него отняли все, что у него было, вплоть до лошади, на которой он ехал.

Заставив его рассказать все подробно, Скэрти, сначала огорченный пропажей

королевского приказа, вскоре забыл и думать о нем – так насмешили его злоключения несчастного курьера. Он посадил беднягу на коня и велел ему ехать обратно, туда, откуда его послали. Затем отряд кирасиров снова двинулся в путь, и еще долгое время после этого пустынная равнина Джеррет Хис оглашалась взрывами громкого хохота.

Глава 15

ЧЕРНЫЙ ВСАДНИК

Большие часы на башне замка Бэлстрод пробили двенадцать. Игры и состязания в парке были в полном разгаре; зрители увлеклись не меньше участников, и те и другие веселились от души.

Солидные фермеры стояли кучками и, наклоняясь друг к другу, чтобы их не услышали, тихонько обсуждали последний указ короля, высказываясь о нем крайне неодобрительно.

Они жаловались друг другу на непрестанное вымогательство сверху, на то, что их душат неслыханными налогами, собирают с них деньги на флот, на армию, на содержание охраны, облагают податями, называя это добровольным даянием. Но хуже всего – это постой воинских частей, когда к человеку, заподозренному в оскорблении короля или кого-нибудь из его приближенных, – все равно, будь это словом или делом, – ставили на квартиру разнузданную ораву солдат.

Наряду с этим обсуждались преследования и несправедливости, чинимые этим нечестивым советом, Комиссией королевского суда, которая своим беспощадным рвением превзошла инквизицию, и бесстыдной «Звездной палатой», что насчитывает тысячи жертв.

Все эти страшные орудия тирании вот уже на протяжении десяти лет действовали полным ходом, выполняя свое гнусное назначение; но, вместо того чтобы сломить дух мужественного народа, – что, собственно, и ставилось целью, – они только побуждали его к более решительному и твердому отпору.

Суд над Гемпденом (Гемпден Джон (1594 – 1643) – выдающийся деятель парламентской буржуазной оппозиции при Карле I, двоюродный брат Кромвеля. Отказался платить введенный правительством налог и был за это приговорен к тюремному заключению.), любимцем Бэкингемского графства, за его смелый отказ платить незаконный налог – корабельную подать, вызвал сочувствие к подсудимому у всех честных людей, тогда как судей, приговоривших его, поносили на все лады и обвиняли не только в несправедливости.

Надо сказать, к славе бэкингемских жителей, что нигде это благородство духа не проявлялось с такой силой, как в Бэкингемском графстве, нигде в те дни слово «свобода» не произносилось так часто и с таким благоговейным чувством. Увы, ужели все это могло измениться!

Правда, пока еще это слово произносилось только шепотом, негромко, но внушительно; подобно отдаленным раскатам грома, оно доносилось глухим ворчаньем, готовое вот-вот вспыхнуть ослепительной молнией и разорвать сверху донизу низко нависшую мглу черного деспотизма.

Вот такой приглушенный рокот можно было услышать в парке сэра Мармадюка Уэда. Среди этого праздничного оживления и шума можно было уловить кое-какие зловещие признаки надвигающейся грозы, но они заглушались взрывом веселого хохота, радостными возгласами и пением.

Может быть, кое-кого удивляет, почему эти благородные чувства, эти свободолюбивые чаяния не выражались открыто. Но в этом нет ничего удивительного. Если среди собравшихся на праздник гостей многие осуждали короля и его приспешников, то, пожалуй, не меньше было и таких, которые осуждали народ. В оживленной толпе, запрудившей площадку за старым крепостным валом, было немало доносчиков и шпионов, которые зорко поглядывали по сторонам и прислушивались к каждому слову, стараясь уловить, нет ли тут измены. Ни один человек не мог быть уверенным, не окажется ли он вдруг жертвой доноса и

не придется ли ему не сегодня-завтра предстать пред грозным судом страшной «Звездной палаты».

Поэтому не приходится удивляться, что люди высказывали свои мнения осторожно, с оглядкой.

Подобные расхождения политических взглядов можно было обнаружить и между людьми высшего круга, присутствующими здесь, и нередко даже между родными, членами одной семьи. Но здесь, разумеется, тщательно избегали всяких разговоров на эти щекотливые темы, ибо это было по меньшей мере неуместно в такой торжественный день; и никому, глядя на оживленные лица прекрасных дам и галантных кавалеров, не пришло бы в голову, что у них могут быть какие-нибудь разногласия или какие-либо причины для недовольства. Среди этих сияющих лиц было только одно исключение, только один человек во всей этой шумной толпе не разделял праздничного веселья: это была Марион Уэд, красавица Марион, чья улыбка доставляла радость всем, кто ее видел. Она одна была невесела. Сердце ее замирало в тревожном, мучительном ожидании: в этой нарядной, оживленной толпе ей недоставало того, кто один мог бы вернуть ей спокойствие и радость.

Стоя на площадке, Марион то и дело устремляла нетерпеливый взгляд туда, через головы толпы, через зал, к воротам парка, откуда все еще нет-нет, да появлялись запоздалые группы гостей.

Она явно кого-то искала, искала и не находила, потому что всякий раз, когда ее блуждающий взгляд возвращался к стоящим рядом, в нем можно было заметить горькое разочарование, которое она тщетно пыталась скрыть.

Когда наконец все гости, по-видимому, уже были в сборе, она совсем загрустила. И если бы мы в эту минуту подслушали ее мысли, нам было бы нетрудно угадать причину этой глубокой грусти.

«Он не идет, не хочет прийти! Значит, эти взгляды, которые я столько раз ловила на себе, – все это мне просто казалось. Нет, я просто сошла с ума! Как я могла так забыть? Что он теперь подумает обо мне? Нет, правда, что он может подумать? Он поднял мою перчатку. Что ж, может быть, это было любопытство или так просто – фантазия. Поднял, а потом тут же и бросил. Ведь теперь-то я вижу, что он не хочет прийти, иначе он уже был бы здесь. Уолтер обещал познакомить его со мной. Но его это не прельстило. Он знает, что он мог бы познакомиться со мной и сам. Разве я не дала ему это понять? Ах, какое унижение!»

Несмотря на все эти мучительные размышления, Марион старалась казаться веселой. Но ей это плохо удавалось. Кое-кто из стоявших рядом с ней уже заметил ее блуждающий взгляд, ее печально поникшее чело; дамы, завидовавшие ее красоте, поглядывали на нее с любопытством; а среди кавалеров, обступивших ее тесной толпой, не было ни одного, кто не ловил бы улыбки этих прелестных надменных уст и с радостью не пожертвовал бы ради нее и подаренным на память локоном шелковистых волос, и любым сувениром, который он когда-то так вероломно клялся носить вечно.

Но из всех окружавших Марион только одна дружеская душа догадывалась о причине ее грусти. И то только догадывалась. Одна только ее кузина подозревала, что сердце Марион стремится к кому-то так же, как и ее взоры. Как удивились бы, как всполошились бы все в этом кружке, если бы узнали об этом! Марион Уэд была уже вполне взрослой. Ее руки добивались многие, многие влюблялись в нее без памяти. Юноши из знатных семей, титулованные вельможи в расцвете лет рады были сложить к ее ногам богатство, титулы, роскошные владения и замки, но все они были отвергнуты. И Марион не гордилась этими победами, ей чуждо было пустое тщеславие светской кокетки; она поступала, как настоящая, достойная уважения женщина, которая отдает свою руку и сердце только тому, кто завоеует ее.

Среди претендентов на ее руку не было ни одного, кто мог бы похвастаться такой победой. Случалось, кто-нибудь пытался пустить какие-то слухи, но они тут же и пресекались, ибо никто им не верил. Для человека, который мог бы одержать такую победу, это был бы такой триумф, что о нем, конечно, стало бы известно всем.

И, однако, победа была одержана, и никто об этом не знал. Одна только кузина Лора Лавлейс подозревала кое-что. Лора давно уже удивлялась одиноким верховым прогулкам кузины; сколько раз она предлагала ей поехать вдвоем, но Марион всегда отказывалась и уезжала одна. А когда сэр Мармадюк запретил эти прогулки, Лора видела, что Марион волнуется и не находит себе места. Были кое-какие и другие загадочные обстоятельства, наводящие на размышления: пропажа перчатки, рука, разодранная до крови, беспокойное метание во сне, необычная задумчивость днем. Как же могла Лора не заметить всех этих красноречивых признаков!

Лора и сама была влюблена: она умела разбираться в этих признаках. Неудивительно, что у нее возникли подозрения: а не влюбилась ли ее кузина так же, как она сама? Она даже почти не сомневалась, что сердце Марион похищено кем-то: но кем, как и когда это случилось – для нее оставалось тайной, так же как и для всех в этой толпе.

– Марион! – шепотом окликнула она и, подвинувшись к своей кузине, наклонилась к самому ее уху, чтобы никто не слышал: – Почему ты такая невеселая?

– Вот глупышка! Что это ты выдумала?

– Разве я могу этого не заметить? У тебя такой вид...

– Какой у меня вид, Лора?

– Не сердись на меня, милочка Марион. Просто я боюсь – на тебя обращают внимание. Вон Уинифрид Уайленд уже поглядывает в твою сторону, а еще эта противная Дороти Дэйрелл – она так просто глаз с тебя не сводит! Прошу тебя, сестричка, постарайся принять другой вид, чтобы у них не было повода для всяких пересудов; ведь ты сама знаешь, что для Дороти Дэйрелл нет большего удовольствия, чем посплетничать.

– Другой вид? Но какой же у меня вид, скажи, пожалуйста!

– Ах, Марион, зачем я буду тебе говорить! Ты сама знаешь, что ты чувствуешь, и вот это-то и написано на твоём лице.

– Скажите, какая пронизательность! Но все-таки объясни мне, что ты хочешь этим сказать. Что такое написано на моем лице? Ну, говори же!

– Ты хочешь, чтобы я была откровенна, Марион?

– Ну да, конечно!

В голосе Марион слышалось такое нетерпение, что Лора решилась высказать ей все, что она думает.

– Ты влюблена, Марион, – чуть слышно прошептала она, приложив губы к ее уху.

– Какой вздор! И как это тебе могло прийти в голову, Лора!

– Нет, не вздор, Марион. Я вижу это по твоему лицу. Я не знаю, кто пленил твое сердце, дорогая сестричка, я знаю только, что его здесь нет. Ты ждала его, а он не пришел. Что, неправда?

– Ах, Лора, ты или страшная обманщица, или хитрая маленькая колдунья! Ну-ка, скажи, кем я должна тебя считать?

– Я не обманщица, Марион, и ты знаешь это. И мне незачем прибегать ни к какому колдовству, чтобы узнать твой секрет. Но я прошу тебя, постарайся вести себя так, чтобы его не открыли другие... Ведь ты знаешь, сестричка...

– Можешь не оправдываться в своих подозрениях! – перебила ее Марион. – И чтобы они тебя больше не мучили, я скажу тебе прямо: это правда. Зачем мне стараться скрывать это от тебя, когда ты все равно узнаешь об этом рано или поздно! Да, я влюблена. И ты верно сказала: я люблю человека, которого здесь сегодня нет. Почему я должна стыдиться и скрывать это от тебя? Ах, если бы я только могла быть уверена, что он любит меня так же, как я люблю его! Мне было бы все равно – пусть об этом знают все на свете! Какое мне дело до Уинифрид Уайленд или Дороти Дэйрелл! Пусть себе говорят...

И как раз в эту минуту рядом с ними раздался голос Дороти Дэйрелл и ее громкий смех, к которому присоединились все остальные. В этом не было ничего удивительного, так как Дороти привыкла задавать тон в компании; она была остра на язык, и ее шутки обычно вызывали смех. Возможно, кузины, увлеченные своим разговором, и не обратили бы

внимания на ее речи, если бы вслед за этим не было произнесено одно имя, которое так много значило для Марион Уэд.

Уолтер только что закончил рассказ о своем дорожном приключении.

– А что же этот удивительный кавалер, который так отделал наглеца капитана и напугал свирепого разбойника? – спросила Дороти. – Он вам открыл свое имя, мистер Уэд?

– Да, – отвечал Уолтер. – Он назвался Генри Голтспер.

– Генри Голтспер!.. Генри Голтспер! – подхватили голоса, как если бы это имя было знакомо всем и с ним связывалось нечто особенное.

– Тот самый, что всегда ездит на вороном коне, – пояснил кто-то. – Его здесь зовут Черный Всадник. Он совсем недавно появился в наших краях. Живет в старом доме у Каменной Балки. Никто его здесь не знает.

– И, однако, все говорят о нем. Загадочная личность! Быть может, это какой-нибудь трубадур из восточных стран? – сказала Уинифрид Уайленд.

– Вернее, какой-нибудь купец с запада, – смеясь, возразила Дороти Дэйрелл, – откуда он и вывез свой идеал о равенстве и своего первобытного слугу. Вы не видели его индейца, мистер Уэд?

– Нет, – отвечал юноша. – Я и его самого не очень хорошо видел – ведь мы ехали ночью. Но я надеюсь посмотреть на него сегодня. Он обещал приехать.

– И не приехал?

– По-моему, нет. По крайней мере, я его еще не видел. Но, может быть, он уже где-нибудь здесь, в толпе, или среди зрителей на площадке. Если вы разрешите, сударыня, я пойду поищу его.

– Да-да, поищите! – хором воскликнули женские голоса. – Вы должны непременно отыскать его, мистер Уэд, и представить его нам. Можете сказать ему, что мы все жаждем познакомиться с ним.

Уолтер, с трудом пробираясь через толпу, обошел кругом всю площадку и вернулся один.

– Как это жестоко с его стороны, что он не едет! – с усмешкой заметила Дороти Дэйрелл, видя, что Уолтер возвращается один. – Если бы он только знал, как мы все огорчены! Мы, конечно, не были бы так разочарованы, если бы вы, мистер Уэд, не сказали нам, что он собирался приехать. А теперь этот праздник будет казаться очень скучным без него!

– Может быть, он еще и приедет, – сказал Уолтер. – Мне кажется, еще не все гости собрались.

– Ваша правда, мистер Уэд, – вмешался один из стоявших рядом. – Вон там кто-то едет верхом за оградой и, кажется, направляется к воротам.

Все взгляды устремились в ту сторону, куда указывал говоривший. На расстоянии примерно ста ярдов от ограды парка по равнине мчался всадник. Но он не направлялся к воротам.

– Да нет, он вовсе не сюда едет! – воскликнула Дороти. – Наверно, он передумал... Ах, смотрите! Он гонит свою лошадь прямо на ограду! Неужели он собирается перескочить через нее? Смотрите, смотрите! Ах, готово! Вот это действительно прыжок! – И красotka Дороти, не удержавшись, восторженно захлопала в ладоши.

Но не она одна следила с восхищением за этим прыжком, хоть та, другая, и не выражала так шумно своего восторга. Глаза Марион Уэд радостно засверкали, едва только она увидела приближающегося всадника, и сейчас взгляд ее сиял гордостью и торжеством.

– Кто это такой? – слышалось со всех сторон, так как многие видели этот великолепный прыжок.

– Это он, тот самый, о ком мы только что говорили, – отвечал Уолтер и бросился навстречу гостю, который приближался легкой рысью.

– Черный Всадник! Черный Всадник! – раздавалось кругом, и поселяне толпой ринулись по откосу на вал, приветствуя новопривывшего.

– Ура Черному Всаднику! – прокатился возглас, когда тот, подъехав к толпе, остановил коня.

– Они-то, во всяком случае, знают его! – заметила красотка Дэйрелл, надменно кивнув головой в сторону толпы. – По-видимому, он пользуется популярностью. Чем это можно объяснить?

– А это обычно так бывает с никому не ведомыми людьми, – иронически отвечал джентльмен, стоявший рядом с ней, – в особенности, когда они окружают себя некоторой таинственностью. У деревенских людей, вы знаете, просто страсть ко всему таинственному.

Марион стояла молча. Она гордилась этим почетным приемом, который люди оказывали избраннику ее сердца. Она могла бы ответить на язвительные расспросы Дороти Дэйрелл.

«Высокая, благородная душа – вот чем объясняется его популярность! мысленно отвечала она. – У народа верное чутье, он редко ошибается в своем выборе. Он предан народу. Неудивительно, что они так радуются ему!»

Для самой Марион радость была еще вся впереди.

Толпа любопытных, собравшихся поглядеть на Черного Всадника, постепенно расходилась. На площадке возобновились игры и состязания. Многие, оглядываясь, следили восхищенным взглядом за черным скакуном, стоявшим на лугу под деревьями. Крестьяне с присущей им чуткостью оставили всадника в обществе молодого хозяина, который, выполняя данное им обещание, повел его представляться дамам.

Уолтер остановился с всадником в нескольких шагах от Марион. Она стояла отвернувшись, как если бы не видела, кто подошел. Но сердце ее чувствовало, что он здесь, рядом. И она слышала перешептывания окружающих. Она не решалась повернуться к нему. Ей страшно было встретить его взгляд: а вдруг она прочтет в нем презрение?

Но наконец больше уже нельзя было делать вид, что она не замечает его. Она подняла глаза, и взгляд ее остановился, но не на его лице, а выше – на полях его шляпы, где, резко выделяясь на черном бархате, красовалась белая перчатка. Какое счастье! Никакие слова не сказали бы ей яснее то, что она так жаждала узнать. Он поднял дар и сохранил его. Он принял ее нежный вызов!

Глава 16

ЛЮБОВНЫЙ ДАР

Перчатка, лента или прядь волос – в те времена у кавалеров было принято носить на шляпах такого рода украшения. Это было свидетельством того, что обладатель сего дара пользуется благосклонностью дамы своего сердца. У многих молодых людей, среди собравшихся здесь, шляпы были украшены подобными сувенирами. Поэтому никто не обратил внимания на перчатку, красовавшуюся на шляпе Генри Голтспера, за исключением тех, для кого это представляло особый интерес.

Их было двое – интересовавшихся этим, хотя и по разным причинам: Марион Уэд и Лора Лавлейс. Марион, узнав свою перчатку, очень обрадовалась: но через минуту ее охватил страх. Почему? Да потому, что она боялась, как бы ее не узнал кто-то другой. Лора, увидев эту перчатку, удивилась. Но почему, собственно? Да потому, что она ее узнала, узнала с первого взгляда. Это была перчатка ее кузины.

Вот этого-то и боялась Марион. Не того, что ее перчатку может узнать кто-то из посторонних, и даже не того, что ее может узнать отец; она знала, что ее отец занят гораздо более серьезными вещами и не способен заметить перчатку или отличить ее от других. Но вот кузина – это совсем другое дело: она-то как раз хорошо разбирается во всяких таких пустяках и, конечно, заметит.

Страхи Марион оправдались. По глазам Лоры она сразу догадалась, что эта предательская улика – перчатка – сильно взволновала ее.

– Это твоя, Марион? – прошептала она, указывая на шляпу всадника и глядя на кузину

не столько вопросительным, сколько испуганным взглядом.

– Моя? Что ты, Лора! Эта черная шляпа с перьями? Подумай, что ты говоришь!

– Ах, Марион, ты смеешься надо мной! Видишь, там, под перьями, – ну, что это по-твоему, скажи?

– Кажется, что-то вроде дамской перчатки, не правда ли?

– Да, Марион, это перчатка.

– Да-да, так оно и есть! По-видимому, у этого незнакомца есть возлюбленная. Кто бы это мог подумать!

– Это твоя перчатка, сестричка!

– Моя? Моя перчатка? Ты шутишь, милочка!

– Это ты шутишь, Марион. Разве ты не говорила мне, что потеряла перчатку?

– Да, верно, потеряла. Я обронила ее где-то – не знаю где.

– Так, значит, этот незнакомец поднял ее, – сказала Лора, многозначительно подчеркивая последние слова.

– Ну что ты, милая Лора! Нет, ты в самом деле думаешь, что это моя перчатка?

– О, Марион, Марион, ты знаешь, что это твоя! – В голосе Лоры слышался упрек.

– А может быть, ты ошибаешься, – уклончиво возразила Марион. – Дай-ка я посмотрю хорошенько! Д-да... Честное слово, Лора, ты, кажется, права. Очень похожа на мою перчатку, на ту самую, что я потеряла, когда ездила на охоту с соколом; он еще тогда искогтил мне всю руку до крови, потому что она была без перчатки. Да, в самом деле удивительно похожа на мою!

– Так похожа, что это и есть твоя.

– Но тогда как же она к нему попала? – явно недоумевая, промолвила Марион.

– Вот именно – как? – переспросила Лора.

– Может быть, он нашел ее в лесу?

– Тогда это просто неслыханная дерзость с его стороны, что он носит ее на своей шляпе.

– Да, в самом деле...

– Подумай, если кто-нибудь узнает, что это твоя перчатка! Представь себе, если дядя узнает...

– Ну, этого можно не опасаться, – перебила ее Марион. – Я надевала эти перчатки всего только два раза. Ты одна только и видела их у меня на руках. Папа даже и не знает о них. Ты ведь не скажешь ему, Лора?

– А почему я не должна говорить ему?

– Да потому что... это может привести к неприятностям. Может быть, этот незнакомец даже и понятия не имеет, чья это перчатка. Просто поднял ее где-нибудь на дороге и нацепил себе на шляпу – ну, взбрела ему такая фантазия! Или, может быть, ему захотелось почваниться. Я слышала, что многие носят эти сувениры просто так. Пусть себе носит, если ему это нравится. Не все ли мне равно, лишь бы он не знал, кому принадлежит эта перчатка! Прошу тебя, пожалуйста, не говори об этом никому. А то, если узнает отец или Уолтер... Ах, ты не знаешь Уолтера! Как он ни молод, он не задумается вызвать его на поединок. А я не сомневаюсь, что этот Черный Всадник – очень опасный противник.

– Ах, Марион, нет, я никому не скажу! – вскричала Лора, которая пришла в ужас даже от одной мысли, что такая вещь может случиться. – И ты тоже не говори никому, умоляю тебя! Пусть носит себе эту перчатку, хоть это и бесчестно с его стороны. Какое мне до этого дело, лишь бы это не коснулось тебя!

– Ну, на этот счет можно не опасаться, – уверенно сказала Марион, очень довольная тем, что ей так легко удалось выпутаться.

В эту минуту разговор, который вели между собой шепотом кухни, был прерван Уолтером, подошедшим к ним вместе с Черным Всадником. Юный Уолтер сдержал свое обещание и представил Генри Голтспера всем дамам по очереди, причем сделал это с истинно придворной грацией.

Быть представленным, когда все взоры устремлены на тебя с любопытством, и не проявить ни малейшего смущения, – это требует большой выдержки. Но то же невозмутимое хладнокровие, которое обнаружил всадник при встрече с Гартон и его сообщниками, он сохранил и теперь, при встрече с более учтивыми, но, быть может, более опасными противниками.

Его ничуть не смущали лукавые взгляды, и, знакомясь с этим изысканным обществом, он держал себя с той непринужденной простотой, которая свидетельствует о подлинном благородстве.

И только когда его наконец представили Марион Уэд, – как ни странно, она оказалась последней в этой церемонии, – только тогда мог бы внимательный наблюдатель заметить некоторое отступление от этой обычной светской условности. В беглом обмене взглядами он мог бы уловить нечто большее, чем пустую учтивость. Но взгляды эти встретились и разошлись так мгновенно, что их вряд ли успел кто-нибудь заметить. Вряд ли кто-нибудь мог подозревать, что Марион Уэд и Генри Голтспер уже встречались раньше, – а они встречались не раз и не раз глядели друг другу в глаза, и глаза их успели сказать многое, хотя они до сих пор не обменялись друг с другом ни одним словом.

Как жаждала Марион Уэд услышать этот голос, который сейчас звучал так мягко и сердечно, лаская ее слух, словно чарующая музыка! Но он не говорил с ней на языке любви. Это было невозможно: на них были устремлены десятки внимательных глаз, и все настороженно ловили каждое слово, слетавшее с их уст. Они не могли позволить себе даже намек на то чувство, в котором им так хотелось открыться друг другу. Такой вынужденный разговор вряд ли доставляет радость влюбленным, он тяготит и утомляет их. Поэтому они не огорчились, когда возгласы и движение в толпе положили конец их обоюдному замешательству.

Глава 17

НАРОДНЫЕ ПЛЯСКИ

Смятение в толпе, прервавшее влюбленных как нельзя более кстати, было вызвано появлением костюмированной группы танцоров, которые только что закончили репетицию сцены из Робина Гуда (Робин Гуд – легендарный английский разбойник, живший, по преданию, в XII-XIII веках. Храбрец, весельчак и защитник бедняков, Робин Гуд грабил только богачей, расправлялся с угнетающими народ феодалами и королевскими чиновниками, боролся с захватчиками-норманнами. Поэтический образ Робина Гуда, олицетворяющего свободолюбие английского народа, воспет в английских народных балладах. Подвиги Робина Гуда и его товарищей изображались в народных представлениях под открытым небом.) и теперь готовились начать свое представление на площадке перед валом, где сэра Мармадюк уже расположился со своими друзьями, чтобы полюбоваться этим живописным зрелищем.

Танцоры были обоюго пола: девушки в ярких лифах и юбках, мужчины в цветных рубашках, с лентами на руках и ногах, с бубенчиками на подвязках и прочими украшениями, подобающими этой народной пляске.

Главные действующие лица были в соответствующих костюмах: один изображал смелого разбойника Робина Гуда, другой – его верного помощника Маленького Джона, третий – веселого монаха Тука и так далее; среди девушек многие также были в костюмах, и по ним можно было узнать и девицу Марианну, и Королеву Мая, и многих других любимых персонажей народной легенды.

Танцоры скоро стали центром всеобщего внимания. Поселяне, собравшиеся на праздник сэра Мармадюка Уэда, насытившись вдоволь обильным угощением щедрого хозяина, снова стекались на площадку и, обступая кольцом исполнителей народной пляски, смотрели на них с нескрываемым восхищением. Игра в мяч, в шары, борьба, фехтование – все это было сейчас на время оставлено, так как пляска и сцены из Робина Гуда всеми

считались самым интересным зрелищем.

И хотя в этих плясках участвовали только крестьянские девушки, среди них многие отличались статным сложением и той удивительной миловидностью, которой славятся поселянки Чилтернских холмов. Две из них в особенности выделялись своей красотой: смуглая брюнетка цыганского типа, изображавшая девицу Марианну, и белокурая Королева Мая, темноглазая, с светлыми, как лен, косами.

Не один молодой парень из участвующих в пляске, а также из толпы приятелей следил за этими сельскими красотками пламенным взором. И многие из разряженных кавалеров заглядывались на смуглую Марианну и на Королеву Мая.

Были и такие, что громко восхваляли их красоту и расточали им галантные комплименты, между тем как многие стоящие тут же прекрасные дамы, быть может, испытывали ревность; некоторые и в самом деле испытывали ее. И среди них – увы! – была и Марион Уэд. Хотя это чувство было неведомо ей и, казалось бы, для него не было никаких оснований, все же его жестокое жало проникло в ее сердце. Первый раз в жизни она почувствовала его уколы, ибо это была ее первая любовь, и это чувство было для нее так ново, что она еще не знала, какие горести оно несет с собой. И вдруг сердце ее пронзила острая боль! Она даже не могла сказать, что это такое, она могла только назвать причину этой боли. Голтспер стоял в первом ряду зрителей, и прямо перед ними, чуть не задевая их, кружились пляшущие. Когда красотка Бет Дэнси, изображавшая Марианну, пронеслась мимо него а фигурах танца, ее черные цыганские глаза всякий раз смотрели на него страстно и пламенно. Марион Уэд не могла не заметить этих взоров – до такой степени они были откровенны. Но не это пронзило ее сердце. Дочь лесничего могла бы хоть целый день смотреть не отрываясь на Генри Голтспера, не вызывая ни малейшей ревности у Марион, если бы взгляд ее оставался без ответа. Но однажды, когда Бет, изогнувшись, повернулась к Голтсперу, Марион показалось, что он ответил на ее взгляд таким же пламенным взглядом.

И вот тут сердце ее сжалось от нестерпимой боли, как будто в него вонзилась отравленная стрела, и она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть. В этой сельской красавице она почувствовала соперницу.

Никогда до сих пор Марион не испытывала такой боли, но, быть может, от этого она казалась ей еще более ошутимой. Она стояла поникшая, бледная, устремив свои синие глаза на Генри Голтспера и с мучительной тревогой следя за каждым изменением его лица.

Мрачные подозрения, охватившие ее, рассеялись не сразу. Едва только она начала свои горестные наблюдения, как танцы внезапно прервались.

Среди взрывов смеха, шуток и одобрительных возгласов, раздававшихся в толпе зрителей, сначала только несколько человек из стоящих по ту сторону рва, окружавшего площадку, услышали какой-то странный и непонятный шум. Он доносился откуда-то из-за ограды, с дороги, которая вела к воротам парка, и был похож на бряцание стальных доспехов и стук подков множества лошадей,двигающихся размеренным шагом; казалось, это приближается отряд конницы.

Те немногие, которые услышали этот шум, еще не успели ни сообразить, что это такое, ни поделиться своими соображениями с другими, когда до них донесся звук рожка, явно свидетельствующий о том, что где-то недалеко движется конный отряд. Рожок протрубил сигнал «смирно».

Стук подков мгновенно затих, и когда последние отголоски рожка замерли, прокатившись в лесной чаще, наступила глубокая тишина, прерываемая только мягким воркованьем лесных горлинок и звонким свистом дрозда.

В парке тоже воцарилась полная тишина. Непривычный звук военного сигнала заставил смолкнуть веселый смех, крики и шутки. Все взоры устремились в ту сторону, откуда донесся этот звук, все настороженно прислушивались, не повторится ли он еще раз.

Было что-то зловещее в том, как этот неожиданный сигнал сразу нарушил общее веселье; казалось, все почувствовали в нем что-то недоброе. Лица, сиявшие радостным оживлением, внезапно омрачились тревогой.

– Солдаты! – воскликнуло сразу несколько голосов, и толпа, забыв о плясках, бросилась по откосу на вал и застыла, прислушиваясь.

И вот снова звонко затрубил рожок, на этот раз подавая сигнал «Вперед!» и еще многоголосое эхо не смолкло среди холмов, как первые шеренги кирасиров уже вступили в главные ворота парка и двинулись по аллее, ведущей к дому.

Они ехали попарно, ровным строем, и каждый всадник, появляясь из-за деревьев, сверкал на солнце ослепительным блеском, вспыхивающим на его доспехах.

Когда отряд, вытянувшись длинной колонной, выехал на открытое место и все еще продолжал двигаться, людям, глядевшим на него сверху, казалось, будто какая-то чудовищная змея ползет в ворота парка: стальные кирасы напоминали чешуйчатую кожу, а ровная двойная шеренга – скользящее туловище удава.

Наконец последняя пара въехала в ворота, и колонна начала подниматься по аллее, которая вилась по склону и вела к дому; и тут сходство с громадной змеей стало еще более заметным; великолепная, но смертоносная змея, медленно подкрадывающаяся к своей жертве.

– Королевские кирасиры!

Многие из стоявших на валу узнали кирасиров, прежде чем этот возглас пронесся в толпе. Кирасы поверх кожаных камзолов, стальные шлемы и нагрудники, латы, прикрывающие бедра, наплечники, нарукавники – все это входило в боевое облачение кирасиров, а королевское знамя, развевавшееся впереди отряда в руках корнета, оповещало, что это – королевские кирасиры.

Рядом с корнетом ехал другой офицер; его прекрасное обмундирование, великолепный конь и дорогое седло, покрытое нарядным чепраком, указывали на то, что это командир отряда.

Королевские кирасиры! В парке сэра Мармадюка Уэда! Что им здесь нужно? Какое у них может быть дело в замке? Они явно направляются к дому.

Этот вопрос был у всех на устах, но никто не мог на него ответить, а меньше всех сам сэр Мармадюк Уэд.

Никто уже не думал о плясках; и танцоры и зрители – все столпились на валу и, глядя на аллею, ведущую к замку, с недоумением спрашивали друг у друга, что означает эта странная интермедия, не предусмотренная праздничной программой.

Но тут рожок снова протрубил «смирно!», и кирасиры, повинувшись сигналу, остановили коней.

Головная часть отряда в это время находилась уже недалеко от вала, по ту сторону рва, и толпе, стоявшей на валу, был отчетливо слышен разговор двух офицеров.

– Послушайте, Стаббс, что там такое происходит? – крикнул капитан и, отъехав на несколько шагов от отряда, указал рукой на площадку за валом. Как по-вашему, что они там делают, эти поселяне?

– Понятия не имею, – отвечал корнет.

– Посмотрите, как вырядились, точно на праздник. Что это, Троицын день или Майский праздник?

– Не может быть! Не время! Никак невозможно! – отвечал корнет.

– Клянусь Венерой, тут есть очень недурные девчонки! А пожалуй, наша квартира окажется не такой уж скучной!

– Нет-нет! Клянусь честью, скучать не придется!

– А ну-ка, подъезжайте поближе и спросите их, какого черта они тут делают.

Корнет, прищпорив коня, поскакал к валу и, остановившись в пятидесяти шагах, крикнул, повторив слово в слово приказание капитана:

– Какого черта вы тут делаете?

Разумеется, на такой грубый вопрос ни сэр Мармадюк Уэд, да и никто из стоявших рядом с ним не нашел нужным ответить. Однако кое-кто из толпы крикнул:

– Мы собрались на праздник!.. Празднуем день рождения!

– Ах, вот оно что! – пробормотал корнет и, повернувшись, поскакал обратно сообщить об этом своему командиру.

– А не пойти ли нам познакомиться с ними? – сказал капитан, выслушав Стаббса. – Посмотрим на бэкингемских красоток в их праздничных нарядах. Что вы на это скажете, Стаббс?

– Недурно, – коротко ответил корнет.

– Allons, как говорят французы! Может быть, там и найдется для нас что-нибудь, ради чего стоит карабкаться на этот вал. Как говорят во Франции, nous verrons (Allons! Nous verrons (франц.) – Пойдем! Посмотрим!)

Приказав отряду спешиться и остаться на месте, офицеры соскочили с коней и, сдав их на попечение вестовым, полезли оба как были, в своих тяжелых доспехах, вверх по крутому откосу на площадку за древнегерманским валом.

Глава 18

ВЫЗОВ

– Так, так, добрые люди! Значит, вы собрались на праздник! – говорил Скэрти, пробираясь со своим спутником сквозь толпу, запрудившую вал. – Лучше и не придумаешь в такую замечательную погоду, когда над головой синее безоблачное небо, а кругом зеленые деревья. Но мы не хотим мешать вашему идиллическому веселью. Продолжайте ваши игры и пляски. Я надеюсь, вы не возражаете, если мы останемся здесь в качестве ваших зрителей?

– Нет! Нет! – раздались возгласы. – Милости просим, оставайтесь, мы очень вам рады!

И, подтверждая свое согласие дружелюбными шутками, радушная толпа снова устремилась на площадку, а офицеры, взявшись под руку, пошли за нею следом, сопровождаемые кучкой любопытных, которые с интересом глазели на этих закованных с ног до головы в доспехи неожиданных пришельцев.

Сэр Мармадюк со своими друзьями снова расположились на валу, недалеко от той насыпи, по которой поднялись офицеры. А те, в свою очередь, разгуливали по площадке, отпуская остроты и бесцеремонно заигрывая с молоденькими поселянками, попадавшимися им на пути.

Хозяин замка счел за благо не замечать незваных гостей. Он слышал грубый вопрос корнета, а также отрывки разговора, происходившего между двумя офицерами, и решил не обращать на них внимания до тех пор, пока они сами не удосужатся объяснить свое присутствие в его парке.

Он распорядился возобновить пляски, и группы танцоров с развевающимися лентами и звенящими колокольчиками снова закружились на лужайке перед валом в замысловатых фигурах старинного танца.

– Клянусь Терпсихорой (Терпсихора – в древнегреческой мифологии муза танца.), а ведь это пляска из Робина Гуда! – воскликнул капитан кирасиров, вглядываясь издали в движения танцующих и в их костюмы. – Уж и не помню, когда я видел ее в последний раз!

– А я так и никогда в жизни не видел, только на сцене, – заметил Стаббс. – А это что – то же самое?

В самом деле, где это было видеть Стаббсу! Он родился в приюте и рос на улицах Лондона.

– Да нет, не совсем то же самое, но, насколько мне помнится, похоже... задумчиво протянул капитан. – Давайте-ка подойдем поближе, посмотрим!

И, ускорив шаг, оба офицера очутились скоро у самого края площадки. Не обращая ни малейшего внимания на избранную публику, расположившуюся под навесом на валу, они тут же начали отпускать вольные шутки по адресу танцующих.

Кое-кто из них отвечал офицерам не без ехидства, в особенности Маленький Джон и веселый монах, которые, видимо, были не прочь позубоскалить и, не стесняясь, отпускали шутки по адресу бесцеремонных пришельцев.

Смелый Робин, несколько грубоватый парень, изображающий шервудского героя, сохранял невозмутимое равнодушие и пропускал мимо ушей их остроты, в особенности после того, как он заметил, что капитан кирасиров следит загоревшимся взором за каждым движением смуглой красотки Марианны.

Однако чувствительному сердцу мнимого разбойника суждено было тяжкое испытание. Все это случилось мгновенно. Когда Марианна в одной из своих самых замысловатых фигур случайно оказалась против капитана кирасиров, он вдруг наклонился и, грубо схватив ее за талию, воскликнул:

– Браво, браво, прекрасная Марианна! Позволь изнывающему от жажды солдату вкусить нектар с твоих сочных губок! – И, не дожидаясь согласия, которого ему, разумеется, и не дали бы, он поднял забрало и жадно прильнул к ее устам.

В ту же минуту Марианна изо всех сил ударила его кулаком по лицу, но это ничуть не огорчило и не охладило пылкого офицера; он отвечал на это дерзким хохотом, к которому тотчас же присоединился корнет, а также и некоторые из стоявших тут же зрителей, не отличавшихся излишней щепетильностью.

Однако кое-кто отнесся к этому не так шутливо. Кругом слышались возгласы: «Позор!», «Проучи его!», «Дай ему хорошенько, Робин!» И среди смеющихся лиц там и сям виднелись лица, пылавшие гневом.

Излюбленный народный герой отнюдь не нуждался в этом поощрении. Не помня себя от ревности и обиды за свою возлюбленную, подвергнувшись такому оскорблению, он выскочил из круга и, замахнувшись луком, – единственное оружие, которое у него было в руках, – изо всех сил ударил им по шлему капитана; тот невольно пошатнулся от его удара и с трудом удержался на ногах.

– Вот тебе, получай, чертова кукла! – крикнул Робин, обрушившись на него. – Да не лезь в другой раз со своими погаными поцелуями, а то и не так еще получишь!

– Подлый холуй! – вскричал кирасир, побагровев от ярости. – Если бы мне не жаль было марать о тебя шпагу, я бы проткнул тебя насквозь и повесил коптить! Вон с моих глаз, грязный холуй, а то как бы я нечаянно не выпустил из тебя дух!

И, выхватив шпагу, он приставил ее острием к груди смелого Робина.

Наступила мертвая тишина, и вдруг чей-то голос в толпе крикнул:

– Вот нашелся человек, который проучит его!

И все тотчас же повернулись к помосту, где стояла «избранная публика». Среди кавалеров произошло какое-то движение, и один из них, отделившись от остальных, ринулся вниз по откосу и мигом очутился на площадке.

Ему надо было пробежать всего каких-нибудь десять-двенадцать шагов, и, прежде чем мнимый разбойник из Шервудского леса и его закованный в латы противник успели прийти в себя и двинуться с места, он уже стоял между ними.

Кирасир только тогда понял, что перед ним стоит достойный противник, когда блестящее лезвие, скрестившись с его шпагой, высекло искры из стали; он поднял глаза и увидел перед собой не простого парня в крестьянской одежде, а изящного кавалера в расшитом камзоле, не уступающего ему ни своим оружием, ни своей решимостью.

Это неожиданное вмешательство так ошеломило толпу, что она застыла на месте, словно замороженная. И только спустя несколько секунд там и сям послышался одобрительный шепот и вслед за ним громкие возгласы: «Ура Черному Всаднику!»

Капитан кирасиров тоже, казалось, остолбенел от неожиданности, но быстро пришел в себя. Скэрти был хвостун и наглец, но он отнюдь не был трусом; к тому же обстоятельства были таковы, что даже и трус вынужден был бы проявить мужество. Хотя он все еще был несколько под хмельком, он чувствовал, что на него устремлены сотни женских глаз; знатные светские дамы стояли на валу под навесом, всего в каких-нибудь десяти шагах от него, и, хотя Скэрти из каких-то своих тайных соображений делал вид, что не замечает их присутствия, он знал, что они прекрасно видят все, что здесь происходит. Ясно, что он не имел ни малейшего желания оказаться трусом в их глазах.

Возможно, что не только внезапное появление противника, но и самый облик этого человека заставил его в первую минуту растеряться от неожиданности, ибо в этом противнике Скэрти узнал того самого всадника, который накануне у постоянного двора так дерзко провозгласил тост «За народ».

Он не забыл этого оскорбления, а теперь вторичный вызов незнакомца привел его в такое бешенство, что у него на секунду отнялся язык и он не мог выговорить ни слова.

– Так это ты, подлый изменник, ты! – наконец вымолвил он, когда к нему вернулся дар речи.

– Изменник или нет, – невозмутимо отвечал кавалер, – я требую от вас удовлетворения за вашу недостойную выходку, которой вы оскорбили собравшееся здесь общество порядочных и заслуживающих уважения людей. Ваши развязные манеры, может быть, и сходят вам во Фландрии, где вы, надо полагать, давали им полную волю, но я научу вас вести себя иначе по отношению к нашим английским девушкам!

– А кто вы такой, что собираетесь учить меня?

– Не подлый холуй, капитан Ричард Скэрти! Не думайте, что вам удастся отвертеться с помощью этих трусливых уверток! Вы будете драться, или вам придется извиниться!

– Извиниться! – в ярости закричал кирасир. – Капитан Скэрти будет извиняться! Ха-ха-ха!.. Вы слышите, корнет Стаббс? Вам когда-нибудь приходилось видеть, чтобы я перед кем-нибудь извинялся?

– Никогда, клянусь честью! – отвечал Стаббс.

– В таком случае, пеняйте на себя, – сказал кавалер, становясь в позицию, чтобы начать поединок.

– Нет-нет! – вскричала Марианна, бросаясь к Голтсперу и словно пытаясь загородить его своим телом. – Так не годится, это нечестно, сэр! Он в латах, а вы...

– Нечестно! Нечестно! – слышалось со всех сторон, и в ту же минуту какой-то рослый человек свирепого вида, с всклоченной черной бородой, расталкивая толпу, протиснулся на площадку.

– Не годится это, мистер Генри! – крикнул бородач, подбегая к Голтсперу. – Не дело это – так рисковать! Я знаю, вам нипочем одолеть в честном бою любого из здешнего края, да, пожалуй что, из всей Англии! Ну, а так-то оно нечестно выходит. Пусть господии солдатский капитан скинет с себя свои стальные нащепки, тогда это будет по-честному. Разве не правда, товарищи?

Все стоявшие кругом дружно закричали:

– По-честному! По-честному! Заставить офицера снять латы!

– Совершенно верно, – сказал подошедший Уолтер Уэд. – В поединке для обеих сторон условия должны быть равны. Разумеется, капитан Скэрти, вы не станете возражать против этого?

– Мне не требуется никаких привилегий, – отвечал капитан кирасиров. – Он может поступать, как ему угодно, но я ни за что не сниму с себя доспехов!

– В таком случае, ваш противник тоже должен надеть доспехи, – заявил один из кавалеров, подошедших вместе с Уолтером. – Поединок не может состояться, пока это не будет сделано.

– Нет, нет! – подхватили в толпе. – Драться так драться обоим в латах!

– Может быть, этот джентльмен, – сказал один из кавалеров, указывая на корнета, – не откажется одолжить для этого случая свои доспехи? Это упростило бы дело. Размер, кажется, более или менее подходящий.

Стаббс взглянул на капитана, словно спрашивая его: не давать?

– Дайте, пусть надевает, – сказал Скэрти, понимая, что с таким предложением вряд ли можно не согласиться.

– Пожалуйста, пусть надевает, – повторил корнет и тотчас же начал снимать с себя доспехи.

Немало нашлось услужливых рук помочь Генри Голтсперу облачиться в защитную

броню, и через несколько минут он уже был в стальной кирасе корнета, с пристегнутыми к ней нагрудными и наплечными латами; руки его были защищены стальными нарукавниками; а стальные поножи, прикрывавшие ноги, соединялись с набедренником. Все это оказалось ему как нельзя более впору, словно было сделано по его мерке.

Оставалось надеть только шлем, который чья-то дружеская рука уже собиралась водрузить ему на голову.

– Нет, – сказал Голтспер, отстраняя шлем, – я предпочитаю остаться в моей шляпе! – И, указывая на трофей, красующийся на ее полях, он добавил: – Это будет мне надежной защитой! Здесь было нанесено оскорбление английской девушке, и – да будет мне порукой эта девичья перчатка! – я заставлю ответить за это оскорбление!

– Не полагайтесь так на ваш изящный трофей! – с язвительной усмешкой сказал Скэрти. – Не пройдет и минуты, как я сниму эту перчатку с вашей шляпы, и она будет красоваться на моем шлеме. И, надо полагать, она достанется мне более честным путем, чем досталась вам.

– Не стоит говорить, как она достанется вам, пока вы еще не завладели ею, – спокойно отвечал Голтспер. – А вам, должно быть, и впрямь не терпится заполучить этот трофей! – насмешливо продолжал он. – Ведь надо же возместить чем-то рыцарские шпоры, оставленные вами у Ньюбернского брода.

Ньюбернский брод... Одно напоминание о нем приводило в бешенство Скэрти. Он был в рядах той пятитысячной конницы, которая под командованием Конуэя позорно бежала из-под Тийна и посеяла такую панику в английской армии, что она ринулась вслед за нею сломя голову и отступала, не останавливаясь, до самых отдаленных графств Йоркшира. В тот раз на постоялом дворе Голтспер уже напоминал ему об этом позорном бегстве, но сейчас, когда он осмелился бросить ему это напоминание вторично, перед всей этой громадной толпой соотечественников, перед его собственными подчиненными – ибо многие из солдат уже успели проникнуть на площадку, – а главное, перед этой изысканной светской публикой, стоявшей под навесом на валу, – это было такое неслыханное оскорбление, какому еще никогда не приходилось подвергаться Скэрти.

Лицо его потемнело, словно вся кровь бросилась ему в голову.

– Подлый болтун! – прошипел он, стиснув посиневшие губы. – Скоро я заставлю замолкнуть твой лживый язык! Щит капитана Скэрти не запятнан ничем, кроме крови его врагов и врагов его короля! Скоро он обAGRится и твоей кровью!

– Начнем! – вскричал Голтспер, потрясая шпагой. – Я здесь не для того, чтобы состязаться в краснобайстве! В этом искусстве достойный королевский слуга Скэрти, несомненно, превосходит меня. Поговорим на шпагах! Вы готовы, сэр?

– Нет! – отвечал Скэрти.

– Нет? – с удивлением переспросил его противник. – Как это надо...

– Капитан Скэрти – кирасир. Он не дерется пешим.

– Вам сделан вызов, капитан, – поддержал Стаббс. – Вам и принадлежит право выбора.

– Мы будем драться на конях.

– Приношу вам свою благодарность, джентльмены! – очень довольный, отвечал Голтспер. – Я не надеялся, что вы пойдете навстречу моим желаниям. Итак, с вашего любезного разрешения, деремся на конях!

– Коня! – крикнул Скэрти стоявшему невдалеке кирасиру. – Живо! Ведите его сюда и гоните весь этот сброд!

Это приказание оказалось излишним. Как только в толпе стало известно, что поединок состоится на конях, народ бросился врассыпную с площадки к откосам вала. Все старались забраться повыше, чтобы насладиться этим необычайным зрелищем, которое даже и в те рыцарские времена можно было увидеть не так часто.

Глава 19

ВСТУПЛЕНИЕ

С вершины вала, где стояла избранная публика, за всеми этими приготовлениями к поединку следили с не меньшим интересом, но отношение к нему было далеко не одинаковое.

– Вот это замечательно! – воскликнула Дороти Дэйрелл, когда шпага Голтспера скрестилась со шпагой капитана. – Куда лучше, чем народные пляски! Вот это как раз то, что я люблю! Неожиданная интермедия! Сверх программы! Неужели мы увидим настоящий поединок?!

Лора Лавлейс невольно вздрогнула, услышав эти слова.

– Ах, Дороти Дэйрелл, как вы можете этим шутить! – сказала она, оборачиваясь к ней и глядя на нее укоризненно. – Вы же не хотите этого всерьез? Это так страшно!

– Вот этого-то я и хочу, крошка Лавлейс! Я вовсе и не думала шутить. Уверяю вас, я говорю совершенно серьезно.

– Неужели вы можете хотеть, чтобы пролилась кровь?

– А почему бы и нет? Не все ли мне равно, лишь бы это была не моя собственная кровь или кровь кого-нибудь из моих друзей! Ха-ха-ха! Какое нам с вами дело до них обоих? Я их не знаю – ни того, ни другого. Если они поссорились друг с другом, пусть дерутся. Пусть хоть убьют друг друга! Мне-то что!

«Бесчувственное существо!» – подумала Лора и отвернулась, не ответив ни слова.

Марион Уэд слышала этот разговор, но она была так поглощена тем, что происходило внизу, на площадке, что не обратила внимания на бессердечные слова Дороти. Она сейчас забыла даже о своих ревнивых подозрениях, и только мучительное чувство страха за любимого человека заставляло сжиматься ее сердце.

– Боже мой! – шептала она, прижимая к груди судорожно сплетенные руки. А что, если его убьют? Уолтер! Милый Уолтер! – чуть ли не со слезами на глазах обратилась она к брату. – Пойди, останови их! Скажи ему... скажи им, что они не должны драться... Ведь ты не допустишь этого, папа, ты можешь остановить их!

– Может быть, я и не смогу остановить их, – сказал Уолтер, поспешно покидая кружок знакомых кавалеров и дам, – но я пойду туда... Ты не возражаешь, отец? Мистер Голтспер там один, и, быть может, ему понадобится друг.

– Иди, сын мой! – отвечал сэр Мармадюк, горячо одобряя благородный порыв своего сына. – Кто бы он ни был, это наш гость, и он взял тебя под свою защиту в дороге. Если они решили драться, позаботься, чтобы у него были равные условия с его противником. Это должен быть честный поединок.

– Не беспокойся, отец! – крикнул Уолтер, сбегая с вала. – А если только этот пьяный корнет попробует вмешаться, – пробормотал он, – я сумею с ним поговорить, и это будет совсем не такой разговор, как вчера!

С твердым намерением привести в исполнение эту угрозу бывший паж пробирался сквозь толпу, и за ним следовали еще несколько человек, которые быть может, совсем из других побуждений – стремились попасть на место поединка.

– Полно, вам не к лицу такая чувствительность, дорогая Марион! многозначительно понизив голос, промолвила Дороти. – Чего нам беспокоиться? Не из-за вас же они собираются драться! Этот изящный кавалер, из-за которого здесь все, кажется, сходят с ума, вступился не за вас? Если уж кто и мог бы беспокоиться о нем, так, по-моему, это красotka Марианна, она же Бет Дэнси. И в самом деле, она, кажется, очень интересуется им. Вы посмотрите только, что она вытворяет, эта скромница! Честное слово, она сейчас бросится к нему на шею и задушит его в своих объятиях!

Марион словно полоснуло ножом, когда она услышала эти слова. Она мгновенно повернулась и устремила взгляд на море голов, волновавшееся внизу, вокруг двух противников, которые рвались схватиться друг с другом в смертельной битве. На площадке уже толпилось много кирасиров, и их стальные доспехи, сверкая на солнце, резко выделялись среди скромной одежды поселян.

Но Марион не замечала их; взгляд ее был прикован к небольшой группе людей, стоявших на лужайке. Там были Скэрти со своим корнетом, Генри Голтспер, Маленький Джон, монах и среди них красotka Марианна.

Что ей здесь надо, среди мужчин?

Вот она бросилась к Голтсперу и стала между ним и его противником; она протягивает к нему руки, кладет ему руку на плечо! Она словно умоляет его о чем-то... Может быть, она умоляет его отказаться от поединка?

Но с какой стати дочь Дика Дэнси вмешивается в поступки Генри Голтспера?

Этот вопрос невольно возник у Марион, хотя она и поостереглась высказать его вслух.

– Bravo! – воскликнула Дороти Дэйрелл, увидев, как Голтспера облачают в доспехи. – Поединок состоится! Они будут драться в полном боевом вооружении. Вот замечательно! Совсем как в старое доброе время – в славные времена трубадуров!

– Ах, Дороти! – остановила ее Лора. – Ну, как можно шутить в такую минуту?

– Перестаньте сейчас же! – повелительно сказала Марион и, схватив смеющуюся Дороти за плечо, впилась в ее лицо гневным взглядом. – Еще одна такая шутка, мисс Дэйрелл, и мы с вами больше не друзья!

– Вот как!.. – насмешливо протянула Дороти Дэйрелл. – Подумать только, какое это будет несчастье для меня!

Марион промолчала. Как раз в эту минуту Скэрти бросил своему противнику язвительную шутку насчет перчатки, красовавшейся на его шляпе.

Красotka Марианна слышала эту фразу и слова, которые последовали в ответ.

«Чья это перчатка?» – подумала она, и сердце ее ревниво сжалось.

И Марион Уэд тоже слышала эту фразу и слова, которые последовали в ответ.

– Моя перчатка! – прошептала она, и сердце ее встрепенулось от радости. Но радость эта сейчас же сменилась чувством мучительного страха, когда она увидела, как всадники вскочили на коней и помчались на середину площадки, где должен был происходить поединок.

Сразу воцарилась мертвая тишина. Только громкий стук копыт разносился далеко вокруг. Тесные ряды людей на откосах вала словно застыли на месте: мужчины, женщины, юноши, девушки стояли не шелохнувшись и затаив дыхание следили за двумя всадниками.

Слышно было, как стрекочет кузнечик где-то во рву.

Эта тишина наступила мгновенно и только после того, как всадники вскочили в седло и помчались на место боя; до этого, пока на лужайке шли приготовления к поединку, толпа оживленно обсуждала достоинства обоих противников. Кое-кто даже заключил пари, как если бы это был петушинный бой; предлагались ставки за того и другого, точь-в-точь как за боевых петухов, которых сейчас выпустят друг против друга.

Симпатии зрителей были отнюдь не на одной стороне, хотя, несомненно, большинство стояли за Черного Всадника. Какая-то часть толпы словно чутьем угадывала, что это друг народа, а в те деспотические времена эти слова заключали в себе очень многое.

Но толпа состояла из разных людей, и среди них было немало таких, которые, несмотря на повседневные несправедливости и обиды, чинимые королем, все еще крепко держались за то унижительное для человеческого достоинства прочно укоренившееся понятие, которое именуется верностью трону.

В капитане кирасиров они видели представителя власти, перед которой они привыкли преклоняться; власть эта осуществлялась неким таинственным существом, которое их приучили считать необходимым для их бытия, как хлеб насущный: это был их монарх-король, высокопарно именуемый помазанником Божиим.

И хотя капитан кирасиров нанес оскорбление всем присутствующим, все же здесь было немало людей, готовых кричать «ура» капитану кирасиров.

И, несмотря на то, что Голтспер заступался за народ, многие, не задумываясь, присоединились бы к возгласам «Долой Черного Всадника!»

Но сейчас все споры, крики и возгласы смолкли, и в напряженной тишине оба всадника

внизу на площадке уже окидывали друг друга грозным, решительным взглядом, перед тем как схватиться насмерть.

Глава 20

ПОЕДИНОК

Это было страшное зрелище, невыносимое для кроткого женского взора. Робкая Лора Лавлейс не выдержала и побежала домой, и многие последовали ее примеру. Дороти Дэйрелл напрасно кричала им вслед, смеясь над их трусостью, уговаривая их вернуться.

Марион осталась. Хотя она стояла ни жива ни мертва, леденя от ужаса, она была не в силах оторваться от этого зрелища. Она стояла, укрывшись в тени дерева, но никакая тень не могла скрыть отчаянного страха в ее очах, устремленных на двух закованных в латы всадников, грозно приближавшихся друг к другу с противоположных концов площадки.

Трубач протрубил сигнал: в атаку! Лошади словно поняли сигнал, их не надо было прищипоривать. При первых же звуках рожка они ринулись вперед, навстречу одна другой со злобным храпением, как если бы и они, так же как и всадники, жаждали схватиться насмерть.

Это был поединок на шпагах. Шпага в то время была единственным оружием конных кирасиров, не считая пистолетов. Но по обоюдному уговору к пистолетам решили не прибегать.

Со шпагами наголо мчались противники во весь опор навстречу друг другу. «За короля!» – кричал Скэрти, а Голтспер, наезжая на него, воскликнул: «За народ!»

В первой стычке никто из них не был ранен: шпаги, сверкнув, звонко ударили по кирасам; кони промчались, задевая друг друга боками, и оба всадника разъехались невредимыми.

Но тут же, повернув коней, они снова помчались друг на друга. На этот раз кони сшиблись, и конь кирасира от толчка едва удержался на ногах; снова сверкнули лезвия, скользнув по стальным доспехам, и вот уже кони отпрянули и понесли всадников прочь друг от друга; и эта стычка, по-видимому, никому не дала перевеса.

Но кони уже разъярились, и противники тоже; видно было, с каким исступлением они устремились друг на друга в третий раз. С грохотом сшиблись кони на всем скаку, лязг оружия, звон доспехов смешались в оглушительном шуме, конь кирасира снова присел, отпрянув от своего более мощного врага. Вороной конь, взвившись, пронесся мимо, и вдруг... шляпа слетела с головы Голтспера и упала позади на траву! В этом пустячном происшествии толпе чудится что-то зловещее: она воспринимает это, как несомненное преимущество противника, и воздух оглашается неистовыми криками сторонников Скэрти: «Ура капитану кирасиров!» Но эти возгласы тут же заглушаются восторженным «ура» Черному Всаднику. Голтспер молниеносно повернул коня и, подхватив на лету шляпу острием шпаги, надел ее на голову.

Все это произошло в мгновение ока, прежде чем его противник успел ринуться в новую атаку. Хладнокровие Голтспера, ловкость, проявленная им, вызывает пламенное восхищение его друзей и снова наполняет их уверенностью.

Четвертая схватка оказалась последней, в которой они сошлись лицом к лицу.

Снова сшиблись кони, лязгнули шпаги, и снова всадники разъехались, не причинив друг другу вреда. Но на этот раз Голтспер обнаружил, чем он превосходит противника, и решил воспользоваться своим преимуществом.

Едва кони, столкнувшись, бросились в разные стороны и поскакали прочь друг от друга, Голтспер вдруг осадил своего скакуна и, заставив его повернуться на месте, пустил его, как стрелу, вдогонку противнику.

Потрясающая шпагой, Черный Всадник летел с торжествующим криком, и верный конь, словно чувствуя, что победа на его стороне, звонко вторил ему пронзительным, торжествующим ржанием, похожим на рев ягуара.

Скэрти, оглянувшись через плечо, увидел приближающуюся опасность. Он не мог

повернуть коня, не подставив себя под удар шпаги. Ему надо было выиграть расстояние. Единственное, что могло его спасти, была быстрота его скакуна. Он глубоко вонзил шпоры в его бока и помчался вперед во весь опор. Этот внезапный и неожиданный маневр был похож на бегство. В толпе раздались крики: «Трус! Проиграл бой! Ура Черному Всаднику!»

У Марион Уэд вырвался облегченный вздох. Чувство гордости отразилось на ее лице, глаза сверкнули восторгом. Разве он не настоящий герой, победитель, достойный владеть ее сердцем!

Она не отрываясь следила за этой бешеной скачкой и жаждала, чтобы Голтспер настиг своего противника. Она отнюдь не была жестокой, но ей хотелось, чтобы поединок пришел к концу, – она была измучена ожиданием.

Теперь ей уже недолго оставалось мучиться. Конец должен был наступить с секунды на секунду...

Капитан кирасиров, спасаясь от преследования Голтспера, рассчитывал, что он сумеет обогнать его на своем коне: у него был чистокровный арабский конь, отличавшийся быстротой и выносливостью, присущей этой благородной породе.

Но и за ним тоже гнался конь арабской крови, и он был сильнее и быстрее его.словно стрела, выпущенная из лука, мчался конь кирасира, и словно другая стрела, но выпущенная более мощной рукой, мчался за ним вороной конь. Так они промчались по лужайке, вылетели на дорогу через ров, на поляну парка, один за другим, словно состязаясь в скачке; но их сверкающие доспехи, поднятые обнаженные шпаги, пылающие гневом лица – все говорило о том, что это состязание носит далеко не столь безобидный характер.

Скэрти пытался выиграть расстояние, чтобы иметь возможность повернуть коня и встретиться лицом к лицу со своим противником. Он знал, что сейчас он не может этого сделать – он не успеет увернуться от шпаги Голтспера. Но скоро он заметил, что не только не уходит от противника, но что ему грозит опасность быть настигнутым.

Толпа снова затихла, кругом стояла мертвая, зловещая тишина; все словно застыло в ожидании близкой развязки – страшного, неминуемого конца.

В этом состязании на скорость кирасир с самого начала оказался в невыгодном положении. Передние копыта черного жеребца уже задевали задние копыта его лошади. Еще секунда – и он будет настигнут! Шпага противника уже сверкала за его спиной, всего в каких-нибудь десяти футах.

– Сдавайтесь или проститесь с жизнью! – решительно потребовал Голтспер.

– Никогда! – столь же решительно раздалось в ответ. – Ричард Скэрти никогда не сдастся и уж во всяком случае не...

– Да падет ваша кровь на вашу голову! – воскликнул Черный Всадник и, пригнувшись в седле, заставил взвиться на дыбы своего коня; тот, одним прыжком одолев расстояние, отделявшее его от коня кирасира, очутился с ним бок о бок, и в ту же секунду шпага Голтспера сверкнула в горизонтальном выпаде.

В толпе пронесся вопль: все с ужасом ждали, что капитан кирасиров вот-вот рухнет с седла, пронзенный этим ударом. Кираса в то время представляла собой только нагрудную броню, спина оставалась незащищенной.

И, несомненно, такой удар мог бы оказаться смертельным для капитана, если бы его не спас случай: конь Голтспера, рванувшись вперед, ударил передним копытом по задней ноге лошади Скэрти, и та, отпрянув на скаку, спасла своего хозяина от этого смертельного удара – удар пришелся не в спину, а в правую руку, чуть пониже плеча; шпага, вонзившись, ударила острием в стальную кольчугу под мышкой, а шпага кирасира выскользнула из его руки и отлетела в сторону.

Капитан кирасиров, выбитый из седла, рухнул на землю, а его лошадь с болтающимися поводьями умчалась вперед, оглашая воздух неистовым ржанием.

– Просите пощады или приготовьтесь к смерти! – вскричал Голтспер и, соскочив с коня, схватил левой рукой капитана за ворот, а правой угрожающе занес над ним шпагу.

– Остановитесь! – прохрипел Скэрти. – Остановитесь! – повторил он, разражаясь

проклятьями. – На этот раз вам повезло. Прошу пощады!

– Все! – сказал Голтспер, вкладывая шпагу в ножны. И, повернувшись спиной к побежденному, молча зашагал прочь.

Толпа, сбегав с откосов рва, обступила победителя, поздравляя и приветствуя его радостными криками. Какая-то девушка в красном платье, протиснувшись вперед, бросилась перед ним на колени и протянула ему букет цветов. Это была подвергнувшаяся оскорблению красotka Марианна, которая так трогательно выражала ему свою благодарность.

Две пары глаз следили за этой сценой с ревнивой горечью: синие глаза Марион Уэд и зеленые глаза Уилла Уэлфорда, выступавшего в роли прославленного разбойника. Пожалуй, сам смелый Робин никогда не ревновал так свою возлюбленную Марианну!

Марион Уэд видела подношение цветов и видела, как они были приняты. Она видела, как Голтспер взял их из рук Марианны и поклонился ей с приветливой улыбкой. Марион не пришлось в голову спросить себя: а мог ли он поступить иначе? Охваченная жестокими подозрениями, не помня себя, она незаметно спустилась с вала и бросилась бежать без оглядки домой, под родительскую кровлю.

Хотя капитан Скэрти лишился возможности продолжать бой, рана его оказалась неопасной. Он был ранен в правую руку и временно потерял способность владеть ею.

Он пострадал гораздо более нравственно, чем физически. По его мрачному, пылающему лицу солдаты и любопытные, обступившие его, видели, что его лучше оставить в покое – он не нуждается ни в их сочувствии, ни в их соболезнованиях.

Ему помогли подняться и оказали необходимую помощь. Когда раненую руку освободили от стальных нарукавников и фельдшер из его отряда остановил кровь, хлеставшую из раны, и наложил повязку, капитан Скэрти молча удалился с места своего падения и направился к валу, где стоял сэр Мармадьок со своими друзьями. Дамы уже разошлись; после этого кровавого зрелища ни у кого не было охоты продолжать игры.

Сэр Мармадьок остался на валу главным образом для того, чтобы выяснить, с какой целью капитан Скэрти пожаловал в его усадьбу.

Он не желал больше оставаться в неведении на этот счет и уже собирался допросить незваного гостя, но, увидев, что Скэрти сам направляется к нему, решил выждать.

По лицу Скэрти видно было, что он желает объясниться с хозяином дома.

Сэр Мармадьок молча ждал, предоставив капитану начать разговор.

Подойдя к валу, Скэрти властно осведомился, здесь ли сэр Мармадьок.

Он обратился с этим вопросом к поселянам, стоявшим на откосе, но те, видя, что сэр Мармадьок здесь, и не зная, желает ли он, чтобы они отвечали утвердительно, промолчали.

Наглый тон капитана так возмутил сэра Мармадьока, что он тоже не счел нужным ответить. Скэрти повторил свой вопрос. На этот раз сэр Мармадьок был уже не в силах смолчать.

– Да, он здесь, – сказал он коротко. – Я – сэр Мармадьок Уэд.

– Рад слышать это, достойный сэр. Мне надо сказать вам несколько слов. Может быть, вы предпочтете, чтобы это было конфиденциально? Я вижу, вы в компании...

– Я не веду никаких конфиденциальных разговоров с незнакомыми людьми! – с достоинством отвечал сэр Мамадьок. – Если вы желаете что-то сказать, сэр, вы можете говорить громко.

– Как вам угодно, сэр Мармадьок, – с насмешливой учтивостью поклонился Скэрти. – Но если, к моему глубокому огорчению, мы до сих пор не были знакомы, я надеюсь, что это неприятное положение в ближайшем времени окончится и мы с вами скоро хорошо познакомимся.

– Что вы хотите сказать, сэр? Что вам здесь надо?

– Я рассчитываю на ваше гостеприимство, сэр Мармадьок. Кстати сказать, у вас превосходный парк и вместительное помещение. Хватит места для всех моих подчиненных, не правда ли? И вряд ли, по правилам вежливости, мы можем остаться незнакомыми друг другу, если будем есть, пить и спать под одной кровлей с вами.

– Есть, пить и спать под одной кровлей? Вы смеетесь, сэр!

– В этом нет ничего удивительного, сэр Мармадюк. Предвкушение отдыха на такой приятной квартире не может не радовать меня.

– После полученного вами урока, – презрительно отвечал сэр Мармадюк, казалось бы, естественней видеть вас в менее легкомысленном настроении!

– Капитан Скэрти получил достаточно ран на своем веку, чтобы не обращать внимания на пустяковую царапину, на которую вы изволите намекать... Но мы зря теряем время, сэр Мармадюк. Я голоден, и мои солдаты тоже, нас мучит жажда. Мы были бы не прочь закусить и выпить.

– Но что же мешает вам удовлетворить ваши желания? В трех милях отсюда на дороге стоит харчевня.

– Зачем нам так далеко ходить, когда есть и ближе! – с наглой усмешкой возразил Скэрти. – Наша харчевня здесь.

И с этими словами он указал на замок сэра Мармадюка, величественно возвышавшийся на вершине противоположного холма.

– Довольно, сэр! – сказал хозяин дома. – Прекратите ваши загадки. Если вы хотите что-то сказать, говорите прямо.

– Я с превеликим удовольствием подчиняюсь вам, сэр Мармадюк. Поверьте, мне уже давно пора подкрепиться, и я не имею ни малейшего желания продолжать этот бесполезный разговор... Корнет Стаббс, – обратился он к своему подчиненному, – если я не ошибаюсь, королевский приказ у вас в кармане; прошу вас, достаньте его и ознакомьте с его содержанием этого почтенного джентльмена.

Корнет, уже успевший снова облачиться в доспехи, засунул руку под стальную кирасу и достал из камзола сложенный вчетверо пергамент, запечатанный большой красной печатью. Сломав печать, он развернул его и прочел вслух:

"Его величество король – сэру Мармадюку Уэду.

Его величество, полагаясь на преданность сэра Мармадюка Уэда из Бэлстрод Парка в графстве Бэкингемшир, предлагает ему поместить на постой у себя в доме конный отряд кирасиров капитана Скэрти и содержать его впредь до того, как его величество сочтет нужным отозвать своих кирасиров на королевскую службу. Его величество поручает капитана Скэрти гостеприимному радушию сэра Мармадюка как достойного джентльмена и храброго офицера, честно служившего своей стране и своему королю.

Подписано и скреплено большой королевской печатью

в Уайтхолле, 15 сего октября, Аппо Domini 1640.

Carolus Rex".

Глава 21

КАМЕННАЯ БАЛКА

Путешественник, чей путь лежит через Чилтернские холмы, нередко, поднявшись на вершину гряды, видит кругом себя кольцо гор, а глубоко внизу замкнутую со всех сторон, круглую, как чаша, долину.

Эти ложбины среди холмов бывают иногда довольно значительных размеров, в несколько сотен акров. В них иногда можно увидеть притаившийся в глубине скромный крестьянский домик с обработанным участком, а иногда и дворянскую усадьбу, раскинувшуюся среди зеленых пастбищ, окруженных со всех сторон стеной леса, опоясывающего вершины холмов.

Эти прелестные пейзажи похожи на живописные картины в круглой раме.

Такую картину некогда представляла собой долина Каменной Балки: красивый дом посреди густо разросшегося цветущего парка, в зеленой рамке букового леса, окаймляющего склоны холмов.

Было время, когда и парк и дом в Каменной Балке содержались в образцовом порядке.

Теперь то и другое носило следы запустения и упадка. Так картина, оставшаяся висеть на стене опустевшего дома, покрывается пылью и краски ее тускнеют от времени.

И самый дом, и примыкавшие к нему дворовые строения – все казалось заброшенным и имело какой-то нежилой вид. Если бы не дым, поднимающийся иногда из одной-единственной уцелевшей трубы, то, глядя на этот дом с вершины холма, можно было бы с уверенностью сказать, что здесь никто не живет. Кусты в парке превратились в непроходимые заросли, луга, поросшие дроком, пучками колючей травы и чертополохом, напоминали скорее дикий пустырь, чем цветущее пастбище, а козы, бродившие по этому пустырю, стали такими же пугливыми, как лани, щипавшие траву рядом с ними, которые, едва заслышав чьи-нибудь шаги, мгновенно исчезали в лесной чаще.

В ограде усадьбы не видно было ни домашней скотины, ни птицы, и редко-редко человеческий голос раздавался в этой пустынной тишине, где слышно было только пронзительное верещанье сойки, доносившееся из ближнего леса, звонкий свист дрозда в зарослях кустарника да однообразное карканье грачей на вершинах высоких вязов, которые темной стеной стояли вокруг дома, сплошь унизанные гнездами.

И в самом деле, в усадьбе «Каменная Балка» давно уже никто не жил, если не считать седовласого сторожа, старого, отставного солдата, который считался не столько обитателем дома, сколько его постоянной принадлежностью. Он и его пес, такой же дряхлый, как и он сам, и не менее почтенный кот были на протяжении многих лет единственными хозяевами Балки.

Никто из окрестных селений не знал, кому, собственно, принадлежит усадьба. Даже в то время, когда она была еще обитаемой, последние жильцы только арендовали дом, а хозяин, как говорили, поселился в чужеземных краях, чуть ли не где-то в колониях, в Виргинии, если верить слухам.

Да вряд ли кто особенно интересовался этим: Каменная Балка лежала в стороне от проселочных дорог, и редко кому случалось проходить мимо нее. Очень немногие могли бы сказать, что видели заброшенную усадьбу собственными глазами. Даже в селениях, лежащих всего в каких-нибудь пяти милях от этого места, были люди, которые вовсе не знали об ее существовании, или, может, когда-то знали, да забыли.

Но с некоторых пор о старом доме в Каменной Балке стали поговаривать. О нем пошли толки на рынках и в других местах, где имели обыкновение сходиться поселяне.

Это объяснялось тем обстоятельством, что в один прекрасный день внезапно обнаружилось, что неизменная принадлежность дома – старик сторож куда-то исчез, а на его месте водворился новый жилец.

Неизвестный, поселившийся в Каменной Балке, его образ жизни, его загадочное появление – словом, все, связанное с ним, было окружено какой-то таинственностью.

Кое-кто из поселян, сумевших под тем или иным предлогом побывать в доме, рассказывал, что новый жилец привез с собой всего-навсего одного слугу, краснокожего, с длинными, прямыми, черными, как смоль, волосами, а зовут его Ориоли, и похоже – он из тех самых индейцев, которые однажды приезжали в Англию из заокеанских колоний.

Рассказывали еще, что этот Ориоли то ли не хочет, то ли вовсе не умеет говорить на английском языке. Во всяком случае, никто из побывавших в Каменной Балке не смог выведать у него ничего относительно его хозяина.

Однако сам хозяин довольно скоро познакомился с окрестными крестьянами. Встречаясь с ними на деревенском базаре или на праздничных гуляньях, он охотно вступал с ними в разговор, интересовался условиями их жизни и не упускал случая объяснить им, что они должны отстаивать свои права, а не потакать насилию и несправедливости. Эти беседы находили отклик в сердцах чилтернских жителей, ибо они затрагивали то, что у них давно наболело в душе, то, что они давно уже чувствовали сами, но не решались высказать из страха перед «Звездной палатой». Человек, который не боялся высказать эти чувства вслух, не мог не снискать уважения честных фермеров Бэкингемского графства. Таким образом, не прошло и месяца после водворения нового жильца в старом доме Каменной Балки, как он

уже завоевал расположение окрестных жителей.

Этот человек обладал многими качествами, способствовавшими его популярности среди поселян. Он был из хорошей семьи, прекрасно воспитан. Его поведение, его манеры не позволяли в этом усомниться; крестьяне на этот счет обладают верным чутьем. Кроме того, у него была благородная внешность, которая поражает взор не красотой черт, а неукротимой смелостью и мужественным самообладанием, внушающими невольное восхищение. Одевался он без излишней роскоши, но все на нем было дорогое и отличного качества. Он прекрасно ездил верхом, и его великолепный вороной конь был под стать своему всаднику. Со всеми простой и приветливый, без тени того барственного снисхождения, которое так отталкивает деревенских людей, Генри Голтспер, отличавшийся чистосердечием и бескорыстием подлинно благородного человека, не мог не завоевать любовь и уважение жителей Чилтернских холмов. Вот каков был победитель в поединке, который пронзил руку капитана Скэрты и сердце Марион Уэд! ***

Наступила ночь. Празднество в усадьбе сэра Мармадюка Уэда окончилось рано. Неожиданное появление кирасиров и последовавшие за тем волнующие события положили конец играм и развлечениям.

После таких трагических происшествий никого не привлекало метание колец в цель или игра в мяч. Даже борьба и фехтование и те казались скучными после этого захватывающего поединка, который едва не окончился смертью одного из участников.

Задолго до того, как стемнело, толпа разошлась с площадки. В парке еще спустя некоторое время можно было увидеть кучки людей, оставшихся не ради развлечения, а просто из любопытства или для того, чтобы поговорить о том, что творится в доме сэра Мармадюка Уэда, куда капитан кирасиров направился со своим отрядом тотчас же после того, как было прочитано вслух ироническое воззвание короля к гостеприимству хозяина замка.

Победитель в поединке одним из первых покинул праздник. Он, по-видимому, не сразу вернулся домой; или, может быть, ему пришлось еще раз уехать из дому, потому что в этот поздний час он только что свернул с проезжей дороги на тропинку, которая, как уже описывалось выше, вьется по склонам холмов и ведет к Каменной Балке; по взмыленному коню всадника можно было сказать, что он проделал немалый путь.

Так как тропинка почти все время бежит лесом, кругом стоит глухой мрак, хотя на небе светит яркий месяц. О чем думает всадник, догадаться нетрудно. Кто, как не Марион Уэд, которую он так часто встречал на этой тропинке, владеет сейчас его мыслями!

Вот он выехал на просеку и, остановившись под развесистым буком, снял шляпу с головы и смотрит не отрываясь при свете луны на белую перчатку под султаном из черных перьев.

На лице его глубокая нежность, которая вдруг сменяется страхом, как будто он то верит, то сомневается. Трудно понять эту смену выражений на его лице, если не знать всех перипетий его жизни. Никто, кроме него самого, не сумел бы сказать, что за этим скрывается.

У Генри Голтспера есть над чем призадуматься, но сейчас его больше всего удручает мысль о той, которая подарила ему эту перчатку, – он все еще верит, что это не случайность, а дар, – но только она почему-то не хочет ни вспоминать об этом, ни видаться с ним. Шесть дней прошло с тех пор, как он получил от нее этот дар, и за все это время, до праздника, он ни разу не видел ее. Она не показывалась из-за ограды парка, и на этой лесной тропинке он ни разу не обнаружил следов ее лошади.

Почему она прекратила прогулки и так внезапно положила конец этим сладостным встречам в лесу?

Все время Генри Голтспер не переставал задавать себе этот вопрос и никак не мог найти на него ответа.

Юный Уолтер Уэд и не подозревал, какую радость доставил он своему спутнику, пригласив его на праздник. Сколько надежд возлагал Генри Голтспер на этот день! Его

познакомят с Марион, и, конечно, она объяснит ему все ведь достаточно одного слова, чтобы эти мучительные сомнения, одолевавшие его, рассеялись, как дым.

И вот наконец этот день настал. Его познакомили с Марион, и на этом все кончилось. Какое злосчастье! Все так и осталось, как было, и поведение Марион по-прежнему необъяснимо. И как она была холодна с ним во время этой короткой встречи! Голтспер с горечью вспоминал о своем разговоре с нею.

При всей своей опытности и достаточном знании женского сердца Голтспер, видимо, заблуждался относительно Марион. Возможно, будь это более заурядная женщина, он был бы прав в своих рассуждениях. Скитаясь по разным странам, Голтспер в своей жизни одержал немало побед, но никогда еще он не чувствовал себя в таком плену, в каком держала его эта синеглазая золотоволосая девушка, похитившая у него не только сердце, но и, по видимому, разум. Он смотрел на ее перчатку вопрошающим взором, как если бы он ждал, что она ответит ему: упала ли она случайно под этим деревом или ее уронили нарочно для него, чтобы он ее поднял и хранил?

Конь его нетерпеливо бил копытом о землю, словно требуя ответа.

– Ах, Хьюберт! – вздохнул всадник. – Как ты ни дорог мне и как ни велика услуга, которую ты мне оказал сегодня, я был бы готов расстаться даже с тобой, лишь бы узнать правду: могу ли я считать эту тропинку самым священным местом на всей земле? Но едем, мой друг! Тебе уже давно пора быть в стойле. Ты, верно, устал после поединка, да еще проскакав потом двадцать миль. Да, правда, я и сам устал. Едем-ка домой отдохнуть!

И, чуть тронув коленями бока своего послушного коня, понимавшего каждое его движение, всадник медленно поехал прочь с этого места, полного для него сладостных воспоминаний, которым он и хотел и не смел верить.

Глава 22

ИСПОВЕДЬ РАЗБОЙНИКА

Было уже совсем поздно, когда Генри Голтспер подъехал к полуразвалившимся воротам усадьбы «Каменная Балка». Тяжелые входные двери старого дома были распахнуты настежь, и в тусклом свете свечи, мерцающей в холле, смутно выступали очертания высокого портала под каменным куполом арки норманнской архитектуры.

В дверях на пороге неподвижно стоял человек, словно застыв в ожидании.

Лунный свет, падающий на него, позволял различить в этом силуэте стройную, прямую фигуру молодого человека среднего роста в чем-то вроде туники из мягкой оленьей кожи. Его бронзово-коричневое лицо казалось еще темнее от низко спускавшихся на лоб черных, как смоль, волос. На голове у него была повязка наподобие тюрбана, на ногах – длинные гетры и мягкая обувь из того же материала, что и туника. Пестрый вышитый пояс перехватывал талию, а слева за поясом торчал короткий нож.

В его черных, как уголь, глазах не выразилось ни тени удивления при виде приближающегося всадника. Пока всадник не подъехал к крыльцу, он стоял все так же неподвижно, не шелохнувшись, и лунный свет озарял его бронзовое лицо; его легко можно было принять за медную статую: порог служил ему пьедесталом, а арка над его головой создавала впечатление ниши. Только когда конь наконец остановился, статуя вдруг выступила из своей ниши; мягкими, кошачьими шагами индеец скользнул вперед и, приняв поводья из рук хозяина, замер, дожидаясь, когда он сойдет с лошади.

– Поводи Хьюберта минут пять, – сказал Голтспер, соскакивая с седла. Эта развалившаяся конюшня слишком сыра для него после такой пробежки. Разотри его хорошенько да покорми как следует, прежде чем отвести в конюшню.

Все эти наставления, сделанные на его родном языке, краснокожий слуга выслушал молча.

Только по легкому движению головы можно было догадаться, что он понял и готов выполнить все, что ему говорят.

Хозяин, по-видимому и не ждавший другого ответа, поднялся на крыльцо.

– Кто-нибудь спрашивал меня, Ориоли? – сказал он, останавливаясь на ступеньке.

Ориоли поднял правую руку и, вытянув ее горизонтально, указал на дверь.

– Там кто-то ждет?

В ответ последовал безмолвный кивок.

– Один или больше?

Индеец поднял руку, зажав все пальцы, кроме одного.

– Только один? Что же он, пришел или приехал верхом?

Ориоли ответил, зажав указательный палец левой руки между указательным и средним правой.

– Верховой! – удивленно воскликнул Голтспер. – Что же это за поздний гость? Я никого не ждал сегодня ночью. Тебе не знаком этот человек, Ориоли?

Индеец закрыл глаза рукой.

– По-твоему, он приехал издалека?

Индеец вытянул правую руку во всю длину, подняв кверху указательный палец, и медленно притянул руку обратно к телу.

Незнакомец приехал издалека – Ориоли мог сказать это по его лошади.

– Как только ты отведешь Хьюберта в конюшню, проводи гостя ко мне в гостиную. Да поторопись – может быть, он не намерен остаться на ночь.

Ориоли взял коня под уздцы, и оба исчезли так внезапно и беззвучно, словно растаяли в воздухе.

– Надеюсь, это кто-нибудь из Лондона, – рассуждал сам с собой Голтспер, проходя в комнаты. – Мне как раз нужно послать с поручением в город, а я не могу обойтись без Дэнси и Уэлфорда. Наверно, там уже известно о прибытии сюда Скэрти; но то, что сэр Мармадюк примкнул к нашим рядам, – это для них будет новость, и хорошая новость! Она обрадует и Пима и Гемпдена... Не стану дожидаться, пока Ориоли приведет его ко мне, – решил он. – Наверно, он оставил его сидеть в столовой. Пойду-ка я к нему сам.

И Голтспер направился в столовую, чтобы поскорее увидеть своего ночного гостя.

В столовой никого не оказалось, и он прошел в соседнюю комнату, куда Ориоли мог отвести незнакомого посетителя. Там тоже было пусто, так же как и в других комнатах. Так он дошел до библиотеки, которая служила ему кабинетом и куда он велел Ориоли привести гостя.

В библиотеке тоже никого не было, и Голтспер остановился в недоумении, не зная, что и подумать, как вдруг до него донеслись какие-то странные звуки, и он, выйдя в коридор, увидел слабую полоску света, пробивающуюся из кухни. Открыв дверь, он сразу увидел гостя, почтившего его своим визитом и оставшегося дожидаться в столь поздний час. Это был Грегори Гарт.

Бывший разбойник лежал, растянувшись на деревянной скамье возле очага. Огонь в очаге погас, и полуобгоревшие вязанки сырого хвороста чуть тлели на решетке в куче золы и потрескивающих углей.

Лампы в кухне не было, но в слабом свете раскаленных углей и изредка вспыхивающих язычков пламени Голтспер без труда узнал своего гостя.

Грегори спал крепким сном, как будто он был у себя дома и наконец-то добрался до собственной кровати. Вся кухня содрогалась от могучего храпа, и, по всем признакам, разбудить его было не так-то легко.

– Так вот кто пожаловал ко мне! Мой почтенный друг Грегори Гарт! промолвил Голтспер, наклоняясь над спящим и с улыбкой глядя на своего бывшего слугу.

В ответ раздалось мощное храпенье, похожее на рев носорога.

– Любопытно, что привело его сюда так скоро после этой... Разбудить его, что ли, да спросить?.. Или оставить его отсыпаться до завтра?

И снова звучный храп, как бы приветствующий эту заманчивую возможность, вырвался из груди спящего.

– Что ж, я, признаться, рад, что он явился ко мне, – продолжал Голтспер. – Видно, он сдержал обещание и распустил свою разбойничью шайку. Надо полагать, что так. Возможно, в нем еще сохранилось что-то порядочное... Хотя, как знать... может, все, что и было когда-то, теперь уже давно вышиблено. Судя по тому, как он мирно спит, его не особенно мучают угрызения совести. Но какие бы дела ни водились за ним, я надеюсь, что руки его чисты от...

Голтспер не решился высказать до конца то, что ему уже не раз приходило в голову.

– Бросаться на человека с пикой в руках – конечно, это ужасная улика. Кто знает, чем бы все это кончилось, если бы я вовремя не узнал его... Так как же – дать ему отоспаться?.. Ложе у него не из мягких, но мне и самому не раз приходилось спать не мягче, и, я думаю, Грегори Гарт не избалован хорошим жильем. Не беда, если он поспит и здесь. Оставим его до утра.

И с этими словами бывший хозяин Грегори уже хотел было удалиться к себе в комнату, как вдруг его внимание привлек какой-то белый предмет, зажатый в руке спящего.

Он ткнул носком сапога в тлеющие на решетке угли и при свете вспыхнувшего пламени увидел, что это запечатанное письмо.

Хотя оно несколько скомкалось, сжатое мощной пятерней разбойника, но видно было, что это большой пакет с красной печатью, и, нагнувшись, Голтспер разобрал на ней королевский герб.

– Письмо от короля! – изумленно пробормотал Голтспер. – Кому же оно адресовано? И как могло совершиться подобное превращение: разбойник с большой дороги внезапно оказывается королевским курьером!

На первый вопрос ответ можно было бы получить, прочитав надпись на пакете, но ее закрывала мозолистая ладонь Грегори.

Чтобы разгадать эту загадку, необходимо было разбудить спящего, что Голтспер и решил сделать, не откладывая.

– Грегори Гарт! – крикнул он громко, наклонившись к самому его уху. Стой, ни с места! Отдавай кошелек, Грегори Гарт!

Этот знакомый окрик возымел неожиданное действие. Вскочив со скамьи и чуть не налетев на очаг, Грегори Гарт выпрямился во весь рост и машинально повторил:

– Стой, ни с места! Отдавай кошелек! – И дальше он уже продолжал по привычке, все еще не придя в себя: – Кошелек или жизнь! Смирно, друзья! Господа не будут сопротивляться... это хорошие люди!..

– Ха-ха-ха! – покатился со смеху Голтспер и, схватив за плечи своего бывшего слугу, силком усадил его на скамью. – Успокойся, Грегори, а то ты перепугаешь всех крыс!

– Ох, Господи! Мастер Генри, это вы! Мне, должно быть, что-то приснилось, никак в себя не приду! Простите меня, ради Бога, мастер Генри!

– Ха-ха-ха! Твое счастье, Грегори, что никто, кроме крыс, не слышал, что ты нес спросонок! А то ведь ты такое наговорил, что никак не вяжется с твоей новой службой!

– Моей новой службой? Что вы хотите этим сказать, мастер Генри?

– Да судя по тому, что у тебя в руке, – сказал Голтспер, многозначительно кивая на письмо, – ты, надо полагать, стал королевским гонцом?

– А-а, вот оно что! Понимаю, мастер Генри. Королевский гонец! Нет, упаси Боже! Слишком беспокойная должность для Грегори Гарта. Но хоть я и не гонюсь за этой должностью, вышло так, что мне в самом деле привелось встретиться с королевским гонцом. Вот из-за этого-то письма я и явился к вам в такой поздний час. А не будь его, я, конечно, выбрал бы более подходящее время.

– А это письмо мне?

– Сказать по правде, мастер Генри, оно написано не вам и не предназначалось для вас, но по тому, что мне удалось разобрать, в нем много такого, что вам следовало бы знать. Но, конечно, вам самому будет виднее, после того как вы его прочтете.

Грегори протянул Голтсперу письмо, и тот сразу увидел, что оно с обеих сторон надорвано по краям, хотя печать на нем и осталась нетронутой.

– Королевская грамота! И ты решился вскрыть ее, Грегори?
– Д-да... она как-то у меня сама разорвалась, мастер Генри, – промямлил разбойник. – Может, оно и нехорошо... да ведь я не знал, что это королевская грамота. А и знал бы, так, наверно, все равно разорвал бы, – буркнул он себе под нос.

Голтспер быстро пробежал глазами адрес:

Капитану Скэрти, командиру отряда королевских кирасиров.

Бэлстрод Парк

Графство Бэкингемшир.

– Это не мне. Гарт... Это...

– Я знаю, знаю, мастер Генри... но ведь вчера-то я еще не знал, когда этот пакет попал ко мне в руки. Я только нынче утром услышал, что они появились здесь.

– Но как же он мог попасть в твои руки, этот пакет?

– Как он ко мне попал?

– Вот именно! Кто тебе его дал?

– Я... я, мастер Генри, получил его прошлой ночью... от одного кавалера... он... он мне его передал.

– Простой ночью? В котором же это было часу?

– Да час-то уж был поздний, совсем затемно...

– Так это было до или после...

– После того как я повстречал вас – вы это хотите знать, мастер Генри? Да, признаться, немножко попозднее.

Грегори опустил голову: ему явно было не по себе от этого допроса, и он тщетно старался скрыть свое замешательство.

– Что ж это был за кавалер? – продолжал допытываться Голтспер, и видно было, что он интересуется этим не только в связи с подозрительным замешательством разбойника.

– Богато одетый кавалер, мастер Генри, и конь под ним был разве что чуть похуже вашего. Давно уж мне не приходилось видеть такого коня! Вот этот кавалер мне сам и сказал, что он, как вы изволили назвать, королевский гонец.

– И ты отнял это у королевского гонца?

– Да... нет... мастер Генри...

– Не может быть, чтобы он сам дал тебе этот пакет!

– Ах, мастер Генри, язык не поворачивается вам соврать! Признаюсь, я взял у него это письмо.

– И, верно, еще кое-что? Выкладывай, Гарт, нечего от меня прятаться! Говори всю правду.

– О Господи Боже! Мастер Генри, вы требуете, чтобы я сказал все?

– Да, Грегори, все, или прочь с моих глаз и не попадайся мне больше никогда!

– Боже милосердный! Нет-нет, мастер Генри, я все выложу, все, как было, ничего не утаю... На кавалере были разные ценные вещи, как оно, конечно, полагается королевскому гонцу, – часы с золотой цепью, богатая одежда, карандаш с золотым колпачком, какая-то штучка, не знаю, как называется... медальон, что ли... уж не говорю...

– Можешь не перечислять его имущества, Грегори, меня интересует не это, а то, как ты поступил с кавалером. По-видимому, ты обобрал его дочиста и присвоил себе все эти ценные вещи?

– Что ж, мастер Генри, раз уж я обещал сказать правду, признаюсь, я кое-что отобрал у него. А что ему эти вещи? Разве он в них нуждается так, как я, у которого нет ничего за душой, кроме того старого тряпья, что висело на пугалах? Я снял с него эти побрякушки...

– А еще что ты с ним сделал? – сурово спросил Голтспер.

– Ничего больше, клянусь, мастер Генри! Только что связал его по рукам и ногам, так, для верности, и оставил лежать в старой хижине, чтобы он не схватил простуды, а то ночи-то нынче свежие, холодные.

– Скажите, какая заботливость! Ах, Грегори Гарт, Грегори Гарт! И это после твоего

торжественного обещания!

– Клянусь, мастер Генри, я не нарушил своего обещания! Ничем не нарушил, клянусь вам!

– Не нарушил обещания! Негодный обманщик! Ты только еще больше чернишь себя этим враньем! Ведь ты же сейчас сам сказал, что встретил этого гонца после того, как расстался со мной!

– Верно, мастер Генри. Только вы забыли, что я обещал вам, что это будет моя последняя ночь. Так оно было и будет, клянусь вам!

– Что ты такое плетешь, Грегори? Что ты хочешь этим сказать?

– А то, что, когда вы с вашим молодым спутником уехали прочь, было всего одиннадцать, и до конца ночи оставался еще добрый час. И вот тут-то, на мою беду, и появился этот гонец, разодетый в шелка да бархаты и со всеми этими побрякушками. И как я посмотрел на него – ну, прямо что твой голубок: распушился весь, так сам к тебе в руки и лезет! Ну что же мне оставалось делать? Ведь сам просится – ощипи! Ну, разве хватит духу отказаться? Вот я его и ощипал. Но клянусь вам, мастер Генри, и не будет мне покоя на том свете, коли я лгу: все это я проделал с ним до того, как пробило двенадцать. И только когда я уже отъезжал от хижины, часы в Челфонте на колокольне Святого Петра били полночь.

– Отъезжал? Так, значит, ты увел и его коня?

– Помилуйте, мастер Генри, неужто мне было тащиться пешему, когда тут же стоял оседланный конь? Гонцу-то от него все равно никакой пользы – ему в эту ночь с места не двинуться! А как же мне-то было все это тряпье тащить? Не мог же я моих молодцов так оставить! Как знать? Они могли бы выдать меня даже и после того, как я уже встал бы на честный путь.

– Гарт, Гарт, боюсь, что этого никогда не будет! Мне кажется, ты неисправим.

– Не говорите так, мастер Генри! – вскричал бывший разбойник, и в голосе его звучало искреннее огорчение, и, как это ни казалось смешно, все же ему нельзя было не поверить. – Разве я хоть раз в жизни обманул вас? Можете ли вы припомнить, чтобы я когда-нибудь нарушил свое обещание?

– Ах, Грегори! – промолвил Голтспер, тронутый, помимо воли, этим детским простосердечием своего бывшего слуги. – Может быть, я и не могу припомнить этого на деле... Но все твоё поведение...

– Не поминайте мне о нем больше, мастер Генри! Стыдно мне вам в глаза смотреть. Но коли уж я дал обещание, я сдержу его, вот посмотрите! Хоть с голоду помру, а сдержу! Клянусь вам! – И, словно в подтверждение своей клятвы, бывший разбойник ударил себя кулаком в грудь.

– Слушай меня, Грегори Гарт, – внушительно сказал Голтспер. – Если ты хочешь, чтобы я действительно поверил в твоё исправление, ответь мне на один вопрос, только ответь прямо, без увиливаний. Я спрашиваю тебя не из пустого любопытства и не для того, чтобы заставить тебя потом расплачиваться, каков бы ни оказался твой ответ. Ты знаешь меня, Грегори, и ты не солжешь мне, а ответишь правду.

– Можете не сомневаться, мастер Генри. Спрашивайте, я вам отвечу честно; что бы вы ни спросили, вы от меня услышите чистую правду.

– Так вот. Отвечай мне только в том случае, если на мой вопрос ты можешь ответить «да»; а если не можешь, не отвечай ничего. Мне будет достаточно твоего молчания, и тогда уж незачем будет слышать твой ответ.

– Спрашивайте, мастер Генри, спрашивайте что угодно – я не боюсь!

Голтспер наклонился к нему и спросил:

– Скажи, рука твоя не запятнана убийством?

– Господи! – воскликнул бродяга, невольно отшатнувшись и глядя на Голтспера изумленным и укоризненным взором. – Ужели вы могли думать, что я способен на такое дело? Убийство? Нет-нет! Клянусь вам, никогда в жизни! Мои руки неповинны в крови, как руки новорожденного младенца. На моей душе много грехов и без того. Я жил грабежом, как

вы знаете, – чуть было не ограбил вас и вашего друга...

– Подожди, Гарт! А что бы ты сделал, если бы я не узнал тебя?

– Удрал бы, мастер Генри! Удрал бы, и все тут! Я уже и ног под собой не чуял, едва только увидел, что вы грозите всерьез. И коли бы ваш пистолет не остановил меня, я бросил бы всех своих товарищей на вашу милость. Ох, мастер Генри, редко можно встретить путешественников, которые вели бы себя так, как вы! Ведь это первый раз, что мне пришлось пустить в ход угрозы! Я думал вас припугнуть, и это все, что я собирался сделать.

– Довольно, Грегори! – сказал кавалер, явно обрадованный, что его старый слуга не запятнал себя убийством и не проливал невинной крови. – А теперь, продолжал он, – я надеюсь, что тебе больше не придется каяться даже в угрозах – по крайней мере, по адресу путешественников. Может быть, я скоро найду тебе более подходящих противников, достойных твоей страшной пики. А пока располагайся до утра. Когда мой слуга вернется из конюшни, он даст тебе поужинать и устроит постель поудобней этой скамьи.

– О, мастер Генри, – вскричал Гарт, видя, что Голтспер собирается уходить, – не уходите! Прошу вас, не уходите, пока не прочтете, что написано в этой бумаге! Тут идет речь о серьезных делах, мастер Генри, я уверен, что это касается и вас.

– Меня? Почему ты так думаешь? Разве мое имя упоминается здесь?

– Имени-то вашего нет, но там есть приказы о ком-то, а по тому, что я о вас знаю, – я как прочел, так и подумал, что это не иначе, как про вас.

– Грегори, – сказал Голтспер, приблизившись к своему старому слуге, и в голосе его слышалось беспокойство, – все, что ты знаешь обо мне и о моих делах, держи при себе. Ни слова никому о моей прошлой жизни! Пусть это останется тайной, так же как и твое прошлое. Здесь никто не знает моего настоящего имени. То, которое я ношу сейчас, присвоено мною временно с определенной целью. Скоро мне будет все равно, если кому-то станет известно мое настоящее имя, но это время еще не пришло. Нет, не пришло! Помни это!

– Я буду помнить, мастер Генри.

– Эту бумагу я прочту, – продолжал Голтспер, – раз ты говоришь, что там есть что-то касающееся меня, тем более что мне не придется вскрывать пакет и винить себя в нескромности. Ха-ха! Твоя неосторожность, достопочтенный Гарт, избавит мою совесть от этого упрека!

Голтсер, смеясь, подошел к разгоревшейся печи, развернул грамоту и тут же ознакомился с ее содержанием.

Глава 23

ПОСЛАНЕЦ ДЖОНА

Королевская грамота, адресованная Скэрти, по-видимому, не содержала в себе ничего неожиданного для Генри Голтспера. По выражению его лица можно было видеть, что первая часть послания была уже ему известна, а остальное он, вероятно, мог предполагать. Во всяком случае, Грегори Гарт, глядя на него, мог убедиться, что он не прогневал своего бывшего хозяина, отобрав у гонца его депешу.

Голтспер все еще был поглощен чтением, когда вошел молодой индеец; он постоял несколько секунд, словно выжидая, не понадобится ли он для какого-нибудь особого поручения, потом подошел к столу и взял лампу. Заправив ее у печки, он так же безмолвно удалился. Гарт, разинув рот, проводил его взглядом, полным безграничного изумления; казалось, он спрашивал себя, где, в каком уголке земного шара появился на свет этот безъязыкий чужеземец.

Прочитав грамоту, Голтспер сложил ее и бережно спрятал на груди под камзолом. Затем, повернувшись к бывшему бандиту, он показал ему на полку, где стояла еда, и, выйдя из кухни, направился в библиотеку, куда только что вошел Ориоли с лампой.

Это была большая комната, обставленная очень просто, чтобы не сказать скудно.

Посредине стоял большой дубовый стол, вокруг него несколько дубовых стульев. Стены были увешаны картинами, но они были покрыты таким толстым слоем пыли, что их почти невозможно было разглядеть. Вдоль стен стояли книжные шкафы, тесно заставленные большими старинными книгами, также посеревшими от пыли, которую, видно, давно не стирали. На столе, на стульях, на полу – всюду были разбросаны оружие, седла, походные сумки и разные другие предметы, бывшие, по-видимому, недавно в употреблении. По всему видно было, что человек, живущий в этом доме, считает его лишь временным приютом.

Когда Голтспер вошел в библиотеку, там уже никого не было. Индеец, поставив лампу на стол, уже успел выйти.

– Так, так! – пробормотал Голтспер, усаживаясь за стол и еще раз просматривая грамоту. – Скэрти послан вербовать солдат. А с какой целью? Неужели опять готовится поход против шотландцев? Я думал, что его величество сыт этим неприятелем по горло! Быть может, ему скоро придется заняться другим, поближе к дому. Возможно, он уже кое-что подозревает, и – как знать? – может быть, этим объясняются его распоряжения капитану кирасиров. Что ж, пусть Скэрти попробует выполнить их, если сумеет. Ну, а что касается набора солдат, тут, мне кажется, я его опередил. Вряд ли ему удастся пополнить свой отряд в этих краях, если только можно положиться на обещания крестьян. Преследования Гемпдена и его популярность среди народа привлекли Бэкингемское графство на сторону доброго дела; за фермеров можно ручаться, а крестьян мне удалось завоевать и направить их на истинный путь. Дворяне один за другим – переходят к нам. А сегодняшней день заставил наконец решиться и сэра Мармадюка Уэда; теперь он уже будет не простым зрителем, а деятельным участником – заговорщиком, если это звучит сильнее. Ах, сэр Мармадюк, отныне я буду любить вас почти так же, как люблю вашу дочь! Но нет, нет, нет! Эта любовь вне всяких сравнений. Ради нее я пожертвовал бы всем на свете – даже делом!

Никто меня не слышит: я говорю со своим сердцем. К чему обманывать его? Я могу скрыть свою любовь от людей, но не от самого себя – и не от нее. Она должна была догадаться о ней! Прочесть ее в моих глазах, в моем поведении. А ведь нет часа – да нет, ни единой минуты, когда бы я не думал о ней! Даже во сне я вижу ее перед собой так живо, как если бы она сама сошла ко мне – этот прелестный образ золотоволосой грации, увенчанной алыми розами!

Неужели я ослеплен? Неужели это простая случайность и все наши счастливые встречи были вовсе непреднамеренны или разве только с моей стороны? А последняя, самая дорогая из всех, – когда она уронила эту белоснежную перчатку, которую я с тех пор с гордостью ношу на шляпе? О вы, духи, властвующие над судьбами любви, скажите мне, что я не жертва пустого самообмана! Я видел ее, говорил с нею, но я не решился спросить ее. Как я ни жаждал узнать правду, я не осмелился задать ей вопрос. Я страшился ответа, как человек, строящий воздушные замки, боится бури, которая может сокрушить их в один миг. О Боже! Если меня ждет крушение, если рушится эта последняя любовь в моей жизни, – я погибну среди развалин! Но ведь она не могла не увидеть своей перчатки на моей шляпе! Не могла не узнать ее! Она должна была догадаться, почему я ношу на шляпе этот сувенир. Но если с ее стороны не было никакого умысла, если она действительно потеряла свою перчатку – тогда я погиб! Она должна считать меня дерзким, самонадеянным обманщиком, который внушает ей чувство презрения и гнева. Даже Скэрти, несмотря на свое поражение, будет в ее глазах достойнее, чем я!

Нет, это просто безумие – мечтать о ней! И еще большее безумие надеяться, что она замечает меня! И желать этого – более чем преступно. Если бы она даже полюбила меня, чем это может кончиться? Лишь ее гибелью! Боже сохрани меня от такого преступления! Небо свидетель, я старался избежать этого, я пытался заставить себя не любить ее, я даже желал иногда, чтобы она не любила меня. Так было сначала. Но, увы, недолго я мог противиться этому сладкому очарованию! Мое сердце уже не принадлежало мне, и весь я душой и телом отдался поработившему меня чувству. Жизнь моя кончена, и не все ли мне равно, какой меня постигнет конец: будет ли это позорная виселица или почетная могила!

Я должен непременно поговорить с сэром Мармадюком. Ведь теперь даже простое письмо может не дойти до него. И все это из-за чудовищного приказа всемилостивейшего монарха! – воскликнул Голтспер, презрительно подчеркивая последние два слова. – Поистине, со стороны короля это не только чудовищно, но и в высшей степени безрассудно. Это, несомненно, пойдет на пользу нашему делу, и будь это кто-нибудь другой, а не сэр Мармадюк, я бы только радовался. Но подумать только, Ричард Скэрти, низкий царедворец, всем известный распутник, – под одной кровлей с Марион Уэд, в одном доме с ней, за одним столом! День и ночь рядом с ней этот негодяй, обладающий столь опасной силой, ибо он представляет собою власть! О Боже!

Эти мучительные мысли заставили кавалера вскочить с места, и он в сильном волнении быстро зашагал по комнате.

– Останется ли сэр Мармадюк в Бэлстродде? – продолжал он размышлять вслух. – Он не может поступить иначе. Уехать куда-нибудь – значит, навлечь на себя гнев тирана, находящегося под башмаком королевы... быть может, подвергнуться еще более суровому наказанию. Но неужели он оставит своих детей среди этой пьяной солдатни, способной оскорбить их и даже... Наверно, он их отправит куда-нибудь – по крайней мере, до лучших времен. Слава Богу, есть надежда на лучшие. Завтра я повидаюсь с сэром Мармадюком. Я ему это обещал. И ее я тоже постараюсь повидать, несмотря на то что это свидание может окончиться для меня очень грустно, и, может статься, это будет последнее свидание.

Приняв это отчаянное решение, кавалер снова опустился в кресло и, облокотившись на стол, обхватил голову руками. Он погрузился в глубокое раздумье.

Но как он ни был поглощен своими мыслями, ему пришлось вскоре оторваться от них. Появление Ориоли, наверно, не помешало бы ему, так как индеец в своих мокалинах вошел совершенно неслышно, но в ту же минуту за окном раздался громкий стук подков по усыпанной гравием дорожке, ведущей к дому.

Ориоли, войдя, остановился у двери с таким видом, словно собирался что-то сообщить.

– Что такое, Ориоли? Еще посетитель?

Индеец утвердительно кивнул головой.

– Верховой?.. Да, впрочем, что я спрашиваю! Я же слышал – кто-то ехал на лошади. Чужой?

Индеец ответил той же пантомимой, что и в первый раз, показав знаками, что посетитель явился издалека.

– Проводи его сюда. Позаботься о его коне, поставь его в конюшню. Возможно, этот человек останется ночевать.

Выслушав распоряжения Голтспера, молчаливый слуга бесшумно выскользнул из комнаты и отправился выполнять их.

Гость, являющийся в такой поздний час, – да и в любое другое время, – не был неожиданностью для хозяина Каменной Балки. В этом не было ничего необычного. Большинство его посетителей привыкли приезжать после полуночи и нередко отправлялись обратно на рассвете. Вот почему, давая распоряжения Ориоли, Голтспер сказал «возможно».

«Кто бы это мог быть? – подумал Голтспер, когда Ориоли вышел из комнаты. – Я сегодня никого не жду».

Спокойный звучный голос приезжего, обратившегося с каким-то вопросом к индейцу, не помог Голтсперу установить личность его обладателя. Голос этот был ему незнаком.

Ответа на вопрос не последовало, но, вероятно, безмолвные жесты Ориоли были достаточно красноречивы, потому что в ту же минуту послышались тяжелые шаги и легкое позвякивание шпор, и вслед за этим в дверях появился высокий темноволосый человек, который, не дожидаясь приглашения и даже не сняв шляпы, вошел в комнату.

Незнакомец, державший себя столь непринужденно, обладал своеобразной и несколько грубоватой внешностью. На нем были камзол из толстого коричневого сукна, фетровая шляпа без перьев, грубые порыжевшие сапоги с железными заржавленными шпорами. Вместо кружевной оторочки манжеты его были обшиты узкой полотняной тесьмой, и это, а

также коротко остриженные волосы придавали ему сходство с пуританином.

Однако, несмотря на простоту его одежды, по его манере держать себя, по его поведению никто не сказал бы, что это простой посыльный или слуга. Напротив, сдержанный поклон, которым он приветствовал Голтспера, войдя в комнату, спокойный, уверенный вид изобличали человека, который, каково бы ни было его общественное положение, не привык склоняться перед гордецами.

Лицо его было не то что мрачно, но сурово; волосы – темные, кожа мертвенного оттенка, а в общем черты его не были лишены привлекательности и поражали своим необыкновенным спокойствием и мужественностью, о чем говорил взгляд его пронизательных, черных, как уголь, глаз.

– Судя по вашему запыленному камзолу, сударь, – сказал Голтспер, ответив на поклон своего гостя, – вы, наверно, проехали немалое количество миль, не сходя с седла.

– Двадцать пять.

– Это как раз расстояние отсюда до Лондона. Верно ли я предполагаю, сударь?

– Да, я из Лондона.

– Разрешите спросить, какое у вас ко мне дело?

– Я к вам от Джона, – ответил незнакомец, делая многозначительное ударение на имени.

– У вас есть поручение ко мне?

– Да.

Наступило молчание. Голтспер ждал, что незнакомец сообщит ему то, что ему поручено.

– Прежде чем передать вам это поручение, – сказал незнакомец, – я должен услышать от вас слова, которые позволят мне убедиться, что вы именно тот самый человек, которому оно предназначено.

– Джон, пославший вас ко мне, – это тот, кто мужественно отказался платить корабельную подать.

– Этого достаточно, – ответил посланный и, достав из кармана камзола письмо, без дальнейших колебаний вручил его Голтсперу.

Адреса на письме не было, но, когда кавалер вскрыл его и поднес к лампе, он увидел наверху страницы нечто похожее на адрес, написанный шифром.

Письмо было написано по-английски и гласило следующее:

«Капитан кирасиров, по имени Скэрти, во главе неукомплектованного отряда отправился в ваши края. Полагают, что ему поручено провести набор для пополнения войск. Он будет квартировать со своим отрядом у сэра Мармадьюка Уэда. Но все это вы узнаете сами, до того как к вам прибудет наш посланный. Обстоятельства складываются благоприятно. Сэр Мармадьюк, наверно, не будет больше держаться в стороне. Найдите предлог повидать его и удостовериться, какое действие произвела на него монаршая милость. Постарайтесь сделать все, что возможно, не подвергая себя опасности, дабы провалить набор новобранцев. Соберите друзей на обычном месте в ночь на двадцатое. Приедут Пим, Мартен (Мартен Генри (1602 – 1680) – видный индипендент, один из наиболее ранних английских республиканцев, участник суда, вынесшего смертный приговор Карлу I. После восстановления монархии приговорен к пожизненному заключению.) и я и, быть может, молодой Вен (Вен Генри (1613 – 1662) – выдающийся деятель английской буржуазной революции, один из лидеров индипендентов. Много работал над созданием революционной армии. После восстановления монархии был осужден и казнен.). Если вам удастся привлечь сэра Мармадьюка, это будет большой козырь в кашей игре. Позаботьтесь, чтобы приглашения были разосланы тайно и через верные руки. У вас остается очень мало времени. Действуйте осторожно: этот капитан кирасиров приближен ко двору и, несомненно, имеет и другие поручения, кроме вербовки солдат. Наблюдайте за ним, но избегайте попадаться ему на глаза. Мой посланный должен тотчас же вернуться обратно; накормите его коня и отпустите немедленно. Можете положиться на этого человека. Он

пострадал ради дела, как вы и сами можете убедиться, заглянув под поля его шляпы. Не считите за оскорбление, если он не захочет снять ее в вашем присутствии. Такая уж у него привычка. Он сам назовет вам свое имя, которое по вполне понятным причинам не должно называть здесь. Работа на пользу благого дела подвигается вперед».

На этом послание заканчивалось. Подписи не оказалось, но в этом не было и нужды, ибо, хотя письмо и не написано рукой великого патриота, Генри Голтспер не сомневался, что оно им продиктовано. Это не первое письмо, которое Голтспер получил от Гемпдена.

Прочитав письмо, Голтспер окинул внимательным взглядом его подателя, стараясь разглядеть лицо, скрытое полями шляпы.

Он ничего не заметил; во всяком случае, ничего такого, что помогло бы ему разгадать неясный намек в письме. Одно только было странно: поля шляпы с обеих сторон были опущены и закреплены под подбородком кожаным ремешком, как будто у человека болели уши и он хотел укрыть их от ночного холода.

Приезжий заметил беглый испытующий взгляд кавалера и сказал ему с угрюмой усмешкой:

– Вам кажется странным и, может быть, даже невежливым, что я так низко нахлобучиваю на уши свою шляпу? Это вошло у меня в привычку не так давно. Вы сразу поймете почему, если я сниму шляпу; но, может быть, вы поймете и так, если я вам назову свое имя. Я – Уильям Принн (Принн Уильям (1600 – 1669) пуританин, адвокат и публицист. Он выпустил в 1633 году трактат «Бич актеров», содержащий страстное осуждение театра. Трактат был направлен против английского короля Карла I и его жены – больших любителей театра. «Звездная палата» присудила Принна к пожизненному заключению, штрафу и исключению из адвокатского сословия. Принн был выставлен у позорного столба, и ему отрезали уши.).

– Принн! – вскричал кавалер, бросаясь к нему, и, схватив пуританина за руку, горячо сжал ее обеими руками. – Я счастлив и горд видеть вас под своей кровлей и рад оказать вам гостеприимство...

– Генри Голтсперу нет нужды говорить о своих чувствах Уильяму Принну, сказал безухий пуританин, прерывая кавалера. – Друг угнетенных хорошо известен всем, кто пострадал, в том числе и мне. Благодарю вас за ваше радушие, которым я могу воспользоваться лишь на несколько минут. Затем я должен проститься с вами и ехать. Дело Господне не терпит промедления. Жатва скоро созреет, и жнецам надлежит приготовить свои серпы.

Голтспер хорошо понимал, что в такое тревожное время нельзя тратить ни минуты на пустые разговоры. Еще раз распорядившись позаботиться о лошади приезжего, – что охотно взял на себя бывший разбойник, – он приказал Ориоли подать гостю ужин.

И проголодавшийся пуританин, хотя он и в самом деле очень торопился, отдал ему должное, в то время как Голтспер, усевшись за стол, поспешно писал ответ на оставленное ему послание.

Он также не надписал на нем ни адреса, ни имени адресата и не подписался под ним, так как это могло повредить и ему и тому, кому оно предназначалось. Наибольшей опасностью оно грозило человеку, который брал на себя обязательство доставить его. Но верный ревнитель свободы вероисповедания нимало не страшился опасности – преданность великому делу, пылавшая в его доблестном сердце, делала его недоступным жалким опасениям и страху. Наспех поужинав, он снова вскочил в седло, сдержанно, по-дружески пожал руку Голтсперу и, простившись с ним, быстро и бесшумно помчался прочь.

Глава 24

ТРИ КУРЬЕРА

Едва конь пуританина скрылся из виду, проскакав по усыпанной песком дорожке, Голтспер призвал к себе Грегори Гарта.

Гарт за это время уже успел воспользоваться предоставленной ему возможностью и обильно подкрепился, о чем свидетельствовал стоявший перед ним окорок, которым только что ужинал приезжий. Изрядно обнажившаяся кость, с которой была срезана мякоть, красноречиво показывала, что Гарт поужинал досыта, и кружка крепкого эля, которым он запил этот добрый кусок оленины, весьма подняла его настроение. А так как он до этого хорошо выспался, вполне вознаградив себя за отсутствие сна в прошлую ночь, то теперь, по его собственному выражению, был готов на все: «Хоть в орлянку играть, хоть врагов убивать».

Его бодрое настроение оказалось весьма кстати, так как Голтсперу пришлось прибегнуть к его услугам, хотя и не для таких кровожадных целей.

– Гарт! – сказал кавалер, когда его старый слуга вошел в комнату. – Я уже говорил тебе, что ты скоро понадобишься для доброго дела. Оно призывает тебя сейчас.

– Я, мастер Генри, готов на все! Только прикажите! И хоть я на своем веку ничьей жизни не загубил, но ежели вы скажете слово...

– Постыдись, Грегори! Что за ужасные мысли! Время ли сейчас говорить об убийстве, когда... – Тут Голтспер запнулся. – Ну, не в этом дело, продолжал он, – сейчас я дам тебе совсем мирное поручение.

– Все, что вам угодно, мастер Генри. Для вас я готов хоть пуританином стать, сейчас же пойду проповедовать, ежели на то ваша добрая воля! Я тут обменялся словечком-другим с этим человеком, пока вы писали ответ, и он так хорошо объяснил мне, как надо толковать Священное писание. По-моему, он правильно говорит, хотя это и не совсем сходится с тем, что говорит его преподобие господин Лауд и его римские попы.

– Подожди, Гарт, – нетерпеливо сказал Голтспер. – Поручение, которое я дам тебе, не имеет ничего общего с религией. Мне нужен посланец, который хорошо знает здешние края, и в особенности усадьбы здешних дворян, которым мне надо разослать письма. Сколько времени ты жил в Бэкингемшире?

– Да я, мастер Генри, давно уж живу в этих краях. Ну, так примерно последние десять лет я большую часть времени обретался здесь – должно быть, с той самой поры, как я оставил свою службу у вас, но только я, видите ли, никогда не жил подолгу на одном месте. Здоровье-то у меня, знаете, было неважное, и я время от времени нуждался в перемене воздуха.

– Но топография этих мест тебе, наверно, известна?

– Не пойму, что это вы такое говорите! Что за топография такая? Экое мудреное слово! Ежели вы хотите сказать – дороги, так я их все вдоль и поперек исходил и знаю их, верно, не хуже того, кто их проложил, а уж особенно те, что проходят между здешними местами и Оксфордом.

– Отлично! Вот туда-то мне и надо послать верного человека. У меня есть кого послать на север и юг графства, но нет никого, кто бы знал дороги на Оксфорд. Вот тут-то ты и пригодишься. Если ты хорошо знаешь эти места, тебе должны быть известны и усадьбы, расположенные в той стороне, – владения здешних дворян.

– Д-да, – протянул задумчиво Грегори. – Слышал я про усадьбы, и они про меня слышали.

– Так вот, можешь ты отвезти письма достопочтенному господину Г. Л., сэру К. Ф., молодому М., сыну лорда С., господину Р. М. из Чэвели Парка и господину Дж. К., судье из Хай Уайткомба?

Разумеется, Голтспер, обращаясь к своему бывшему слуге, называл имена полностью.

– Ну что ж, – отвечал Гарт, – я, конечно, смогу вручить письма всем этим господам, если я буду доставлять их в том самом порядке, как вы их называли. Но вот если я начну с того, чем вы кончили, то мне тут же придется кончить, едва только я начну.

– Что такое? Я тебя не понимаю, Грегори!

– Да ведь это очень просто, мастер Генри. Коли я отвезу письмо этому старому зубру судье из Хай Уайткомба, вряд ли я привезу от него ответ, и уж, во всяком случае, мне не

придется доставлять письма никому больше.

– Да почему? Что ты такое городишь, Гарт?

– Да, видите ли, я малость повздорил с господином судьей, было такое дело, так ежели он меня теперь увидит, он, пожалуй, это припомнит и упрячет меня под замок. Я ваши письма сперва свезу, всем другим, а ему – самому последнему. Но только, мастер Генри, я не ручаюсь, удастся ли мне привезти вам ответ.

– В таком случае, отставим его, – сказал Голтспер, отказавшись, по-видимому, от мысли связаться с уайткомбским судьей. – Ну, а к остальным ты можешь безопасно идти, не так ли?

Грегори кивнул.

– Так отправляйся сейчас же! Ах, я и забыл, – тебе ведь нужна лошадь!

– Нет, – хитро улыбаясь, ответил разбойник. – Лошадь у меня есть.

– Ах! Да! Та самая, которую ты...

Голтспер запнулся, не решаясь произнести слово, просившееся ему на язык.

– Ну да... – протянул разбойник. – Этот конь был на службе у короля, так почему бы ему теперь не послужить народу? Ведь я догадываюсь, мастер Генри, что это, наверно, и есть то поручение, с которым вы меня посылаете?

– Ты не ошибся! – с жаром подтвердил Голтспер.

– Я рад этому! – с воодушевлением воскликнул Гарт. – Пишите ваши письма, мастер Генри, и я доставлю их, кому бы они ни предназначались, будь это даже тюремщик из Ньюгейта!

Голтспер, довольный таким пламенным усердием своего бывшего слуги, с улыбкой сел за стол и принялся писать письма.

Не прошло и часа, как разбойник, преобразившись в почтальона, вскочил на лошадь, украденную им у королевского курьера, и поскакал по большой дороге, соединявшей Лондон с университетским городом.

Голтспер после его отъезда позвал к себе своего слугу-индейца.

– Ориоли, – спросил кавалер, – как ты думаешь, найдешь ты дорогу к хижине Дика Дэнси, лесника, который здесь часто бывает? Ты ведь, кажется, был в его вигваме?

Индеец знаком дал утвердительный ответ.

– Значит, ты знаешь дорогу? Месяц еще не зашел. Я думаю, тебе нетрудно будет разыскать его жилье, хотя настоящей тропинки туда нет.

Ориоли в ответ только презрительно скривил губы, словно говоря: «Неужели бледнолицый думает, что я, подобно людям его расы, такой глупец, что собьюсь с дороги в лесу?»

– Отлично, мой краснокожий друг! – продолжал кавалер шутливо. – Я вижу, ты найдешь дорогу к Дэнси. Но мне нужно, чтобы ты отправился еще дальше. В том же направлении, в полумиле от него, стоит другая хижина, где живет другой лесник. Ты его тоже видел здесь – такой молодой человек, белобрысый, со светлыми бровями.

Ориоли подтвердил, что он видел этого человека. Но в глазах индейца промелькнуло выражение, свидетельствовавшее о его неприязни к вышеописанной личности.

– Так вот, – продолжал кавалер, не подавая виду, что он заметил это выражение, – я хочу, чтобы Дэнси и этот белобрысый паренек – оба пришли ко мне как можно скорее. Ты сначала ступай к Дэнси, а если тебе самому трудно будет отыскать второго, Дэнси пойдет с тобой. Скажи им, чтобы они приготовились к двухдневному путешествию... Как жаль, что ты не можешь говорить, бедняжка! Но ничего: Дэнси поймет твои знаки.

Индеец то ли не слышал, то ли сделал вид, что не слышит это изъявление сочувствия; он бесшумно скользнул к двери и тотчас же исчез, словно призрак.

– В ночь на двадцатое... – задумчиво промолвил Генри Голтспер, снова подходя к столу с пером в руке. – Немного времени мне остается! Дик и его будущий зять тотчас же должны отправиться в путь. Не знаю, вполне ли можно доверять этому Уэлфорду, хотя старый охотник и доверяет ему. Мне всегда внушали подозрение белесые брови. Как-то раз я поймал

в его серо-зеленых глазах выражение, которое мне не понравилось. И сегодня, когда я вступился за его нареченную, я заметил, что он глядит на меня не очень-то благодарным взглядом. Может быть, он приревновал, что его возлюбленная поднесла мне цветы? Ах, если бы он знал, как мало меня трогает это подношение в сравнении с тем, другим даром! Если бы он только знал, как я страдаю... может быть, он не смотрел бы на меня так угрюмо! В конце концов, он довольно грубый малый, совершенно недостойный этой дикой лесной птички, Бет Дэнси. У нее вид настоящей орлицы, и ее возлюбленный должен быть орлом, достойным ее. Может быть, я и мог бы дать повод к ревности этому грубияну, если бы его черноволосая красавица не терялась в сиянии ослепительных золотых лучей. Ах, Марион, Марион! В твоём присутствии – да и без тебя – все другие лица кажутся мне бесцветными. И красотки и дурнушки – для меня все они на одно лицо!.. Но надо же поторопиться, – спохватился он, отрываясь от своих мыслей. – Ведь я должен приготовить дюжину писем к приходу моих посланных, а я не такой уж бойкий писец. Хорошо, что это просто приглашения: достаточно каждому черкнуть одно слово.

Голтспер быстро придвинул стул к столу и занялся письмами.

Он писал, не отрываясь, до тех пор, пока на столе не выросла пачка в десять-двенадцать писем; он тут же запечатал их и надписал имена адресатов, которые все принадлежали к местному дворянству.

– Кажется, все, – пробормотал он, еще раз просматривая имена. – Вместе с теми, кого вызовет Гарт, это составит внушительный отряд верных приверженцев дела, ревнителей свободы Англии.

В то время как он предавался этим размышлениям, в комнате бесшумно, как тень, появился индеец.

Он жестами сообщил хозяину, что оба человека, за которыми его посылали, пришли вместе с ним и ждут на дворе.

– Веди их сюда, – приказал Голтспер, – по одному! Сначала Дэнси, а когда Дэнси выйдет, – другого.

Ориоли мгновенно исчез, и вскоре в прихожей послышались тяжелые шаги.

В дверь постучали. Голтспер крикнул: «Войдите!» – и на пороге появился лесоруб и браконьер Дик Дэнси.

Это был человек исполинского роста, с огромными руками и ногами, которые он, казалось, не знал, куда девать; одного взгляда на эти могучие кулаки было достаточно, чтобы убедиться, какой геркулесовой силой обладает этот великан.

По его лицу никак нельзя было сказать, что это дурной человек: у него был открытый, честный взгляд, что несколько противоречило установившейся за ним репутации браконьера. Возможно, в то время, как и в наши дни, подстрелить тайком дичь или заманить фазана в силки не считалось настоящей кражей; как бы то ни было, Дик Дэнси, известный своими подвигами по этой части, во всех иных отношениях считался порядочным человеком...

Во всяком случае, это был человек незаурядный как по своей внешности, так и по своим моральным качествам. Его мускулистое тело, громадная голова и пронзительные темно-карие глаза, зоркие, как у орла, придавали ему не только внушительный, но и грозный вид. Он всегда ходил в выцветшем плюсовом камзоле, в грубых штанах, доходивших ему до половины икр, и в толстых шерстяных гетрах, обхватывающих его ноги поверх тяжелых башмаков из дубленой кожи. На голове он носил круглую шапку из пестрого собачьего меха, из-под которой во все стороны торчали его длинные волосы.

Снаряжение, которое он захватил с собой, приготовившись отправиться в дальний путь, состояло из кожаной сумы, перекинутой на ремне через правое плечо. У левого бедра, словно для равновесия, покачивалось что-то вроде меча – то ли охотничий нож, то ли тесак. В руке он держал большую суковатую палку.

– Дэнси, – сказал Голтспер, как только браконьер вошел в комнату, – у меня к тебе есть дело. Ты, я знаю, хороший ходок. Надеюсь, ты не откажешься стать на два дня моим посланцем?

– Любое ваше поручение, сударь, – ответил лесник, неуклюже кланяясь, сочту за великую честь, а особенно после сегодняшнего происшествия, или, вернее сказать, вчерашнего, потому как уже занимается новый день. Моя дочка, сударь, – я за Бет могу поручиться, – хорошая девушка, хотя, может статься, и малость строптивая. Уж она вам так обязана, сударь, так благодарит вас...

– Полно, Дэнси, я не заслуживаю благодарности твоей дочки. Я сделал для нее только то, что считал своим долгом, и я сделал бы это для каждого, даже самого ничтожного человека. Сказать по правде, твоя дочь, пожалуй, и не нуждалась в моем вмешательстве. Она уже нашла себе достойного защитника в отважном Робине Гуде...

– Ах, сударь, – прервал браконьер, наклоняясь к Голтсперу, словно собираясь сказать ему что-то по секрету, – ведь вот поди разбери! Его-то она и не поблагодарила, и бедный малый просто из себя выходит, что она его ни во что не ставит. Уж как я ее ни уговариваю, чтоб она поладила с парнем, потому как я считаю: отличный малый, и к Бет, как надо, относится, – да все без толку, сударь, ничего не слушает! Вот правильно говорится в пословице: «Кобылу к воде подвести один человек может, а заставить ее пить, коли она не хочет, не могут и сорок человек».

– По-моему, друг Дэнси, – спокойно возразил кавалер, – тебе следовало бы предоставить твоей дочери самой разбираться в том, чего ей хочется, особенно в том деле, о котором ты говоришь. Ее чувства верней подскажут ей, что для нее хорошо.

– Ах, сударь, – вздохнул нежный родитель прекрасной Бетси, – если дать ей волю делать все, что ей хочется, так она живо себя загубит! Не то что она плохая девушка, моя Бетси, нет! Она девушка хорошая, что и говорить. Да слишком уж она у меня своевольна, сударь, да притом еще и гордячка – все тянется к тем, кто повыше ее. Поэтому она и на Уилла глядит сверху вниз. Ведь он, сударь, такой же бедный лесник, как и я.

Может быть, Голтспер и подозревал, что у красавицы Бетси есть другие причины не любить Уилла Уэлфорда, но сейчас было не время толковать об этом, и он без долгих разговоров перешел к делу, ради которого позвал к себе старого лесника.

– Вот шесть писем, которые надо доставить по назначению, – сказал он, беря письма со стола. – Посмотри, – добавил он, поднося их к лампе, – я поставил номера на каждом, чтобы ты знал, в каком порядке их разносить по домам, так, чтобы не ошибиться. Мне нечего говорить тебе, Дэнси, что каждое письмо ты должен передать в собственные руки адресата или не отдавать его вовсе.

– Понятно, сударь. Я не должен отдавать его никому, кроме того, кому оно предназначено. Можете положиться на Дика Дэнси!

– Знаю, Дик, потому-то я и поручаю тебе это дело. Хотелось бы мне отдать тебе и остальные письма, но, к сожалению, это невозможно. Их надо доставить совсем в другую сторону, и я их пошлю с другим человеком.

– Со мною здесь Уилл Уэлфорд, сэр. Ведь вы за ним тоже посылали?

– Посылал. Так ты думаешь, ему можно верить, Дэнси?

– Что вы, сударь! Можете не опасаться! Он ни церковь, ни короля не почитает. И уж не раз сидел за это в колодках.

– Ха-ха-ха! – расхохотался Голтспер. – Вот так рекомендация о надежности! Но не беда! Он не будет знать, зачем его посылают, поэтому нет ничего опасного в том, что он понесет письма.

Дэнси, видя, что Голтсперу не терпится, чтобы он поскорее отправился в путь, не стал задерживаться, но, прежде чем выйти из дома в холодную предрассветную мглу, подкрепился кружкой доброго эля, которую ему по приказанию хозяина поднес Ориоли.

Затем в комнату вошел Уилл Уэлфорд, тот самый, что исполнял роль Робина Гуда на сельском празднике.

Он уже снял зеленый плащ и теперь был в своей обычной серой куртке и широких, как юбка, штанах, стянутых на икрах. На ногах у него были все те же зеленые шерстяные чулки, в которых он изображал разбойника, и те же высокие сапоги, подбитые гвоздями, а на голове

шляпа с высокой тульей, украшенной петушиными перьями, заткнутыми за алую ленту, та самая, в которой он плясал на сельском празднике.

Вообще говоря, костюм лесника был не лишен некоторого изящества. Его откровенное щегольство ясно показывало, что он очень гордится своей внешностью. По правде сказать, у него было мало оснований гордиться собой. На празднике он отнюдь не блистал в роли благородного разбойника Шервудского леса, а теперь, когда он снимал с себя свои павлиньи перья, совсем не был похож на человека, которого красавица Бет Дэнси могла бы выбрать своим рыцарем.

Выражение его лица, злобное от природы, было не то чтобы мрачно, а угрюмо, и во взгляде водянистых, рыбьих глаз было что-то трусливое и неискреннее.

Уилл Уэлфорд явно был не из тех людей, на кого можно вполне положиться. Такой человек, поддавшись дурному чувству, способен предать своего же единомышленника.

Генри Голтспер относился к нему с подозрением и поэтому воздержался посвятить его в тайну этих шести писем, которые поручил ему доставить по назначению. Он только назвал ему имена дворян, коим их надлежало вручить.

Пообещав с готовностью выполнить поручение, лесник вышел из комнаты, но, едва очутившись в темной передней, оглянулся через плечо, и по его злобному взгляду нетрудно было догадаться, какие чувства питает он к Голтсперу.

Таким же недоверчивым и злобным взглядом он смерил молодого индейца, когда тот с явной неохотой подал ему на прощанье кружку эля.

Он молча взял кружку из рук Ориоли, молча осушил ее, не пожелав здоровья ни хозяину, ни слуге, и, не поблагодарив, сунул ее обратно в руки бесстрастно наблюдавшего за ним индейца.

С угрюмым «до свиданья» Уилл Уэлфорд направился по коридору к выходу и скоро скрылся из виду.

Ориоли вернулся в комнату, где сидел его хозяин, и остановился у двери, дожидаясь, пока тот обернется. Когда Голтспер оглянулся, индеец поднял правую руку и, вытянув ее горизонтально ладонью вниз, описал в воздухе широкую кривую.

– Хороший, говоришь ты? Кто хороший? Индеец знаком показал, что он еще не договорил.

– А, ты хочешь что-то еще сказать? Ну, продолжай.

Рука снова поднялась, описывая волнистую кривую, но на этот раз с поднятым большим пальцем.

– Нет, – сказал Голтспер, читая этот знак, – нехороший, ты хочешь сказать? Тот, кто сейчас вышел?

Ориоли кивнул головой и одновременно с этим приложил к губам указательный и средний пальцы, а затем, раздвинув их, отодвинул от губ, показывая этим, что слова лесника идут в двух направлениях, то есть, иначе говоря, что он двуязычен.

– Лжец? Обманщик? Ты так думаешь, Ориоли? Я и сам это подозреваю. Но не бойся, я не собираюсь очень доверяться ему. Но вот что, мой верный краснокожий, ты ведь устал без сна всю ночь. Закрой-ка дверь, чтобы в дом не забрались крысы и воры, и ложись спать. Я надеюсь, больше к нам никто не приедет, пока мы с тобой хорошенько не выспимся. Иди спать, мой друг!

И с этими словами кавалер взял лампу со стола и, выйдя из библиотеки, направился к себе в спальню.

Глава 25

НА ПОСТОЕ

Замок сэра Мармадьюка Уэда стоит на крутом склоне одного из центральных холмов бэлстродского парка; это великолепное здание из красного кирпича с облицовкой из белого камня, привезенного из-за моря, с канских каменоломен.

Он выстроен в норманнском стиле: высокие массивные стены и полукруглые романские арки над дверьми и окнами.

К замку ведет тенистая аллея, которая перед самым домом переходит в роскошный цветник, а позади дома находится обширный двор, в самом конце которого расположены конюшни, службы и другие хозяйственные постройки.

Двор с одной стороны примыкает к саду, куда можно войти через высокую чугунную калитку. Глубокий ров с остатками укреплений на стенах идет вокруг всей усадьбы, опоясывая сад, двор и парк и придавая владению сэра Уэда вид укрепленного замка.

На другое утро после праздника в Бэлстрод Парке двор усадьбы представлял собой необычайное зрелище. Если бы кто-нибудь посторонний заглянул в высокие ворота с аркой, он мог бы принять этот обширный квадратный участок, обнесенный стенами, за казарменный двор. Вдоль стен рядами стояли лошади, поводья их были привязаны к крюкам, только что вбитым в каменную кладку, а солдаты, в широких шароварах и ботфортах, в сорочках с подвернутыми выше локтей рукавами, усердно чистили их.

Тут же на земле стояли кожаные ведерки с водой, и на каменных плитах двора поблескивали лужи.

Кое-кто из солдат расположился на скамьях, другие сидели на корточках, разложив толстую попону прямо на земле, и занимались чисткой оружия, стальных кирас, набедренников и шлемов, стараясь довести их до яркого блеска, а потом развешивали их на стенах под навесом, который они сами же устроили для хранения своих доспехов.

Под тем же навесом были расставлены ряды козел, на которых были аккуратно развешаны драгунские седла. Все стены под навесом были сплошь увешаны уздечками, шпорами, пистолетами, кобурами, шпагами и разным другим оружием.

Вряд ли стоит объяснять, что все эти люди и кони, седла, уздечки, оружие и доспехи представляли собой составные элементы отряда кирасиров капитана Скэрти.

Ржание коней, лай собак, крики и перебранка шести десятков солдат на полудюжине разных наречий – все это превратило тихий, спокойный двор усадьбы сэра Мармадьюка в сущий ад, ибо, не говоря даже о всех других звуках, разговоры, которые обычно вели между собой кирасиры Скэрти, вряд ли уж так отличались от того, что можно было бы услышать в этом мифическом месте, если бы туда удалось проникнуть.

Однако, вопреки своей репутации отчаянных буянов, кирасиры вели себя значительно лучше, чем обычно, как будто их что-то сдерживало. Они были шумны и веселы, радовались тому, что им попала такая отличная квартира, но они не позволяли себе ничего оскорбительного или вызывающего по отношению к обитателям усадьбы.

Если хорошенькой горничной случалось пробежать по двору в сад или куда-нибудь еще, она непременно попадала под обстрел приветственных возгласов и любезностей на французском, фламандском или английском языке, но если не считать этого, то поведение кирасиров было не хуже, чем поведение большинства солдат, присланных на постой.

Командир не разрешил солдатам разместиться в доме, и они расположились на ночлег в надворных строениях, о чем свидетельствовали соломенные постели, разбросанные на полу амбара и других служб, где они провели ночь. Такая учтивая покладистость солдат капитана Скэрти по отношению к хозяину усадьбы отнюдь не вязалась с характером их командира, и, чтобы рассеять недоумение читателя, мы приведем здесь разговор Скэрти с корнетом Стаббсом.

Оба офицера находились в большой гостиной, отведенной для них в восточном флигеле дома. Стоит ли говорить, что это была великолепно обставленная комната! Усадьба сэра Мармадьюка Уэда была не только одной из самых старинных, но и одной из самых богатых того времени. Стены гостиной были обиты испанской кожей, тисненной геральдическими эмблемами; зеленые бархатные гардины на громадном окне-фонаре спускались тяжелыми складками до самого пола, великолепная мебель с чудесной резьбой представляла редчайшее собрание прекрасных произведений средневекового искусства.

Массивный круглый стол посреди комнаты был покрыт тяжелой скатертью из яркой

узорчатой дамасской ткани, а на полу, вместо брюссельских или турецких ковров, лежали гладкие циновки из блестящего тростника, сплетенного красивым узором.

Скэрти сидел, развалившись, в кресле, обитом алым бархатом, а корнет, который только что вошел в комнату, стоял перед ним как на аудиенции, точно собираясь о чем-то рапортовать.

Оба офицера были без доспехов и, против обыкновения, даже без стальных кирас.

Скэрти был одет по последней моде и обращал на себя внимание обилием всевозможных украшений. На нем были камзол из желтого атласа, короткие атласные штаны, отделанные внизу шелковой лентой с золотыми застежками. Широкий вандейковский кружевной воротник, такие же манжеты и алый пояс, также расшитый золотом; ноги его были обуты в ботфорты из желтой кожи, а их широкие отвороты были пышно отделаны тонким белоснежным батистом.

Несмотря на мертвенную бледность и мрачное, почти зловещее выражение, нередко мелькавшее на его лице, капитана Скэрти можно было назвать красивым человеком. В глазах многих придворных дам он считался необыкновенно интересным; и сейчас, когда он сидел, непринужденно откинувшись в кресле, и перекинутый через его правое плечо алый шарф перекрещивался с другим, более темного оттенка, завязанным петлей, в которой покоилась его правая рука, он бесспорно производил впечатление.

Раненый мужчина, в особенности если он был ранен в поединке, опасен для взоров чувствительных молодых леди. Возможно, что капитан Скэрти проникся этой не слишком глубокой истиной. Возможно, что такая мысль пришла ему в голову в это самое утро, когда он завершал перед зеркалом свой туалет.

Корнет Стаббс не отличался ни красотой, ни изяществом, однако всякий, кто был знаком с обычным неряшливым видом Стаббса, не мог не заметить, что в это утро он оделся особенно тщательно.

На нем была его обычная кожаная куртка, но с чистым воротником и чистыми манжетами, и его пухлое румяное лицо также было чисто вымыто, что бывало далеко не всегда.

Даже его соломенные волосы чуть-чуть блестели, точно их недавно старательно приглаживали щеткой.

Щеки Стаббса пылали, а в глазах появился мягкий блеск, свидетельствовавший о каком-то душевном волнении, о каких-то более тонких мыслях, чем те, которые владели им обычно. Словом, у Стаббса был вид человека, который имел несчастье влюбиться.

Корнет стоял молча, как будто, доложив, он теперь ожидал ответа.

– Я рад, что они приняли это так спокойно, – сказал капитан в ответ на сообщение, которое ему сделал корнет. – Наши молодцы не привыкли спать в конюшнях, когда под боком у них прекрасный дом. Но мы теперь в Англии, Стаббс, и здесь не годится вести себя так, как во Фландрии. Мы можем восстановить этим здешний народ против нашего доброго короля.

– Да, верно, – тупо подтвердил Стаббс.

– А кроме того, – продолжал капитан, обращаясь скорее к самому себе, чем к своему подчиненному, – у меня есть и другая причина не позволять им грабить и вольничать до поры до времени. Может наступить такой момент, когда окажется выгодно «нажать». Кошка играет с мышью, прежде чем съест ее. А что, эти бездельники ворчали на мои приказания?

– Нисколько! Ей-Богу, нет! Они слишком привязаны к вам.

– Так вот что, корнет: когда вы пойдете к ним, можете обещать им вдоволь мяса и пива. И того и другого они получают полный рацион, а может быть, и двойной. Но чтобы не смели самовольничать и таскать! Скажите им, чтобы соблюдали восьмую заповедь, и, если кто-нибудь посмеет ее нарушить, пусть знает: тут же вздерну на сук! Им надо внушить, что мы сейчас не на войне, хотя Бог знает, не придется ли нам скоро опять воевать. Судя по тому, что я слышал и видел вчера среди этого сброда, я не удивился бы, если бы король еще до весны приказал нам расправиться с ними.

– Очень на то похоже, – согласился Стаббс.

– Мне-то все равно, когда бы это ни случилось, – задумчиво продолжал капитан кирасиров. – Чем скорее, тем лучше! Но только если дело дойдет до драки, нас отсюда отзовут, а после этих чертовых маршей и контрмаршей я не прочь отдохнуть немного. Мне кажется, я мог бы чудесно насладиться здесь полным бездельем – так, месяц-другой. Ведь недурна квартирка?

– Ну, еще бы!

– И девушки тоже недурны... Вы их видели?

– Да, мельком в окно, в то время как я одевался. Я видел – их было две на террасе.

– Их только две и есть – дочь и племянница. Ну, корнет, признавайтесь: которая из них?

– Пожалуй, маленькая мне больше по вкусу. Красотка, черт побери!

– Ха-ха-ха! Как же я не догадался! – воскликнул капитан. – Да, продолжал он, понизив голос, словно рассуждая сам с собою, – я думаю, да и всегда так думал, что мать-природа создала некоторые души, совершенно не способные оценить ее лучшие произведения! Вот передо мной человек, который искренне считает, что эта маленькая егоза и жеманница красивее царственной сестры. А эта женщина, на взгляд человека со вкусом и опытом, обладает такими достоинствами! Редкими достоинствами. Ха-ха-ха! Стаббс – что он видит? Юбку да корсаж! Я вижу много больше – нужно ли говорить! – душу. Он видит хорошенькие губки, блестящие глазки, красивый носик, пышные косы и влюбляется без памяти в то или другое. А для меня это не только губы, взгляд или волосы, а все вместе – и губы, и глаза, и нос, и щеки, и кудри неотделимо от души!

– Ну это уж чересчур высоко – мечтать о таком совершенстве! – воскликнул Стаббс, который стоял и слушал этот восторженный монолог.

– Да-да, совершенство, так оно и есть, корнет!

– Но где же вы его отыщете? Думаю, что нигде.

– Вы слепы, корнет! Слепы, слепы, как крот, иначе вы еще нынче утром увидели бы его!

– Согласен, – сказал корнет. – Я видел нечто очень близкое к нему – более близкое, чем я видел за всю свою жизнь. Я, право, не думаю, что во всей Англии найдется еще столь прелестное создание. Нет, черт возьми, не думаю!

– Какое создание?

– Да та самая малютка, о которой мы с вами говорим! Ее зовут мисс Лора Лавлейс. Я узнал это от ее горничной.

– Ха-ха-ха! Вы просто дурень, Стаббс, к счастью для вас! К счастью для меня, хочу я сказать. Будь вы одарены вкусом или рассудком, мы могли бы стать соперниками, а это, мой очаровательный корнет, было бы для меня большим несчастьем. Но теперь наши пути идут врозь. Вы видите что-то – ни вы, ни я не можем сказать, что именно, – в мисс Лоре Лавлейс. А я вижу нечто в ее кухне, и я могу понять и понимаю, что это такое. Я вижу совершенство! Да, Стаббс, сегодня утром у вас перед глазами была не только самая красивая женщина Бэкингемского графства, но, может быть, самая прекрасная в Англии! А вы этого не поняли. Ну, не беда, достойный корнет! О вкусах не спорят. А ведь как хорошо, что не все думают одинаково!

– Верно, черт возьми! – согласился корнет. – Мне так маленькая больше нравится.

– Вы ее и получите. А теперь, Стаббс, раз я не могу выйти из комнаты с раненой рукой, подите вы и постарайтесь увидеть сэра Мармадюка. Постарайтесь загладить вчерашнюю грубость и дайте ему понять – как-нибудь так, обиняком, – что мы с вами вчера перехватили лишнего на постоялом дворе. Расскажите о нашей последней кампании во Фландрии, о том, что там мы привыкли к вольной жизни. Словом, говорите что хотите, но постарайтесь смягчить его и расположить к нам. В конце концов, я не думаю, что этот почтенный дворянин так уж нелюблен. По всей вероятности, эта история с отзывом от двора его юного отпрыска и вызвала неудовольствие короля. Сделайте все возможное, чтобы настроить его

дружелюбно. Помните: если вам это не удастся, мы с вами только и сможем, что посматривать на этих красоток через окно, как вы сегодня утром. И нечего и думать навязывать им наше общество! Если мы только попытаемся это сделать, сэра Мармадюк может отправить своих цыплят в другое гнездышко, и тогда, корнет, наша квартира будет довольно скучной.

– Что же, мне сейчас пойти к сэру Мармадюку? – спросил корнет.

– Чем скорей, тем лучше. Я думаю, они уже позавтракали. В деревне встают рано. Попробуйте пройти в библиотеку. По всей вероятности, вы его найдете там: он слышет любителем книг.

– Сейчас же иду, черт возьми!

И с этим привычным восклицанием корнет торопливо вышел из комнаты.

– Я должен овладеть этой женщиной! – сказал Скэрти, поднявшись с кресла, и с решительным видом зашагал по комнате. – Я должен овладеть ею, даже если я погублю свою душу! О красота, красота! Единственная подлинная владычица мира! Ты можешь превратить тигра в кроткого ягненка, а ягненка сделать свирепым тигром! Чем я был вчера, как не тигром? Сегодня я покорен, укрощен, я кроток, как сосунок. А, черт! Если бы я только знал, что такая женщина смотрит на нас, – а ведь она была там, в этом нет никаких сомнений, – я мог бы избежать этого злополучного поединка. Она все видела, не могла не видеть! А я сброшен с лошади, побежден! О проклятье!

Это хриплое восклицание, вырвавшееся у него сквозь зубы, и злобное выражение лица красноречиво показывали, как горько он переживает свое унижение. И не только боль от вчерашней раны, – хотя это, наверно, усиливало его ярость, – терзала его, но и боль поражения, поражения на глазах у такой женщины, как Марион Уэд!

– Проклятье! – воскликнул он снова, в волнении расхаживая взад и вперед. – Кто этот человек? Что он представляет собой? Мне сообщили только его имя и ничего больше! Голтспер! Сэр Мармадюк до вчерашнего дня не знал его. Но тогда, значит, и она не знала его? Разве могла у него быть возможность познакомиться с ней? Нет-нет! А может быть... – продолжал он, помолчав, и лицо его немного прояснилось, – может быть, они и сейчас не знакомы? Ведь, может быть, она и не видела этого злосчастного поединка? Кто знает, была ли она там? Во всяком случае, я ее не видел. В конце концов, ведь это может быть и женатый человек. Не так уж он молод. Но нет, я забыл про эту перчатку на его шляпе! Вряд ли это перчатка его жены. Ха-ха-ха! Но разве это что-нибудь доказывает? Я сам был когда-то женат, и это не мешало мне носить на шляпе любовные сувениры. Хотел бы я знать, кому принадлежит эта перчатка! Ах, черт возьми!

Скэрти теперь уже не ходил, а метался по комнате, как будто бурный поток мыслей увлекал его за собой. Но едва это проклятье сорвалось с его уст, он вдруг точно застыл на месте, приковавшись взглядом к какому-то попавшемуся ему на глаза предмету.

Прямо перед ним на маленьком столике, стоявшем в глубине комнаты, лежала небрежно брошенная перчатка. Это была дамская перчатка с прикрепленными к ней отворотами, расшитыми золотой нитью и украшенными кружевом. Она казалась парой той перчатки, которая занимала сейчас его мысли, той самой перчатки, которая вчера красовалась на шляпе Генри Голтспера!

– Клянусь Небом, та же самая! – воскликнул он, и вся краска отхлынула от его лица, когда он, наклонившись, стал разглядывать ее. – Нет, не та же самая, – промолвил он, взяв перчатку и внимательно вглядываясь в нее. – Не та же самая, но парная к ней! Сходство полное: кружево, вышивка, узор – все! Я не могу ошибиться! – И, произнося эти слова, он злобно топнул ногой. Здесь что-то кроется! – продолжал он, овладев собой. – До вчерашнего дня сэра Мармадюк не знал его. Он не может быть знаком с дочерью сэра Мармадюка! И тем не менее он открыто носит ее перчатку на своей шляпе. Но ее ли та перчатка?.. А чья же? Может быть, она принадлежит той другой, племяннице? Нет-нет! Как ни мала эта перчатка, все же она слишком велика для крошечной лапки. Это перчатка Марион!

Несколько секунд Скэрти стоял, вертя в руках замшевую перчатку и рассматривая ее со

всех сторон. Его побуждало к этому не простое любопытство; более сильное чувство отражалось на его мрачно нахмуренном и побледневшем лице.

– Меня опередили, клянусь Небом! – воскликнул он, и глаза его сверкнули отчаяньем и гневом. – Лежи здесь, – промолвил он, пряча перчатку на груди под камзолом. – Лежи здесь, страшная улика, поближе к моему сердцу, которое ты отравила горькими подозрениями! Сейчас ты никому не нужна, но... как знать!.. может, ты мне еще понадобишься.

И, охваченный мучительным чувством горечи и злобы, он с мрачной решимостью снова зашагал по комнате.

Глава 26

БУДУАР

Теплый золотистый свет осеннего солнца пробивался сквозь полураздвинутые занавески окна в доме сэра Мармадюка Уэда.

Время было после полудня; окно, о котором шла речь, находилось в верхнем этаже и выходило на запад; из него открывался один из самых живописных видов бэлстродского парка. Солнечные лучи, проникая сквозь раздвинутые занавески, освещали прелестно убранную комнату с изящной обстановкой, по которой можно было с первого взгляда сказать, что это спальня юной леди.

Доказательство этому было налицо, так как сама юная леди стояла сейчас в оконной нише между раздвинутыми занавесками.

Солнечные лучи, сливаясь с золотом ее волос, казалось, нежились в этих золотистых косах. И солнечный свет тонул в ее голубых глазах, как в бездонном синем небосводе. На щеках ее играл нежный румянец; может быть, он был немножко бледнее обычного и напоминал собой чуть розовеющие облачка, тающие в закатном небе. Но никакое волнение не могло согнать краску с лица Марион Уэд – розы на ее щеках никогда не уступали места лилиям.

Юная леди стояла у окна и смотрела вдаль. Она обводила пытливым взглядом склоны холмов, всматривалась в густую завесу листвы ветвистых каштанов, в перелески и рощицы, где медленно бродило пестрое стадо или вдруг по зеленой опушке стремительно пронеслась лань. Но ничто в этой панораме, открывавшейся перед ее взором, не вызывало у нее интереса и не привлекало ее внимания.

Чаще всего взгляд ее устремлялся к высоким воротам с серыми каменными столбами, сплошь заросшими плющом. Это был не главный въезд в парк; этими воротами пользовались лишь в редких случаях; они выходили с западной стороны ограды прямо на большую дорогу. Отсюда был кратчайший путь на Каменную Балку.

В этих заросших плющом столбах не было ничего примечательного, что могло бы так заинтересовать Марион Уэд. Не было ничего замечательного и в старых, заржавленных воротах, выкрашенных в красную краску. Она видела эти ворота не один раз в день, стоило только выглянуть из окна своей комнаты. Почему же теперь она так упорно не отрывала от них взгляда?

Чтобы узнать это, нам придется заглянуть в ее мысли.

«Он обещал приехать сегодня. Он сказал это Уолтеру, когда уезжал, после того как одержал победу над тем человеком, который так ненавидит его... и еще большую победу над той, которая его любит. Нет, эту победу он одержал уже давно! О Боже! Так, значит, это любовь! Вот почему я так стремлюсь его увидеть!»

– Ах, Марион, ты еще не одевалась к обеду? А ведь осталось всего пять минут!

Это восклицание принадлежало маленькой Лоре Лавлейс, которая только что, переодевшись к обеду, смеясь и сияя, вбежала в ее комнату.

На сердце у нее не было никакой тяжести, и ничто не омрачало ее хорошенького личика. Она провела с Уолтером все утро, и это, по-видимому, было отнюдь не огорчительно.

– Я не собираюсь переодеваться, – возразила Марион. – Я пойду обедать в том, в чем я сейчас.

– Как, Марион! А эти чужие офицеры, которые будут обедать с нами?

– Какое мне дело до чужих! Вот именно поэтому я и не хочу одеваться. И если бы отец не настаивал, я просто не вышла бы к обеду. Сказать по правде, Лора, меня даже удивляет, что ты так стараешься понравиться людям, которых нам навязали силком. Которому же из двух ты расставляешь сети, милочка? Тщеславному командиру или его дураку-помощнику?

– О! – воскликнула Лора, укоризненно надув губки. – Ты обижаешь меня, Марион. Я одевалась вовсе не для них. Ведь не одни же они будут за столом! Кроме них, будут и другие.

– А кто же? – спросила Марион.

– Ну, как... кто... – запинаясь, ответила Лора и вспыхнула. – Ну, разумеется, дядя, сэра Мармадюк...

– И все?

– А еще... кузен Уолтер...

– Ха-ха-ха, Лора! Вот удивительно, что тебе пришло в голову так нарядиться для отца и Уолтера! Но, кажется, уже пора идти. Да я, собственно, уже готова, вот только придется пойти на уступки моде и заколоть косы. Ну, и еще вымыть руки.

– О, Марион!

– Нет-нет, никаких лент, только несколько шпилек, чтобы закрепить эту гриву! Я бы с удовольствием остригла волосы. Ой, я, кажется, готова выдрать их с досады!

– С досады? Отчего?

– Как – отчего? Да оттого, что мне противно сидеть с этими хвастунами, в особенности когда хочется быть одной!

– Но, кузина, ведь эти офицеры не виноваты, что им приходится быть здесь. Они должны подчиняться приказу короля. Они ведут себя очень вежливо. Так мне сказал Уолтер. А кроме того, дядя велел нам обращаться с ними любезно.

– Ну нет, от меня они не дождутся любезности! Я буду на все отвечать только «да» и «нет», да и то не слишком любезно, если они не заслужат этого.

– А если заслужат?

– Если заслужат...

– Уолтер говорит, что они очень извинялись и выражали сожаление...

– Сожаление? По поводу чего?

– По поводу того, что необходимость заставляет их жить у дяди в качестве непрощенных гостей.

– Не верю, не верю ничему! Вспомни, как они отвратительно вели себя вначале! Как он осмелился на глазах у всех поцеловать эту девушку – Бет Дэнси! Он получил поделом за свою наглость, этот капитан Скэрти! А теперь, видите ли, «он сожалеет»! Не верю я этому, Лора! Это лицемерный, лживый человек. Ложь и тщеславие написаны на его лице. А что касается корнета, так на его лице можно прочесть только одно – глупость!

Пока они вели разговор, Марион успела закончить свой туалет. Ей не было необходимости прихорашиваться перед зеркалом – она была одинаково прекрасна в любом платье. Природа создала ее, как некий совершенный образец, и все ухищрения искусства были бессильны изменить что-либо в этом чудесном замысле.

Приготовления Марион к обеду состояли в том, что она заменила свой утренний корсаж другим, с короткими рукавами, обнажавшими почти до плеча ее белоснежные руки. Затем она ловко скрутила в тяжелый узел свои пышные золотые волосы и заколола их на затылке двумя большими шпильками. После этого она вымыла руки в тазу, поспешно вытерла свои розовые пальчики и, бросив полотенце на стул, крикнула Лоре: «Идем!»

Они вместе сошли в столовую, где оба офицера с нетерпением ждали их.

Принимая во внимание обстоятельства, которые заставили сэра Мармадюка пригласить к своему столу этих посторонних людей, неудивительно, что обед протекал в

натянутой обстановке.

Подчеркнутая учтивость, с которой хозяин обращался к своим незванным гостям, не помогла рассеять чувство некоторого замешательства, проявившегося в разных мелочах.

Капитан кирасиров прилагал все усилия разбить лед. Он неоднократно выражал свои сожаления по поводу того, что ему приходится пользоваться этим вынужденным гостеприимством; он даже осмелился выразить свое неодобрение королю за то, что он поставил его в такое неудобное положение.

Можно было бы подумать, что сэр Мармадюк смягчается, слушая эти любезные речи своего коварного гостя, если бы время от времени из-под косматых бровей старого рыцаря не сверкал недоверчивый взгляд; но это мог заметить лишь очень внимательный наблюдатель.

Марион, верная своему обещанию, на все отвечала односложно, хотя ее прекрасное лицо не выражало ни недоверия, ни отвращения. Дочь сэра Мармадюка Уэда была слишком горда, чтобы позволить себе обнаружить что-либо, кроме равнодушия. Если она чувствовала презрение, этого нельзя было заметить ни по ее глазам, ни по ее невозмутимо-холодной улыбке.

Тщетно старался капитан Скэрти вызвать ее восхищение. Все его любезности принимались с ледяным равнодушием, а на его остроты и шутки отвечали легкой усмешкой, как того требовала вежливость.

Если Марион иногда и обнаруживала некоторые признаки волнения, то это было лишь тогда, когда взгляд ее устремлялся к окну; казалось, ей хотелось что-то увидеть там, за окном. Грудь ее бурно поднималась, как если бы она сдерживала вздох, как если бы мысли ее были с кем-то, кого здесь не было.

Как ни трудно было заметить эти признаки волнения у Марион, они не остались незамеченными для такого опытного человека, как Скэрти. Он увидел их и наполовину угадал их значение; лицо его омрачилось, когда он представил себе, как горько обманулся в своих надеждах.

Хотя Скэрти сидел спиной к окну, он несколько раз оборачивался посмотреть, не видно ли там кого-нибудь.

После нескольких бокалов вина он сделался менее осторожным, его восхищенные взгляды стали смелее, его разговор – не столь осмотрителен и сдержан.

Корнет говорил мало. Время от времени он подтверждал чувства своего командира кратким односложным восклицанием. Но хотя Стаббс сидел молча, он был далеко не удовлетворен тем, что наблюдал за столом; взгляды, которыми обменивались Уолтер и Лора, сидевшие рядом, отнюдь не доставляли ему удовольствия. Он очень скоро обнаружил, что кузен и кузина питают друг к другу нежные чувства, и тут же сделал вывод, что сын сэра Мармадюка стоит ему поперек дороги.

Скоро на его тупом, ничего не выражавшем лице появилось что-то похожее на ревность, глаза вспыхнули такой же злобой, какой сверкал орлиный взгляд капитана кирасиров.

Обед прошел без всяких неприятных осложнений, и через некоторое время все разошлись: сэр Мармадюк извинился, что его призывают дела, а дамы, простившись с гостями, отправились к себе.

Уолтер, из любезности, задержался на несколько минут дольше в обществе офицеров, но, так как все чувствовали себя натянуто, он с удовольствием присоединился к их тосту «За короля!» – после чего сразу откланялся, так как этот тост и поныне принято считать заключительным.

Уолтер пошел разыскивать сестру и кузину – а может быть, только кузину! офицеры же, пока еще не получившие доступа в святая святых семейного круга, удалились к себе, чтобы поделиться впечатлениями от обеда и выработать какой-нибудь план, который помог бы им добиться ответа на их пламенные чувства.

Глава 27

ПОД ДЕРЕВЬЯМИ

Марион Уэд снова стояла у окна между раздвинутыми занавесями, и глаза ее снова были устремлены на железные ворота и заросшие плющом каменные столбы.

Все было, как прежде: пестрое стадо лениво бродило по склону, лань щипала траву на лугу, весело щебетали птицы, перелетая с дерева на дерево.

Только солнце спустилось ниже к горизонту и медленно, величаво опускалось все ниже и ниже за грядой багряных облаков. Гребни Чилтернских холмов окрасились в розовый цвет, а вершина Бикон-Хилла пылала красным огнем, словно маяк ночью, который зажигают, дабы предупредить о приближении вражеского флота по каналам Сиверна.

Но как ни живописен был закат, Марион Уэд его не видела: ворота из ржавого железа и серые столбы, виднеющиеся из-за деревьев, сильнее притягивали ее, чем пылающие краски заката.

– Уолтер сказал, – шептала она, – что он приедет не раньше вечера. И он приедет к папе, только к нему! Какое у него дело? Может быть, это что-нибудь связанное с бедствием, которое на нас свалилось? Говорят, он против короля, на стороне народа. Поэтому Дороти Дэйрелл и говорила о нем так презрительно. Разве я могла бы презирать его за это? Нет, никогда! Она говорила еще, что он низкого происхождения. Это ложь и клевета! Он дворянин, или я никогда не видала дворянина! А как я должна относиться к тому, что произошло вчера? Эта девушка с букетом цветов... Как я хотела бы, чтобы этого праздника не было! Никогда больше не пойду на праздник!.. Я так обрадовалась, когда увидела свою перчатку у него на шляпе! А если теперь вместо нее красуются эти цветы, я не хочу больше жить! Ни одного дня, ни одного часа!

И вдруг лицо Марион Уэд изменилось.

Кто-то открыл ворота! Мужчина – всадник на вороном коне!

Инстинкт подсказал ей, кто был этот приближающийся всадник. Глаза любви не нуждаются в подзорной трубе, а Марион следила за ним глазами, полными любви.

– Это он! – вскричала она, убедившись окончательно, когда всадник, выехав из-под тени деревьев, начал подниматься по склону холма.

Марион не отрывала от него пристального взгляда, пока он не подъехал ко рву, окружавшему усадьбу. Можно было подумать, что она все еще не совсем уверена, он ли это. Но нет! Она вглядывалась не в его лицо, не в его фигуру, взгляд ее был устремлен на его шляпу, где она смутно видела что-то белое, но что – она не могла сказать. По мере того как всадник приближался, Марион постепенно стала различать перчатку с тонкими длинными пальчиками, вырисовывающимися на тулье шляпы и резко выделяющимися на ее темном фоне.

– Моя перчатка! – прошептала она со вздохом облегчения, как будто сбросив с себя ужасную тяжесть. – Он носит ее. О, какое счастье!

Но вдруг радость ее сменилась мучительным подозрением: что-то алое мелькнуло на полях шляпы, рядом с перчаткой. Что это – цветок? Цветы, которые ему вчера поднесла Марианна, были такого же цвета. Неужели это один из них? Но тут алое пятно сверкнуло на солнце, и подозрения Марион мигом рассеялись: это был не цветок, а пряжка, которая держала перчатку. Марион вспомнила эту пряжку. Она заметила ее еще вчера.

Она снова вздохнула с облегчением. Ее охватило чувство такой бурной радости, что она была не в силах смотреть на приближающегося всадника. Ей страшно было, что этот человек, завладевший ее сердцем, увидит ее пылающие щеки. Она скрылась за занавесями, чтобы наедине насладиться восхитительным ощущением своего счастья.

Но через минуту она снова выглянула в окно. Увы, это было слишком поздно, и она не видела, как он проехал по аллее мимо цветника. Но она знала, что он вошел в дом и что сейчас он в библиотеке с ее отцом, как это у них было условлено. Она не знала, зачем он приехал к отцу... Ведь не может это быть связано с ней! Она могла только предполагать, что

это имеет какое-то отношение к недавним политическим событиям, о которых без конца разговаривали и спорили в каждом доме; и нередко эти споры приводили к разногласиям в домашнем кругу и нарушали спокойствие и счастье не одной семьи.

Марион знала, что Генри Голтспер приехал только к отцу. У него к нему какое-то дело, он скоро уедет, и у нее не будет случая поговорить с ним. Она невольно пожалела, что не дождалась его у окна. А вот теперь она упустила возможность, о которой так давно мечтала... А сколько раз она дожидалась этой возможности и дожидалась напрасно!

Вчера они обменялись всего несколькими словами – пустые учтивые фразы, когда их представляли друг другу, – а потом этот поединок! И так они больше и не виделись.

Но теперь, когда брат познакомил ее с Голтспером, – с разрешения отца, чего же ей теперь опасаться? Даже если бы ее удерживала излишняя застенчивость, смешно избегать его. Она могла бы окликнуть его с балкона, принять его, когда он пришел. А что, если он видел ее у окна? Что он мог подумать, когда она спряталась, словно нарочно, чтобы избежать его? Наверно, он подумал, что это не очень учтиво. А вдруг ему придет в голову, что он чем-нибудь оскорбил ее и, может быть, как раз тем, что доставило ей такую радость, – тем, что он так открыто носит ее перчатку на шляпе? А что, если он обидится на нее за жеманство и снимет этот сувенир? Как она может сказать ему, что она счастлива, что он его носит, что она только об этом и мечтала?

– Ах, если бы я могла найти вторую перчатку! – прошептала она. – Я носила бы ее так, чтобы он не мог не увидеть ее – на руке или на груди, или спереди на шляпе, так же как носит он. И если бы он хоть раз увидел ее, это открыло бы ему без всяких слов мои желания! Но вот досада – я потеряла вторую перчатку! Я всюду ее искала – нигде нет! Куда я могла ее девать? Боюсь, это дурной знак, что я не могу ее найти, когда она мне так нужна! Если он сейчас уедет, мне не удастся поговорить с ним. Мы даже не поздоровались... Вряд ли он попросит разрешения повидаться со мной. Он, может быть, даже не обернется, когда поедет. Ведь не могу же я окликнуть его! Как быть?

Марион задумалась. Потом вдруг лицо ее оживилось, и она поспешно высунулась из окна с таким видом, как будто она кого-то искала в саду.

– Наверно, Лора с Уолтером бродят в парке! – воскликнула она. – Пойду поищу их!

Конечно, это был только предлог, который Марион придумала из естественной девической скромности, пытаясь преодолеть пылкие чувства.

Накинув плащ, Марион низко надвинула капюшон, чтобы защитить лицо от солнца, а может быть, и для того, чтобы скрыть яркий румянец, пылавший на ее щеках, и, сбежав вниз по лестнице, отправилась разыскивать брата и кузину.

Если у нее действительно было такое намерение, ему не суждено было сбыться: поиски ее никак не могли увенчаться успехом, потому что, выйдя из дома, она пошла как раз в ту сторону, куда в это время не могли пойти Уолтер и Лора; это была тропинка, которая вела к западным воротам парка.

Если бы Марион пошла к развалинам древнегерманских укреплений, наверно, она там нашла бы исчезнувшую парочку, но можно с уверенностью сказать, что они отнюдь не поблагодарили бы Марион за ее старания.

Но Марион пошла в противоположную сторону и медленно, то и дело останавливаясь и прислушиваясь, дошла до конца длинной аллеи и очутилась у старых, заросших плющом ворот, выходящих на Оксфордскую дорогу.

Потом, испугавшись, быть может, что она забрела так далеко, – солнце уже скрылось за деревьями и начало смеркаться, – она повернулась и пошла обратно к замку.

На лице ее, правда, было какое-то испуганное выражение, но ее страшило не то, что она забрела так далеко от дома, а то, что она решилась на поступок, за который ее могут осудить.

Она уже теперь не пыталась обманывать себя и делать вид, что разыскивает Лору и Уолтера; она думала не о них, а о том, кто ей был дороже кузины и брата. Она ждала Генри Голтспера – этого благородного кавалера, чей образ всецело завладел ее сердцем. ***

В только что наступивших сумерках всякий, кто зашел бы на эту тропинку, заметил бы

белый силуэт, мелькавший среди деревьев. Этот силуэт то останавливался, то вдруг исчезал, а потом снова появлялся в другом месте, чуть-чуть поближе к дому.

Генри Голтспер, ехавший верхом по тропинке после своего свидания с сэром Мармадюком, заметил этот силуэт. Он подумал, что это какая-нибудь крестьянская девушка идет по тропинке к дому, – в сумерках и на таком расстоянии трудно отличить королеву от поселянки.

Если бы он только мог подумать, что этот белый силуэт, мелькающий вдалеке за деревьями, – прекрасная Марион Уэд, он ринулся бы ей навстречу, не помня себя от счастья.

Но ему это не приходило в голову. Он ехал разочарованный и огорченный, оттого что ему не удалось увидеть ее, хотя он был под одной крышей с ней.

И вдруг вся кровь хлынула ему в голову и сердце его бешено забилося: он узнал в этом белом силуэте, который сначала принял за крестьянку, прелестную Марион Уэд.

Он круто остановил коня и, сняв шляпу, склонился в почтительном поклоне.

– Мисс Марион! – вымолвил он с радостным изумлением.

На минуту оба смутились. Но это замешательство продолжалось недолго. Генри Голтспер был уже не юноша, он перешагнул за третий десяток. Марион тоже была не девочка. Чувство, захватившее обоих, было не пустой игрой воображения или детским увлечением. С его стороны это была любовь вполне зрелого мужчины, а со стороны Марион – глубокое чувство к мужественному и благородному человеку, достойному любви, чья романтическая внешность говорила ей о его подвигах, о славном прошлом, к человеку, который казался ей героем.

Это была первая любовь Марион – она никогда не испытывала подобного чувства. А для Голтспера это, наверно, была его последняя любовь в жизни, что может быть сильнее такой любви, когда сердце уже отреклось от всех надежд!

Молоденькой девушке не полагалось начинать разговор, а Голтспер был так ошеломлен этим неожиданным счастьем, что не в силах был вымолвить ни слова. Но, видя, что она остановилась и стоит, глядя на него, он сделал над собой усилие и положил конец неловкому молчанию.

– Простите, я помешал вашей прогулке! – сказал он. – Но, признаюсь, я мечтал о возможности поговорить с вами. Это злосчастное происшествие вчера, которое, кажется, разыгралось на ваших глазах, помешало мне подойти к вам еще раз. И я только сейчас думал о том, что вот сегодня мне опять не посчастливилось, как вдруг вы появились! Я надеюсь, мисс Уэд, вы не сердитесь на меня, что я вас задерживаю?

– О, конечно нет! – ответила Марион, удивленная, а может быть, и разочарованная его невозмутимо-спокойным тоном. – Ведь вы, кажется, были у моего отца?

– Да, – отвечал Голтспер, в свою очередь огорченный этим равнодушным вопросом.

– Я надеюсь, сэр, – участливо спросила Марион, – вы не были ранены на вчерашнем поединке?

– Благодарю вас, мисс Марион! Нет, я не был ранен... если не считать...

– Чего, сэр? – спросила Марион с тревогой.

– Если не считать того, что я напрасно искал прелестные глаза, которые приветствовали бы мою скромную победу.

– Если мои глаза меня не обманули, вам не на что жаловаться. Она была там, и она не только приветствовала вас, но даже пыталась вас увенчать цветами. Это понятно: вы обнажили шпагу, защищая ее!

– Ах, вы вот о чем! – отвечал Голтспер, по-видимому, только сейчас в первый раз вспомнив об этих цветах. – Вы говорите об этой крестьянской девушке, которая изображала девицу Марианну? Да, она действительно поднесла мне букет цветов. Но она напрасно считает себя так сильно обязанной мне. Я сделал вызов не столько для того, чтобы вступить за нее, сколько для того, чтобы проучить нахала. По правде говоря, я совсем забыл об этих цветах.

– Вот как! – вскричала Марион, вспыхнув от радости, но в то же время стараясь ее

скрыть. – Вот как вы принимаете благодарность! Мне кажется, сэр, вам следовало бы больше ценить ее.

– Это зависит от того, заслужена она или нет, – возразил кавалер, несколько озадаченный ее словами. – Я лично считаю, что я не имею никаких прав на благодарность этой девушки. Поведение капитана кирасиров было оскорблением, вызовом для всех, кто там был. И если вы уж хотите знать всю правду, признаюсь вам, что, принимая этот вызов, поднял перчатку от имени всех.

Марион покосилась на маленькую перчатку на шляпе Голтспера. Ей показалось, что он как-то особенно подчеркнул эти иносказательные слова «поднял перчатку». Но как только она подумала об этом, она сейчас же опустила глаза, словно боясь выдать свои мысли.

И опять наступило молчание. Оба не знали, что сказать, и ни у кого не поворачивался язык говорить о ничего не значащих вещах.

Марион вспомнила, с чего начала разговор, и ей очень хотелось спросить Голтспера, что означали его слова, но Голтспер, словно угадав ее мысли, заговорил сам.

– Да, – сказал он, – бывают случаи, когда человек вовсе не заслуживает благодарности, если он и поступил честно. Ну вот, например, если кто-нибудь найдет потерянную вещь и возвратит ее владельцу не сразу, а спустя некоторое время и с большой неохотой...

С этими словами Голтспер поднял руку к перчатке на своей шляпе.

Марион не знала, радоваться ей или огорчаться. Она была так смущена, что промолчала.

Голтспер продолжал, поясняя:

– Ведь счастливец, который нашел, не имеет права на найденную вещь, ее нужно вернуть. Это простая честность и вряд ли заслуживает благодарности. Вот я, например, поднял эту хорошенькую перчатку, и, хотя желал бы оставить ее себе как воспоминание об одной из счастливейших минут моей жизни, я чувствую, что, по всем правилам порядочности и честности, должен вернуть ее настоящему владельцу, если только этот владелец, узнав, как я дорожу ей, не согласится оставить ее мне.

Голтспер низко наклонился с седла и, затаив дыхание, ждал ответа.

– Оставьте ее себе! – сказала Марион, робко улыбувшись и даже не пытаясь делать вид, что она не понимает. – Оставьте ее себе, сэр, если вам так хочется! – И, испугавшись, что она так легко сдалась, немножко наивно добавила: – Мне она уже больше все равно не пригодится – я потеряла вторую.

Услышав это, Генри Голтспер, только что обрадованный ее согласием, снова стал мучиться неизвестностью и сомнениями.

«Значит, она не нужна ей, – думал он, повторяя ее слова. – Если она только поэтому мне ее дарит, тогда она не имеет для меня никакой цены».

Его охватило чувство горечи. Он был почти готов вернуть по принадлежности этот сомнительный дар.

– Может быть, – нерешительно сказал он, – я прогневил вас тем, что так долго держал ее без вашего разрешения, а еще больше тем, что носил ее на своей шляпе? За первую вину я прошу прощения на том основании, что у меня не было возможности ее вернуть. Что касается второй – боюсь, что у меня нет оправданий. И я могу только умолять о прощении, потому что меня побудила к этому безумная надежда – чувство, которое следует считать безнадежным, потому что оно слишком самонадеянно.

С какой радостью слушала Марион это горестное признание! Она почувствовала в нем голос любви, она узнала его.

– Как могу я сердиться на то, что вы держали мою перчатку и носили ее! отвечала она, с трудом сдерживая свою радость и ласково улыбаясь Голтсперу. – Что касается первого, вы не могли поступить иначе; вторым я могу быть только польщена. То, что вы так дорожите женским сувениром, сэр, не может оскорбить женщину.

Сувенир! Значит, это предназначалось для него!

При этой невысказанной мысли лицо Голтспера снова засветилось надеждой.

– Я больше не в силах мучиться сомнениями, – прошептал он, – я должен объясниться с ней!.. Марион Уэд!

Он произнес ее имя таким умоляющим тоном, что она подняла на него удивленный взгляд. Но в этом взгляде не было ни тени неудовольствия, ни возмущения тем, что он осмелился назвать ее по имени.

– Говорите, сэр! – ласково сказала она. – Вы хотите что-то сказать мне?

– Я должен задать вам вопрос, только один вопрос! О, Марион Уэд, ответьте на него откровенно! Вы обещаете?

– Обещаю.

– Вы сказали мне, что потеряли другую перчатку?

Марион кивнула головой.

– Так вот, ответьте мне, но только правду: а эту вы тоже потеряли? – И он указал на перчатку на своей шляпе.

– Что вы хотите сказать, сэр?

– Ах, Марион Уэд, вы не хотите ответить! Скажите мне: вы потеряли ее, вы не заметили, как она упала, или вы уронили ее умышленно?

Он мог бы прочесть ответ в ее глазах, но длинные густые ресницы скрыли от него синие очи Марион. Краска, вспыхнувшая на ее лице, тоже могла бы подсказать ему многое, если бы он был подогадливее. А ее смущенное молчание было красноречивее всяких слов.

– Я был откровенен с вами, – настойчиво продолжал он, – и теперь я в вашей власти. Если вам нет дела до счастья человека, который рад был бы пожертвовать для вас жизнью, я умоляю вас, не скрывайте от меня правду, скажите мне: вы уронили вашу перчатку нечаянно или нарочно?

Склонившись с седла, Генри Голтспер молча ждал ответа с таким чувством, как если бы он ждал приговора.

Ответ прозвучал, словно эхо, повторяющее последнее слово.

– Нарочно! – прошептала Марион Уэд тихим и прерывающимся голосом, который мгновенно рассеял все сомнения Голтспера.

Пропасть, разделявшая их, созданная светскими условностями, исчезла одно слово Марион перекинуло через нее мост.

Генри Голтспер соскочил с коня и сжал Марион в своих объятиях, губы их слились в страстном поцелуе, и сердца их соединились в одном радостном биении, трепеща и замирая от блаженства.

– До свиданья, до свиданья, моя любимая! – воскликнул влюбленный Голтспер, когда Марион наконец оторвалась от его груди и выскользнула из удерживавших ее объятий.

– Последняя любовь в моей жизни! – прошептал он, вскакивая в седло, почти не коснувшись стремени.

Вымуштрованный конь стоял не двигаясь, пока всадник не уселся в седло. Так же спокойно и не двигаясь он стоял все время, пока длилось это свидание. Казалось, он гордился победой, одержанной его хозяином, так же как вчера он гордился его победой на поединке. Возможно, Хьюберт немало способствовал как той, так и этой победе.

Конь не двигался, пока не почувствовал прикосновения шпор, но даже и тогда, словно разделяя чувства всадника, не проявил никакой прыти, а неохотно и медленным шагом двинулся с места.

Глава 28

РЕВНИВЫЙ ПОДСЛУШИВАТЕЛЬ

Если ничей глаз не видел свидания Марион Уэд с Генри Голтспером, нашелся человек, который с гневом и болью видел, как они расставались. Это был Ричард Скэрти.

Встав из-за обеденного стола, капитан кирасиров отправился к себе и посвятил часа два разным служебным делам, но, так как после этого ему нечего было делать, он решил

скоротать время в беседе с дамами, в особенности с той, которая за один день зажгла в нем столь пламенные чувства.

Он был влюблен в Марион, насколько такое чувство было доступно человеку его склада. Если бы ему довелось прожить целый месяц в одном доме с ней, он не способен был бы влюбиться сильнее. Невозмутимая холодность Марион, спокойное равнодушие, с каким она принимала его вкрадчивые любезности, которые он расточал с тонким искусством опытного соблазнителя, не только не охлаждали, а, наоборот, разжигали его пыл. Он так хорошо владел искусством побеждать девическую скромность, что отнюдь не отчаивался, встречая такой отпор.

– Она будет моя, я не сомневаюсь в этом, несмотря на все ее равнодушие и эти односложные «да» и «нет»! – говорил он Стаббсу, когда они возвращались к себе. – Все это просто притворство перед посторонними! Клянусь честью, мне это даже нравится! Терпеть не могу легких побед! Пусть эта будет немножко потрудней – это позволит мне убить скуку, от которой можно сдохнуть в деревне. Я сумею уговорить ее, как уговаривал многих других, как уговорил бы самоё Лукрецию, если бы она жила в наше время!

Его подчиненный отвечал на это хвастовство с обычной выразительной краткостью.

– Можно не сомневаться, черт возьми! – пробормотал он с полной убежденностью, ибо он всерьез считал Скэрти неотразимым, так как тот не раз становился ему поперек дороги.

Скэрти решил не терять времени, а сразу повести приступ. Страсть побуждала его к немедленному действию; первым шагом к победе было свидание и разговор с женщиной, которую он твердо решил сделать своей.

Однако желать свидания с дочерью сэра Мармадьюка Уэда было одно, а добиться его – совсем другое. У капитана кирасиров не было никаких оснований ни требовать, ни просить свидания. Всякая попытка с его стороны настоять на этом могла окончиться для него очень плохо, так как, если он именем короля и мог заставить сэра Мармадьюка предоставить ему для него и его солдат жилье, стол и фураж, все же король не решался заходить так далеко в своем самовластии, чтобы нарушить святость семейного очага дворянина. Достаточно было и того, что монаршая милость нарушала неприкосновенность его жилища.

Учитывая все эти обстоятельства, капитан Скэрти отлично понимал, что он может добиться свидания только хитростью, то есть подстроив все так, как если бы это вышло случайно.

Чтобы привести в исполнение свою затею, капитан Скэрти вышел прогуляться перед заходом солнца и стал бродить по парку, то останавливаясь около цветочной клумбы, то разглядывая какую-нибудь статую, как если бы ботаника и скульптура были в этот момент единственными интересовавшими его предметами.

Но всякий, кто наблюдал бы за выражением его лица, не обнаружил бы в нем ни интереса к искусству, ни восхищения природой. Глаза его, когда он останавливался полюбоваться статуей или цветами, украдкой устремлялись к дому, и взгляд его бегло скользил от окна к окну.

Чтобы не повредить своей репутации хорошо воспитанного человека, он держался на некотором расстоянии от дома, по ту сторону цветника, и так он прогуливался вдоль всего фасада, а потом, обогнув дом, пошел вдоль западной стены.

Здесь он повел свою разведку с еще большей тщательностью, так как хотя он и не знал точно, в какой части дома помещаются дамы, у него были некоторые основания предполагать, что их комнаты находятся в западном крыле. Живописный вид, открывавшийся из окон, тщательно ухоженные цветочные клумбы и зеленый газон – все свидетельствовало о том, что именно здесь и должна находиться женская половина.

Скэрти окидывал внимательным взглядом одно окно за другим, тщетно пытаясь заглянуть в комнаты, но, потратив по меньшей мере четверть часа на это усердное разглядывание, он не обнаружил ничего, что могло бы вознаградить его за старания, – ни одного живого лица.

В нижнем этаже ему удалось увидеть мельком какую-то фигуру в темной одежде.

Приглядевшись повнимательнее, он разобрал, что это сэр Мармадюк, который рассказывал взад и вперед у себя в библиотеке.

– По-видимому, никого из женщин нет дома! – с досадой пробормотал капитан. – А может быть, они гуляют в парке? Да, в самом деле, вечер такой прекрасный, чудесный закат... Неудивительно, если они пошли полюбоваться им. Ах, если бы я мог только встретить ее в парке! Ведь это как раз то, что мне нужно. Попробую пройтись – может, и впрямь встречу ее. Вполне возможно!

С этими словами он отошел от статуи, которую так долго рассматривал, и ступил на мостик, чтобы перейти через ров.

Но не успел он отворить калитку, как вся кровь бросилась ему в лицо, и он как вкопанный остановился на месте.

С моста открывалась аллея, ведущая к западной ограде парка. В конце этой аллеи, у самых ворот, стояла оседланная верховая лошадь, на которую, казалось, вот-вот вскочит всадник.

Лошадь была не на привязи, никто не смотрел за ней, и поблизости никого не было видно.

Как ни странно было видеть лошадь без хозяина в парке сэра Уэда, вряд ли это произвело бы такое сильное впечатление на капитана кирасиров, если бы по длинной, изогнутой шее и гладкой спине, блестящей, как атлас, и отчетливо выступавшей даже в сумерках, Скэрти не узнал коня, который так рьяно способствовал его унижению.

– Конь Голтспера, клянусь Небом! – вырвалось у него. – Наверно, он и сам здесь, где-нибудь за деревьями. Но что он здесь делает? Пойду посмотрю, решил он после недолгого колебания.

Открыв калитку, Скэрти быстро зашагал к тому месту, где стояла лошадь.

Но он пошел не прямо по тропинке, а углубился в чащу деревьев, тесно обступавших ее с обеих сторон. У него были свои причины скрываться.

– Голтспер в парке сэра Мармадюка Уэда! – бормотал он, крадучись между деревьями осторожным шагом охотника, выслеживающего дичь. – Интересно, а где же дочь сэра Мармадюка?

При этом ревнивом подозрении кровь закипела в его жилах, и он зашатался на месте, потому что ноги отказывались ему служить.

Муки его усилились, когда он, укрывшись в листве каштанов, растущих вдоль аллеи, осторожно высунул голову и увидел, как из-за деревьев вышел человек и подошел к коню; и в ту же минуту в листве мелькнуло что-то белое – женское покрывало или платье.

Мужчину он узнал: Генри Голтспер! Женщину он не успел разглядеть, но это не мог быть никто иной, кроме нее – Марион Уэд, владевшей его мыслями!

Хотя Скэрти не был трусом и привык к любым внезапным и опасным столкновениям, на этот раз его охватило чувство нерешительности и страха. Он мог бы, не помня себя от ярости и обиды, броситься на Голтспера и заколоть его без всяких угрызений совести. Но он не хотел действовать столь неосмотрительно. Вчерашний поединок, о котором ему усиленно напоминала боль в раненой руке, отбил у него всякую охоту связываться с Черным Всадником. Он только не знал, как ему поступить: спрятаться за деревьями и позволить Марион вернуться домой или подождать, пока она поравняется с ним и тогда присоединиться к ней?

Теперь у него уже больше не было сомнений. Женская фигура в белом, видневшаяся отчетливо на тропинке, была Марион Уэд. Ни у кого другого не могло быть такой горделивой осанки, по которой ее нельзя было спутать ни с кем, даже в сумерках.

Только после того, как всадник вскочил в седло и медленно поехал прочь, Скэрти вышел из состояния нерешительности. Он чувствовал, что сейчас он просто смешон, и потому лучше не попадаться ей на глаза. Но уязвленная гордость причиняла ему невыносимые страдания; он теперь уже не сомневался, что Марион – возлюбленная Голтспера. Эта мысль вызывала в нем жгучее чувство ревности, которое заглушало все его

благоразумие и осторожность и неудержимо толкало заговорить с Марион.

Призвав на помощь все свое самообладание и хитрость, он взял себя в руки, постаравшись принять спокойный вид, и решил завязать с ней любезный разговор.

Марион в эту минуту приблизилась к тому месту, где он стоял. Она невольно вздрогнула, увидев выскользнувшего из-за деревьев Скэрти. Дикая страсть, сверкавшая в его глазах, не могла не испугать ее, но она ничем не обнаружила своего испуга. Марион была слишком хорошо воспитана, чтобы выдать свое смятение даже в минуту опасности.

– Добрый вечер, сэр, – сказала она коротко в ответ на его приветствие.

– Простите мне мой вопрос, мисс Уэд, – сказал он, поравнявшись с ней и идя рядом. – Вы не боитесь выходить одна в такой поздний час, особенно теперь, когда здесь в окрестностях орудуют свирепые грабители, вроде того, о котором мне рассказывал ваш брат? Ха-ха-ха!

– О! – возразила Марион в том же шутливом тоне. – Это было до того, как капитан Скэрти со своими грозными кирасирами поселился у нас в доме. Под их защитой нам, я думаю, уже нечего бояться не только грабителей, но даже разбойников с большой дороги!

– Благодарю вас за комплимент, мисс Марион. Если бы я мог льстить себя надеждой, что Марион Уэд считает наше присутствие защитой для себя, это весьма облегчило бы мне мое неприятное положение в качестве вынужденного гостя в доме ее отца.

– Вы очень любезны, сэр, – сказала она, легким кивком давая понять, что принимает его извинения.

Но, бросив украдкой испытующий взгляд на лицо капитана, она подумала невольно: «Если это честный человек, тогда, значит, и сатана не так страшен, потому что, если то, что он сказал, – правда, я никогда не видела, чтобы взгляд так противоречил словам».

– Поверьте, мисс Уэд, – продолжал лицемер, – меня очень тяготит мое положение здесь. Я чувствую, что мое присутствие здесь всем досаждаст. Да иначе и быть не может! Несмотря на удовольствие, которое может доставить гостеприимство вашей благородной семьи, я охотно отказался бы от столь высокой чести, если бы я не изменил этим своему долгу службы, а служба королю – это превыше всего!

– В самом деле?

– Для офицера кирасирского полка его величества иначе не может быть.

– Это только во Франции или во Фландрии, где вы, кажется, изволили воевать. В Англии, сэр, на взгляд каждой английской женщины, существует нечто более высокое, чем служба королю. Неужели вам никогда не приходило в голову, что у вас есть долг и по отношению к народу, или, если вы предпочитаете другое выражение, к государству?

– Государство – это король! Ибо, как изрек монарх: «Государство – это я!» – вот кредо Ричарда Скэрти.

– Если даже ваш король – тиран?

– Я солдат. Мое ли дело судить о королевской власти! Мое дело – лишь повиноваться ее приказам.

– Благородное кредо! Благородные чувства для солдата! Хотите выслушать мое кредо, сэр?

– С великим удовольствием, мисс Уэд! – ответил Скэрти, присмирив под ее презрительным взглядом.

– Если бы я была мужчиной, – сказала Марион, и глаза ее засверкали, – я скорее выбрила бы себе макушку и покрыла ее монашеским клобуком, чем владеть мечом на службе недостойного короля! О! Есть люди в нашей стране, слава которых переживет жалкую известность властителей. Когда имена тиранов будут преданы забвению, имена Вена, Пима, Кромвеля (Кромвель Оливер (1599 – 1658) – крупнейший деятель английской буржуазной революции, руководитель индипендентов. Во время гражданской войны проявил выдающиеся способности полководца и организатора. Созданная им армия из крестьян и ремесленников разбила войска короля. Но, подавляя монархистов, Кромвель сурово расправился и с демократическими партиями левеллеров и диггеров, а затем возглавил

захватническую войну против Ирландии. Последние годы жизни Кромвель, провозглашенный в 1653 году лордом-протектором, правил единолично и пользовался диктаторской властью.), Гемпдена и Голт... – она запнулась, не решаясь произнести имя того, кто был в ее глазах достойней всех, – будут помнить и чтить в каждом доме!

– Опасные речи, мисс Уэд! – возразил Скэрти, чья преданность королю и еще не остывшая злоба боролись с невольным восхищением прекрасной бунтовщицей. Боюсь, что вы бунтовщица, и будь я так верен интересам моего короля, как мне подобает быть, я должен был бы заключить вас в тюрьму! Ах! – воскликнул он и, наклонившись, промолвил с мольбой в голосе: – Сделать вас узницей, своей узницей – вот это был бы поистине сладостный долг воина, награда всей его жизни!

– Ого! – воскликнула Марион, делая вид, что не понимает этой двусмысленной фразы. – Раз уж речь зашла о том, чтобы сделать меня узницей, мне нужно скорее скрыться от вас! Спокойной ночи, сэр!

И, весело рассмеявшись, Марион бросилась бегом и, оставив позади разочарованного поклонника, легко перебежала через мостик и скоро скрылась за высокой стеной кустарника, окружающего цветник.

Глава 29

КУРЬЕР С ЭСКОРТОМ

Расставшись с Марион, Генри Голтспер должен был чувствовать себя счастливейшим из людей. Прелестнейшая женщина во всем графстве – а для него в целом свете – призналась ему в любви и поклялась в верности. Казалось бы, он мог не сомневаться в своем счастье. Но он не чувствовал себя счастливым. Наоборот, он ехал с тяжелым сердцем после свидания со своей прелестной возлюбленной. Он знал, что этого свидания не должно было быть: Марион Уэд не могла быть его возлюбленной!

Отъехав шагов на пятьдесят, он повернулся в седле в надежде увидеть ее еще раз и оторваться хоть на минуту от своих тяжелых мыслей.

Лучше бы ему не оборачиваться!

Если до сих пор у него было тяжело на душе, то теперь то, что он увидел, заставило его почувствовать себя несчастнейшим из смертных. Марион шла по тропинке и уже начала подниматься вверх по склону. Ее светлое платье отчетливо выступало во мгле сумерек. Голтспер не отрываясь следил за ее движениями, восхищаясь царственной грацией и легкой, плавной походкой.

Марион шла быстрым шагом и была уже на полпути к дому, как вдруг кто-то вышел из-за деревьев и направился вслед за ней.

Через несколько секунд незнакомец поравнялся с Марион, и они пошли рядом. Голтсперу, который наблюдал за ними издали, казалось, что они ведут оживленную беседу.

Незнакомец был в светлой одежде, с красной перевязью через плечо и в высокой шляпе с султаном из страусовых перьев.

Это не мог быть брат Марион: Уолтер был гораздо ниже ростом. Не мог быть и ее отец: сэр Мармадьюк всегда ходил в черном.

Когда аллея, поднимавшаяся по склону холма между двумя рядами каштанов, кончилась, достигнув вершины, и Марион со своим спутником вышла на открытое место, Голтспер тотчас же узнал незнакомца.

Это был Скэрти!

Это открытие больно задело его.

– Он, по-видимому, подстерегал, когда она пройдет. Ведь не зря же он прятался за деревьями! Что мне делать? Поскакать туда? Ведь опасно оставлять ее наедине с ним. Мерзавец! – вскричал он, приподнявшись на стременах и грозя кулаком в спину капитана кирасиров. – Если только я узнаю, что ты посмел оскорбить ее словом или взглядом, я

разделаюсь с тобой не так, как вчера, а много хуже! Какое ужасное зрелище! – бормотал он, глядя вслед удаляющейся паре. – Волк рядом с овечкой!.. Но что это? Он нагибается к ней, и она поворачивает к нему голову и, кажется, довольна? Боже мой! Возможно ли это?

Не помня себя, он схватился за рукоятку меча и пришпорил коня.

Умное животное повернуло обратно к усадьбе, но Голтспер остановил его на всем скаку.

– Я верно, с ума сошел, – пробормотал он, – а ты также, Хьюберт! Что она подумала бы обо мне? И что я могу сказать, когда появлюсь перед ней? Нет, это невысказано! Но если я прав, тогда, значит, я напрасно испытывал угрызения совести, напрасно винил себя... Вот они уже подходят к мосту. Она обгоняет его, бежит от него... Вот она уже завернула к дому... Он стоит один. Он, видимо, не ожидал, что она убежит! О, Марион, если я оскорбил тебя подозрением, то лишь потому, что я обезумел от любви! Прости, прости! Я больше никогда не позволю себе следить за тобой!

С этими словами Голтспер повернул коня, и, не оборачиваясь, поскакал к воротам.

Выехав на большую дорогу, он помчался во весь опор. Доехав до места, откуда начиналась тропа на Каменную Балку, он остановил коня посреди дороги, и вместо того чтобы свернуть на нее, в нерешительности опустил поводья.

Взглянув на небо, просвечивающее сквозь зеленый свод деревьев, он увидел, что на нем все еще догорают багровые отсветы заката, а на потемневшей синеве на востоке четко выступает тонкий серп месяца.

– Не стоит, пожалуй, и ехать домой, – пробормотал он, вынимая часы и поднося их к глазам. – Как быстро пролетел этот сладостный час! Скоро все уже должны собраться. Если я поеду не спеша, я буду там как раз вовремя, и ты, Хьюберт, получишь ужин в конюшне «Головы сарацина»... Вон женская фигура в окне! Ах, это Марион!

Это восклицание вырвалось у него, когда он, повернув голову в сторону бэлстродского парка, увидел между верхушками каштанов освещенные окна усадьбы. Взгляд его был прикован к окну в верхнем этаже, где между раздвинутыми занавесями, ярко освещенная горевшей в комнате лампой, отчетливо выступала женская фигура. Она была слишком далеко, чтобы ее можно было разглядеть, но в ее величественных и строгих очертаниях Голтспер безошибочно угадал Марион Уэд.

Он долго смотрел на нее с улыбкой, потом глубоко вздохнул, тронул поводьями Хьюберта и медленно двинулся вперед.

Вскоре он подъехал к заброшенной хижине на Джеррет Хис; месяц ярко освещал полуразвалившуюся лачугу – место засады Грегори Гарта. Но теперь здесь уже не было ни его, ни его верных пособников; исчезли даже шесты, на которых они держались, и трудно было представить себе эту свирепую шайку, пугавшую путешественника, остановленного грозным окриком атамана: «Стой! Руки вверх!»

Голтспер, вспомнив свое ночное приключение, остановил коня, откинулся в седле и громко расхохотался.

Хьюберт весело заржал, словно отвечая ему. Может быть, ему тоже было смешно? Но внезапно оба смолкли...

В ответ на ржание Хьюберта послышалось громкое залиvistое ржание не одной, а нескольких лошадей.

Голтспер, сразу насторожившись, придержал коня и прислушался. Ржание доносилось откуда-то со стороны Красного Холма, а за ним вскоре послышался громкий стук копыт и звон доспехов.

– Конный отряд! – прошептал Голтспер. – Должно быть, это кирасиры Скэрты возвращаются из Эксбриджа. Ну, Хьюберт, спрячемся скорей, чтобы они нас не увидели!

И он легким движением уздечки направил коня в высокие заросли позади хижины.

Топот коней и звон оружия раздавались уже совсем близко; слышались грубые голоса, смех, и наконец всадники вынырнули из-за деревьев и выехали на открытую полянку перед хижинкой.

Их было семеро – один впереди, остальные за ним по двое. Первый был в офицерском мундире, остальные – солдаты.

Поравнявшись с хижиной, командир круто осадил коня; за ним остановились и солдаты.

– Сержант! – окликнул командир отряда, обернувшись к следовавшему за ним коннику. – А не то ли это место, где ограбили королевского курьера? Смотрите, вот развалившаяся лачуга, о которой он говорил. Наверно, это и есть Джеррет Хис. Как вы думаете?

– Похоже, что так, господин капитан, – ответил сержант, – ничего другого быть не может. Мы проехали от Эксбриджа добрых четыре мили, и отсюда, должно быть, уже рукой подать до Бэлстрод Парка. Значит, это и есть Джеррет Хис.

– Жаль, что эти мошенники не показываются сегодня! Дорого бы я дал, чтобы привести их с собой, связанных по рукам и ногам! Все-таки это хоть немножко утешило бы беднягу Канлиффа, которого они так обобрали! Подумать только, оставили в одних чулках! Ха-ха-ха! Хотелось бы мне посмотреть на эту картину: придворный франт в одних чулках – в лунном свете! Ха-ха-ха! Мне кажется, я слышал где-то неподалеку ржание лошади, – продолжал он. – Если бы эти грабители не были бездомными бродягами, мы, может быть, и застали бы их здесь.

– Вы забыли, господин капитан, – заметил сержант, – ведь у господина Канлиффа отобрали лошадь. Может, этот разбойничий атаман теперь уже не бродит, а разъезжает верхом.

– Да нет! – отвечал офицер. – Наверно, это ржала какая-нибудь крестьянская кляча, которую пустили пастись ночью в поле. Ну, едем! Мы и так потеряли здесь слишком много времени. Если это Джеррет Хис, так мы вот-вот должны быть на месте. Вперед!

И командир со своим отрядом помчался во весь опор по дороге. А Генри Голтспер, притаившийся в тени за деревьями, проводил их презрительным смехом, потонувшим в топоте коней ибряцании оружия.

– Еще один королевский курьер к Скэрти! – пробормотал он, выезжая на дорогу. – С повторной грамотой! Ха-ха! Его королевскому величеству, видно, не терпится, чтобы ее вручили. На этот раз он решил принять экстренные меры – эскорт из шести солдат. А все-таки, несмотря на это, достаточно мне было бы кашлянуть разок погромче, и, как бы ни бахвалился их командир, они мигом прыснули бы отсюда, не стали бы здесь прохлаждаться! Вся эта зазнававшаяся королевская челядь, «кавалеры», как они себя называют, – самые ничтожные трусы, храбры только на словах. Ах, скоро ли настанет тот час, когда англичане поймут наконец, что права надо отстаивать мечом – единственный способ, которым их можно добыть! Тогда, надо надеяться, все эти хвастуны полетят вон и будут выметены, как сор, защитниками свободы! Дай Бог, чтобы этот час настал поскорее! Вперед, Хьюберт! Надо поторопиться!

Хьюберт повиновался легкому знаку, взвился с места и плавным галопом помчался по дороге к Красному Холму, а потом вниз по отлогому склону и по широким зеленым колнским лугам.

Глава 30

«ГОЛОВА САРАЦИНА»

Харчевня «Голова сарацина» стояла в полумиле от реки Колн и точно на таком же расстоянии от окраины Эксбриджа. Чтобы попасть в харчевню, надо было переехать через реку по высокому старинному мосту.

«Голова сарацина» стояла на проезжей дороге и была такой же давности, как и мост; возможно, что она существовала со времени крестовых походов, отчего и получила свое странное название.

Это была та самая харчевня, где Скэрти со своими кирасирами остановился на ночлег

накануне своего появления в Бэлстрод Парке. Впоследствии ее стали называть «Головой королевы» – название, которое она сохранила и до наших дней. Это новое название, появившееся на вывеске, было делом рук не честного сакса Бонифаса, содержавшего харчевню в дни царствования Карла Первого (Карл I (1600 – 1649) – английский король в 1625 – 1649 годах. Проводил реакционную феодально-абсолютистскую политику, вызвавшую недовольство значительной части дворянства, буржуазии и протест широких масс народа. Во время английской буржуазной революции XVII века был свергнут и казнен 30 января 1649.), но разодетого в шелк и бархат богатого владельца, наследовавшего ему в подлые дни Реставрации (Реставрация – в данном случае восстановление в 1660 году на престоле Карла II – сына казненного Карла I. Царствование Карла II (1660 – 1685) отличалось, в противоположность строгим и суровым нравам пуритан, распущенностью и цинизмом.).

В описываемое нами время хозяин харчевни мастер Джервис мог бы присвоить ей другое, не менее подходящее, а может быть, даже и более меткое название «Голова короля»; ибо под этой кровлей подобные слова нередко произносили шепотом, а иной раз и громко, вкладывая в них совсем особый смысл, сильно отличавшийся от того, с коим их произносят обычно. Может быть, слова и мысли, которыми обменивались люди, собиравшиеся в стенах старой гостиницы, способствовали тому, что некий король лишился своей головы; во всяком случае, они ускорили это важное событие.

В тот вечер, когда Генри Голтспер мчался во весь опор по склону Красного Холма, торопясь к месту своего назначения – в харчевню «Голова сарацина», примерно в это же время можно было увидеть группы пешеходов по два, по три человека, которые одна за другой переходили мост у Эксбриджа и направлялись к харчевне.

Одна за другой эти группы входили в харчевню, обменявшись приветствиями с хозяином, который встречал их в дверях.

Так продолжалось до тех пор, пока под увитую плющом арку «Головы сарацина» не вошло примерно человек пятьдесят.

Все это были мужчины; среди них не было видно ни одной женщины.

В этих людях можно было сразу узнать ремесленников того или другого цеха, ибо каждому ремеслу в то время была присвоена особая одежда, они не имели праздничного вида. Мясник пришел в высоких кожаных сапогах, пропахших говяжьим салом; мельник – в белом колпаке, из-под которого виднелись его пропыленные мукой волосы; кузнец – в шароварах, прикрытых спереди прожженным кожаным фартуком, а кривоногий портной – в плисовых штанах.

Были здесь люди и более щеголеватого вида: в высоких шляпах и камзолах из хорошего сукна, в добротных желтых сапогах, в белых полотняных воротниках и манжетах; но так как все они были одеты на один лад, по их одежде нетрудно было узнать, что они принадлежат к цеху лавочников, ныне неправильно именуемых торговцами.

По вечерам, – а особенно, когда была теплая погода, – в «Голове сарацина» нередко можно было встретить компанию этих людей, потому что погреб харчевни славился на всю округу и здесь собирались завсегдатаи даже из Эксбриджа. Но в тот вечер, о котором идет речь, наплыв посетителей в харчевню в один и тот же, и довольно-таки поздний, час вызван был, по-видимому, чем-то более важным, а не просто потребностью выпить в компании знаменитого пива мастера Джервиса.

У всех этих людей, направлявшихся к «Голове сарацина», был необычно деловой вид; они разговаривали между собой, понизив голос, и по их озабоченному тону чувствовалось, что они говорят о каких-то весьма серьезных вещах. Видно было, что они не просто вышли прогуляться, а идут по делу, ради которого заранее решили собраться в условленный час.

Как мы говорили выше, хозяин харчевни встречал каждого посетителя в дверях. В молчаливом приветствии, которым он обменивался с каждым входившим, было что-то необычное и даже загадочное, ибо хозяина «Головы сарацина» никак нельзя было заподозрить в необщительности. Не менее загадочным было и то, что каждый входивший

поднимал правую руку с загнутым внутрь большим пальцем и на секунду подносил ее чуть ли не к самому носу мастера Джервиса.

По-видимому, это был какой-то условный знак, а легкий кивок, которым хозяин отвечал на этот загадочный жест, давал разрешение войти.

Войдя в дверь, посетители направлялись не в общий зал для гостей, а в глубь помещения; длинный коридор вел в большую обособленную комнату, по-видимому более подходящую для такого собрания. Посетителей, которые, входя, здоровались с хозяином попросту, не поднимая руки, провожали в общий зал, или они сами направлялись туда, не дожидаясь, чтобы их проводили.

Прошел час, если не больше, а группы людей, направлявшихся к харчевне по дороге из Эксбриджа, все еще прибывали. В то же время другие, менее многочисленные группы подходили по той же проезжей дороге со стороны Красного Холма и Денема, а также по проселочным дорогам из селений Хэрфилд и Айвер.

Эти люди заметно отличались от тех, которые шли из Эксбриджа; по их одежде и внешности видно было, что это местные поселяне – пастухи, землепашцы, – и среди них немало было и более зажиточных фермеров.

Многие из них ехали верхом – видимо, издалека, – и, когда все наконец собрались в харчевне, в просторных конюшнях «Головы сарацина» оказалось не меньше лошадей, чем в тот день, когда Скэрти оказал честь хозяину, расположившись у него со своими кирасирами на даровой ночлег.

Одним из последних приехал красивый всадник, чья благородная внешность, одежда, доспехи и прекрасный, породистый конь – все безошибочно указывало, что это человек знатного происхождения. Даже ночью, в неверном свете луны, его величавая осанка и непринужденные манеры выдавали в нем дворянина.

Хозяин и кое-кто из посетителей, толпившихся в дверях, по-видимому, хорошо знали его. Поэтому, когда он подъехал, в харчевне уже передавали шепотом из уст в уста слова, которые, казалось, обладали какой-то магической силой, – Черный Всадник.

Соскочив с коня, он спокойно вошел в харчевню вместе с другими, кланяясь им на ходу.

Ему незачем было поднимать руку и, зажав палец, подносить ее к лицу стоявшего в дверях хозяина. Эта предосторожность, к которой прибегали, чтобы не допустить доносчиков и шпионов, была излишней в отношении Генри Голтспера. Хозяин харчевни хорошо знал того, кто возглавлял это собрание, которое должно было состояться под его кровлей. Голтспер молча улыбнулся ему и уверенно зашагал по тускло освещенному коридору, как человек, который бывал здесь не раз.

С такой же уверенностью он открыл дверь в большую комнату – там сейчас было полным-полно народу; по всему коридору разносились громкие голоса горячо споривших людей.

И вдруг все смолкли, наступила тишина, но она длилась одно мгновение и так же внезапно сменилась взволнованным гулом и восторженными выкриками, среди которых можно было разобрать имя вошедшего человека и хорошо известное всем славное прозвище.

Голтспер закрыл за собою тяжелую дверь, и многоголосый шум, стоявший в зале, теперь уже не проникал в коридор. Споры и разговоры возобновились, но Голтспер, умело овладев вниманием толпы, направил беседу в надлежащее русло.

Возможно, кое-кому его речь показалась бы изменнической, ибо здесь открыто обсуждали незаконные действия короля и его последние указы, а под конец некоторые ораторы, воспламенившись хмельной брагой, которую за счет кавалера щедро подносили собравшимся, и припомнив какую-нибудь недавнюю обиду, яростно сжимали кулаки и, потрясая ими в воздухе, громко призывали к отмщению.

В эту ночь на тайном собрании в харчевне «Голова сарацина» впервые возникло видение, которое в недалеком будущем стало публичным зрелищем, ибо многим из тех, что собрались здесь сегодня, довелось увидеть своими глазами короля, всходившего на эшафот.

– Слава Богу! – бормотал Голтспер, вскакивая в седло и направляя коня на дорогу к Красному Холму. – Слава Богу, да не оставит Он нас своею милостью! – прибавил он, повторяя все еще звучавшие в его ушах выражения пуритан, выступавших на тайном собрании. – Они полны решимости, в этом можно не сомневаться. Наконец-то, после десяти лет тирании, они готовы сбросить с себя позорное иго! Тиран будет свергнут! Настал час покончить с самовластием и установить в милой старой Англии единственный разумный строй, который не противоречит здравому смыслу и обеспечивает гражданам свободу, – республику!

Горькая и чуть презрительная улыбка появилась на лице Голтспера, когда он подумал, как мало у него единомышленников в его родной стране, как мало людей, которые разделяли бы его чувства!

Голтспер жил в такое время, когда слово «республика» редко можно было услышать; это слово вызывало презрительную насмешку, его считали бессмысленным бредом, дикой фантазией безумца. Для Голтспера это слово было неотделимо от его подлинного смысла. Оно раскрывалось ему во всем своем грозном и величественном значении, знаменующем глубокую правду о благе и страданиях человечества. Даже в те времена жестоких притеснений и гонений, когда Лод (Лод Уильям (1573 – 1645) – архиепископ Кентерберийский, жестоко преследовавший пуритан. Один из ближайших сподвижников Карла I, пользовавшийся исключительным влиянием и властью.) повелевал душами, а Страффорд (Страффорд Томас Уэнтворт, лорд Страффорд (1593 – 1641) ближайший советник Карла I. Первоначально был в парламентской оппозиции, но впоследствии перешел на сторону короля и стал ярким сторонником абсолютизма. В 1640 году советовал Карлу I арестовать Пима и других парламентских лидеров по обвинению в государственной измене. Парламент объявил Страффорда вне закона, и под давлением народных демонстраций король был вынужден подписать смертный приговор своему любимцу. 12 мая 1641 года Страффорд был казнен.) телами, когда меч инквизиции мог безнаказанно сразить протестанта Вальденса, – даже и тогда были люди, которых ничто не могло заставить отречься от веры в то, что власть народа дарована Богом, а что касается «божественных прав» короля, то это выдумка тиранов.

Такие люди существовали во все времена, ибо время не может изменить истину. Круг был кругом еще до того, как Бог дал человеку понятие окружности, а когда Бог создал людей, он желал, чтобы они сами управляли собой, а не подчинялись тиранам.

То, что они этого не делают, не доказывает, что Господь Бог ошибся. Окружность, если ее не довести до конца, не доказывает, что кривая не существует. Ни в древние века, ни в средневековье, ни в наше время отсутствие истинной республики не доказывает, что это не есть подлинно справедливый строй. Это поистине справедливый строй, единственный, в котором повелевают законы истины и добра. Не признавать этого может только тот, у кого дурная голова или дурное сердце.

Но есть ли сейчас на свете такие люди? Трудно этому поверить. Если бы я этому верил, я был бы подобен моему герою, когда он с горькой усмешкой думал, какая ничтожная горсточка людей разделяет его чувства.

Ах, если бы он дожил до наших дней, как радостно было бы ему убедиться, что он не обманывался в своих чувствах! В том, что иные называют крахом республиканских учреждений, он, так же как и я, увидел бы их победоносный расцвет. Он увидел бы, как за какие-нибудь сто лет республиканского режима тридцать миллионов людей превратились в гигантов по сравнению со всей остальной человеческой породой. Он увидел бы, как они разделились на два стана и борются одни против другого подобно титанам древности, и, видя это, он не мог бы не подумать, что придет время, когда этот тридцатимиллионный народ сплотится, и тогда ему не страшно будет вступить в борьбу со всем монархическим миром!

Генри Голтсперу не надо было переноситься в будущее, чтобы найти подкрепление своей вере в республиканский строй. Он вынес свои убеждения из прошлого, почерпнув их у

источника вечной правды. Саркастическая усмешка на его лице была вызвана презрением, которое благородная душа невольно чувствует к тем, кто верует или делает вид, что верует в «божественное право» королей.

Лицо его оставалось мрачным, пока он не повернул на лесную дорогу и не поравнялся со старым буком – это было то самое дерево, которое осеняло своими густыми ветвями самое заветное, самое дорогое для него место на земле.

Вот он опять под его зеленым шатром! Голтспер опустил поводья и, сняв шляпу, поднес к губам белую перчатку; сейчас он ни о чем не думал, любовь поглотила все его мысли и заставила забыть даже о республике.

Глава 31

ДОЧЬ ДЭНСИ

Жилище Дика Дэнси вряд ли правильно было называть домом. Даже название «хижина» было слишком пышно для жалкой лачуги, в которой лесник и его семья укрывались от дождя и ветра.

Ветры не проникали в лачугу потому, что прежде чем ударить по ее стенам, они обрушивались на громадные буки Вепсейского леса, который обступал ее со всех сторон и защищал своими косматыми лапами.

Этот домишко был сложен из неотесанных бревен, щели между ними были кое-как замазаны глиной, а крыша покрыта тростником. Такие домишки, если не считать крыши, можно и сейчас увидеть где-нибудь в лесной глуши в Америке.

Узкая дверь, в которую с трудом протискивался плечистый лесник, два маленьких оконца с крошечными стеклами, вделанными в свинец; маленький дворик, огороженный покосившимся плетнем, предназначавшийся, быть может, для огорода, но теперь сплошь заросший сорняками; здесь сложена куча хвороста для печи; кое-как сбитый сарай служит иногда приютом тощей косматой лошаденке; из грязной конуры выглядывает большой свирепый пес, помесь овчарки с шотландской борзой, – таково было жилище лесника Дика Дэнси.

Внутри было так же неприглядно и бедно. Кухня с глиняным полом и обмазанными глиной стенами, полка с кухонной утварью, на стенах несколько лубочных картинок в дешевых рамках, связка лука, другая связка – из кроличьих шкур, и тут же свежеободранная шкура лани; в углу свалены капканы, силки, сети и другие приспособления для охоты на дичь, а также рыболовные снасти; в другом углу – большой тяжелый топор, орудие лесоруба. Посреди стол из букового дерева, а вокруг него полдюжины стульев с плетеным из тростника сиденьем. На столе была расставлена глиняная посуда; углубление на полу и два уложенных в нем больших камня представляли собой очаг.

Кухня заменяла собой все; две другие комнатухи, имевшиеся в доме, служили спальнями. В каждой из них стояло по кровати, но одна спальня имела более опрятный вид; кровать на ней была застлана простынями и одеялом, тогда как в другой на постели лежала набитая соломой подстилка, прикрытая рваной холстиной, а вместо одеяла – две оленьих шкуры.

В первой спальне у стены стоял маленький столик и два стула. Над столом, на ржавых гвоздях с загнутыми шляпками, держался осколок зеркала и рядом подушечка для булавок; на столе лежали простенькие гребенки для закалывания волос, маленькая щеточка и пара белых полотняных рукавчиков, которые, как видно, уже не раз надевались после стирки; все это вместе с кое-какими другими мелочами женского туалета говорило о том, что в комнате живет женщина.

Это была спальня Бет Дэнси, единственной дочери лесника и единственного члена его семьи. В другой комнате спал сам Дик. Но в дневное время Дик с дочерью обычно обретались в кухне. Там мы и застаем их спустя три дня после праздника, на котором красотке Бетси пришлось играть такую видную роль.

Дик сидел за столом, погруженный в приятный процесс насыщения; перед ним стояла кружка с пивом, тарелка с жареной дичью и лежали нарезанные ломти хлеба.

Это был его завтрак, хотя солнце, светившее сквозь вершины буков, показывало, что время близится к обеду и Бет уже давно позавтракала. Но Дик вернулся домой поздно ночью, усталый после долгого путешествия, и проспал на своей соломенной постели до половины дня, пока колокола в бэлстродской усадьбе не прозвонили двенадцать.

– Кто-нибудь был здесь без меня, дочка? – спросил он у Бетси. По-видимому, он еще не успел поговорить с ней после своего возвращения.

– Да. Солдат из усадьбы приходил, два раза был здесь.

– Солдат! – пробормотал Дик явно неодобрительным тоном. – Черт бы его побрал, чего ему здесь надо? Он тебе говорил, зачем он сюда пожаловал?

– Сказал только, что ему нужно видеть тебя.

– Меня? Да ты так ли поняла, дочка?

– Так он сказал, отец.

– А ты уверена, что он приходил не затем, чтобы увидеть тебя?

С этими словами лесник испытующе поглядел в лицо дочери.

– Да нет, отец! – ответила Бетси, нимало не смущаясь под его взглядом. Что ему до меня? Он сказал, что у него поручение к тебе и что его капитан хочет поговорить с тобой по какому-то делу.

– Что это может быть за дело у меня с капитаном? Ну-ну! А он тебе ничего не сказал?

– Нет.

– И ни о чем не спрашивал?

– Спросил только, не знаю ли я мистера Генри Голтспера и где он живет.

– А ты ему что сказала?

– Я сказала, что ты его знаешь, а живет он в старом доме в Каменной Балке.

Красотка Бетси не сочла нужным сообщить отцу, что кирасир говорил не только это, а и многое другое, так как все это были разные любезности, относящиеся только к ней.

– Что это он о нем спрашивал? – пробормотал Дэнси. – Как бы из этого чего не вышло! Надо оповестить мастера Голтспера, да поскорее! Я вот сейчас поем, да и пойду туда. Уилл тоже заходил без меня, – продолжал он, снова обращаясь к дочери. – Я его вчера ночью видел у мастера Голтспера. Он мне сказал, что был здесь.

– Да, он был два раза. И в последний раз застал здесь того самого солдата. Они даже поругались из-за чего-то.

– Поругались? Вот как! Из-за чего же, дочка?

– А кто их там разберет! Ты же знаешь, отец, что Уилл прямо из себя выходит, когда кто-нибудь осмелится заговорить со мной. Это просто невыносимо, и я больше не желаю этого терпеть! Он так надоел мне своими попреками в тот день! Чего только он не наговорил мне! А какое право он имеет так со мной разговаривать?

– Вот что я тебе скажу, дочка: Уилл Уэлфорд имеет право говорить с тобой так, как он считает нужным. Он тебе добра желает, а ты с ним уж больно резка, я сам слышал: такое говоришь, что самого лучшего друга может обозлить. Тебе надо переменить свое поведение, а то как бы Уиллу Уэлфорду не наскучили твои штучки! Гляди, как бы он не вздумал поискать себе жену где-нибудь в другом месте!

«Вот как бы я была рада!» – подумала Бетси. Она едва удержалась, чтобы не сказать этого отцу, но, так как знала, что это приведет его в бешенство, ничего не ответила на его слова.

– Я уже тебе сказал, дочка, что встретил Уилла Уэлфорда вчера ночью. Ну, мы с ним маленько поговорили о том о сем, и я так понял, что он собирается прийти сюда и ему надо сказать тебе что-то очень важное.

По омрачившемуся лицу Бетси нетрудно было угадать, что она прекрасно понимает, в чем будет заключаться этот «важный» разговор.

– Ну, а теперь, Бет, – сказал лесник, отодвигая тарелку с обглоданными костями и

осушая кружку, – дай-ка мне старую шляпу да мою ореховую дубинку. Придется мне идти в Балку пешком – бедная скотина еле жива после нынешней ночи. Может, мастер Голтспер сам придет сюда... Я ведь должен был зайти к нему пораньше, а проспал. Он так и говорил, что, может, сам заедет. Так вот, коли заедет, ты скажи, что я тут же и вернусь, если не застану его дома или не встречу по дороге.

С этими наставлениями великан-лесник протиснулся в узкую дверь своей лачуги и направился густой чащей Вепсейского леса в сторону Каменной Балки.

Едва только он скрылся из виду, Бет быстро юркнула в маленькую комнатку и, схватив щетку, стала поспешно приглаживать свои длинные волосы.

В осколке зеркала, величиной с тарелку, отражалось красивое лицо девушки, в котором самый придирчивый знаток женской красоты вряд ли нашел бы какой-нибудь недостаток. Это было лицо настоящего цыганского типа – нос с горбинкой, пронзительные очи, смуглая золотистая кожа и густые волосы цвета воронова крыла; высокая, мускулистая фигура, похожая на фигуру юноши, с сильно развитыми руками и ногами, отличалась стройностью и гибкостью. Ничего нет удивительного в том, что Марион Уэд сочла ее достойной любви Генри Голтспера, а Генри Голтспер считал Уилла Уэлфорда недостойным обладать ею.

– Вот бы он пришел, а на мне это заношенное платье и волосы висят космами, как хвост у отцовской клячи! Да я бы не знала, куда деваться от стыда! Я думаю, что успею немножко принарядиться. Ох, уж эти волосы! Никак с ними не справишься – этакая гущина! Чтобы их заплести, нужно столько же времени, сколько на моток пряжи!.. Ну, вот так! Сиди, где я тебя воткнула, противная гребенка! Это подарок Уилла – не жаль, если и сломается! Теперь воскресное платье, воротничок, манжеты! Конечно, они не так нарядны, как у мисс Марион Уэд, а все-таки они мне к лицу. Вот если бы еще можно было носить перчатки, такие маленькие, красивые белые перчатки, какие я видела у нее на руках! Но куда мне! Мои бедные руки – вон они какие грубые, красные! Им приходится работать и ткать, а ее ручки, я думаю, никогда и не прикоснулись к станку. Ах, если бы я только могла носить перчатки, чтобы спрятать под ними мои безобразные руки! Но разве я решусь! Деревенские девушки меня засмеют... пожалуй, еще прозовут так, что лучше и не произносить. Когда он придет, я спрячу руки под фартуком, так что он даже и кончика пальца не увидит.

Так разговаривала Бет Дэнси сама с собой, прихорашиваясь перед осколком зеркала.

Она прихорашивалась не для Уилла Уэлфорда и не для кирасира, который заходил дважды. Ни для кого из них черноволосая красавица не стала бы наряжаться в свои лучшие наряды. Ей хотелось завлечь в свои сети другую дичь, получше: она мечтала пленить Генри Голтспера.

– Только бы отец не встретил его на дороге! А то непременно воротит его обратно, потому что отцу больше нравится ходить в Каменную Балку, чем видеть его у нас. К счастью, туда ведут две тропинки, и отец всегда ходит по той, что покороче, а он по ней никогда не ездит... Ой, собака лает! Кто-то идет! Господи помилуй, вдруг, это он, а я еще не совсем оделась! Противная гребенка! Никак не держится, у нее слишком короткие зубцы. Уилл ничего не понимает в гребенках, а то, наверно, купил бы что-нибудь получше... Ну, кажется, так ничего, – закончила она, разглядывая себя, в последний раз в зеркале. – Может быть, я и не так красива, как мисс Марион Уэд, но думаю, что я ничуть не хуже мисс Дороти Дэйрелл... Опять собака! Наверно, кто-нибудь идет! Надеюсь, что это...

Не назвав имени, Бетси бросилась в кухню и, распахнув дверь, остановилась на крыльце.

Собака лаяла, хотя никого не было видно. Но Бетси знала, что собака редко ошибается, – несомненно, кто-то приближается к хижине.

Ей недолго пришлось оставаться в неведении, и она уже теперь не надеялась, что это Голтспер: собака лаяла, повернувшись на юг, а тропинка к Каменной Балке вела к северу от хижины. Если бы это был Генри Голтспер, он должен был бы появиться с этой стороны.

Тень разочарования скользнула по ее лицу, когда она подумала, кто это может быть. В той стороне жил Уилл Уэлфорд, и как раз в эту минуту он вышел из-за деревьев и показался

на тропинке. Лицо Бетси еще более омрачилось.

– Ах, какая досада! – прошептала она. – А я так надеялась увидеть его! А теперь, если он придет даже по делу к отцу, Уилл, конечно, затеет скандал. Он не перестает меня ревновать с тех самых пор, как я поднесла цветы мастеру Голтсперу. Он, конечно, прав в том, что касается меня, но насчет мастера Голтспера он – увы! – ошибается. Я бы хотела, чтобы для этого был хоть какой-нибудь повод, – тогда пусть Уилл ревновал бы меня сколько угодно, меня это нисколько не трогало бы. Да и его тоже, я в этом уверена. О, если бы он только любил меня, мне больше ничего не надо было бы, ничего на свете!

Увидев подходившего Уилла, Бетси сделала шаг к двери и остановилась на пороге, устремив на незваного гостя равнодушный и скучающий взгляд.

– Здравствуй, Бет! – коротко и угрюмо поздоровался ее поклонник, на что Бет отвечала так же коротко. – Что это ты стоишь в дверях, точно поджидаешь кого? Не думаю, что меня!

– Конечно, нет, – отвечала Бетси, даже не стараясь скрыть свое огорчение. – Я тебя не ждала и ничуть не радуюсь твоему приходу. Я уж тебе говорила это, когда ты был здесь в последний раз, и теперь повторяю.

– Много ты о себе думаешь! – грубо возразил парень, стараясь казаться равнодушным. – Почему ты думаешь, что я к тебе пришел? Может у меня быть дело к мистеру Дэнси?

– Если у тебя к нему дело, так его нет дома.

– А куда он пошел?

– В Каменную Балку. Только что ушел. Он пошел напрямиком через лес. Ступай скорей, ты быстро его догонишь.

– Ну нет! – воскликнул Уилл. – Не так уж я тороплюсь. Мое дело подождет, пока он вернется. Но я и тебе хотел кое-что сказать. Я так считаю, что нечего больше откладывать... А с чего ты так расфрантилась с утра? Разве сегодня что-нибудь празднуют? Кажется, ведь не ярмарочный день?

– Если я, по-твоему, и расфрантилась, так не потому, что сегодня праздник или ярмарка. Я так каждый день одеваюсь. Я только сегодня другую юбку надела да корсаж, потому... потому что...

Несмотря на свою находчивость, Бетси, по-видимому, не могла придумать никакого объяснения для своего праздничного корсажа.

– Потому что... – перебил лесник, видя ее смущение, – потому что ты кого-то поджидала, вот почему! Не пытайся меня надуть, Бет Дэнси! продолжал он, распаясь от ревности. – Не такой я дурак, каким ты меня считаешь. Ты для того вырядилась, чтобы встретить кого-то. Может, этого нахального солдата? А может, того самого важного кавалера из Каменной Балки? Или его индейское чучело? Ты ведь не больно разборчива, Бет Дэнси! Какая рыба ни попадется в сети – все годится!

– Уилл Уэлфорд! – вскричала Бетси, вся красная под градом его насмешек. Я не желаю слушать такие дерзости ни от тебя, ни от кого другого! Если тебе больше нечего мне сказать, можешь уходить!

– Да, я хочу тебе что-то сказать, я к тебе за этим и пришел, Бет.

– Ну тогда говори, и покончим с этим, – ответила девушка, явно желая поскорее выпроводить его. – Что такое?

– Вот что, Бет... – сразу притихнув, сказал лесник и подошел к ней поближе: – Мне нечего тебе и говорить, Бет, как я тебя люблю. Ты это сама хорошо знаешь.

– Ты мне это уже тысячу раз говорил. Я больше не желаю этого слушать!

– Нет, ты должна меня выслушать! И теперь это уже в последний раз.

– Очень рада!

– Вот что я хочу тебе сказать, Бет Дэнси, – продолжал влюбленный, не обращая внимания на ее колкости. – Прошлой ночью я видел твоего отца, и мы с ним договорились. Он дал мне свое полное согласие и обещал...

– Что это, скажите, пожалуйста?

– Что ты будешь моей женой.

– Вот как! – воскликнула Бетси и громко расхохоталась. – Ха-ха-ха! Так это ты мне и собирался сказать? Хорошо, Уилл Уэлфорд, послушай теперь меня. Ты мне уже тысячу раз говорил, что любишь меня, и вот сейчас клялся, что это будет последний раз. И я тебе тысячу раз говорила, что из этого ничего не выйдет, и вот сейчас клянусь тебе, что это мое последнее слово! Раз и навсегда говорю тебе, что никогда не буду твоей женой – никогда, никогда!

Она говорила таким суровым и внушительным тоном, что Уилл Уэлфорд молча понурился, словно потерял всякую надежду.

Но это продолжалось лишь минуту. Не таков он был, чтобы молча стерпеть обиду.

– Ах, так? Тогда пеняй на себя! – заревел он и, вскинув топор, яростно замахал им в воздухе. – Если ты не будешь моей женой, Бет Дэнси, так знай: не быть тебе ничьей женой! Клянусь тебе, что убью того человека, за которого ты выйдешь замуж, да и тебя вместе с ним! Попомни мои слова!

– Убирайся вон, негодяй! – закричала испуганная и возмущенная Бетси. – Не желаю я слушать твои угрозы! Убирайся вон!

И, быстро отступив в кухню, она хлопнула дверью перед его носом.

– Подожди, я с тобой разделаюсь, лживая девка! – крикнул отвергнутый поклонник. – Я свою угрозу выполню, даже если меня потом вздернут за это!

И с этими злобными словами он вскинул топор на плечо, перескочил через покосившуюся изгородь и быстро зашагал прочь, бормоча про себя: «Я свою угрозу выполню, пусть меня потом хоть вздернут за это!»

Несколько минут дверь хижины оставалась закрытой. Бетси заперла ее на засов изнутри, потому что очень боялась, как бы Уилл не вернулся. Его искаженное бешенством лицо и иступленный взгляд, сверкавший из-под белых бровей, заставили бы испугаться самую смелую женщину.

Она успокоилась только тогда, когда увидела в окно, что Уилл удалился.

– Ах, как я рада, что он ушел! – воскликнула она. – Какой злобный негодяй! Всегда я так о нем думала. А отец хочет, чтобы я стала его женой! Никогда, никогда! Вот расскажу отцу все, что он мне наговорил. Может, это заставит его одуматься... Боюсь, что он сегодня не придет! Когда-то я еще увижу его! В Михайлов день опять, верно, устроят праздник, но до него еще так долго! А так где-нибудь встретить его можно только случайно, да, может, еще и поговорить не удастся. Вот если бы у меня был какой-нибудь предлог пойти в Каменную Балку! Хоть бы отец почаще посылал меня туда! Да что от этого толку? Разве мастер Голтспер станет думать о бедной крестьянской девушке! Жениться на мне он не может, да и не захочет! А мне какое дело, лишь бы он любил меня!

Пес, который в течение всей бурной сцены между Бет и ее деревенским обожателем спокойно помалкивал, вдруг снова залился злобным лаем.

– Неужели это опять Уилл? – воскликнула Бетси, бросаясь к окну и выглядывая из него. – Нет, это не он: собака лает в другую сторону. Это или отец, или... Боже, это он! Что же мне делать? Надо открыть дверь, а то если он увидит, что она закрыта, он может и не зайти. А я хочу, чтобы он зашел!

Бетси быстро подбежала к двери и, отодвинув засов, тихонько открыла ее.

Она подавила в себе желание выбежать на крыльцо: если бы она это сделала, Голтспер мог бы спросить ее, дома ли отец, и, узнав, что его нет дома, прошел бы мимо. А Бетси этого не хотела. Она хотела, чтобы он вошел!

Он шел пешком. И это тоже было хорошо. Бетси следила за ним из окна, смотрела, как он приближается к дому. Она ждала его с замирающим сердцем.

Глава 32

НАКОНЕЦ-ТО ДЕПЕША!

Ричард Скэрти, капитан королевских кирасиров и доверенный королевы, сидел у себя в комнате в усадьбе сэра Мармадьюка Уэда. Около него, так, что можно было дотянуться рукой, стоял маленький столик, а на нем графин с вином и серебряный кубок. Он уже успел осушить третий кубок, но вино сегодня не разгоняло его мрачного настроения.

Шел уже третий день его пребывания под кровлей сэра Мармадьюка Уэда, а он нисколько не продвинулся в своих попытках снискать расположение хозяина и его семьи.

Жизнь в доме шла по строго установленному этикету, отношение семьи к офицерам не выходило из рамок холодной учтивости, и, помимо того, к чему хозяева дома были вынуждены необходимостью, между ними и навязанными им гостями не было никакого общения.

Но не эти обстоятельства смущали Скэрти. Он мог надеяться, что неприятное впечатление, которое он произвел в первый день, со временем сгладится. Он знал, что, стоит ему только захотеть, он может улестить самого дьявола, и не сомневался, что он сумеет войти в доверие к сэру Мармадьюку и завязать с его семьей если не совсем дружеские, то, во всяком случае, достаточно приятные отношения, которые в конце концов предоставят ему желаемые возможности. По правде сказать, он даже тешил себя мыслью, что уже достиг в этом некоторого успеха. Во всяком случае, не это было причиной его скверного настроения, которое он теперь старался разогнать обильными возлияниями. Оно было вызвано совсем иными причинами. То, что он раньше только предполагал, обратилось в уверенность: его опередили. Прелестная молодая девушка, в которую он был страстно влюблен, принадлежала другому, и соперником его был тот самый человек, который так чудовищно унизил его в ее глазах.

Однако, несмотря на эту уверенность, он не терял надежды. Ричард Скэрти, избалованный придворный, был слишком высокого мнения о своей особе, чтобы позволить себе впасть в отчаяние. Ему не раз случалось разлучать сердца, казалось бы преданные друг другу, так почему же это не удастся ему и на сей раз?

По мере того как винные пары все больше затуманивали его сознание, Скэрти начинало казаться, что, может быть, он был не совсем прав и слишком поспешил с выводами из своих тайных наблюдений в парке. Ведь перчатка, в конце концов, вовсе уж не такое неоспоримое доказательство. Та, которую он нашел и припрятал, несомненно принадлежала Марион Уэд, но какие у него основания полагать, что это парная той, виденной им на шляпе Генри Голтспера? Белые замшевые перчатки с золотым шитьем были в то время в моде. Их носили все; почему же эта перчатка должна непременно принадлежать дочери сэра Мармадьюка Уэда?

Напротив, есть все основания предполагать, что это не ее перчатка. Голтспер, как известно, никогда не бывал в доме сэра Мармадьюка Уэда, его представили Марион всего за час до поединка, а после этого он с ней не разговаривал.

Так, сопоставляя различные обстоятельства, Скэрти решил, что перчатка на шляпе Голтспера не может иметь никакого отношения к Марион.

Но что же это было за свидание в парке? Свидание, которое он видел собственными глазами. Ведь это уж никак не могло быть случайностью! А может быть, это не любовное свидание? Может быть, эта встреча объясняется чем-нибудь другим?

Это предположение было маловероятно, но Скэрти, под влиянием винных паров, охотно склонялся к нему, забывая о своих ревнивых подозрениях; но через минуту они возвращались и снова завладевали им, повергая его в мучительные сомнения.

Генри Голтспер внушал ему чувство бешеной ненависти, он отравлял ему существование, и Скэрти, поклявшись уничтожить его, уже делал попытки разузнать все, что можно, о своем сопернике. До сих пор попытки были не очень успешны. Черного Всадника окружала тайна. И Скэрти удалось узнать только то, что это был богатый дворянин, недавно поселившийся в здешних краях в старой, заброшенной усадьбе, известной под названием Каменная Балка.

Скэрти узнал еще, что большинство местных дворян не знакомы с Голтспером, но что у

него есть знатные друзья в других графствах; а здесь он держится в стороне от всех не потому, что у него нет случая познакомиться, а потому, что он этого избегает.

Рассказывали, что он несколько лет жил в американских колониях, и эти слухи подтверждались тем, что его нередко сопровождал молодой индеец, его слуга.

Больше Скэрти ничего не мог узнать о своем сопернике, кроме того, что он иногда пользовался услугами двух лесников, живших неподалеку. Один был лесник Дэнси, другой, помоложе, – Уилл Уэлфорд.

Капитан кирасиров не совсем ясно представлял себе, каким образом ему могут помочь эти сведения, но, во всяком случае, он собирал их не зря. Сказать по правде, капитан Скэрти, жаждавший разделаться со своим соперником, который так внезапно преградил ему дорогу, еще никогда в жизни не чувствовал себя таким бессильным.

Вызвать своего врага на новый поединок – об этом нечего было и думать после такого финала первой встречи. Жизнь Скэрти была пощажена, и законы чести запрещали ему искать второй встречи, если бы ему и хотелось этого. Но после, того как он испытал на себе острие клинка и силу руки Голтспера, у него не было ни малейшего желания испробовать их еще раз. Пылая жаждой мести, он мечтал удовлетворить ее каким-нибудь другим способом. Но как найти такой способ, это он пока еще не представлял себе.

Он жадно осушал кубок за кубком, но по его нахмуренному лбу видно было, что вино не оказывает на него желаемого действия.

Наконец его как будто что-то осенило. Он вскочил с кресла и быстро вышел из комнаты.

Через несколько секунд он вернулся в сопровождении одного из своих солдат, молодого парня, который, пожалуй, был бы даже недурен собой, если бы его не портило тупое и какое-то растерянное выражение лица.

– Ну, Уайтерс, – спросил офицер, закрыв за собой дверь в комнату, – ты видел обоих лесников?

– Только одного, господин капитан. Старого Дэнси не было дома, но его дочь сказала, что он должен вернуться нынче вечером.

– А другой?

– Уилл Уэлфорд. Да, господин капитан, его я видел и передал ваше поручение.

– Ну, так как же, он придет сюда?

– Боюсь, что нет, господин капитан.

– Почему?

– Да он какой-то чудной малый, этот Уилл Уэлфорд. Я ведь сам здешний и знал его еще до того, как поступил в армию. Сушая цепная собака, ежели его разозлить!

– Но почему же он может на меня злиться? Он ведь не знает, зачем я за ним посылал. А может быть, ему кое-что от меня перепадет!

– После того, что случилось, он с вами боится встретиться, господин капитан. Потому-то я и думаю, что он не придет.

– После того, что случилось? А что же такое случилось? Что ты городишь? Что ты этим хочешь сказать?

– Я, господин капитан, говорю о той маленькой стычке, которая у вас с ним вышла в тот день, на празднике.

– У меня с ним? О ком ты говоришь, Уайтерс? Не о Черном ли Всаднике, как его все здесь называют?

– Нет, господин капитан, я говорю об Уилле Уэлфорде.

– Так объясни ты мне, пожалуйста, что же такое произошло между мною и мастером Уиллом Уэлфордом? Я что-то никого не припоминаю с таким именем.

– А разве вы забыли Робина Гуда, господин капитан, – как он тогда замахнулся на вас луком?

– Ах, вот оно что!.. – протянул Скэрти. – Так, так... Так, значит, этот Уилл Уэлфорд из Вепсейского леса и смелый разбойник из Шервудского леса одно и то же лицо?

Неудивительно, что он теперь опасается встречаться со мной. Ха-ха! Но я думаю, мне удастся рассеять его опасения. Одна-две монеты, надеюсь, возместят мастеру Уэлфорду маленькую обиду, которую, как ему могло показаться, нанесли его милкой. Что же касается удара, который он нанес мне по шлему, я охотно прощаю ему, тем более что он, кажется, сломал свой лук этим ударом. Так, значит, это Робин Гуд! Ну что ж! Я думаю, мы с ним скоро станем друзьями. Во всяком случае, по тому, что я имел возможность наблюдать, он, кажется, отнюдь не дружит с моим врагом... Уайтерс!

– Слушаюсь, господин капитан! – ответил солдат, снова отдавая честь своему офицеру, перед тем как получить новый приказ.

– Мне надо, чтобы ты проводил меня туда, где живет этот Уилл Уэлфорд. Полагаю, у него есть какое-нибудь жильё? Или, может быть, он, подобно тому разбойнику, которого он изображал, бродит с места на место и спит где-нибудь в лесу под деревьями?

– Он живет в маленькой лачуге неподалеку от Дика Дэнси.

– Тогда мы лучше навестим их обоих сразу. Ведь старый лесник, говорят, вернется сегодня ночью, так вот мы и подождем до завтрашнего утра. А далеко до этого Вепсейского леса?

– Мили две будет, господин капитан. Это по дороге к Биконсфилду.

– Отлично! Я поеду верхом. А ты после утреннего парада позаботься оседлать мою серую лошадь и свою также. Ну, а теперь отправляйся в барак, да смотри не говори никому в отряде, зачем я тебя вызывал, а не то попадешь в беду! Ступай!

Солдат, подтвердив, что он понял сделанное ему предупреждение, отдал честь и вышел из комнаты.

– Глуповат этот Уайтерс, – пробормотал капитан, оставшись один. – Мало от него толку. Но, кроме него, в отряде никто не знает здешних краев, поэтому и приходится брать его с собой. Что же делать!.. Может быть, в Уилле Уэлфорде я найду более способного помощника. Посмотрим!

И, развалившись в кресле, Скэрти снова погрузился в мрачные размышления и догадки, которые со вчерашнего дня не давали ему ни минуты покоя.

Он почувствовал облегчение, когда дверь тихонько отворилась и в комнату вошел младший офицер.

По лицу Стаббса вряд ли можно было предположить, что у него есть какие-нибудь приятные новости. Корнет, по всей видимости, пребывал в не менее мрачном настроении, чем его капитан.

Лора Лавлейс едва достаивала его своим вниманием, а когда ему случилось раза два очутиться в ее обществе, она или насмеялась над ним, или всячески давала ему почувствовать свое презрение. Но Стаббсу никогда не удавалось отплатить ей тем же, так как она никогда не выходила из рамок учтивости. Он мог бы дать волю своей бешеной злобе, но Скэрти предостерегал его от каких бы то ни было грубостей. Стаббс еще утром жаловался капитану, что юная леди не отвечает на его ухаживания, но тот был так поглощен своими собственными делами, что не дал ему никакого совета.

Тем не менее Скэрти обрадовался появлению корнета, так как оно помогало ему отвлечься от мучительных мыслей.

– Итак, значит, из Лондона до сих пор ничего нет? – спросил он, когда корнет уселся в кресло.

Тот только помотал головой.

– Очень странно, что мы до сих пор не получили повторной депеши!

– Да, странно, черт возьми!

– А может статься, этот курьер, которого так напугали разбойники, спятил со страху и, вместо того чтобы отвезти мое письмо, повесился где-нибудь в лесу?

– Вполне возможно.

– Если бы я приписал в письме королю, что это были за разбойники, которым так постыдно сдался его курьер, может быть, для него самое лучшее было бы повеситься. У меня

нет ни малейшего сомнения, что это те самые пугала, которые видел сын сэра Мармадюка Уэда: ведь это случилось в ту же ночь и на том же месте. Ха-ха-ха! В каких только я не был походах, ни разу мне не приходилось слышать о такой ловкой стратегической вылазке!

– И мне, – подхватил Стаббс, тоже покатываясь со смеху.

– Я не пожалел бы месячного жалованья, чтобы залучить к себе этого ловкого мошенника, который придумал такую штуку. Если бы он пожелал вступить в наш отряд, я не задумываясь сделал бы его капралом!

– Да, это был бы отменный капрал!

– Мне хотелось бы залучить его еще и по другой причине, – продолжал Скэрти более серьезным тоном. – Мы могли бы вернуть пропавшую депешу. Я не сомневаюсь, что она так и лежит в кармане того камзола, который он стащил с этого труса. Ха-ха-ха! Хорош он был, когда мы его нашли! Ощипанный догола и связанный голубок! Вот будет смеяться королева, когда прочтет мое донесение! Надеюсь, она не расскажет королю. Если она проболтается, плохо придется бедняге курьеру.

– Да, уж ему не поздоровится!

– А в особенности, если в этих депешах было что-нибудь важное. Ведь они посланы тотчас же вслед за нами. Интересно, что там такое может быть? Надеюсь, не отмена приказа?

– Нет, только не это, черт возьми!

– Мне еще пока не наскучило пребывание на здешних квартирах, я не прочь пожить здесь подольше. Жаль, что эти девицы такие ледышки, а, Стаббс? Ну, не огорчайтесь – может быть, они через некоторое время и оттают.

– Надо надеяться, – сказал Стаббс, и его тупое лицо расплылось в улыбке. – Если бы только не этот молокосос, ее кузен, все было бы в порядке. Я в этом почти уверен, клянусь честью!

– Ну-ну! Стоит ли обращать на него внимание! По-видимому, это просто детская привязанность. Он только что вернулся после трехлетнего отсутствия, а ведь они, кажется, росли вместе. Естественно, что ей хочется немного поиграть с ним. Но он скоро надоест – ей нужен будет кто-нибудь другой. Вот тогда наступит ваша очередь, мой неотразимый корнет!

– Вы правда так думаете, капитан?

– "Думаю"! Я уверен в этом! Ха! Если бы я хотел добиться ее любви, я думаю, мне не пришлось бы тратить на это много усилий. А вот моя – совсем другое дело! Завоевать ее – на это потребуется все искусство... капитана Скэрти... Эй, кто там? Войдите!

Дверь отворилась, и на пороге появился кирасир; он молча поднес руку к шлему.

– В чем дело, сержант? – спросил капитан.

– Прибыл курьер с эскортом из шести драгун, господин капитан.

– Откуда?

– Из Лондона.

– Введите его сюда и позаботьтесь, чтобы накормили солдат.

Сержант отправился выполнять приказание.

– Должно быть, это курьер с повторной депешей, – высказал предположение Скэрти. – И если это отмена приказа, надеюсь, что ее тоже украл.

– Сомневаюсь, – возразил корнет. – Шестеро драгун, пожалуй, справятся с дюжиной пугал.

Вошел курьер. По его одежде и по тому, как он держал себя, сразу можно было узнать придворного кавалера, но он был совсем не похож на того франта, которого обобрал Грегори. Это был старый, седой ветеран, вооруженный до зубов; его серые глаза сурово сверкали из-под забрала, и взгляд их говорил, что это не такой человек, которого мог бы одурачить Грегори Гарт со своими чучелами. Можно было не сомневаться, что, если бы он вез первую депешу, раскаявшемуся Гарту не пришлось бы совершить преступление в ту памятную ночь, он избежал бы греха и не нарушил клятвы, которую дал своему бывшему хозяину.

– Курьер короля? – спросил Скэрти, приветствуя кавалера учтивым поклоном.

– Деша от его величества, – ответил курьер, протягивая ему документ. Дубликат той, которая была послана три дня назад и пропала по дороге. Капитан Скэрти, надо полагать, осведомлен об этом обстоятельстве?

– О да, – подтвердил Скэрти. – Я надеюсь, у пострадавшего курьера не было никаких неприятностей в связи с этой историей?

– Уволен со службы, – раздалось в ответ.

– Ах, бедняга! Мне кажется, он уже был достаточно наказан перенесенным испугом, не говоря уже о пропаже лошади, кошелька, часов и медальона с локоном. Ха-ха-ха!

И Скэрти громко расхохотался. К нему присоединился Стаббс, а серые стальные глаза посланца сверкнули холодной усмешкой, ясно свидетельствующей, что он отнюдь не сочувствует попавшему в опалу королевскому курьеру.

– Корнет Стаббс, – сказал Скэрти, повернувшись к младшему офицеру и указывая на курьера, – позаботьтесь, чтобы кавалер не умер у нас от голода и жажды... Вы извините меня, сэр, я должен ознакомиться с депешей короля. Может быть, потребуется ответ.

Корнет, пригласив курьера следовать за ним, вышел из комнаты. Оставшись один, Скэрти подошел к окну с депешей в руках и, сломав королевскую печать, начал читать:

"Его величество король – капитану Скэрти, командиру кирасиров в Бэкингемском графстве.

В дополнение к ранее полученным распоряжениям приказывается сим капитану Скэрти произвести в Бэкингемском графстве набор солдат для несения службы в королевском кирасирском полку; настоящим капитан Скэрти уполномочивается также королевской властью предлагать каждому новобранцу премию, как это указано в сопроводительной грамоте.

До сведения его величества дошли слухи о том, что в вышеназванном графстве имеются нелояльные граждане, кои осмеливаются выражать свое недовольство королевским правительством, позволяют себе разные незаконные действия, собираются на тайные совещания, произносят бунтарские речи, подстрекают народ против королевского правительства и особы его величества, равно как и против благосостояния церкви и государства. Посему его королевское величество приказывает честному и верному слуге капитану Скэрти производить розыски, обнаруживать и держать на заметке всех недовольных; и коль скоро будет найдено достаточно веское доказательство их нелояльности, тем самым предписывается ему сообщить о том председателю королевского совета, коим будут приняты меры для предания сих бунтовщиков суду «Звездной палаты» или Верховному королевскому суду, или любому другому суду, дабы они понесли за свои преступления должное наказание.

Приказ издан во дворце в Уайтхолле.

(Подписано) Carolus Rex"

– Ну-ну! – воскликнул Скэрти, окончив чтение депеши. – Приятные на меня взваливают обязанности, нечего сказать! Чтобы я выступал в роли шпиона! Король забывает, что я дворянин! Первой части приказа я повинуюсь охотно. Мой отряд требует пополнения, и я надеюсь, что, увеличив его численность, получу наконец чин полковника, который мне уже давно следует иметь. Ну, а насчет того, чтобы ходить по харчевням да по кабакам и подслушивать разные глупые речи, которые Джек говорит Джиму, а Джим повторяет Колину, приукрасив на свой деревенский лад, – это уж простите, ничего подобного делать не стану! Разве только... – добавил он, многозначительно улыбнувшись, – разве только сама королева мне прикажет. Чтобы угодить ее величеству, я готов обратиться в сидельца винной лавки и подслушивать разговоры у стойки... Стой, тут что-то еще приписано! Постскрипtum! Может быть, как в женских письмах, это и есть самая важная часть письма?

"После подписания сей депеши его величество был осведомлен, что один из подданных его величества, по имени Генри Голтспер, более всех других усердствовал в подстрекательских действиях и вышеупомянутых бунтарских выступлениях; полагают, что вышеуказанный Голтспер является деятельным орудием и помощником врагов королевского

правительства. Посему капитану Скэрти предписывается наблюдать за действиями Голтспера, и, если в его поведении будет обнаружено что-либо, являющееся достаточной уликой для обвинения перед «Звездной палатой», капитану Скэрти поручается принять меры и арестовать указанную личность. Его величество, предоставляя капитану Скэрти свободу действий, полагается на его благоразумие и осторожность, ибо, ежели привлеченный к суду подданный его величества окажется невиновным, сие может возбудить недовольство и навлечь нарекания на правительство его величества.

С. Р."

– Шпионить! – вскричал Скэрти, дочитав до конца и вскочив с места. – Мне предлагают шпионить за ним! Что ж, принимаю с благодарностью! Будьте покойны, ваше величество, все будет сделано как нельзя лучше!.. Разве я не был прав? – продолжал он, расхаживая из угла в угол и победоносно размахивая депешей. – Женщины умницы: самое приятное они приберегают под конец. Вот и в этом письме самым приятным оказался постскрипtum! Итак, мастер Генри Голтспер, я всегда думал, что в вас есть что-то подозрительное, с того самого тоста на постоялом дворе. Ну, а теперь вы у меня в руках и не вывернетесь – нет, клянусь честью, или я не Ричард Скэрти, капитан королевских кирасиров! Но только не надо спешить. Я должен быть в высшей степени осторожен. Так советует король. Ну что ж, он может быть спокоен: я знаю, когда надо грозить и шуметь, а когда действовать исподволь. Да, нужно иметь улики. Я думаю, с этим затруднений не будет, когда красный бунтовщик предстанет пред судом. Улики я найду! Не бойтесь, ваше величество, улики я раздобуду! А нет, так создам их! Много ли надо, чтобы удовлетворить наш праведный суд, «Звездную палату»? Ха-ха-ха!

И с этим язвительным смехом Скэрти быстро вышел из комнаты, словно торопясь сразу же приступить к поискам этих улик, которые он во что бы то ни стало решил достать.

Глава 33

УИЛЛ УЭЛФОРД

Мы покинули Бет Дэнси в тот миг, когда она, устремив взор на обожаемого человека, ждала с замиранием сердца, чтобы он переступил порог ее хижины.

Но не одни только глаза Бет следили за Генри Голтспером и не только у нее трепетало сердце при его приближении. Еще одно сердце, переполненное совсем другими чувствами, колотилось в груди, – сердце ее отвергнутого обожателя.

Расставшись со своей жестокой возлюбленной, Уилл Уэлфорд пошел по лесной чаще, не глядя, куда идет. Счастлирое будущее – супружеская жизнь с Бет Дэнси, о которой он давно мечтал, отодвинулась и померкла после полученного им решительного отказа. И мир молодого лесника, как он ни был ограничен, обратился ныне для него в полный хаос.

Некоторое время он шел, повторяя про себя мстительные, злые слова, которые он бросил Бет на прощание.

Но когда он вспомнил, что Бет встретила его разряженная, в праздничном платье, у него внезапно мелькнуло подозрение, что она, наверно, кого-то ждала. Эта мысль заставила его остановиться. Если даже Бет отвергла его и не оставила ему никаких надежд, он все равно должен открыть, кто же этот счастливый соперник, для кого она так нарядилась.

Что соперник существует, Уилл не сомневался. Все поведение девушки, ее беспокойство, пока он был там, явное желание, чтобы он пошел догонять ее отца, и, наконец, то, как она захлопнула перед ним дверь, – все указывало на ее желание отделаться от него как можно скорее. Как ни глуп он был, но даже у него хватило ума сообразить это.

Если у него еще и оставались какие-то сомнения, лай собаки, донесшийся до него в эту минуту, окончательно убедил его. Ведь на него она уже не могла лаять? Значит, там появился кто-то другой. А кто же это мог быть, как не тот человек, для которого Бет так кокетливо уложила свои черные косы?

Ревнивый лесник повернул назад и пошел обратно к хижине. Но теперь он шел

осторожно, прячась за стволами деревьев, бесшумно скользя от одного дерева к другому, словно опасаясь, что его подстерегают, что тот, кто сидит в хижине, вот-вот выстрелит в него...

Дойдя до открытого места в нескольких шагах от ограды, он остановился и присел, спрятавшись за кустом остролиста так, чтобы его нельзя было увидеть из хижины.

Оглядевшись по сторонам, он сразу увидел человека, на которого лаяла собака. Будь это солдат-кирасир, последняя победа Бет, или даже офицер, который на празднике осмелился бесцеремонно поцеловать ее, Уилл Уэлфорд, разумеется, был бы огорчен и возмущен. Но когда он увидел, что это ни тот, ни другой, но гораздо более опасный соперник – тот, кто посылал его с поручениями, тот самый, кто вступился за девицу Марианну, – его охватила дикая злоба.

Будь это кто-нибудь другой, Уилл Уэлфорд выскочил бы из засады и, кинувшись на своего соперника, заставил бы его немедленно убраться. Но он был свидетелем поединка на лугу, да и все, что он знал о характере и привычках Черного Всадника, внушало ему ужас перед этим человеком и отбивало у него охоту двинуться с места.

Собака внезапно перестала лаять и, весело прыгая на цепи, замахала хвостом, радостно встречая пришедшего. Ясно было, что кавалер не первый раз заходит в хижину Дика Дэнси!

Лицо Уэлфорда стало мрачнее тучи, когда он подумал об этом, и сердце мучительно сжалось. Но что почувствовал он, когда увидел, как Голтспер вошел в хижину и вслед за этим донесся оживленный разговор!

Он не мог разобрать слов, но ему казалось, что эти двое людей говорили о чем-то своем, что они понимают друг друга...

Глаза Уилла Уэлфорда вспыхнули смертельной ненавистью. Еще мгновение – и, забыв свой страх перед могущественным соперником, он кинулся бы на него с топором, но громкий залиvistый лай собаки заставил его застыть на месте, и в ту же минуту он увидел идущего по тропинке старого лесника. Вместо того чтобы выйти ему навстречу, он притаился за густыми ветвями и так и сидел, пока кавалер вместе с хозяином не вышел из хижины. Когда он увидел, что они вдвоем углубились в лесную чащу, по-видимому занятые каким-то серьезным разговором, Уилл тихонько выполз из тайника под остролистом и, погрозив топором в сторону удалявшейся пары, стал осторожно пробираться прочь, прячась за кустами, чтобы его не увидели из окна хижины.

Он все время бормотал что-то себе под нос, и, если в голову ему приходило особенно мучительное воспоминание, он повторял все ту же угрозу, которая вырвалась у него, когда Бет захлопнула перед ним дверь:

– Нет, черт возьми, я не отступлюсь! Как сказал, так и сделаю, пусть меня потом хоть вздернут за это!

Но на этот раз угроза относилась непосредственно к Голтсперу. Правда, он все еще делал оговорку, он хотел еще проверить свои подозрения. Он будет следить за своей милой днем и ночью и уж если увидит, что не ошибся, ревнуя ее к Голтсперу, – тогда ничто не остановит его, и он приведет в исполнение свою угрозу – отправит счастливого соперника на тот свет!

Приняв это решение, он несколько успокоился, но оно не принесло ему облегчения. Поглощенный своими мрачными мыслями, он не заметил, как подошел к дому.

Лачуга Уилла Уэлфорда стояла всего в нескольких сотнях ярдов от жилища Дика Дэнси и производила, пожалуй, еще более убогое впечатление. Она напоминала собой кое-как сложенный шалаш. Низкая дверь вела в единственную комнату с одним маленьким оконцем. Но Уилл Уэлфорд жил один-одинешенек, и для него этого было вполне достаточно.

Внутри лачуги было еще бедней, чем в хижине Дэнси. Кровать из досок, прилаженных в углу и покрытых какими-то рваными лохмотьями, имела такой неопрятный вид, что можно было сразу сказать: женская рука никогда не касалась этой постели и не покрывала ее простыней или одеялом.

Но нищета, бросающаяся в глаза, была несколько обманчива. Все знали, что у Уилла

Уэлфорда водятся деньжонки, его запись на мелок в харчевне «Вьючная лошадь» всегда оплачивалась по первому требованию. Одежда его также не говорила о скудости средств. Он всегда хорошо одевался, даже мог позволить себе купить маскарадный костюм, чтобы выступить в роли Робина Гуда или какого-нибудь другого любимого народом героя.

Эта слава о его достатке, размеры коего никому не были известны, давала ему право претендовать на руку Бет Дэнси, первой красавицы в округе, и, хотя приписываемое ему богатство и не помогло ему завоевать сердце девушки, оно помогло ему снискать расположение ее отца.

Уиллу уже и раньше не нравилось, что Бет, как ему казалось, заглядывается на Черного Всадника, но то, чему он сейчас был свидетелем, пробудило в нем жгучую ревность. Правда, у него не было никаких доказательств, он ничего не мог сказать наверняка. Голтспер мог прийти в хижину Дэнси по какому-нибудь делу, а вовсе не на свидание с Бет. Уэлфорд был бы рад этому верить!

Однако во всем этом было что-то настолько подозрительное, что Уилл не мог оставаться спокойным; и кто знает, чем бы кончилось свидание, не вернись Дэнси...

Войдя в свое скромное жилище, Уэлфорд швырнул в угол топор, а сам опустился на стул; на лице его было написано глубокое отчаяние, и с губ непрестанно срывались имена Бет Дэнси и Генри Голтспера.

– И чего он суется сюда, дьявол его возьми! – бормотал он. – Чем ему свои не хороши! Чего ради он вертится здесь на своем вороном коне, разодетый в шелка да в бархаты, и лезет в хижины бедняков, где ему совсем не место! Будь он проклят! И зачем его принесло в наши края, хотел бы я знать! Что он такое задумал? Собирает у себя в доме народ со всего графства, съезжаются к нему поздно ночью... Ох, хотел бы я знать, что все это означает! Тут, видно, что-то кроется, и он не хочет, чтобы об этом кто-то узнал. А то почему бы в тех письмах, которые я разносил, – ну, и, конечно, вскрыл и прочел, говорилось, чтобы приезжали без слуг, поздно ночью. В полночь – так там и было написано, во всех письмах! Да, хотел бы я знать, что тут такое замышляется! А ведь есть и еще один человек, которому, верно, тоже хотелось бы это узнать, – тот самый, что бился с ним на празднике. Жаль, что он не проткнул ему ребра, а позволил себя проткнуть! Ах, черт, и что ему от меня требуется, этому капитану? Ведь не из-за того же меня вызывают, что я треснул его по башке! Стал бы он тогда ко мне посылать, как же! Прислал бы просто парочку своих солдат, те и свели бы меня куда следует. Уайтерс говорит, будто он мне добра желает, да ведь Уайтерсу разве можно верить? Еще до того, как он в солдаты пошел, от него, бывало, никогда слова правды не услышишь. Вряд ли он с тех пор переменялся к лучшему. Может, и впрямь капитан хочет со мной поговорить? Дорого бы я дал, чтобы узнать, что ему от меня нужно!.. А ведь может статья, черт возьми, – продолжал он после некоторого раздумья, – что это насчет того самого кавалера, Черного Всадника! Можно не сомневаться, что он с того дня не выходит у капитана из головы. Ну, а коли так... гм... – многозначительно хмыкнул он... и замолчал, словно обдумывая что-то. – Как знать, может, оно и так... Черт!.. Эх, была не была, пойду-ка я к этому капитану Скэрти... так, кажется, его зовут?.. там все и узнаю. Вот сейчас же и пойду!

И, приняв это неожиданное решение, Уилл вскочил со стула, схватил свою шляпу и вышел на крыльцо. Но тут он внезапно остановился и, поднеся руку к глазам, стал вглядываться в просвет между деревьями.

– А ведь правду говорят, – пробормотал он, изумленный и обрадованный, только помяни черта, а он тут как тут! Ведь это тот самый человек, к которому я собрался идти, сам капитан кирасиров, а с ним Уайтерс!

Уэлфорд не ошибся. Действительно, капитан Скэрти со своим вестовым Уайтерсом приближались к хижине.

Они ехали верхом, но примерно в сотне шагов от хижины капитан сошел с коня и, передав поводья солдату, пошел вперед один.

Вокруг лачуги Уилла Уэлфорда не было никакой ограды или канавы, и офицер

подошел прямо к крыльцу, где стоял лесник, поджидая его.

Быстрым взглядом опытного вояки Скэрти заметил, что на грубоватой, тупой физиономии его недавнего врага нет никаких следов злобы. По-видимому, враждебные чувства, которые он обнаруживал на празднике, пропали без следа, и капитан был столь же удивлен, сколь и обрадован, что лесник встречает его с улыбкой, тогда как он ждал, что его встретят с ненавистью.

Капитан Скэрти без труда догадался, как это надо понимать: у этого человека был враг, смертельный враг, которого он ненавидел гораздо больше, чем Скэрти, и он знал, что это также и его враг.

Решив прежде всего убедиться в правильности своей догадки, капитан кирасиров обратился к леснику самым дружелюбным тоном.

– Доброе утро, друг! – приветливо поздоровался он. – Надеюсь, это маленькое происшествие, из-за которого мы так глупо повздорили, о чем я глубоко сожалею, теперь забыто и вы простили меня! А так как я всегда воздаю должное храбрости, даже в противнике, я буду очень польщен, если вы не откажетесь выпить со мной чарку винца. Я, знаете, всегда беру с собою про запас, на всякий случай... У вас тут легко заблудиться, в ваших непроходимых лесах, так вот, чтобы не погибнуть от жажды...

С этими словами он взял флягу, висевшую у него через плечо, и начал быстро отвинчивать крышку.

Его бывший враг, явно удивленный, но вместе с тем и довольный таким внезапным завершением ссоры, с радостью принял предложение и в нескольких неуклюжих выражениях пригласил кавалера зайти в его скромное жилище.

Скэрти сразу согласился и, войдя в хижину, уселся на одном из двух колченогих стульев, стоявших в комнате.

Вино тут же разлили в две оловянные кружки, и не прошло и десяти минут, как у капитана Скэрти и Уилла Уэлфорда уже завязались самые дружеские отношения, как будто капитан никогда не целовал девицы Марианны, а Уилл не ломал своего самострела об его голову.

– Все дело в том, мой храбрый Робин, – оправдывался Скэрти, – что я и мой товарищ, корнет, перехватили лишнего в то утро, а вы сами понимаете, когда человек...

– Понятно... – отвечал лесник, проникаясь все большим расположением к своему великолепному гостю, который мог стать для него могущественным покровителем. – Когда человеку хмель в голову ударит, он уж за себя не отвечает. Я знаю, что вы поцеловали девушку так просто, в шутку. Ах, черт, я и сам сделал бы это, да еще как!

– А ведь она, право, красotka, эта девица Марианна! Ваша нареченная, как я полагаю, мастер Уэлфорд?

– Ну да, у нас с Бетси вроде как все решено! – с гордостью сказал лесник.

– Вот счастливчик! Так, значит, скоро свадьбу сыграем?

На этот вопрос Уэлфорд ответил как-то неопределенно.

– Как человек опытный в этих делах, – продолжал капитан, – ведь я сам был когда-то женат, и не раз, – я посоветую вам не позволять красотке Бетси после того, как она станет миссис Уэлфорд, подносить мужчинам цветы.

– Кой черт! – воскликнул ревнивый любовник. – Что вы хотите этим сказать, мастер?

– Да просто то, чему я был свидетелем там, на поле. И, сказать вам по правде, меня это очень удивило. Уж если кто и заслужил эти цветы от девицы Марианны, так, безусловно, тот, который первым вступился за нее. А ведь это были вы, мастер Уэлфорд, и свидетель этому – мой череп, который до сих пор ноет при одном только воспоминании!

– Будь я проклят, да кому ж, как не мне, за нее вступаться! Черному Всаднику незачем было и соваться!

– Совершенно верно. Мы с вами уладили бы сами меж собой нашу маленькую ссору. Да я, знаете, уже собирался извиниться перед вами и сам чувствовал, что поступил глупо, а он как раз тут и вмешался. И, конечно, он только потому и вмешался, что хотел понравиться

девушке. Я тогда сразу это заметил, хотя мне в то время ничего о них не было известно. Ну, а с тех пор я кое-что узнал, и теперь уж у меня нет никаких сомнений.

– Узнали? Что вы с тех пор узнали? – задыхаясь, вскричал Уэлфорд и, вскочив со стула, не помня себя бросился к Скэрти. – Если ты знаешь что-нибудь о Бет Дэнси и о нем, скажи мне, мастер! Скажи, и я...

– Успокойтесь, Уэлфорд, садитесь. Я расскажу все, что знаю. Но чтобы мне быть уверенным, что мне сообщили правильно, я должен знать кое-что о человеке, которого вы называете Черным Всадником. Может быть, вы мне расскажете о нем, чтобы я мог убедиться, что он и есть тот самый человек, чье имя я слышал в связи с девицей Марианной, или Бет Дэнси? Так, кажется, ее настоящее имя?

– Что вам нужно о нем знать? – спросил Уэлфорд, явно готовый выложить все, что ему было известно о Голтспере.

– Да все, – ответил Скэрти, убедившись, что ему более нет надобности остерегаться. – Я знаю только его имя. А ведь вполне может статься, что это вовсе даже и не он, кого...

– Кого? Что – кого? – живо спросил нетерпеливый слушатель.

– Я все скажу вам, мастер Уэлфорд, только потерпите немножко. Где он остановился, этот Черный Всадник?

– Где остановился?

– Ну да, в какой гостинице?

– Чаще всего я видел его в «Голове сарацина», на постоялом дворе неподалеку от Эксбриджа.

– Эх, мой храбрый Робин! Это не то, о чем я спрашиваю. Где он живет?

– Где его дом?

– Ну да, где его дом?

– Да недалеко отсюда, по ту сторону Вепсейского леса, в долине между холмами. Это место называют Каменная Балка. Там стоит старый, заброшенный дом. Давно уж пора ему и стены и крышу починить – вот-вот развалится.

– А гости у него бывают?

– Ну, ежели вы называете гостями разных разряженных дам и кавалеров, таких у него, пожалуй, никогда не бывает. Да и так, если считать, засветло у него никого не бывает. А вот как стемнеет, ночью...

– Ага! Значит, его друзья собираются у него по ночам! – прервал Скэрти лесника с явно удовлетворенным видом. – Правильно я вас понимаю, мистер Уэлфорд?

– Да нет, не совсем так... я, видите ли, был в Каменной Балке раз двадцать с тех пор, как он поселился в старом доме, в самое разное время и никогда не видал там ни души, кроме меня самого да Дика Дэнси. Есть у него еще слуга, чудной такой, называется индеец. Он его с собой привез.

– Но вы думаете все-таки: к мистру Голтсперу приходит кто-то по ночам?

– Ну, это-то да! Много народу приходит.

– А что же это за люди?

– Да я никого из них не знаю. Не из наших они мест, видно. Приезжают все с ног до головы в пыли – видать, что издалека. Вот в воскресенье ночью много народу съедется, ежели судить по письмам, которые я в шесть домов разнес, да Дик Дэнси столько же. А еще целую пачку писем повез какой-то человек на запад, в ту сторону графства. Не знаю, кто он такой. Верно, какое-то собрание будет.

– В ночь на воскресенье? – живо спросил Скэрти, явно заинтересованный.

– В ночь на то воскресенье.

– А в какое время?

– Ровно в полночь.

– Вы твердо уверены в этом?

– Как же мне не быть уверенным, когда я сам должен быть там в это самое время с Диком Дэнси, чтобы присматривать за лошадьми! Много у нас будет хлопот – ведь столько

народу съедется, и все без слуг!.. Ну, что вы мне обещали сказать, мастер? – спохватился лесник, возвращаясь к тому, что не давало ему покоя и ни на минуту не выходило из головы. – Вы говорили, будто вам известно, что у Бет Дэнси что-то было с ним? Ну, если только это правда и он посмел, – несдобровать ему! Уж я свое слово сдержу, пусть меня потом хоть вздернут за это!

– А что посмел?

– Обмануть Бет. Вот что! Скажите мне все, что вы знаете, мастер! Прошу вас, скажите мне!

– Так вот, если сказать по правде, – отвечал вероломный доброжелатель, медленно подыскивая слова, стараясь выгадать время, чтобы, придумать что-то похожее на правду, – я сам ни за что не могу ручаться, потому что ведь только слышал, да и то случайно, что вашу девицу Марианну видели в лесу с кавалером в очень неурочное время – поздно ночью.

– В какую же это ночь?

– Дайте-ка припомнить!.. В ночь праздника? Нет, это было... да, теперь я хорошо вспомнил!.. это было на следующую ночь.

– Проклятая! В ту самую ночь, когда я ходил разносить письма! Ох!

– Я бы и не знал, что это Голтспер, потому что тот, кто мне рассказывал об этом, не назвал его. Он только сказал, что этот человек был в богатом бархатном камзоле, в шляпе с черными перьями. Но, судя по тому, что я сам видел, и по тому, что вы мне сейчас рассказали, мне кажется очень вероятным, что это был Черный Всадник. Видели их в лесу неподалеку от Каменной Балки. А вы говорите – он там живет. Ну, разве это не подозрительно?

– Это был он! Я знаю, я теперь уверен в этом! Я буду не я, если не отомщу ему, да и ей тоже! Подлая лгунья! Ну уж я с ними разделаюсь!

– Может быть, девушка и не так уж виновата. Он человек богатый, этот Голтспер, – он ведь мог соблазнить ее деньгами? Золото в таких случаях много значит.

– Ох, коли бы это только из-за денег, я бы еще кое-как стерпел! Да только нет, мастер, это совсем не то! Я знаю, что это не то! Она сама к нему льнула, проклятая!

– Но, возможно, мы и ошибаемся. Может быть, это не так далеко зашло, как вы думаете. Во всяком случае, я вам советую оставить девушку в покое, а обратить вашу месть на презренного негодяя, который ее соблазнил.

– С ним я разделаюсь с первым! А потом, коли узнаю, что она себя не сберегла...

– Ну, сберегла там себя она или нет, – он-то, во всяком случае, не заслуживает вашей благодарности за то, что пытался ее соблазнить.

– Уж я так его отблагодарю! При первом же случае, только бы возможность представилась!

– Если я не ошибаюсь, вам долго ждать не придется: такая возможность у вас уже есть.

Лесник понял эти слова по-своему и молча покосился на топор. Этот страшный, многозначительный взгляд не ускользнул от острого взора Скэрти.

– Что ж, – сказал он неодобрительным тоном, – эта возможность у вас всегда в руках. Но тут можно и промахнуться, не говоря уже о том, что вас самого могут проткнуть насквозь. Если все, что вы мне рассказали, окажется именно тем, что я подозреваю, вам вовсе нет надобности прибегать к таким крайним мерам. Я смогу указать вам более верный и безопасный способ отделаться от вашего соперника.

– Ах, господин капитан, если бы вы это сделали... только сказали бы мне, как... я бы уж вам... я...

– Терпение! Очень возможно, что я сумею вам помочь, – перебил его Скэрти. – У меня кое-что есть в виду, и, по-моему, это как раз то, что нужно. Но я должен это хорошенько обдумать, – продолжал он, поднимаясь, чтобы уйти. – Я вернусь сюда вечером, как стемнеет. Вы пока оставайтесь дома. А если пойдете куда-нибудь, держите язык за зубами. Никому ни слова о нашем разговоре! Ну, еще глоток из фляги! Не падайте духом, Уэлфорд, до скорого свиданья!

С этими словами капитан вышел из хижины и направился к тому месту, где он оставил своего коня. Через минуту он уже скакал по лесной чаще в сопровождении своего помощника Уайтерса.

Он ни словом не обмолвился Уайтерсу о своем разговоре с лесником, но все время, пока они ехали, этот разговор не выходил у него из головы.

«Можно не сомневаться, что это одно из тех собраний, о которых как раз и упоминает его величество. Ричард Скэрти, правда, не получил приглашения, но он непременно будет участником этого полуночного сборища. О, если мне только удастся подслушать, что там происходит, я предоставлю мастеру Голтсперу более прочное помещение, чем то, где он сейчас живет! Будь покоен, добрый король Каролус! На этот раз я с удовольствием возьму на себя роль шпиона! Ха-ха-ха!»

И, окрыленный надеждой, которую пробудил в нем рассказ лесника, Скэрти прищипорил своего серого коня, и по густой чаще Вепсейского леса далеко разнесся его злорадный хохот.

Глава 34

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ОТЪЕЗД

Окончился веселый праздник Михайлова дня, любимый праздник английского народа. Был уже тот поздний час, когда поселяне, утомленные гуляньем и пирушками, отошли ко сну, – близилась полночь.

Хотя в такое время года обычно стоят ясные ночи, в эту ночь все небо над Чилтернскими холмами было затянуто густыми, черными тучами. Не видно было ни луны, ни звезд, и путник, едущий верхом, лишь с трудом мог бы различить дорогу, по которой ступал его конь.

Время от времени этот густой мрак прорезала молния; яркая огненная борозда, вспыхивая то там, то здесь, вырывала из темноты кусок пашни, верхушки деревьев или склон холма, поросший громадными буками. И хотя все было неподвижно, не чувствовалось даже дыхания ветерка и ни одна капля дождя не упала на землю, все же тучи, молния и гром предвещали приближение бури. Это была одна из тех ночей, когда путник спешит укрыться в ближайшей гостинице и, если его не призывает особо важное дело, пережидает грозу под ее кровом. Несомненно, такое важное дело и было у двоих путников, которые в этот поздний час, несмотря на приближающуюся бурю и непроглядный мрак, обволакивающий все кругом, выехали из усадьбы.

Если бы Марион Уэд и Лора Лавлейс, которые, перед тем как лечь спать, сидели и разговаривали в спальне, выглянули в эту минуту из окна, они увидели бы двух закутанных в плащи всадников, ехавших по аллее, которая вела к проезжей дороге.

Кузины сидели в спальне Марион, так как они решили сегодня спать вместе.

Это не было в их привычках: ведь у каждой была своя комната. Но сегодня был исключительный день – произошло важное событие, – и Лоре хотелось поговорить об этом по секрету со своей кузиной.

Вернее было бы сказать, что с Лорой в этот день произошли два события, и оба настолько важные, что она чувствовала потребность поделиться ими со своей старшей подругой.

Оба события были одного и того же порядка: и то и другое было объяснением в любви с предложением руки и сердца.

Но претенденты были отнюдь не похожи друг на друга, между ними было огромное различие. Один был ее кузен – Уолтер Уэд, другой, как уже, наверное, догадывался читатель, – корнет Стаббс.

Лора ни минуты не колебалась в выборе; она, не задумываясь, ответила Уолтеру согласием, а Стаббсу – отказом, если не возмущенным, то, во всяком случае, твердым, и бесповоротным.

Все это произошло еще днем, и если малютке Лоре так хотелось поделиться этим с Марион, то лишь потому, что ей не терпелось попросить у нее совета по поводу приготовления к столь важному событию в жизни женщины – к свадьбе.

Но Марион оказалась плохим советчиком. Она, по-видимому, сама нуждалась в совете и, так как надеялась, что приветствие Лоры поможет ей отвлечься от тревожных мыслей, с радостью ухватилась за предложение провести вместе эту ночь.

Но что же посеяло такую тревогу в душе Марион?

Казалось бы, с тех пор как мы ее видели, не произошло ничего. Она виделась с человеком, которого любила, из его собственных уст слышала пламенные слова любви, клятвенные уверения, запечатленные жарким поцелуем и крепким сладостным объятием.

Чего же еще она могла желать, чтобы чувствовать себя счастливой, и разве счастье взаимной любви не есть высшее блаженство?

Однако Марион Уэд не чувствовала себя счастливой.

Что же было причиной ее огорчения?

Быть может, что-нибудь пробудило ее ревность? Или заставило усомниться в верности возлюбленного?

Нет, Марион Уэд не испытывала ни ревности, ни сомнения; Марион была чужда подозрительности, и если до свидания со своим возлюбленным она могла поддаться чувству ревности, то лишь потому, что тогда еще не была уверена в его любви, не слышала из его уст признания и не прочла в его глазах, что он принадлежит ей навеки.

С этой минуты сомневаться в нем Марион сочла бы преступным. Нет, ее огорчение происходило от другой причины.

Во-первых, ее мучили угрызения совести, оттого что она поступила дурно, нарушив свой дочерний долг; великодушие и снисходительность отца, предоставлявшего ей полную свободу, заставляли ее еще острее чувствовать свою вину.

Во-вторых, ей было тяжело сознавать, что она нарушила правила поведения, считавшиеся законом для того круга, к которому род Уэдов принадлежал со времени Вильгельма Завоевателя (Вильгельм I Завоеватель (1027 – 1087) герцог Нормандии с 1035 года, король Англии в 1066 – 1087 годах. В 1066 году вторгся в Англию и в битве при Гастингсе разбил войско английского короля Гарольда. Гарольд был убит в сражении, а Вильгельм вступил на английский престол.), а может быть, и задолго до этого.

Завязать знакомство с чужим человеком... быть может, авантюристом, каким-нибудь бродягой... нет, мало того: пробудить в нем безумную страсть, бросить ему перчатку – знак любви, столь же красноречивый, как вызов, разве когда-нибудь женщина, носящая имя Уэдов, могла позволить себе такой опрометчивый поступок?

Нет, это было чересчур смело даже для своевольной красавицы Марион, и, конечно, она не могла не смущаться, вспоминая об этом.

Это были две более или менее определенные причины ее беспокойства, но была еще и третья, далеко не столь отчетливая, и она-то и доставляла ей более всего огорчений. Это было смутное ощущение опасности, угрожающей ее возлюбленному.

Дочь сэра Мармадюка Уэда не могла относиться безразлично к событиям своего времени и не иметь своих убеждений. Хотя она, к счастью для себя, жила вдали от королевского двора, интриги и развращенность придворного круга не были для нее тайной, ибо это было предметом постоянных обсуждений в том избранном обществе, к которому принадлежала ее семья. Умеренно либеральные взгляды сэра Мармадюка Уэда нередко помогали Марион оценить то или иное событие с двух совершенно разных точек зрения и таким образом разобраться в нем по существу. Ее благородная и чистая душа безошибочно угадывала истину. Марион питала страстную любовь к свободе; пылкая сторонница республики, она всей душой презирала бесправный режим, насаждаемый королевской властью. В своих политических убеждениях она далеко опередила отца, и ему не раз случалось прибегать к ее поддержке, когда он колебался принять какое-нибудь решение. Может быть, и теперь, когда он наконец решился на этот важный шаг объявить себя

сторонником парламента и народа, – Марион сыграла не меньшую роль, чем то жестокое оскорбление, которому он подвергся со стороны короля.

Марион всей душой радовалась, что ее отец уступил наконец требованиям времени и присоединился к народной партии, которой она уже давно сочувствовала.

Таким образом, становится понятно, почему дочь сэра Мармадюка Уэда увлеклась Генри Голтспером: он представлялся ей героем. Он был так не похож на тех, кто ее окружал! В его внешности, в его поступках, в его отношениях с людьми – во всем, что он делал или говорил, не было ничего общего с этими разряженными кавалерами в париках с длинными локонами, с этими низкими льстецами, которые вечно болтали о придворной жизни и короле. Невольно сравнивая его с ними, Марион не могла не видеть в нем мужественного, благородного, самоотверженного человека, достойного восхищения и любви.

Генри Голтспер стал избранником ее сердца. И вот теперь сердце Марион сжималось мучительной тревогой: она опасалась за его жизнь. До нее уже давно доходили слухи об его открытых выступлениях против королевской власти. И разве она сама не слышала в тот день, на поединке, его победного возгласа, когда он, устремившись на Скэрти, воскликнул: «За народ!»

Какой гордостью и восторгом наполнилось ее сердце, когда она услышала этот возглас, и как она любила его за это! Но эта любовь и заставляла ее дрожать за его жизнь.

– Кузина Лора, – сказала она, когда они раздевались, чтобы лечь спать, ты должна быть очень счастлива! Ты маленькая счастливица!

– Почему, Марион?

– Потому что ты всем нравишься, а в особенности человеку, который и тебе нравится.

– Боже мой! Ну, если это счастье, то, конечно, я счастлива. Но и ты тоже должна чувствовать себя счастливой, Марион. Если я кому-то нравлюсь, то уж тобой-то все восхищаются. Но только мне вовсе и не нужно, чтобы мной восхищались все, а только один!

– И это, конечно, Уолтер. Ну, разумеется, ты права. Я тоже, как и ты, вовсе не стремлюсь пленять многих. Мне достаточно владеть одним сердцем и быть любимой одним...

– И это Генри Голтспер!

– Ты слишком много знаешь, поэтому не стану отрицать.

– Но чем же я счастливее тебя? У тебя есть человек, который, я не сомневаюсь, любит тебя так же, как Уолтер любит меня, и ты тоже любишь его, я думаю, не меньше, чем я люблю Уолтера. Не правда ли, Марион?

– Ах, Лора! Твой возлюбленный – твой наверняка, ты за него уверена, он в безопасности, и он будет твоим на всю жизнь. А в моем я не могу быть уверена, и, кроме того, ему грозит опасность.

– Как это ты не можешь быть уверена? Что ты хочешь сказать этим, Марион?

– Представь себе, что отец не согласится на наш брак, – что тогда?

– Тогда можно не сомневаться, как поступит его дочь!

– Как же она поступит?

– Убежит с ним. Не с отцом, конечно, а со своим возлюбленным, с Черным Всадником. Вот было бы замечательно, если бы он тебя похитил и умчал на своем великолепном коне! Ах, Марион, я готова позавидовать тебе!

– Стыдись, глупая девчонка! Не говори глупостей!

Марион чуть-чуть покраснела, говоря это. Мысль о том, что ей придется бежать, уже приходила ей в голову, и именно поэтому она не хотела, чтобы ее кузина говорила об этом даже в шутку. Для Марион это было слишком серьезным шагом, и она предпочитала не думать о нем, пока не получит отказа отца.

– Но ты говоришь, что ему грозит опасность? – сказала Лора. – Какая опасность?

– Шш! – остановила ее Марион, внезапно повернувшись спиной к зеркалу, перед которым она расчесывала свои длинные густые волосы, окутывавшие золотой мантией ее белоснежные плечи. – Ты слышала?

– Это, должно быть, ветер.

– Нет, это не ветер. Сейчас нет никакого ветра. Но небо черное – видно, собирается гроза. Мне показалось, что я слышу топот лошадей на аллее около дома. Погаси свет, Лора, чтобы можно было выглянуть в окно.

Лора вытянула свои хорошенькие губки и задула свечу.

Комната погрузилась в полную темноту.

Марион полураздетая подошла к окну и, осторожно раздвинув шторы, посмотрела вниз.

Она ничего не увидела – ночь была темна, хоть глаз выколи!

Она опять прислушалась, на этот раз еще внимательнее, и ее снова охватило предчувствие опасности, угрожающей ее возлюбленному, предчувствие, которое весь день не давало ей ни минуты покоя. Ее обострившийся слух уловил стук подков по усыпанной песком аллее... Да, вот опять! Она ясно слышит его, не так громко, как раньше, но его слышно... Правда, все слабей и слабей...

На этот раз его услышала и Лора.

Может быть, это лошадь с жеребенком убежала с пастбища и забрела в парк? Но звонкий стук подков ясно свидетельствовал, что эти лошади повинуются узде, что на них кто-то едет.

– Кто-то уезжает! Кто бы это мог быть в такой час? Ведь уже скоро полночь!

– Уж, наверно, пробило полночь, – возразила Лора. – Мы очень задержались за игрой в ландскнехт (Ландскнехт – карточная игра, получившая свое название от ландскнехтов – наемных немецких солдат XV – XVII веков, которые ввели ее в употребление.). Было уже половина двенадцатого, когда мы кончили. Но кто же это мог уехать так поздно, хотелось бы мне знать?

Обе девушки стояли в амбразуре окна, тщетно стараясь проникнуть взглядом в густой мрак.

Все их старания были безуспешны; но вдруг яркая борозда молнии прорезала небо и на секунду озарила парк до самой ограды.

Окна спальни Марион выходили на аллею, ведущую к западным воротам. То, что сейчас представилось их глазам, на том самом месте, которое будило в ней сладостные воспоминания, усилило в ее душе опасения и тревогу.

Два всадника, плотно закутанные в плащи, ехали по аллее, удаляясь от дома; по-видимому, они только что выехали. Они ехали не оглядываясь, а если бы они оглянулись, картина, которая предстала бы перед ними в свете вспыхнувшей молнии, быть может, заставила бы их повернуть обратно.

В широкой нише окна с низким подоконником стояли две прелестные полураздетые девушки; тесно сдвинув головки, они стояли обнявшись и положив друг другу на плечи обнаженные руки.

Это очаровательное видение возникло на один миг и тут же исчезло. Испугавшись, что они очутились на виду, хотя видеть их могло только небо, смущенные девушки мигом отпрянули от окна. Но как ни короток был этот миг, обе они успели узнать закутанных всадников, ехавших по аллее.

– Скэрти! – воскликнула Марион.

– Стаббс! – вскричала Лора.

Глава 35

ЗАГОВОР

Каково было бы удивление сестер, если бы они могли проникнуть взором за ограду парка и заглянуть на лесистые склоны мили за две к северо-западу от Бэлстрода!

По проселочным дорогам и тропинкам, соединяющим города Эксбридж и Биконсфилд с близлежащими селениями – Фулмир, Сток, Хеджерли и двумя Челфонтами, – они увидели

бы не двух путников, а по меньшей мере двадцать; они ехали верхом и большей частью поодиночке; лишь изредка можно было увидеть группы по два, по три человека.

Все эти путники ехали по разным дорогам и, казалось бы, в разные стороны; но все они, по-видимому, держали путь в одно место, и, по мере того как они приближались к цели своего путешествия, можно было безошибочно сказать, что это место – старый дом в Каменной Балке.

Один за другим путники въезжали в ворота и, приблизившись к дому, молча слезали с коней и отдавали поводья трем слугам, которым было поручено смотреть за лошадьми. Затем они проходили под аркой высокого портала, где их встречал юный темнокожий слуга и, не говоря ни слова, провожал по тускло освещенному коридору до дверей большого зала. Одежда и осанка этих молчаливых, угрюмых гостей выдавала людей знатного происхождения, а их запыленные плащи и ботфорты свидетельствовали о том, что им пришлось проделать немалый путь, чтобы попасть в Каменную Балку.

Станным казалось, что такие знатные кавалеры путешествуют без слуг, однако люди, исполнявшие обязанности конюхов, не выражали по этому поводу ни малейшего удивления и, молча приняв из их рук поводья, отводили лошадей в конюшню.

Ни один из людей, выполнявших обязанности конюхов, не был одет подобающим образом, и по всему было видно, что они непривычны к этому делу.

Двое были в обычной крестьянской одежде, и по некоторым признакам, если приглядеться повнимательнее, в них можно было узнать лесорубов. Это были наши знакомцы – Дик Дэнси и его помощник Уилл Уэлфорд.

По внешнему виду третьего трудно было определить род его занятий. Его одежда представляла собой какую-то странную смесь различных частей, которые отнюдь не подходили одна к другой и принадлежали, по-видимому, совсем разным людям. На нем были высокие ботфорты из прекрасной коричневой кожи, с красивыми белыми отворотами, вполне достойные красоваться на ногах какого-нибудь изящного кавалера; плисовые штаны, доходившие до колен, представляли странный контраст с этими великолепными ботфортами. Из-под пояса штанов вылезала сорочка тончайшего полотна, но далеко не безупречной чистоты; поверх был накинута камзол из грубой сермяги, с прорезями на рукавах, подбитый плисом. В довершение ко всему и в полном несоответствии со всей остальной экипировкой, поверх камзола красовался широкий кружевной воротник, а из рукавов торчали кружевные манжеты, причем и то и другое имело такой вид, как будто их вытащили из корзины с грязным бельем, не дождавшись стирки и глажения.

Прибавьте еще к этому наряду высокую фетровую шляпу, с обтрепанными полями и полинялой лентой, но без единого пера, – и вы получите полное представление о костюме третьего человека, исполнявшего обязанности конюха в доме на Каменной Балке.

Если бы подъезд был освещен и приезжие могли разглядеть черты этого столь необычно одетого конюха, возможно, многие из них задумались бы, прежде чем решиться отдать на его попечение своего коня, ибо в высокой, статной фигуре, которая различными частями своего одеяния походила то на мужика, то на дворянина, они не преминули бы узнать старого знакомого, отнюдь не внушающего доверия и пользующегося громкой славой грозного грабителя Грегори Гарта.

Но в темноте Грегори не грозила опасность быть узнаваемым, и он преспокойно выступал в почтенной роли конюха, нимало не думая о том, что его могут изобличить.

К тому времени, как большие часы на челфонтской церкви отзвонили двенадцать, в ворота старого дома на Каменной Балке уже въехало по меньшей мере два десятка всадников; но стук подков, доносившийся с дороги, свидетельствовал, что еще кто-то из запоздавших торопится и шпорит коня.

Примерно в это время два всадника, въехавшие вместе в ворота, подъехали к дому. Подобно всем остальным, они сошли с лошадей и отдали поводья двум людям, подошедшим, чтобы принять их.

Лошадей повели в конюшню, но всадники, вместо того, чтобы пройти под арку

портала, как это делали все, дождались, пока конюхи с их лошадьми исчезли из виду, после чего, переглянувшись с третьим конюхом, который сделал им знак следовать за ним, пошли сначала вдоль фасада, а затем, обогнув дом, подошли к нему с задней стороны.

Если бы даже светила луна, трудно было бы узнать, кто были эти приезжие, не пожелавшие войти в дом с парадного крыльца. Оба они с ног до головы были закутаны в широкие плащи, но, так как ночь была теплая, вряд ли можно было предположить, что они предусмотрительно укрылись от надвигающейся грозы.

Зайдя за дом, человек, шедший впереди, остановился и поглядел через плечо на своих спутников. Яркая вспышка молнии озарила его лицо: это был лесоруб Уилл Уэлфорд.

Он был бледен как полотно; эта мертвенная бледность изобличала нечистую совесть, а глубоко посаженные водянистые глаза, сверкавшие из-под белых бровей, придавали его безобразным чертам какое-то дьявольское выражение.

Молния осветила также лица обоих кавалеров. В одном из них можно было узнать красивое лицо капитана Скэрти, которое в этом ослепительном свете казалось таким же неестественно бледным, как и лицо их проводника. Другое, лицо туповатое и румяное, принадлежало корнету Стаббсу.

Уэлфорд сделал им знак поторопиться.

– Идите скорее, нельзя ни минуты мешкать! – тревожно и опасно прошептал он. – У этого индейского чучела глаза на затылке, и ежели он вас увидит, так сейчас же поведет к остальным, а ведь это вам вряд ли подойдет.

– Нет, это нам совсем не подходит, – пробормотал Скэрти, прибавляя шаг. – Наше присутствие там испортит все дело. Веди, не бойся, приятель, мы от тебя не отстанем!

И они молча зашагали вперед. Стаббс еле-еле поспевал сзади.

Так они обошли правое крыло дома – молча, бесшумно, словно шайка грабителей, собирающаяся произвести взлом.

Даже если бы кто-нибудь и попался им на пути, вряд ли их можно было заметить в этом предгрозовом мраке; но кругом не было ни души, и некому было увидеть, как они крадучись обогнули дом и проскользнули в маленькую боковую дверь, открывавшуюся в тесный проход, и очутились в нежилой части дома – в маленькой, темной комнатке с наглухо закрытой грязной стеклянной дверью, ведущей в большую залу, где собрались гости Генри Голтспера.

– Позиция – лучше не придумаешь! – прошептал Скэрти, когда, заглянув в стекло, он увидел фигуры людей, расхаживающих в ярко освещенной зале, и услышал неясный гул голосов. – Превосходный наблюдательный пост, как раз то, о чем я мечтал! Ну, теперь ступай, приятель, – шепнул он на ухо Уэлфорду. Минут через двадцать выведи осторожно наших лошадей из конюшни и держи их наготове. Мы вернемся к парадному крыльцу. Твои достойные братья ничего не узнают, они подумают, что мы из этой почтенной компании. А если они что-нибудь заподозрят, так у меня с собой две металлические штучки, и я при помощи той или другой сумею их успокоить.

Вытолкнув своего недавнего проводника в коридор, Скэрти тихонько затворил за ним дверь и подвел Стаббса к заросшему паутиной стеклу. Оба, согнувшись, усталились в залу, притаившись, словно два гигантских паука в ожидании добычи.

Они стояли не двигаясь, не решаясь говорить даже шепотом. Они прекрасно понимали, какой опасности подвергаются, если их застанут здесь за подслушиванием, сознавали, что они могут поплатиться за это жизнью или по меньшей мере подвергнуться жестокому наказанию на месте, а потом попадут в опалу, ибо будут опозорены. То, на что они решились, – не шуточное дело, не детская игра в прятки, но дерзкая и опасная затея: шпионаж, который угрожал не только личной свободе, но и жизни многих людей из самых знатных семей графства.

Скэрти отлично понимал все это, и, если бы его не толкала бешеная ревность – самая жестокая из страстей, с которой не всегда может совладать человек, – он, может быть, и не решился бы поставить себя в такое положение. Его политические убеждения никогда не

склонили бы его к такому неосторожному поступку. Как ни был он привержен королю, он не способен был из преданности к нему шпионить за собранием заговорщиков, – его толкнуло на это гораздо более сильное чувство; а в том, что эти люди замышляют заговор, Скэрти нисколько не сомневался.

Решившись на такое опасное дело, он не просто положился на случай. Искусный стратег, каким он и был в самом деле, он произвел тщательную рекогносцировку, прежде чем начать действовать. Его помощник, Уэлфорд, побуждаемый таким же чувством, снабдил его всеми сведениями, которые ему были нужны. Благодаря знакомству со стариком сторожем, который присматривал за домом до того времени, как его занял Голтспер, Уэлфорд хорошо знал дом на Каменной Балке; ему были известны все входы и выходы, люки и потайные двери, каждый уголок и лесенка от подвала до чердака. Уэлфорд уверил шпионов, что в комнату, куда он тайно провел их, никогда никто не заглядывает, что стеклянную дверь, соединяющую ее с большим залом, нельзя открыть не взломав. Замок ее давно заржавел, и вся она приколочена гвоздями к стоякам и притолокам.

Можно было не опасаться, что их увидят, так как все стекла заросли паутиной. А уж что до того, чтобы их не услышали, так это зависело только от них самих.

Все остальное было нетрудно устроить. В толпе незнакомых гостей, приехавших ночью, даже если бы в доме был постоянный штат слуг, вряд ли можно было отличить приглашенных от непрошенных; тем более этого можно было не бояться в тех исключительных обстоятельствах, которые хорошо оценили Скэрти и его товарищ.

Ни Дэнси, ни Гарт, по-видимому, не знали в лицо никого из них. И хотя Ориоли также никогда не видел их, Уэлфорд больше опасался чутья индейца, чем наблюдательности своих товарищей.

До сих пор, однако, ему удалось их обойти. Скэрти начал с того, что осторожно удалил паутину и протер небольшой кусочек стекла, величиной примерно с монету, через который можно было ясно видеть.

Приложив глаз к стеклу, капитан увидел обширное помещение и людей, которые там находились.

А слушать ему ничто не мешало. Даже обыкновенный разговор был хорошо слышен через стекло; если же кто-нибудь говорил громче, чем остальные, то можно было разобрать каждое слово.

С первого же момента своих наблюдений Скэрти обнаружил, что ему приходится шпионить за весьма изысканным обществом. Среди собравшихся не было ни одного, кто хоть сколько-нибудь походил бы на простого поселянина.

Он скоро уловил общий тон разговоров и убедился в правильности своих предположений: это было совещание заговорщиков. Так про себя назвал его капитан-роялист, хотя справедливее было бы назвать его совещанием патриотов и, быть может, самых благородных, когда-либо собиравшихся на земле.

Трое или четверо из выступавших пользовались, очевидно, большим авторитетом у собравшихся, и, когда тот или другой из них брал слово, в зале воцарялось почтительное молчание.

Скэрти не знал лично ни одного из этих выдающихся людей. Но когда с места поднялся высокий человек с благородным лицом и все сразу умолкли, устремив на него восхищенные взоры, полные беспредельной преданности, вряд ли презренному королевскому шпиону могло прийти в голову, что он слушает самого бескорыстного патриота, когда-либо жившего в Англии, славного чилтернского героя – Джона Гемпдена.

Для него также осталось неизвестным, что следующий оратор, человек в зрелых летах, выступавший с большим красноречием, был будущий обвинитель Страффорда, мужественный патриот, который отправил на плаху этого подлого ренегата.

Не узнал Скэрти и в юном, но серьезном ораторе, горячо защищавшем религию диссидентов (Диссиденты (от латинского *dissideo* – не соглашаюсь, расхожусь) – в данном случае: противники господствовавшей в Англии епископальной англиканской церкви.),

самоотверженного дворянина, сэра Генри Вена; ни того, кто мгновенно находил ответ каждому оппоненту и весело острил по всякому поводу и у кого под его напускным дендизмом билось сердце, преданное свободе Англии, – сердце Гарри Мартена из Беркса.

Скэрти из своего укрытия видел всех этих благородных, героических людей, но не узнавал их. Они не интересовали его, и он не обращал внимания на то, что они делали или говорили. Его глаза и уши жаждали увидеть и услышать лишь одного человека, который еще не показывался, – хозяина дома, того, кто созвал этих гостей; его одного хотел видеть и слышать Скэрти.

Хотя королевский шпион уже вполне убедился, что все происходящее может служить достаточным доказательством вины Голтспера, он все же хотел услышать хотя бы одно слово, которое могло бы наверняка привести его к осуждению.

Он не отчаивался. Можно ли было ожидать, что Генри Голтспер не выступит на таком собрании! Хотя все считали его человеком дела, а отнюдь не оратором, многие ждали его выступления и с таким жадным интересом, который больше свидетельствует об истинном одобрении, чем самые бурные рукоплескания. Будучи хозяином дома, он до сих пор скромно предоставлял слово другим, пока не почувствовал, что пришла и его очередь выступить.

Пим в своем выступлении, длившемся более часа, привел собранию целый список обид, от которых стонал народ, – оно послужило своего рода конспектом для той знаменитой речи, которая впоследствии вошла в обвинительный акт Страффорда. Это выступление усилило решимость собравшихся бороться всеми силами против притеснений тирании, и многие из присутствующих дворян заявили о своей готовности пойти на какой угодно риск, пожертвовать всем состоянием или даже своей жизнью, но не подчиняться более незаконным требованиям короля.

Тут встал Голтспер и, выступив вперед, сказал:

– Долго ли мы будем говорить загадками? Я скажу прямо: мне надоело выступать с претензиями и делать вид, будто мы недовольны слугами короля, тогда как нашему настоящему врагу не предъявляется никаких обвинений. Не Страффорд, не Лод, не Финч (Финч Джон (1584 – 1660) – судья, лорд хранитель печати, спикер палаты общин при Карле I, ревностный защитник абсолютизма.), не Мэйнуэринг (Мэйнуэринг Роджер (1590 – 1653) – епископ собора Святого Давида, капеллан Карла I; провозглашал, что те, кто отказывается платить введенный королем налог, будут осуждены на Страшном суде.), не Уиндбэнк (Уиндбэнк Фрэнсис (1582 – 1646) – государственный секретарь при Карле I. После победы революции бежал во Францию.) угнетатели народа. Они лишь орудие в руках тирана. Уничтожьте их – и завтра же на их место найдутся другие, такие же угодливые и бездушные! К чему же тогда все наши протесты и обвинения? Гидру деспотизма можно сокрушить, только отрубив ей голову. Ядовитое дерево зла нельзя уничтожить, обрубая то там, то здесь одну ветку. Его можно обезвредить, только вырвав с корнем! Некоторые из присутствующих здесь джентльменов думают, по-видимому, что если мы окружим короля добрыми советниками, то сможем заставить его править справедливо. Но добрые советники под влиянием развращенного монарха могут очень скоро измениться, и тогда все придется начинать сначала. Посмотрите на Страффорда! Если бы десять лет назад мы собрались так, как сегодня, Томас Уэнтворт был бы с нами, первым нашим советчиком. Видите губительное действие королевской милости! И так будет всегда, пока люди, сотворив себе кумира, называют его королем и, падая перед ним ниц, поклоняются ему! Что касается меня, я не люблю говорить обиняками. Я знаю только одного преступника, заслуживающего наших обвинений, и это не советник, не секретарь, не епископ, но господин всех троих. И я думаю, джентльмены, сейчас вопрос не в том, хороший или плохой король будет править нами, а в том, допустим ли мы, чтобы нами правил король.

– Правильно! – воскликнул Генри Мартен, и его возглас был подхвачен другими молодыми дворянами; по всему залу пронесся одобрительный гул.

Это была неслыханно дерзкая речь, даже на таком тайном собрании. Вопрос «с королем или без короля», быть может, и возникал уже в некоторых смелых умах, но сейчас он

впервые был так откровенно поставлен одним из них. Это был впервые провозглашенный призыв, вызвавший черную тень, которая постепенно сгушалась над головой Карла Стюарта до тех пор, пока она не легла на плаху.

– Довольно! – едва переводя дух, сдавленным голосом прошептал Скэрти. Для того, что мне нужно, – довольно! Вы слышали, Стаббс?

– Да, клянусь честью! – отозвался Стаббс, стараясь говорить так же тихо, как его начальник.

– Теперь мы можем идти, – сказал Скэрти. – Нам здесь больше нечего делать и нечего видеть. Мне достаточно того, что я видел. Ба! Стойте! Кто это говорит? Чей это голос? Я уверен, что слышал его раньше.

И он снова поспешно приложил глаз к стеклу, но тут же, отпрянув, схватил за руку своего подручного и прошептал:

– Как вы думаете, кто это?

– Понятия не имею, капитан.

– Так слушайте! – И, приложив губы к уху корнета, он прошептал отдельно по слогам: – Сэр Мар-ма-дьюк Уэд.

– Что вы говорите!

– Посмотрите сами. Смотрите и слушайте! Да хорошенько, потому что то, что вы услышите, может помочь вам завоевать вашу красотку.

– Как же это так, капитан?

– Не спрашивайте сейчас, – коротко ответил Скэрти и снова, согнувшись, приник к стеклу.

Да, в самом деле, это был сэр Мармадьюк Уэд, выступавший перед собранием. Но так как сей достойный дворянин не был оратором, он изложил свою мысль очень коротко и к тому времени, когда Скэрти и корнет вернулись к наблюдательному пункту, уже кончил говорить.

Но и то небольшое, что успел услышать шпион, показалось ему достаточным для того гнусного замысла, который уже начал более или менее определенно складываться в его дьявольском мозгу.

Несколько слов сэра Мармадьюка Уэда, которые достигли слуха Скэрти, были явным доказательством его измены королю. Да разве самое его присутствие здесь, подтверждающее те подозрения, которые питал относительно него король, не было достаточной уликой для «Звездной палаты»?

– Ну, теперь пора уходить, – прошептал Скэрти и бесшумно скользнул к двери, увлекая за собой своего подручного. – Потихе, корнет! – наставлял он шепотом Стаббса, когда они шли по темному проходу, держась за руки. – Ваши сапоги скрипят, как судно в качку! Ступайте осторожно! Представьте себе, что у вас под ногами яйца...

Но тут они вышли на воздух и, шепотом поздравляя друг друга, стали осторожно пробираться вдоль стены, озираясь по сторонам, словно два мошенника, удиравшие из тюрьмы.

– Если только этот малый сумеет вывести наших лошадей, – сказал Скэрти, мы можем поздравить себя с успешным исходом дела. Скорей!

И, обогнув угол дома, они, все так же крадучись, направились к парадному крыльцу.

Хотя они уже выбрались из дома, опасность, что их могут обнаружить, еще не совсем миновала. Небо было сейчас светлее, чем прежде, потому что прошла гроза и тучи рассеялись.

Вскоре они различили фигуру человека, стоявшего в тени под деревом. Это был Уэлфорд. Увидя их, он тотчас же двинулся им навстречу.

– У парадного входа сейчас никого нет, – прошептал он, подойдя поближе. Станьте у крыльца, только чтобы не видно было ваших лиц. Я мигом приведу лошадей!

И с этими словами он ринулся к конюшне и исчез за деревьями.

Они подошли к крыльцу и, шепотом продолжая разговор, стали дожидаться его

возвращения.

Не прошло и минуты, как им уже подвели лошадей: одну вел Уэлфорд, другую – Дэнси.

Дэнси так был поглощен золотой монетой, блестевшей на его ладони, что и не подумал взглянуть в лицо того, кто ее дал.

– Вот это удача, Уилл! – сказал он, обернувшись к товарищу, когда оба всадника отъехали. – Выходит, служить на конюшне выгоднее, чем махать топором. Коли все будут такие щедрые, как эти, мы с тобой неплохо заработаем за нынешнюю ночь!

Уэлфорд молча кивнул и, пожав плечами, злорадно ухмыльнулся, но, так как было темно, ничего не подозревающий лесник не заметил этой ухмылки.

Тут к ним подошел Грегори Гарт с большой кружкой эля, которую он, надо полагать, тайком нацедил в подвале, и разговор прервался или, вернее, зашел о чем-то другом под звучный аккомпанемент громко булькающего эля, которым они тут же стали угощаться.

Глава 36

АРЕСТ РЕШЕН

Оба шпиона, продолжая разговаривать шепотом, ехали по аллее, и, только когда наконец выехали из ворот Каменной Балки на проезжую дорогу, они перестали опасаться, что их услышат, и заговорили громко.

– Вот это так будет фурор! – промолвил Скэрти, обращаясь, по-видимому, не столько к своему спутнику, сколько к самому себе.

– Какой фурор, капитан? – спросил Стаббс.

– Если захватить это гнездо заговорщиков.

– Да, черт возьми!

– Меня за это произведут в полковники, это уж как пить дать, а вы, мой достойный корнет, станете капитаном Стаббсом!

– Здорово! А почему бы нам не попытаться захватить их?

– Да просто потому, что мы не можем этого сделать. К тому времени, как мы разбудим наших бездельников и вернемся с ними туда, все разъедутся. Я видел, что заговорщики уже собирались расходиться, поэтому я так и торопился уйти. Да, – продолжал он задумчиво, – мы не успели бы их захватить, они, конечно, уже рассыпались бы на все четыре стороны. А кроме того, ведь и он мог бы скрыться, воспользовавшись темнотой. Ищи его потом! До остальных мне нет дела! Мне надо захватить его, а это лучше сделать при дневном свете. Завтра он будет в моих руках, а послезавтра мы его препроводим коменданту Тауэра, затем – в «Звездную палату» и, наконец, – на эшафот!

– Ну да, это все так, капитан, – сказал Стаббс, до ушей которого дошла только часть этого монолога. – А вот насчет нашего почтенного хозяина, сэра Мармадьюка – его вы не могли бы захватить?

– В любое время, ха-ха-ха! И послушайте, Стаббс! Я должен вам сказать словечко по этому деликатному вопросу. Ведь я обещал вам повышение в чине. Королева по моей просьбе позаботится о том, чтобы вы его получили. Но вы можете рассчитывать на мою поддержку только при одном условии – при одном условии, слышите?

– Слышу. Но какое же это условие, капитан?

– Чтобы вы ничего не рассказывали о том, где вы были, что вы слышали и видели нынче ночью, до тех пор, пока я сам не позволю вам говорить.

– Ни словечка, клянусь честью! Обещаю вам!

– Прекрасно. Держите ваше обещание, мой достойный корнет, это в ваших же собственных интересах, если вы хотите, чтобы вас называли капитаном. Со временем вы, может быть, узнаете, почему я требую, чтобы вы молчали, и тогда вы все поймете. А пока – ни слова о том, где мы были ночью, никому, а главное – сэру Мармадьюку Уэду. Так-то, мой благородный сэр! – продолжал он, разговаривая сам с собой. – Теперь я нашел средство,

которое растопит лед вашего аристократического высокомерия! И ты, равнодушная красавица! Если я хоть что-нибудь понимаю в женщинах и не ошибся в тебе, то, прежде чем взойдет новый месяц, который оказывает на женскую природу такое загадочное влияние, я обращаю в прах твою равнодушие и заставлю тебя открыть пылкие объятия и, прижав к сердцу Ричарда Скэрти, воскликнуть: «Будь моим, дорогой! Моим навсегда».

И, словно не в силах сидеть в седле, Скэрти возбужденно приподнялся на стременах, как если бы он уже чувствовал эти трепещущие объятия. Но через минуту он уже сидел опустив голову, полный неуверенности и сомнений.

Неосторожное движение снова вызвало у него боль в раненой руке, и это напомнило ему целый ряд унижительных обстоятельств – поражение на поединке, найденную перчатку, подозрения насчет соперника и свидание, почти подтвердившее его подозрения.

Все эти воспоминания, вызванные болью в еще не зажившей ране, нахлынули на него сразу и мгновенно разрушили его мечты о победе; как ни успешна оказалась его шпионская вылазка, он вернулся в усадьбу сэра Мармадюка мрачный и в угрюмом молчании ехал по тенистому парку.

Он знал, где находится спальня Марион. Выехав на аллею, которая вела к дому, он устремил взгляд на ее окно; ему показалось, что он увидел женскую фигуру, мелькнувшую за занавеской подобно белой нимфе, исчезающей в тумане.

Он остановил коня и долго не отрывал глаз от ее окна, но не увидел ничего, что могло бы хоть сколько-нибудь его утешить. В комнате было темно, и холодный блеск оконного стекла вызывал в его душе безнадежное уныние; убедившись, что его воображение сыграло с ним шутку, он мрачно поехал дальше.

Однако это было не так: тень, мелькнувшая за окном, которую он принял за игру воображения, была Марион Уэд; уже не первый раз она подходила к окну, с тех пор как сестры увидели удаляющихся всадников.

Они не стали после того зажигать лампу и в темноте улеглись в постель.

Что им еще оставалось делать? Если даже то, что они видели, грозило кому-то бедой, разве они могли предотвратить ее?

Конечно, если бы Марион была уверена, что беда грозит ее возлюбленному, она не легла бы спать.

Но она все равно не уснула, потому что, хотя этот ночной отъезд капитана кирасиров и корнета мог и не иметь серьезного значения, тяжелое предчувствие, которое сегодня с утра не давало ей покоя, невольно вызывало у нее тревожные опасения.

Слишком позднее было время для каких-нибудь эскапад или развлечений в этой сельской местности, где все, даже и записные гуляки, давно уже завалились спать.

Более часа кузины лежали рядом, обсуждая этот загадочный отъезд. Обе они были в полном недоумении и терялись в догадках, тщетно пытаясь объяснить себе таинственное поведение Скэрти и его корнета.

Наконец Лора, которую, в конце концов, вовсе уж не так интересовало это происшествие, что бы оно ни означало, мирно уснула, предвкушая удовольствие увидеть во сне Уолтера.

Но бедняжке Марион было не до сна. Образ Генри Голтспера стоял перед ее глазами, и сердце ее сжималось от страха за его жизнь.

Она даже не пыталась заснуть. Осторожно выскользнув из постели, так, чтобы не разбудить Лору, она подошла к окну, вглядываясь в даль, потом несколько раз прошлась по комнате взад и вперед и снова остановилась у окна; постояв так несколько минут, она села на подоконник, укрывшись за шелковой занавеской, и так просидела несколько часов, жадно прислушиваясь к каждому звуку, к шуму дождя, барабанившего по крыше, террасе и деревьям, напряженно вглядываясь в темноту, прорезаемую вспышками молнии, и стараясь разглядеть, пока длился этот ослепительный свет, каштановую аллею, по которой уже столько времени назад уехали и, может быть, вот-вот вернуться ночные путешественники.

Ее бодрствование не осталось без награды: они действительно вернулись по той же

самой аллее, вдвоем, – Скэрти и Стаббс.

– Слава Богу! – прошептала Марион, увидев приближающиеся две фигуры. – Их поездка, какова бы ни была ее цель, теперь окончена. Надеюсь, что это не касалось его!

Придерживая штору и укрываясь за ней, Марион оставалась у окна, пока всадники подъехали к дому. Но густой мрак за окном не позволял ничего разглядеть, и она только по стуку подков поняла, что они проехали под ее окнами и, обогнув дом, въехали во двор, а спустя несколько секунд она услышала, как за ними с шумом захлопнулись тяжелые ворота.

И вот только тогда она решила отдать себя во власть благодатного бога сна, всемогущего, как сама любовь. Она тихонько легла рядом с Лорой и скоро уснула.

Скэрти не подозревал, что белоснежное видение, мелькнувшее на миг перед его взором, была действительно Марион Уэд, эта волшебница, околдовавшая его сердце. Он вернулся к себе раздраженный и, не раздеваясь, повалился на кровать, повторяя про себя все ту же клятву, которую он дал себе чуть не с первого дня: завоевать Марион Уэд, завоевать ее любыми средствами и сделать своей женой. Он лег не за тем, чтобы спать.

В том лихорадочном возбуждении, в котором он сейчас находился, он не надеялся заснуть, да и не желал этого.

Он растянулся на постели, чтобы чувствовать себя удобно и на досуге обдумать свой злодейский замысел.

По дороге из Каменной Балки он уже набросал мысленно план немедленных действий: все сводилось к тому, чтобы арестовать Генри Голтспера и отправить его под стражей в лондонскую тюрьму, в Тауэр. Теперь он разрабатывал подробности этого первоначального плана.

Прежде чем расстаться с корнетом, он отдал приказ, чтобы тридцать солдат из отряда были готовы к выступлению незадолго до рассвета; он сопровождал свой приказ строгим предупреждением поднять солдат без шума, чтобы не разбудить никого в усадьбе, команды «вставать» и «седлать» давать без сигнала рожком – короче говоря, приготовиться к походу в полной тишине, так, чтобы это для всех осталось секретом.

У корнета только и оставалось время, чтобы выполнить этот приказ, и Стаббс немедленно отправился отдать нужные распоряжения.

Солдат подняли, растолкав одного за другим, соблюдая предписанную приказом секретность; молча оседлали лошадей; отряд из тридцати вооруженных до зубов кирасиров, готовых вскочить на лошадей, уже выстроился во дворе, когда первая полоска жемчужного света, предвещающая рассвет, появилась на востоке.

Пока шли все эти приготовления, Скэрти, лежа на постели, тщательно обдумывал свой план. Он не сомневался в его успехе. Как может случиться, чтобы враг ускользнул из его рук? Он так ловко провел свою шпионскую вылазку, что у Генри Голтспера не могло возникнуть никаких подозрений.

Скэрти уже успел достаточно изучить Уэлфорда и знал, что тот его не выдаст. Он одержим ревностью и жаждой мести; ясно, он не пойдет предупреждать Голтспера. А кто же еще может предупредить его? Никто.

Арестовать Голтспера не составит никакого труда. Надо только окружить дом, уничтожить всякую возможную лазейку и захватить заговорщика – по всей вероятности, прямо в постели. Вслед за этим – Тауэр, а там – «Звездная палата». Скэрти был достаточно осведомлен об этом пристрастном судилище и не сомневался, что приговор, вынесенный им, избавит от соперника не только Уэлфорда, но и его самого. Он также избавит и короля от опасного врага; но это был отнюдь не главный стимул, руководящий в данном случае капитаном Скэрти.

Его вражда к Голтсперу, возникшая недавно и внезапно, так глубоко укоренилась в его душе, как если бы она длилась годы. Потерпеть поражение на глазах у целой толпы, быть сброшенным с коня, вынужденным просить пощады ему, Ричарду Скэрти, капитану королевских кирасиров, доблестному кавалеру, победителю на всех поединках, – этого уже было достаточно, чтобы внушить ему лютую ненависть к посрамившему его сопернику. Но

подвергнуться такому унижению перед высокородными дамами, на глазах у той, которая зажгла в нем такую бешеную, неукротимую страсть, а сама питала нежную склонность к его противнику, – это уже было совсем невыносимо! Ненависть Скэрти теперь не знала пределов, он был готов на все, чтобы отомстить Голтсперу. И вот сейчас, лежа, на кровати, он с наслаждением обдумывал план мести.

– Клянусь Небом, это будет сладкая месть! – воскликнул он и, вскочив на ноги, взволнованно заходил по комнате взад и вперед. – Она увидит его унижение! Я проведу его перед ее окном, и он предстанет перед ее гордым взором жалким, беспомощным, загнанным пленником! Ха-ха-ха! Оставить ему эту белую перчатку на шляпе? – продолжал он, с наслаждением представляя себе это зрелище. – Что ж, это будет недурно выглядеть, ха-ха-ха! Нет... пожалуй, лучше будет провезти его с обнаженной головой, связанного, как пойманного вора, ха-ха-ха!

«Ну, а что, если она улыбнется ему? – подумал он, и тень сомнения скользнула по его лицу. – Что, если она одарит его улыбкой? Тогда все пропало для меня! Какое же это будет торжество! Ее улыбка сделает его счастливее меня!»

– Ага! Придумал! – воскликнул он просияв. – Я знаю, как поступить, чтобы отбить у нее охоту улыбаться ему. Клянусь Небом, великолепная мысль! Он проедет перед ней не с обнаженной головой, нет! На шляпе его будет красоваться букет цветов! Какие цветы поднесла ему тогда эта девушка? Если я не ошибаюсь, красные – мак, мальвы... что-то в этом роде. Ну, да неважно, лишь бы цвет был подходящий. Марион не разглядит на расстоянии, что это за цветы. Они должны быть немного увядшие, как будто он хранит их с того самого дня. Она никогда не догадается, что это хитрость. Если она улыбнется, увидев эти цветы, я буду знать, что между ними ничего нет. О, какое счастье увидеть ее улыбку! А ведь только сейчас я боялся, как бы она не улыбнулась ему!.. А вот еще блестящая мысль! – злорадно воскликнул он. – Всю ночь я был в каком-то оцепении – сейчас у меня словно прояснилось в голове. *Une ictee magnifique* (*Line idee magnifique* (франц.) – Блестящая мысль.), как говорит наша француженка-королева. Какой это будет приятный сюрприз для Голтспера! Если он ее любит – а можно в этом не сомневаться! – это заставит его хорошенько помучиться, как мучился я. Ха-ха! Перчатка с правой руки одержит победу над левой!

И, вытащив из кармана камзола найденную им перчатку Марион, Скэрти подошел к столу, где лежал его шлем, и прикрепил к нему перчатку, привязав ее лентой под султаном из перьев.

– Будет ему над чем подумать в тюрьме! Это даст ему пищу для размышлений, которые будут терзать его день и ночь. Да, это поистине сладкая месть, достойная самого инквизитора!

Шаги, слышавшиеся в коридоре, прервали его ликование. В комнату заглянул Стаббс.

– Тридцать человек в полном вооружении, капитан, и готовы выступить! объявил младший офицер.

– Ну, и я готов вести их, – ответил капитан, надевая шлем и направляясь к двери. – Тридцать – это, пожалуй, больше, чем нужно. Но, в конце концов, чем больше, тем вернее. Ведь нельзя же допустить, чтобы лиса ускользнула из норы! А она может это сделать, если мы ее не обложим как следует. Я не сомневаюсь, что мы его захватим еще в постельке! Ха-ха-ха! Хорош будет наш изящный кавалер в ночном колпаке! А, Стаббс?

– Хорош, черт возьми!

С радостным предвкушением счастливой охоты Скэрти, сопровождаемый своим подчиненным, весело вышел во двор, где тридцать солдат, вооруженных до зубов, стояли возле своих лошадей, ожидая команды «На коней!»

Через две секунды Скэрти тихо отдал команду, и без обычного трубного сигнала отряд, возглавляемый капитаном и корнетом, вытянувшись колонной, двинулся к воротам, выходящим на Оксфордскую дорогу.

Это были те самые ворота, через которые совсем недавно вернулись оба офицера. Они

увидели следы своих лошадей на влажной земле, а рядом – еще один такой же след, ведущий к дому.

– Наш хозяин благополучно вернулся домой, – шепнул Скэрти своему подчиненному. – Тем лучше, – прибавил он с многозначительной улыбкой. – Я не собираюсь делать его своим пленником – по крайней мере, сейчас; а если мне удастся пленить его дочь, я оставлю его на свободе. Ну, а если это не удастся, тогда, я боюсь, сэру Мармадьоку придется воспользоваться гостеприимством его величества и приютиться под кровлей того королевского владения, которое находится к востоку от Чипа и которое с некоторых пор удостоено присутствия столь многих высокородных господ! Ха-ха!

Отпустив эту злорадную шутку насчет Тауэра, Скэрти прищпорил коня и помчался во главе своего отряда по королевской большой дороге.

Извивающаяся по склонам холма сверкающая колонна закованных в латы всадников напоминала гигантскую змею, стремительно догоняющую свою добычу.

Глава 37

ПОДОЗРЕНИЯ ОРИОЛИ

Вскоре после того, как шпионы покинули Каменную Балку, участники ночного собрания стали разъезжаться. Молча, поодиночке, а иногда по двое или по трое они выходили из дома, садились на коней и, выехав за ворота усадьбы, разъезжались в разные стороны. Несколько человек задержались дольше, чем остальные, но и они тоже покинули Каменную Балку задолго до рассвета.

После отъезда последнего гостя два новоиспеченных конюха Голтспера, которым уже нечего было делать, тоже покинули усадьбу. В старом доме остались три человека: хозяин, слуга-индеец и Грегори Гарт, который недолго думая завалился спать на той самой буковой скамье возле очага, где он облюбовал себе местечко с самого начала.

Голтспер все еще сидел в той зале, где происходило собрание; это была его библиотека. Он сидел у письменного стола с пером в руке и, по-видимому, был занят составлением весьма важного документа.

Из всех обитателей дома один Ориоли ничем не был занят, но, хотя у него не было никакого дела, он не спал.

Он стоял в дверях под аркой в своей обычной позе, неподвижный и молчаливый, как статуя. Проводив взглядом двух лесорубов, Уэлфорда и Дэнси, которые последними вышли из ворот Каменной Балки, он продолжал стоять неподвижно, и трудно было сказать, какие мысли проносились в голове юного индейца. Быть может, он вспоминал прошлое – родные леса, где он вырос, детские годы и своих темнокожих товарищей, с которыми он когда-то играл. А может быть, он вспоминал своих близких – мать или сестру... Но каковы бы ни были его воспоминания, он сохранял все то же невозмутимое спокойствие и, стоя неподвижно в дверях, молча глядел в темноту.

Только когда над лесистыми вершинами холмов забрезжило нежное сияние рассвета, он вдруг словно проснулся, и глаза его засветились живой мыслью.

Он устремил внимательный взор на утоптанную площадку перед парадным крыльцом, на которой отпечатались следы подков.

Некоторое время он изучал эти следы, словно повинувшись старой привычке, усвоенной им с раннего детства. Не обнаружив в них, по-видимому, ничего замечательного, он окинул взглядом участок подалее от крыльца, и тут что-то явно поразило его. Он бесшумно сбежал с крыльца и быстро пошел по усыпанной песком дорожке к левому крылу дома.

Дойдя до угла, он нагнулся, словно рассматривая что-то под ногами.

Постояв так несколько секунд, он, все так же нагнувшись, медленно двинулся дальше и, обогнув дом, подошел к нему с задней стороны. Поравнявшись с небольшой дверью, ведущей в восточное крыло дома, он остановился.

На лице его было написано явное изумление – дверь была распахнута настежь.

С тех пор как Ориоли поселился с Голтспером в Каменной Балке, – он хорошо помнит! – эта дверь всегда была заперта. А так как, кроме него и его хозяина, никто не имел права отпирать ее, он не мог не удивиться, увидев ее открытой.

Быть может, он не обратил бы на это внимания, если бы не другое весьма подозрительное обстоятельство, которое, как ему показалось, было связано с этой открытой дверью: он обнаружил следы двух людей, ясно отпечатавшиеся на сырой земле. Они шли вдоль стены дома, а на углу к ним присоединился третий след, потом эти три следа шли вместе, пока не затерялись меж лошадиных следов на площадке перед домом.

Это были те самые следы, которые привлекли внимание индейца, когда он стоял на крыльце; он решил пойти по этим следам, и они привели его к этой двери.

Распутывать следы человека или зверя – это почти инстинкт у индейцев, и, повинаясь этому глубоко заложенному в нем инстинкту, Ориоли поспешил тщательно изучить эти следы.

При этом у него были свои соображения. Как ни чужды были его пониманию высокие политические замыслы, коим посвящал себя его хозяин, верный слуга знал, что тут надо соблюдать тайну и не слишком доверять людям, с которыми приходится сталкиваться. Эти смутные опасения и заставили его обратить внимание на следы.

Он помнил, что встречал всех приезжающих в дверях и провожал их в комнату, а когда они уезжали, он провожал их до крыльца. Он помнил, что все они направлялись к воротам. Кто же из них мог обойти весь дом так, что он не заметил этого?

Три пары совершенно явственных следов вели от задней стены дома к парадному крыльцу. Один след от подбитых большими гвоздями крестьянских башмаков; это могли быть следы одного из конюхов, но два других следа принадлежали джентльменам.

Индеец пришел к этому заключению просто чутьем, но, когда он очутился перед распахнутой дверью, подозрения его насчет этих следов усилились.

Он не стал больше продолжать исследования и, проскользнув в дверь, быстро прошел узким коридорчиком в ту самую комнату, откуда Скэрты с корнетом тайком наблюдали за ночным собранием.

Зоркий глаз индейца даже в полутьме сразу обнаружил, что здесь кто-то был, и совсем недавно; если открытая дверь и следы, ведущие от нее, разбудили его подозрения, то сейчас эти подозрения перешли в уверенность. По всему полу, покрытому толстым слоем пыли, скопившейся за многие годы, шли следы, по которым Ориоли мог безошибочно сказать, что люди, побывавшие здесь, ушли всего полтора – два часа назад. Оборванная паутина и протертый кружок стекла на забитой двери тоже не ускользнули от его внимания.

Прильнув глазом к этому кружку, он увидел большую комнату, в которую недавно провожал гостей, съехавшихся к его хозяину. Сейчас хозяин сидел один у письменного стола и не подозревал, что за ним наблюдают.

Индеец уже собирался постучать в стекло и сообщить о своем открытии, но, сообразив, что хозяин не сможет разобрать его знаков, он поспешно выскользнул из комнаты и пошел обратно, чтобы проникнуть в дом с парадного крыльца.

Уже почти рассвело, и Ориоли, возвращаясь той же дорогой, внимательно вглядывался в следы, стараясь разгадать скрывавшуюся за ними тайну. Солнце еще не взошло, но заря уже окрасила багрянцем вершины холмов и верхушки высоких деревьев, окружавших Каменную Балку. Весело засуетились в листве проснувшиеся грачи, и их звонкий крик огласил усадьбу.

То ли от крика грачей, то ли от шумной возни крыс, гонявшихся друг за другом по пустым полкам и за прогнившей обшивкой кухонных стен, а может быть, и по какой-нибудь другой, более сложной причине, но сон Грегори Гарта был внезапно нарушен. Зычный храп, разносившийся по всему дому, вдруг оборвался, и Грегори, подскочив на своем ложе, сразу проснулся. От его порывистого движения буковая скамья пошатнулась, и он тяжело грохнулся на каменный пол. Это произошло так неожиданно, что Грегори со сна в первую минуту не мог понять, что с ним такое случилось.

А когда он пришел в себя, у него пропала всякая охота возвращаться на свое предательское ложе; толкнув дверь, он вышел на воздух, чтобы поглядеть на небо и определить по солнцу, который час.

Еще вчера утром у Грегори были собственные часы – не будем вдаваться в подробности, откуда он их достал! – но сейчас эти часы тикали в лавке эксбриджского ростовщика, а закладная квитанция, которую бывший грабитель носил в кармане, не обладала способностью показывать время.

Взглянув на небо, Грегори очень удивился, что солнце еще не взошло и что, следовательно, он спал всего каких-нибудь полчаса. Он уже начал подумывать, не вернуться ли ему обратно на свою скамью, как вдруг заметил фигуру, медленно заворачивающую за угол дома. Это был Ориоли.

Грегори знал, что Ориоли был так называемым дворецким в доме и что у него хранились ключи от винного погреба; и у Гарта тотчас же мелькнула мысль прибегнуть к индейцу и раздобыть через его посредство малую толику эля, чтобы освежиться после тяжелого сна.

Гарт направился к нему, чтобы поговорить об этом, но, сделав несколько шагов, заметил, что Ориоли занят каким-то непонятным делом. Низко наклонившись, индеец медленно двигался вдоль стены и внимательно разглядывал землю.

Недоумевая, что может означать такое поведение, Грегори остановился за углом и стал с любопытством наблюдать.

Каково же было удивление грабителя, когда он увидел, как краснокожий, осторожно подкравшись к какой-то небольшой двери, открытой настежь, незаметно юркнул в нее с таким проворством и ловкостью, каким мог бы позавидовать самый опытный громила!

– Так, так! – пробормотал Грегори, многозначительно покачав своей косматой головой. – Уж нет ли у мастера Генри предателя в его собственном доме? Что ему там понадобилось, этому чучелу? Ведь не закуски и не вина – за этим ему нечего лазить, все ключи у него хранятся: пей, ешь вволю, когда захочется! Нет, это пахнет чем-то посерьезнее! Но что же это, черт возьми, может быть?

Запустив пятерню в свою спутанную гриву и наморщив лоб, Грегори тщетно пытался проникнуть в эту тайну.

– Уж не шпионить ли он вздумал, проклятый индеец? Времена сейчас плохие, а мастер Генри занят опасным делом. Да только вряд ли: немой краснокожий парнишка поехал за ним за тридевять земель, совсем из другой части света, и так ему был предан, и чтобы он теперь стал предателем! Да и потом, что может знать индеец о здешней политике? Нет, какой он шпион! Не может этого быть. Разве что-нибудь стянуть задумал – вот это вернее. Но что бы там ни было, мы это сейчас узнаем!

И Гарт решительно направился вслед за индейцем к той самой двери, за которой исчез Ориоли. Но не прошел он и двух шагов, как Ориоли снова появился, и Гарт увидел, что он, опять согнувшись, медленно двинулся обратно, все так же внимательно вглядываясь в землю. Гарт также с удивлением уставился на землю.

Хотя он и не мог равняться с индейцем в чтении «знаков», будь то на земле или на небе, у него все же был некоторый опыт по части следов. В течение многих лет его своеобразное ремесло частенько заставляло прибегать к выслеживанию, и этот опыт грабителя подсказал ему, чем занимается Ориоли.

Он видел следы, по которым шел индеец; они кончались невдалеке от парадного крыльца. И вдруг что-то словно осенило Грегори Гарта: он понял, что индеец напал на след каких-то чужих людей. Он вдруг припомнил странное поведение своего помощника Уэлфорда, его подозрительные отлучки и внезапное появление в конюшне, когда он прибежал выводить двух лошадей и ни за что не хотел, чтобы Гарт ему помогал. Гарт подумал тогда, что Уэлфорд хочет один получить на чай с отъезжающих, но теперь, при виде этих следов, по которым шел Ориоли, у него невольно возникло подозрение, что за этим кроется что-то нечистое, что в эту ночь в стенах Каменной Балки совершилось

предательство.

Встревоженный Гарт бросился к индейцу, пытаясь объяснить с ним знаками и рассказать о своих подозрениях. Но это оказалось невозможным, так как его нелепые жесты и отчаянные гримасы отнюдь не передавали того, что он хотел сказать. Индеец посмотрел на него с недоумением, покачал головой, быстро повернулся и, проскользнув мимо него, взбежал на крыльцо и поспешил в библиотеку, чтобы рассказать обо всем своему хозяину.

Глава 38

ПО СЛЕДАМ

Проводив своих друзей-патриотов, Голтспер, как мы уже говорили, вернулся в библиотеку и сел писать.

Остаток ночи он провел за работой, порученной ему Пимом и Гемпденом и еще несколькими участниками ночного совещания, которые задержались у него дольше других. Они поручили ему составить обвинительный акт против Томаса Уэнтворта, графа Страффорда.

Голтспер взялся за это, движимый страстным негодованием против гнусного притеснителя.

Воодушевленный дружным откликом, которым был встречен его смелый призыв, пламенный республиканец Голтспер, всей душой ненавидевший монархию, верил в торжество справедливости и чувствовал, что недалеко то время, когда не надо будет собираться тайком: они будут говорить с народом, и народ откликнется на этот призыв!

Королю пришлось-таки созвать «третье сословие»! Через несколько дней должен собраться парламент – знаменитый парламент, получивший впоследствии название Долгого (Долгий парламент получил свое название вследствие длительного срока деятельности (1640 – 1653)). Его предшественником был Короткий парламент, распущенный Карлом I через три недели после созыва. В числе первых актов Долгого парламента было возбуждение процесса против Страффорда и уничтожение «Звездной палаты». Долгое время этот парламент был главным организующим центром противников короля. В декабре 1648 года был очищен от просвитериян, стремившихся остановить дальнейшее развитие революции. 20 апреля 1653 года остатки Долгого парламента были разогнаны Кромвелем.), и Голтспер, по имеющимся у него сведениям, хорошо представлял себе, кто в него войдет. С такими людьми, как Пим и Гемпден, Голлис (Голлис Дензилл (1599 – 1680) – один из лидеров пресвитериян в Долгом парламенте. Впоследствии стремился к примирению с королем. В 1647 году предложил распустить революционную армию, за что был обвинен в измене и бежал во Францию. В 1660 году содействовал восстановлению на престоле Карла II и занимал при нем высокие должности.), Гезльриг (Гезльриг Артур (умер в 1661 году) – один из лидеров индипендентов в Долгом парламенте. 10 апреля 1641 года, во время процесса над Страффордом, внес «билль об опале», применявшийся против опасных политических деятелей. Был членом Государственного совета республики, губернатором Ньюкасла.), Вен, Мартен, Кромвель, и множеством других патриотов, пользующихся любовью народа, будет поистине невероятно, если не удастся пресечь этот неистовый разгул тирании, которая уже столько лет покрывает позором и душит свободу Англии.

Поглощенный всеми этими мыслями, Голтспер трудился над составлением документа, пожалуй, час с лишним. Он уже почти закончил свою работу, когда вошел индеец.

– Что случилось, Ориоли? – спросил Голтспер, отрываясь от бумаг и с удивлением глядя на взволнованное лицо слуги. – В чем дело? У тебя такой вид, будто с тобой что-то стряслось! Может быть, вы чего-нибудь не поделили с Гартом?

Индеец отрицательно покачал головой и с гневным ворчанием приподнял ногу подошвой вверх и сердито посмотрел на пол.

– А!.. – протянул Голтспер, читавший его знаки так же легко, как если бы это были слова. – След врага?

Ориоли поднял вверх три пальца.

– Три, а не один? И трое мужчин? Ну, может быть, с ними будет легче справиться, чем с тройкой женщин!

Сделав это полушутливое замечание, Голтспер на минуту задумался, словно вспомнив о чем-то.

– Ну хорошо, – сказал он наконец, – а что же ты все-таки видел, Ориоли?

Ориоли, сделав ему знак следовать за ним, вышел из комнаты, спустился с парадного крыльца и пошел по направлению к задней стороне дома. Голтспер и Гарт последовали за ним, и все трое принялись разглядывать следы.

Следы явно шли от боковой двери. Они принадлежали двум людям, которые, по-видимому, вышли из этой двери. Третий человек в подбитых гвоздями крестьянских башмаках встретил их на пути и проводил до парадного крыльца, где все следы потерялись, затоптанные копытами лошадей.

Следов, которые вели к боковой двери, не было; но так как в комнату с забитой наглухо стеклянной дверью нельзя было войти иначе, как через эту боковую дверь, оставалось только предположить, что незваные гости вошли в нее до того, как начался дождь, и вышли после того, как он окончился. Иными словами, двое людей пробыли в комнате в течение почти всего времени, пока длилось совещание.

Другие знаки, которые показал им индеец, – следы на полу, отчищенный кружок на стекле, – безошибочно доказывали, с какой целью они забрались в это нежилое помещение. Это, несомненно, были шпионы.

Следы подбитых гвоздями башмаков изобличали предателя, который их привел: таких следов было много и по другую сторону дома возле конюшни. Ориоли сразу распознал, что эти следы принадлежали Уиллу Уэлфорду.

– Я давно подозревал этого негодяя, – сказал Голтспер и, нахмурившись, пошел к дому.

– Попадись мне только эта гнусная образина! – воскликнул бывший грабитель. – Уж он мне ответит за свои грязные дела! Не я буду, коли не расправлюсь с ним!

Вернувшись в библиотеку, Голтспер в смятении заходил по комнате из угла в угол. Он был сильно встревожен. Присутствие шпионов на тайном совещании было чревато серьезными последствиями. Речь шла не только об его собственной безопасности, но и о безопасности многих других людей, занимавших высокое положение: нескольких членов парламента из соседних графств, и в их числе Пима, Голлиса, Гезльрига, Генри Мартена и молодого Гарри Вена... Да и сэр Мармадьок Уэд тоже, вероятно, был замечен предателями.

Это обстоятельство особенно удручало Голтспера, ибо сэр Мармадьок явился на это собрание по его личному приглашению, и вот теперь он скомпрометирован настолько серьезно, что жизнь его висит на волоске.

Те, кто подслушивал из этой смежной комнаты, не только слышали все, что здесь говорилось, но и видели каждого выступавшего оратора.

У Голтспера не было никаких сомнений относительно главного организатора этой шпионской вылазки. Деша, отобранная Гартом у королевского курьера, помогла ему догадаться об этом: здесь был Ричард Скэрти, сам лично или кто-нибудь подосланный им. Он совершенно ясно представлял себе, как все было подстроено, но ему было отнюдь неясно, что теперь делать и как поступить.

Улики, которыми располагал против него Скэрти, грозили Голтсперу не только лишением свободы, но и жизни.

Если после своего сегодняшнего выступления он предстанет пред судом «Звездной палаты», может ли он ожидать иного приговора, кроме смертной казни? За годы правления малодушного тирана это будет не первая голова, которая скатится на плаху.

Но что пользы упрекать себя теперь за неосторожность, которая позволила шпионам проникнуть в его дом! Сейчас не время предаваться самообвинениям, надо действовать!

Генри Голтспер был человек быстрых решений. Жизнь, проведенная им среди опасностей на море и на суше, в чаще девственных лесов Америки, среди враждебных

племен, приучила его быстро соображать и так же быстро действовать

Но человек не обладает даром предвидения, и бывают случаи, когда и самый умный, решительный и проворный оказывается захваченным врасплох.

Это именно и случилось теперь с Голтспером; он чувствовал, что его перехитрили. В честном поединке он победил своего противника, но похоже было, что тот, прибегнув к грязным махинациям и интригам, теперь восторжествует над ним. Те, кто тайком пробрался в Каменную Балку, несомненно, явятся опять, и не тайком, а открыто и во всеоружии.

Почему они еще не вернулись? Это был, пожалуй, единственный вопрос, на который трудно было ответить.

Почему они не захватили всех на месте, не арестовали их сразу, – это объяснялось просто: шпионы не приготовились к таким решительным действиям, здесь было слишком много народу. Но с тех пор прошло достаточно времени...

– А, черт возьми! – вскричал кавалер, прерывая эти неприятные размышления. – Ну что я, в самом деле, теряю время! Мне надо сейчас же убираться отсюда прочь. Гарт!

– Да, мастер Генри!

– Оседлай сию же минуту моего коня!.. Ориоли!

Индеец уже стоял перед ним.

– Пистолеты заряжены?

Ориоли утвердительно кивнул головой и рукой указал на пистолеты, лежавшие на дубовой полке над камином.

– Отлично! Они могут мне скоро понадобиться. Положи их в седельную сумку. А теперь – прощай, Ориоли! – промолвил Голтспер, с грустью глядя на своего слугу. – Я должен уехать и, может быть, не вернусь некоторое время. Тебе нельзя ехать со мной. Ты должен оставаться здесь, пока я не вернусь или не пришло за тобой.

Индеец слушал его с явным огорчением и тревогой.

– Не падай духом, мой друг! – продолжал Голтспер. – Мы ненадолго расстанемся. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы вернуться как можно скорей.

Ориоли жестами умолял Голтспера не оставлять его, говорил, что готов следовать за своим хозяином на край света, готов умереть за него.

– Все это я знаю, мой верный мальчик! – отвечал его покровитель и защитник. – Ты уже когда-то доказал мне это. Но твоя храбрость, которая могла помочь мне в непроходимых лесах твоей родины, против враждебных племен индейцев, здесь мне мало пригодится. Противник, которого мне приходится теперь опасаться, – это не голый дикарь с дубинкой и томагавком, а король со скипетром и мечом. Ах, мой честный Ориоли, одна твоя рука не защитит меня там, где против меня будет множество! Ну, мой верный друг, я и так уже потерял слишком много времени! Живей мою сумку! Приторочь ее к седлу. Положи туда эти бумаги. Остальное может остаться здесь. Скорее, милый Ориоли! Хьюберт уже, должно быть, оседлан. Гарт, что с тобой? Что случилось?

Гарт стоял в дверях, задыхаясь, белый как полотно.

– Что такое? А! Нечего и спрашивать. Я и так понимаю, что значит этот шум!

– Господи Боже, мастер Генри! Дом окружен конниками – это кирасиры из Бэлстрода!

– А! Скэрти хитер и проворен, он не терял времени. Боюсь, что я опоздал!

И Голтспер, обнажив шпагу, схватил пистолет, словно собираясь сделать попытку защищаться.

Бывший грабитель тоже вооружился своей страшной пикой, которую он притащил из передней; оружие Ориоли – томагавк – всегда было при нем.

Голтспер, со шпагой наголо, бросился к главному выходу. Гарт и индеец следовали за ним.

В дверях, распахнутых настежь, Голтспер сразу увидел, что сопротивляться бесполезно: это было все равно что идти на верную смерть и, мало того, погубить своих помощников.

Перед крыльцом стоял ряд закованных в сталь кирасиров; каждый из них держал

наготове аркебуз, а доносившийся из-за дома топот копыт, звяканье оружия и громкие голоса ясно свидетельствовали, что окружена вся усадьба.

– Кто вы такой? Что вам здесь нужно? – крикнул Голтспер, обращаясь к переднему всаднику, который, по-видимому, был командиром. Лицо его было скрыто под опущенным забралом шлема.

Голтспер задал этот вопрос почти машинально: он знал, кто этот всадник и что привело его сюда. Это был тот, с кем он бился на поединке, тот, кого он победил, оставив ему на память знак, по которому его можно было узнать.

Голтсперу не нужно было этого знака – раненой руки, все еще висевшей на повязке, чтобы узнать своего противника Ричарда Скэрти: он и так узнал и коня и всадника.

– Я приехал сюда не для того, чтобы отвечать на пустые вопросы! – с язвительным смехом ответил Скэрти. – И на первый ваш вопрос вы, верно, не нуждаетесь в ответе; что же касается второго, то, хотя это и слишком большая любезность с моей стороны, я вам, пожалуй, отвечу. Я здесь затем, чтобы арестовать изменника!

– Изменника? А кто же это?

– Генри Голтспер, который изменил своему королю.

– Подлый трус! – воскликнул с презрением Голтспер. – Так вот какова благодарность за то, что я пощадил вашу жалкую жизнь! По этой толпе закованных в сталь наемников, которыми вы окружили себя, видно, что вы боитесь, как бы я не проучил вас еще раз! Напрасно вы не привели с собой целый полк! Ха-ха-ха!

– Вы изволите шутить, – отвечал Скэрти, который, в сознании своего превосходства, сохранял невозмутимое спокойствие. – Ну что ж, мастер Голтспер! Скоро вам будет не до шуток. Хорошо смеяться победителю! А до смеха ли тому, кто теряет или, вернее сказать, потерял...

– Что потерял? – перебил его Голтспер, задетый двусмысленным и многозначительным тоном.

– Не вашу свободу, нет... хотя ее вы тоже потеряли... и не вашу голову, которой вы вот-вот лишитесь, а то, что вам, как достойному кавалеру, должно быть не менее дорого!

– Что это? – невольно вырвалось у Голтспера, не столько в ответ на слова Скэрти, сколько при виде того, что внезапно представилось его взору. – Что это?

– Вашу возлюбленную! – насмешливо прозвучало в ответ. – Не воображайте, если вам однажды позволили поднять оброненную перчатку, что вы один удостоились такого нежного знака внимания! Быть может, золотоволосой леди вздумалось обронить и другую перчатку, а когда так мило роняют две – мне кажется, последняя имеет больше цены!

И, говоря это, Скэрти с торжеством поднял руку к верхушке своего шлема, где виднелась перчатка из белой замши; ее тонкие пальцы, вытянутые вперед, казалось, насмешливо указывали на второго обладателя такого же сувенира.

Глаза Голтспера уже давно были устремлены на эту перчатку, и на его потемневшем лице отразилась странная борьба чувств – удивления, недоверчивости, гнева и, может быть, более всего мучительной ревности.

Ему вспомнилось, как Марион, расставшись с ним, встретила со Скэрти, как они шли вдвоем по аллее и как – на какой-то короткий миг – она показалась ему такой довольной...

Но если даже он и позволил себе усомниться в ней, он ничем этого не обнаружил.

– Низкий плут! – гневно воскликнул он. – Ты лжешь! Она никогда не давала тебе этой перчатки! Ты или нашел ее, или просто-напросто украл! И, клянусь Небом, я ее у тебя отберу и верну владелице, которую ты сейчас оклеветал перед твоими приспешниками! Отдай ее сейчас же, Ричард Скэрти, или я своей шпагой сниму ее...

Он не договорил и, подняв шпагу, бросился на противника.

– Хватайте его! – закричал Скэрти, осаживая коня, чтобы избежать удара. Хватайте бунтовщика! Рубите его, если он будет сопротивляться!

С полдюжины кирасиров, исполняя приказание, пришпорили коней и бросились к Голтсперу. Одни нагибались с седла, чтобы схватить его, другие старались сбить его с ног

прикладами своих карабинов. Гарт и индеец бросились на помощь своему хозяину, но Голтспер перестал сопротивляться, не желая рисковать жизнью своих верных помощников, и спокойно отдался в руки окруживших его солдат.

– Связать бунтовщика, да покрепче! – кричал Скэрти, стараясь этими выкриками скрыть свою досаду, оттого что обнаружил свой страх. – Отобрать у него оружие! Связать по рукам и по ногам! Это опасный сумасшедший. Вяжите ту же, ротозей! Затяните ему петлю на шее, как палач затягивает петлю висельнику! Ха-ха-ха!

Приказание было тотчас же выполнено, и через несколько секунд Генри Голтспер стоял связанный среди издевающихся врагов.

– Приведите ему коня! – насмешливо крикнул Скэрти. – Черный Всадник! Ха-ха-ха! Пусть он в последний раз проедется на своем любимом скакуне. А там уж он будет ездить за королевский счет! Ха-ха-ха!

Привели коня, уже оседланного Гартом, и Хьюберт при виде своего хозяина заржал так жалобно и тревожно, как будто понимал, что хозяин попал в беду.

Когда его подвели вплотную к пленнику, он согнул шею и, тихонько пофыркивая, потерся мордой о щеку Голтспера.

Капитан кирасиров, мрачно нахмурившись, наблюдал эту трогательную сцену. Скэрти невольно вспомнил свое позорное поражение – этот конь сыграл в нем немалую роль, и он ненавидел его почти так же, как его хозяина. Он постарался отогнать эти неприятные воспоминания.

– Ах, благородный сэр, – воскликнул он, – разве такому достойному кавалеру подобает ехать с непокрытой головой по большой королевской дороге! Эй вы, там! Принесите его шляпу да напяльте ему на голову! Поживей, поживей!

Три или четыре кирасира бросились было к крыльцу, чтобы выполнить приказание командира, но окрик Скэрти заставил их остановиться.

– Стойте, ребята, не надо! – крикнул он. – На коней! Я сам принесу ему шляпу!

Последние слова он пробормотал себе под нос; казалось, они вырвались у него невольно, как если бы ему вдруг что-то пришло в голову.

Соскочив с коня, Скэрти поднялся на крыльцо и вошел в дом; оглядываясь по сторонам, он прошел переднюю, потом длинный коридор и наконец очутился перед дверью комнаты. Это была библиотека, где недавно собирались заговорщики. Он знал ее расположение и предполагал, что именно тут и найдет то, зачем пошел.

Он не ошибся: войдя, он сразу увидел шляпу Голтспера, висящую на оленьих рогах, прибитых к стене.

Он сдернул ее с такой поспешностью, как будто боялся, что ему кто-нибудь помешает.

Белая перчатка по-прежнему красовалась на том же месте, рядом с султаном из перьев. В ту же секунду она оказалась в руках Скэрти, на шляпе остался только султан. С горькой улыбкой рассматривал Скэрти обе перчатки, подняв их к свету и сравнивая палец за пальцем, стежок за стежком.

Лицо его исказилось, когда он наконец убедился, что перчатка, которую он сорвал со шляпы Генри Голтспера, и та, что красовалась на его собственном шлеме, составляли одну пару. Правая была его находкой, а левая – теперь он уже не сомневался – поистине была даром любви.

Раньше у него была хоть слабая надежда, что он заблуждается. Теперь он уже больше не мог обманывать себя этой надеждой: перчатка, которую носил на шляпе Черный Всадник, когда-то облекала прелестные пальчики Марион Уэд.

– Но, может быть, она вовсе не дарила ее?.. Можно ли сомневаться! Конечно, подарила! Будь я проклят, если я не заставлю ее когда-нибудь пожалеть об этом подарке!

Облегчив себя этой угрозой, Скэрти быстро спрятал на груди под камзолом перчатку, снятую со шляпы Голтспера.

– Ступай... – сказал он одному из сопровождавших его солдат, – ступай сейчас же в сад, если он есть в этой проклятой дыре, а если нет, добеги до лужайки и нарви цветов. Все равно

каких, лишь бы они были красные, ярко-красные. Ну, ступай рви, да поживей!

Солдат, приученный не задавать вопросов, а повиноваться, молча бросился выполнять это странное приказание.

– А ты, – продолжал Скэрти, обращаясь к другому солдату, – собери-ка бумаги. Да вот эту сумку захвати. Ее, видно, только что уложили. Смотри, чтобы все это было доставлено в Бэлстрод! Обыщи каждую комнату в доме и заberi все оружие и все бумаги, какие попадутся. Словом, ты свое дело знаешь! Поторапливайся!

Солдат поспешно приступил к обыску, и Скэрти на минуту остался один.

– Будь это мое дело, – пробормотал он, – мне следовало бы поинтересоваться документами, которые разбросаны здесь. Не сомневаюсь, что там можно найти имена многих предателей и всякий компрометирующий материал, которым можно изобличить половину здешних сквайров. Наверно, многие из них, благодаря этим бумажкам, получили бы право на бесплатную квартиру в Тауэре. Но меня это мало занимает, хотя, поскольку я теперь ввязался в это дело, мне, право, ничего не стоит разделаться с этой шайкой предателей! Ну, а что касается Голтспера и сэра Мармадьюка, тут мне не надо никаких письменных доказательств их преступления. Моих устных показаний, подтвержденных Стаббсом, будет достаточно, чтобы снести голову одному из них, а может быть, и обоим! К черту бумажонки!

И он с раздражением отошел от письменного стола, но вдруг, словно спохватившись, бросился обратно.

– Не торопись, Ричард Скэрти! Как знать... может быть, среди этой кучи предательской писанины лежит где-нибудь любовное письмецо? Как это мне не пришло в голову!

И он стал поспешно перебирать ворох бумаг и, вытаскивая из конвертов письма, бегло просматривал, нет ли написанных женской рукой и не стоит ли где подпись Марион Уэд.

Ему пришлось разочароваться. Все корреспонденты Генри Голтспера были мужчины, он не обнаружил ни одного любовного письма.

Он уже готов был отказаться от своих поисков, как вдруг его внимание привлек какой-то пакет: на нем была королевская печать.

– Что за черт! – воскликнул он. – Письмо от короля! Любопытно, что может его величество писать этому верному подданному!.. Как! Оно адресовано мне?! «Капитану Скэрти, командиру отряда королевских кирасиров. Бэлстрод Парк. Графство Бэкингемшир». Украденная депеша! Вот так история! Генри Голтспер ночной грабитель или, во всяком случае, сообщник грабителя! Иначе как бы это могло к нему попасть? Так, так... Значит, его ждет позорная смерть вора, а не государственного преступника! Не плаха, а петля! Ох, как вы будете каяться и упрекать себя, мисс Марион, когда узнаете, что ваша перчатка досталась грабителю! Вот это будет сюрприз!.. Эй ты, достал цветы?

– Достал, господин капитан. Это самые лучшие, какие я мог найти. Здесь, в этой дыре, ничего, кроме сорняков, и нет, да и те вянут.

– Тем лучше. Мне и надо, чтобы они были увядшие. Подойдут как раз, и цвет такой, как надо. Пойди-ка сюда! Сложи их в маленький букетик и прикрепи к этой шляпе. Подсунь так, чтобы их держала пряжка. Чтобы вид был. Ну, поживей!

Солдат пустил в ход свои неуклюжие пальцы, и через несколько секунд немного потрепанный букетик был прикреплен пряжкой к шляпе Черного Всадника, на том самом месте, где раньше красовалась белая перчатка.

– Хорошо, – сказал Скэрти, направляясь к выходу. – Бери с собой эту шляпу. Ты наденешь ее на голову пленника. Да смотри, чтобы он не видел, что мы тут подменили! Держи ее так, чтобы никто ничего не заметил. Понял?

Солдат выслушал это секретное распоряжение с понимающим видом и, кивнув, бросился выполнять его.

Стаббс между тем уже приказал кирасирам усадить Голтспера на коня. Чтобы лишить его всякой возможности бежать, ему связали руки за спиной и прикрутили ремнями к седлу и стременам. По бокам возле него гарцевали два кирасира с саблями наголо.

Но даже и в этом унижительном положении Генри Голтспер не производил впечатления преступника. Он сидел с гордо поднятой головой, сохраняя невозмутимое спокойствие, которое отличает мужественного человека даже в плену. И это благородное мужество внушало невольное уважение его грубым стражам, которые совсем недавно были свидетелями его торжества на поединке.

– Экая жалость! – шепнул один из них. – Экая жалость, что он не на нашей стороне! Вот был бы знатный кирасир!

– Наденьте шляпу мастеру Голтсперу! – насмешливо крикнул Скэрти, садясь на коня. – А то как бы ветер не растрепал эти прекрасные кудри. Они будут так красивы на плахе! Ха-ха-ха!

Повинуясь приказанию, пленнику надели шляпу.

Трубач протрубил «Вперед!», и кирасиры по два в ряд, со Скэрти во главе, Стаббсом в арьергарде и Голтспером в центре, медленно двинулись по лужайке, увозя хозяина Каменной Балки.

Глава 39

ПЬЯНЫЙ ДЭНСИ

Видя, что его присутствие не может принести никакой пользы хозяину, а для него самого может оказаться губительным, Грегори Гарт спрятался на чердаке Каменной Балки и оттуда в маленькое слуховое оконце наблюдал за происходившим.

Только после того, как последний кирасир Скэрти выехал из ворот усадьбы, бывший грабитель спустился из своего убежища и вышел на крыльцо.

Движимый тем же инстинктом, индеец также спрятался и появился теперь одновременно с Гартом; они стояли друг против друга, но не могли обменяться ни словом, не могли поделиться своими мыслями.

Грегори не понимал жестов индейца, а тот не понимал английской речи: Голтспер всегда говорил с ним на его родном языке.

Да им, собственно, и нечего было сказать друг другу. Оба видели, как захватили их покровителя и хозяина. Ориоли понимал только одно: хозяин попал в руки врагов. Гарт яснее представлял себе, что это за враги и почему они схватили Голтспера.

Они оба видели его связанным пленником, и обоим пришла в голову мысль: нельзя ли как-нибудь его освободить?

Индейцу эта мысль была подсказана инстинктом, а будь на месте Гарта какой-нибудь другой англичанин, вряд ли ему могла прийти в голову такая мысль. Но у бывшего грабителя, по роду его занятий, был большой опыт по части тюрем, и, так как ему не раз случалось выбираться из узилища, он считал это вполне осуществимым. Он сразу начал обдумывать, какие следует принять меры, чтобы выручить и освободить Генри Голтспера.

Гарту очень недоставало какого-нибудь человека с головой, с которым можно было бы посоветоваться. У индейца, может быть, была и неплохая голова, но Гарту не было от нее никакой пользы, так как он не мог извлечь из нее ни одной мысли.

– Экое несчастье! – воскликнул он после нескольких тщетных попыток объяснить с Ориоли знаками. – Ничего от него не добьешься! Никакого толку! Меньше, чем от моих старых чучел: все-таки они мне помогали. Ну что ж, придется мне обмозговать это дело без него.

Действительно, хотел этого Грегори или нет, но ничего другого ему не оставалось, так как индеец, убедившись, что его не понимают, отказался от попыток объяснить с Гартом. Покинув грабителя, он, повинуясь своему инстинкту, отправился по следам отряда с надеждой, что он может быть полезнее своему хозяину, будучи около него.

– Предан, как пес, – пробормотал Грегори, следя за ним взглядом. – Вот так и мои помошнички были мне преданы. Сэр Генри когда-то его выручил, так он теперь за него в огонь и в воду готов... Ну, а как же все-таки пособить хозяину? – рассуждал сам с собой

Грегори. – Его повезли в Бэлстрод, там они стоят на квартире. Но только долго его тут держать не станут. Разве они для него такую тюрьму готовят? Ньюгейт или Тауэр – вот куда они его упрячут, и не позднее, чем завтра. Если бы удалось освободить его по дороге! Нет, боюсь, не выйдет! Мои соратники на такое дело не годятся. Ведь их там чертова сила, этих самых кирасиров. Нечего и думать!.. Хотел бы я знать, когда они его переправляют будут? Ежели не сегодня, тогда, может, можно будет что-нибудь и сделать. Эх, кабы мне с кем-нибудь дельным посоветоваться!.. Не верю я, хоть убей, что старый Дэнси предатель! Никак этого не может быть, да еще после всего того, что он мне вчера рассказывал! Нет, он ничего про это не знает. Все это дело рук проклятого Уэлфорда... Пойду-ка я к Дэнси! Посмотрю, может ли это стать, чтобы он в такой подлости был замешан. А может, и дочка его чем-нибудь да поможет! Она-то не откажется. Коли меня мои глаза не обманывают, она без памяти влюблена в сэра Генри... Да, вот сейчас прямо и пойду к Дэнси! У меня в тех краях еще дельце есть, так уж я одним махом сразу двух зайцев убью... Ну и подлюга же этот Уэлфорд! Не я буду, если не измолочу его так, что на нем живого местечка не останется! Ух!

И с этой угрозой Грегори вошел в дом – по-видимому, для того, чтобы подготовиться к своему визиту к Дэнси.

Хотя он собирался идти сейчас же, прошло добрых полчаса, прежде чем он вышел из Каменной Балки. Слишком большим соблазном оказались для него раскрытая кладовая и винный погреб. Хотя кирасиры хорошо похозяйничали и там и здесь, они все же не успели опустошить их дочиستا. Гарту осталось достаточно разных припасов, чтобы приготовить себе порядочный завтрак, и вволю вина, чтобы запить его.

После завтрака нашлось еще дело, которое задержало его минут на двадцать. В спальне хозяина и в других комнатах, куда не заглянули кирасиры, осталось много ценных вещей, которые легко можно было унести. Все эти вещи, у которых теперь не было хозяина, могли пропасть; любой вор мог зайти и вынести их под плащом.

Грегори был не такой человек, чтобы оставить на произвол судьбы ценные вещи; он отыскал большой мешок и сложил в него серебряные кубки, подсвечники, оружие и прочие ценности, а также кое-что из одежды. Набив мешок доверху, он взвалил его на плечи и понес из дома подальше, в кусты. Там он нашел укромное местечко и спрятал свою добычу так тщательно, что самый зоркий человек мог бы пройти рядом, ничего не заметив.

Сказать, что Грегори украл эти вещи, было бы несправедливо по отношению к нему. Он просто спрятал их до возвращения владельца. Но так же неверно было бы утверждать, что в то время, когда он старательно прятал мешок с вещами, у него не мелькала мысль, что он может стать его собственностью.

Может быть, он говорил себе, что, если Генри Голтспер никогда не вернется в Каменную Балку и ему, Гарту, не придется увидеться с ним, это добро будет ему некоторым вознаграждением за утрату любимого хозяина.

Разумеется, он отнюдь не желал этого, потому что тотчас же отправился к Дэнси, чтобы попытаться с его помощью освободить Голтспера, а успех этой попытки лишил его всякой надежды завладеть спрятанным добром.

Подходя к вырубке, где стояла хижина Дика Дэнси, он увидел человека, который, пошатываясь, брел от его дома. Он тут же исчез за деревьями, но Грегори все же успел узнать в этом пьяном человеке лесоруба Уэлфорда.

Постояв несколько секунд и убедившись, что он удаляется, Гарт пошел к жилищу Дика Дэнси.

Уэлфорд действительно был пьян, как никогда в жизни.

Когда они с Дэнси еще затемно возвращались домой после ночной работы в Каменной Балке, даже в предрассветных сумерках нетрудно было заметить, что оба они идут пошатываясь. Они то и дело натякались на деревья, а Уэлфорд один раз совсем потерял равновесие и на топком месте плюхнулся головой в грязь.

Правда, тропинка после дождя стала скользкой, но вряд ли это было причиной того, что они так нетвердо держались на ногах. Языки у них тоже заплетались, и это уж безусловно

было следствием не дождя, а иной, гораздо более крепкой, жидкости.

Дэнси был очень весел и оживлен, и речь его беспрестанно прерывалась хихиканьем. Он был очень доволен этой ночью и несколько раз на ходу вынимал из кармана пригоршню серебра и потряхивал ее на ладони, чтобы послушать, как звенят настоящие королевские денежки.

Ладонь Уэлфорда, по-видимому, была не так щедро «смазана», но, несмотря на это, и он также был в прекрасном настроении. У него было нечто, помимо чаевых, что доставляло ему удовлетворение, но он не считал нужным посвящать в это своего приятеля. Вряд ли это было содержимое глиняной фляги, украденной им из подвала Каменной Балки; нет, хмель, который опьянял его сильнее выпитого джина, был совсем иного порядка: он был опьянен радостью, радостью предвкушения близкой гибели ненавистного ему человека.

Он не знал, что с ним сделают. Его новый хозяин даже не намекнул ему, для какой цели потребовались ему те услуги, которые он оказал ему нынче ночью. Но как ни туго соображал Уэлфорд, он понимал, что его каким-то образом освободят от соперника, и притом без всякого риска или усилий с его стороны. Мало того, ведь он жаждал отомстить Голтсперу, – и вот теперь он будет отомщен, не только не подвергаясь ни малейшей опасности, но ему даже обещали щедрую награду за его необременительные и добровольные услуги.

Вот это-то и приводило Уэлфорда в такое возбужденное состояние, а частые возлияния еще усиливали это возбуждение.

Когда они подошли к хижине Дэнси, Уэлфорду, конечно, захотелось заглянуть к нему. Да и сам Дэнси не собирался его отпускать: фляга с джином, украденная Уэлфордом из подвала Каменной Балки, была спрятана у него под полой, и Дэнси знал, что в ней еще далеко до дна. Уэлфорд с радостью согласился на предложение зайти и допить джин, и оба, шатаясь, ввалились в хижину и грузно плюхнулись на скамью. Уэлфорд поставил флягу на стол; достали оловянные чарки, и оба лесника продолжали попойку, которая была прервана ходьбой.

Солнце взошло, и красotka Бетси давно была на ногах; ее позвали прислуживать.

Ни тому, ни другому не хотелось есть – кладовая Каменной Балки испортила обоим аппетит, – но винный погреб только обострил их жажду.

Сначала Уэлфорд почти не замечал, как холодно обращается с ним дочь хозяина. Он был так упоен тем, что скоро избавится от своего страшного соперника, что не обращал внимания на хмурый вид своей возлюбленной. Он уже чувствовал себя ее господином.

Но мало-помалу его снова начали одолевать ревнивые опасения. Когда он увидел, как Бетси подошла к двери и остановилась, задумчиво глядя вдаль, словно поджидая кого-то, Уэлфорд не вытерпел, несмотря на присутствие отца, и разразился потоком брани.

– Чего ты там глазеешь, проклятая! – закричал он, едва выговаривая слова. – Чего торчишь у двери?.. И как это ты только позволяешь, Дик Дэнси!

– А... ик... парень... что ты, Уилл?.. ик... Бетси, что у вас там... ик... ик...

– Проклятая девка! А ты – старый дурак, Дик: позволяешь ей бегать за этим ч-чертом!

– Что ты, Уилл? За как-ким... ик... ч-чертом? О... ик... ком ты говоришь?

– Она з-знает, о ком я говорю, оч-чень хор-рошо знает, хоть и глядит овечкой! А он из нее сделает ш-шлюху, если уже не сделал!

– Отец, долго ты будешь это слушать? – вскричала Бетси, отходя от двери и обращаясь к своему естественному защитнику. – Ты слышишь, как он меня называет, и это уж не первый раз! Слышишь, отец, запрети ему так разговаривать со мной!

– Отец и сам когда-нибудь увидит, что это правда! – злобно пробормотал Уэлфорд.

– П-правда! – повторил Дэнси с жалостным видом. – П-прав да... Ч-что такое правда, а, Бетси?

– Он назвал меня шлюхой, – ответила девушка, с неохотой повторяя бранное слово.

– Он... т-тебя н-назвал ш-шлюхой? Да я из него щ-щепок наделаю! К-как он с-смел?

И Дэнси попытался подняться на ноги, явно намереваясь привести в исполнение свою угрозу.

Но попытка его оказалась безуспешной: едва поднявшись, пьяный лесник снова плюхнулся на скамью, которая покачнулась и затрещала под его увесистым телом, словно собираясь развалиться на части.

– Д-да, и назвал! – насмешливо продолжал Уэлфорд, успокоившись при виде беспомощного состояния старого Дика, которого в трезвом виде он побаивался. – А ты и стоишь, чтобы тебя так называли! Ты и есть, как я говорю, ш-шлюха!

– Ты слышишь, отец? Он опять то же говорит!

– Ч-что он т-такое г-говор-рит, а, дочка?

И Бетси снова во всеуслышание повторила оскорбительное слово:

– Что я шлюха.

На этот раз Дэнси реагировал более энергично. Его попытка подняться на ноги увенчалась успехом.

Удерживаясь за спинку большого кресла, он двинулся на Уэлфорда, крича:

– Уилл Уэлфорд... ик... негодяй! К-как ты смеешь н-называть мою д-дочь... ик... В-вон из моего дома! Сейчас же!.. ик... А не уйдешь, я тебе б-башку расколю в щепки! Вон отсюда!

– Ну и уйду! – отвечал Уэлфорд, мрачно поднимаясь со скамьи и злобно поглядывая на отца и на дочь. – У меня и свой дом есть, могу и уйти и, черт меня побери, ежели я не возьму с собой и свое добро!

И с этими словами он схватил со стола флягу и, заткнув ее пробкой, спрятал себе под полу и вышел из хижины.

– Ч-черт с тобой, Дик Дэнси! – заорал он, переступая через порог. Старый ты дуралей!.. А ты... – крикнул он в бешенстве, оборачиваясь к Бет, ты; может, своего милого в последний раз видела! Я ему нынче ночью кое-что устроил! Ха-ха! Железную решетку забил между ним и тобой, пр-роклятая шлюха!

И, выкрикнув еще раз это бранное слово, подлый негодяй, повалив плетень, шатаясь ринулся в лес.

Тут-то его и увидел Грегори Гарт, подходивший в это время с другой стороны.

– Чего это он там плел – про какую-то железную решетку? – спросил Дэнси, слегка протрезвев от этой ссоры. – Кому это он грозился, а, дочка?

– Не знаю, отец, – с невинным видом ответила Бет. – Я думаю, он и сам не знает, что говорит. Он ведь себя не помнит, когда напьется!

– Вот это верно, ха-ха! Накачался этого джину! Он его из старого дома стащил... ик-ик... ну, вот его доконало! Не такая у него голова, чтобы пить. Мозги заходятся, ха-ха-ха! Я, кажется, дочка, того... и сам здорово хватил! Ну, ничего! Я вот маленько сосну здесь в кресле... ну, в-вот... и все обойдется...

И с этими словами Дэнси опустил в большое кресло из букового дерева, и через несколько секунд вся хижина затряслась от его храпа.

Глава 40

НАКАЗАНИЕ ОТЛОЖЕНО

Последние слова обиженного вздыхателя сильно встревожили Бет Дэнси: «Ты, может, своего милого в последний раз видела. Я ему нынче ночью кое-что устроил! Железную решетку забил между ним и тобой».

Решетку... между ней и кем? Голтспером?.. Кем же еще? Кто, кроме Голтспера, владел ее мыслями и на кого, кроме него, мог намекать Уэлфорд?

Она знала, что Уэлфорд ревнует ее к Черному Всаднику. Она была бы рада, если бы Голтспер дал ему какой-нибудь повод для ревности... Увы, она одна давала пищу этой ревности!

Железная решетка... тюрьма... грозит человеку, которого она боготворит!

– Что это означало? Действительно ли это грозит ему? А может быть, он уже в тюрьме?.. Нет, этого не могло случиться, иначе отец или Уэлфорд проговорились бы об этом,

когда сидели за столом.

Они всю ночь пробыли в Каменной Балке. Бетси знала, зачем их туда позвали, и знала, что туда съедется много народу. Ей было ясно, что это тайное сборище, иначе зачем бы они стали собираться ночью?

Бетси была необразованная, но умная девушка; она понимала, что Голтспер не такой, как все, что это человек независимых взглядов и что его подозревают в неверности королю. Она слышала, как об этом шептались, слышала из уст отца, который был на стороне Голтспера и не скрывал своего возмущения королем.

Бет не интересовали убеждения Голтспера. А может быть, она, сама того не сознавая, и любила его за это? Не потому, что его взгляды совпадали со взглядами ее отца, а потому, что для открытой проповеди таких убеждений в то время требовалась большая смелость, а это и было как раз то качество, которое больше всего пленяло своевольную красавицу.

Однако смутное сознание того, что он подвергался опасности, мешало ей восхищаться его политической деятельностью. Она не могла не тревожиться за него. Вот почему слова Уэлфорда повергли ее в смятение.

Правда, он был вне себя от ярости, но все же его угроза имела, по-видимому, основание: что-то должно было случиться, а может быть, уже случилось...

«Он в опасности! – думала она. – Надо предупредить мастера Голтспера, даже если мне придется идти самой, – мысленно прибавила она, глядя на отца, мирно спавшего в кресле. – Что ж, я пойду сейчас же!»

Она сняла с вешалки плащ и, накинув его на плечи, направилась к двери, но в ту же минуту на дворе громко залаяла собака.

«Уж не Уилл ли вернулся? – подумала Бет, осторожно выглядывая в дверь. Нет, слава Богу, это не он. Кто-то, по-видимому, из Каменной Балки... Ах, если бы это был...»

И она горько вздохнула, потому что в эту минуту из-за деревьев показалась высокая фигура в невообразимом наряде и она узнала смуглое лицо, обросшее густой черной щетиной.

«А, это новый приятель отца и, кажется, его друг тоже, – подумала она. Я слышала, они говорили, что он тоже был в Балке ночью. Наверно, он должен знать! Может быть, его послал...»

– Доброе утро, девушка! – приветствовал ее Гарт, прерывая тревожные размышления Бет. – Хорош денек! А что, старый грач воротился в свое гнездо?

– Вы говорите про отца? – спросила Бет, не обижаясь, на его странную речь.

– Ясно, про него! Ведь в этом гнезде нет другого старого грача. Что, дома он?

– Дома. Вон он спит, видите?

– Да, вижу, спит как будто. Храпит на весь дом! Да... только разве так спят добрые люди, а, девушка? – И он вопросительно поглядел на Бет, которая стояла, опустив голову, и не знала, что ответить.

– Ну ладно, можешь и не отвечать, коли не хочешь. Понятно, родной отец!.. Ну, а разит здесь здорово! Видно, из этих чарок?

И Гарт, протянув руку, взял со стола оловянную кружку и поднес к носу.

– Да... пахнет голландским джином! И эта тоже, – сказал он, понюхав другую чарку. – Букет, как говорят французы! Из тех самых отборных вин, что хранятся в погребе Каменной Балки. Но ведь не один же он из двух чарок пьет? Кто-то с ним пил. Уж не ты ли?

– Нет! – с возмущением ответила Бетси.

– Ты, девушка, на меня не обижайся, я так только, пошутил... А кто же тут с ним собутыльничал?

– Приятель его. Да вы его знаете – Уилл Уэлфорд.

– Друг твоего отца, а? И большой друг?

– Отец его любит, по-моему, больше, чем он того стоит.

– Так, значит, это неправда, Бет, что ты влюблена в этого Уилла Уэлфорда?

– Я влюблена в него? Кто вам это сказал?

– Да никто, правда, но ведь все знают, что он за тобой увивается.

– Ну, уж с этим я ничего не могу поделать! Охота людям судачить! Лучше бы они не мешались не в свое дело!

– Да, кабы они не мешались, жить было бы куда гораздо веселей да спокойнее... Да только они этого не могут, не могут, черт побери!

Высказав это предположение, Грегори на минуту задумался, словно его одолели мрачные мысли.

– У вас дело к отцу? – помолчав, спросила Бет.

– Да как тебе сказать... – нерешительно ответил Гарт, по-видимому раздумывая, как ему поступить. – Да разве с ним сейчас можно о делах говорить! А? Как ты думаешь?

– Боюсь, что нет, – отвечала Бетси.

– А что, Бет, – продолжал Гарт, испытующе глядя в лицо девушке, – может, мы с тобой лучше это дело обделаем? Может, оно даже лучше выйдет, чем с твоим отцом? Мне требуется...

– Да что, что вам требуется? – нетерпеливо перебила Бетси, недоумевая, почему он так тянет.

– Требуется мне верный друг, да не для себя самого, для человека, который попал в беду.

– Кто попал в беду? – спросила девушка, глядя на него с тревогой, которая не укрылась от зоркого взгляда Грегори.

– Хороший человек, благородный. Ты-то должна знать, про кого я говорю!

– Почему я должна знать? Откуда?

– Так, значит, ты ничего не слыхала, что случилось нынче утром в Каменной Балке?

Бет не могла выговорить ни слова. Но ее испуганный взгляд, которым она ответила «нет», ясно говорил об ее чувствах.

– Так, значит, ты не слыхала, как мастера Голтспера схватили, связали и увезли кирасиры капитана Скэрты? Ничего не слыхала?

– О! – в ужасе простонала Бет. – Так вот о чем он говорил! Я должна была догадаться! О Боже, так вот что это значит!

– Кто говорил? О чем?

– Уэлфорд! Уилл Уэлфорд! Ох, негодяй!

– Ты называешь его негодяем... А отец твой? Он не считает его негодяем?

– Он сам увидит, когда узнает об этом! О Боже, мастера Генри схватили! И кто же? – его смертельный враг! И все это наделал Уилл Уэлфорд, я уверена в этом!

– Почему ты так думаешь, девушка?

– Он сам сказал вот только что. Он так и сказал, что он это подстроил.

– Кому он сказал? Твоему отцу?

– Нет, мне. Обозлившись, когда уходил. Отец слышал, только он был... он уже почти спал и не понял. А если бы он...

– Ты думаешь, он возмутился бы, как и ты?

– Конечно, я в этом уверена!

– Верно. Я и сам так думал.

– Схватили! А куда же они его увезли? Что они с ним сделают? Скажите, скажите мне!

– Скажу, когда сам узнаю. А это и есть то самое дело, которое меня сюда привело. Я вижу, старика сейчас и будить не стоит. От этой голландской водки он до вечера не очухается. Значит, надо что-то делать без него. Я так думаю, ты можешь мне помочь не хуже его, а пожалуй, даже и лучше.

– А что надо сделать? О, если я только могу чем-нибудь помочь мастеру Голтсперу, я так буду счастлива!

– Ну, вот и хорошо. Ты должна знать, что я друг мастеру Голтсперу. Я их старый слуга, у них в доме жил. Я жизнь свою готов отдать, только бы вырвать его из лап этих кирасиров! Я знаю, этот их капитан поклялся его на плаху отправить, и он это сделает, если мы не

сумею освободить мастера Голтспера! Вот для этого-то мне и нужна твоя помощь, Бет.

– Говорите, чем я могу помочь! Я все готова сделать! – с жаром ответила девушка.

– Ну, тогда не будем терять время. Я бы хотел потолковать с твоим отцом, думал, он что-нибудь посоветует, да, пожалуй, мы можем начать и без него. Тебе придется пойти в Бэлстрод – они ведь туда увезли мастера Генри. Пробрись как-нибудь в дом. Тебя ведь там знают?

– Да-да! Я могу свободно приходить и уходить. Никто ничего и не заподозрит!

– Ну вот, а я этого не могу – ни в том доме, да и ни в каком другом, сказал, многозначительно ухмыльнувшись, Гарт, – а то я бы, пожалуй, и сам сходил. Но ты это лучше меня сделаешь. Так вот, постарайся узнать прежде всего, собираются ли его везти в Лондон, и если да, – то когда повезут. Узнай еще, в какой части дома его поместили, потому что его, конечно, держат под замком. Ну вот, разузнай все, что сможешь, а потом возвращайся сюда и все мне расскажи. Может, к тому времени, как ты воротиться, твой старик проспится и в мозгах у него прояснится, а тогда он, гляди, что-нибудь и придумает.

– Сейчас же побегу! – сказала Бетси, выходя на крыльцо.

– Вот-вот! Иди, не задерживайся. Для мастера Генри дорога каждая минута... Стой! Я немножко пройду с тобой. У меня еще дельце есть в этих местах, я с ним покончу, пока ты вернешься. Пойдем вместе, покуда наши дороги не разойдутся... Прощай, Дик Дэнси! Храпи себе на здоровье да отсыпайся поскорей – ты нам очень понадобишься!

И Грегори Гарт вышел из дома вслед за девушкой, которая, торопясь поскорее разузнать о Голтспере, уже ушла далеко вперед.

Им недолго было идти одной дорогой. На расстоянии примерно полусотни шагов от хижины тропинка разветвлялась: одна, более утоптанная, вела к бэлстродскому парку; другая, по которой, по-видимому, редко кто ходил, заворачивала к дому Уилла Уэлфорда.

Дочь Дика Дэнси пошла по первой – вернее, не пошла, а побежала, потому что она через минуту уже скрылась из глаз.

Бывший грабитель, проводив ее взглядом, свернул на другую тропинку. Но, не доходя до хижины Уэлфорда, он остановился около высокого падуба, росшего у самой тропинки. Пошарив в кармане, он вынул складной нож и принялся срезать одну из самых толстых его веток; когда ему наконец удалось отделить ветку от ствола, он стал обстругивать ее ножом, пока она не превратилась в хорошую, крепкую дубинку. По бормотанью Грегори нетрудно было узнать, для чего предназначалась эта дубинка.

– Я его убивать не стану, – бормотал он, срезая ножом самый большой сучок, – хоть он и заслуживает этого, а может, еще кое-чего и похуже. Но я ему так всыплю, что он у меня потом носа из дому не высунет и не посмеет никому пакостить, пока я здесь по соседству! Его гнусную рожу нечего бояться испортить. Я его так разукрашу, что его собственная мать, если она у него есть, и та не узнает! В другой раз не пойдет шпионить или помогать кому в этом деле – будет помнить Грегори Гарта!.. Славная дубинка! – одобрительно промолвил он, с удовлетворением разглядывая обструганный гладкий сук. – Вот если бы на нем сучки остались, так я, пожалуй, не поручился бы за череп мастера Уилла, какой он у него ни есть крепкий!.. Ну, вот и готово, можно двигаться. Ага! Вот его грязный хлев! Надеюсь, свинья тут!

Подойдя к крыльцу, он остановился и прислушался.

– Прекрасно! – вскричал он. – Скотина здесь! Ишь как хрюкает! Черт побери, вот это храп! В этом Вепсейском лесу здорово спят! Ну вот, я его сейчас разбужу, он у меня не обрадуется!

И он решительно шагнул в хижину, но тут же остановился, глядя на распростертое тело спящего лесника.

Уэлфорд лежал на низкой дощатой кровати, растянувшись на спине, раскинув руки и ноги, мертвецки пьяный. Рядом с ним на полу, на расстоянии вытянутой руки, стояла глиняная фляга. Грегори не без любопытства заглянул в нее и обнаружил, что она пуста.

– Украл в подвале Каменной Балки, – заметил он, потянув носом и разглядывая флягу

со всех сторон. – По запаху слышу – джин! Готов присягнуть, что это из той самой партии вин, что хранятся в подвале мастера Генри в таких же флягах! Мы ему сейчас за это покажем!

И Гарт замахнулся своей дубинкой, но вдруг, словно спохватившись, медленно опустил руку.

– Нет! – вскричал он. – Я сперва растолкаю его да выложу все, что я о нем думаю. Если у него есть еще какие-нибудь человеческие чувства, я его пристыжу. Сделаю ему сперва духовное поучение, как говорит приходской священник из Челфонта. Эй ты, проснись! – закричал он, толкая спящего концом своей дубинки. – Поднимайся, скотина! Уж солнце на полдень идет. Вставай, говорят тебе!

Он толкнул его еще раз, посильней, но пьяный лесник продолжал храпеть, и только невнятное мычанье показывало, что он все же почувствовал этот пинок.

– Вставай! – кричал Гарт, снова и снова тыкая его дубинкой. – Вставай, гад, коли не хочешь, чтобы я тебя спящего измолотил!

В ответ по-прежнему раздавалось сонное мычанье и оханье и возобновлялся могучий храп.

– Коли бы не его храп, можно было бы подумать, что он Богу душу отдал, промолвил Гарт, отчаявшись растолкать спящего. – Не мертвый, а все равно как замертво слег! Что толку и лупить его в таком состоянии! Бесчувственная скотина, как есть! Он даже и не почувствует ничего! Все равно что полено колотить. Вот чертова незадача! Ну что мне теперь с ним делать?

И Гарт стал посреди комнаты, задумчиво оглядываясь по сторонам. Вдруг его внимание привлекла толстая связка веревки, перекинутая через стропила.

– Э, вот это мне, пожалуй, пригодится! – промолвил он, сдергивая веревку со стропил. – Кажется, крепкая – быка можно связать, а уж эту свинью и подавно! И длина подходящая – хватит на четыре узла.

И, выхватив снова свой складной нож, Гарт разрезал веревку на четыре одинаковые части и подошел, посмеиваясь, к спящему леснику. Тот лежал на спине, раскинув руки и ноги, и привязать его к деревянным перекладинам кровати за все четыре конечности не предстояло никакого труда. Покончив с этим делом, Гарт отступил на шаг полюбоваться своей жертвой.

– Ну, чем не красавчик лежит? – промолвил он, ухмыляясь во весь рот. Этаким невинный голубок! Вот и лежи себе, покуда я не вернусь! Не поручусь, что это будет нынче или завтра, но не беспокойся: уж коли я обещал, так приду, можешь не сомневаться! Ну, а пока, Уилл Уэлфорд, желаю вам приятного пробуждения!

И с этими словами, поставив свою дубинку а уголок у двери, Гарт вышел из лачуги и, тщательно закрыв за собой дверь, пустился в обратный путь к хижине, где он оставил отсыпаться пьяного Дэнси.

Глава 41

ИСКУШЕНИЕ ЧАСОВОГО

Незадолго до полуночи из маленькой дверцы хижины Дика Дэнси вышли трое двое мужчин и одна женщина – и направились по тропинке, ведущей к Бэлстродской усадьбе.

Женщина была с головой закутана в красный плащ с капюшоном, и только по ее легкой походке и статной фигуре можно было догадаться, что это Бет Дэнси. Спутниками ее были отец и Грегори Гарт.

Так как по узкой тропинке нельзя было идти рядом, они шли гуськом в полном молчании; впереди всех Грегори Гарт, за ним – Дэнси, а позади – Бет.

Вепсейский лес отделялся от усадьбы широкой полосой пастбища, поросшего кое-где кустами дрока и вереска. Тропинка вилась между кустами, поднимаясь по склону холма до самой ограды парка, к перелазу. За оградой начиналась чаща деревьев – дубы, вязы,

каштаны, – тропинка к дому шла через эту рощу.

Пройдя через лес, можно было увидеть юго-западную часть дома и заднюю стену двора; сад с плодовыми деревьями и цветником, обнесенный зеленой изгородью, выходил в эту же сторону, но он был расположен ниже, и из-за высокой стены рва его отсюда не было видно.

Войдя в чащу, трое путников сошли с тропинки и направились к дому в обход. Они подошли к нему с задней стороны и остановились в нескольких шагах от вала под купой деревьев, окружавших открытую лужайку.

Ночь была темным-темна, и, так же как и накануне, в небе, затянутом черными тучами, полыхали молнии.

Трое путников молча стояли под деревьями, глядя прямо перед собой. Когда молния рассекала небо, в темноте выступали западная стена дома с черными проемами окон, дворовые постройки и высокие дубовые ворота. В доме было темно, но в дворовых флигелях кое-где мерцал свет: по-видимому, кто-нибудь из слуг или солдат, расположившихся на постое, засиделся допоздна.

В свете молнии можно было разглядеть, что ворота, ведущие во двор, заперты; но тоненькая полоска света, пробивавшаяся из-под них в темноте, свидетельствовала, что в караульной под аркой горит фонарь.

В доме царила полная тишина. Только со двора иногда доносилось звонкое ржание, на которое откликалась лошадь, пасшаяся на лужайке парка, да собаки, подняв лай, будили гулкое ночное эхо.

Башенные часы над домом пробили двенадцать.

– А ты точно помнишь, девушка, какой он тебе назначил час? – тихо спросил Гарт, впервые нарушая молчание с тех пор, как они вышли из дома Дэнси.

– Конечно, помню, – ответила Бетси. – Он сказал – в двенадцать. Он будет на карауле всю ночь, а с двенадцати до двух сменяет караульного у заключенного – вон около той каморки под аркой. Видите, где свет пробивается...

– Тут раньше была кладовая, – вмешался Дэнси, – я ее хорошо знаю. Сколько раз, бывало, дичь туда носил, пока сэр Мармадюк не узнал, что я и для себя ее стреляю, и отставил меня от должности. Да что говорить, получше тогда жилось Дику Дэнси!

– Так он, значит, сказал, чтобы ты пришла ровно в двенадцать? – продолжал расспросы Гарт, не слушая разжалованного лесничего.

– Нет, – отвечала Бетси, – после двенадцати. Он сказал мне – не подходить близко, пока не сменится стража и первая смена не уйдет в бараки.

– А как ты это узнаешь?

– Он сказал, что поставит фонарь на землю у ворот, и, когда увижу свет, чтобы я постучала в калитку – он мне откроет.

– Так ведь свет и сейчас видно из-под ворот! Еще до того, как часы пробили, было видно. Он, верно, про это говорил?

– Нет. Внизу у ворот есть лаз, через который ходит кошка. Вот он туда и поставит фонарь.

– Ну, тогда, значит, он еще не поставил. Надо глядеть в оба, чтобы не прозевать, у нас каждая минута на счету. А ты уверена, что он позволит тебе поговорить с мастером Генри?

– Он так сказал. Дал мне честное слово. Если только я сдержу свое обещание.

– Какое это обещание, дочка? – сурово спросил Дэнси.

– Да ничего такого, отец, – отвечала Бет. – Сущие пустяки, если подумать, ради чего я это пообещала.

– Не приставай к дочке, Дэнси! Она у тебя взрослая, сумеет о себе позаботиться, ничего дурного она не сделает, я за это ручаюсь.

– Да он все равно меня не пропустил бы, – продолжала Бет, – если бы не думал, что меня послала знатная леди. Пришлось мне пуститься на выдумки, Господи меня прости!

– Это ложь простительная! – успокоил ее Гарт. – Если бы все, кто лжет, лгали бы ради

доброе дела, я думаю, им это простилось бы. – И Гарт с набожным видом поднял глаза к небу, но тут же, метнув взгляд к воротам, схватил Бет за руку. – Гляди! – сказал он. – Свет в кошащем лазу!

В нижней части ворот сбоку виднелся желтоватый кружок света, проникавшего через довольно мутное стекло. Это был обыкновенный конюшенный фонарь, который кирасиры зажигали во время ночного караула. Сигнал был совершенно ясный, ошибиться было нельзя, и Бет, выслушав еще раз поспешные наставления, которые ей с обеих сторон нашептывали оба ее спутника, завернулась поплотнее в плащ и бросилась бегом через открытую лужайку к воротам – туда, где сидел в заключении человек, ради которого она, не задумываясь, готова была пожертвовать своим добрым именем и, быть может, понести суровое наказание. У калитки она остановилась, чтобы отдышаться после быстрого бега.

Как ни бесстрашна была дочь лесоруба, сердце ее сейчас сжималось, и она не могла побороть охвативших ее сомнений. Разве не могло случиться, что солдат ее обманул? Может быть, он просто хотел ее залучить к себе, а потом обвинить в измене королю? Или будет угрожать, чтобы добиться ее согласия на его любовные приставания?

Правда, до сих пор Уайтерс не позволял себе по отношению к ней ничего оскорбительного, и, когда она сегодня уговаривалась с ним встретиться, она положила на его солдатскую честь.

Она была немного знакома с ним и раньше, до того, как он записался в солдаты, и, хотя с тех пор он прошел плохую школу, она не могла поверить, что он стал такой же, как все те, кто его окружал.

Но сейчас было поздно раздумывать. Каким бы ни оказался Уайтерс, она не могла отступить. Человек, которого она любила всей душой, со всей пылкостью своей необузданной натуры, томился в заключении, за этими воротами, так близко от нее! И она не могла вернуться, не попытавшись увидеть его, а если удастся – спасти. Вспомнив о грозившей ему опасности, она забыла про свое беспокойство и, приблизившись к калитке, тихо, но решительно постучала.

За воротами послышались осторожные шаги. Калитка бесшумно отворилась, но вместо обычного окрика «Кто идет?» – раздался тихий шепот.

– Это ты, милочка Бетси? – спросил Уайтерс и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Входи, дорогая! Я просто дожидаться не мог этих двенадцати часов – думал, они никогда не пробьют. Я уж решил, что они по старости отстают. Никогда я так не мечтал вступить поскорее в свое дежурство! Ну, входи же!

Девушка, стараясь скрыть невольную дрожь, охватившую ее, робко вошла в калитку и очутилась под сводами арки в открытом проходе, ведущем во двор.

Проход был еле освещен, потому что фонарь, которым Уайтерс давал знак Бетси, все еще стоял на земле вплотную к воротам; и так как Уайтерсу было отнюдь нежелательно яркое освещение, он оставил его там стоять.

В полутьме можно было разглядеть в глубине прохода дверь в стене в бывшую кладовую, ныне тюрьму Генри Голтспера; ее-то и поставлен был охранять дежурный часовой.

Едва только Бетси вошла под арку, глаза ее устремились на эту дверь.

Тщетно Уайтерс пытался обратить на себя ее внимание. Она слушала его рассеянно, беспрестанно поглядывая на дверь, и на лице ее было написано такое нетерпение, что он почувствовал себя обиженным; не потому чтобы он заподозрил истинную причину ее равнодушия, – нет, он просто был огорчен ее невниманием.

– Послушай, Бетси! – уговаривал он. – Не будем сейчас говорить об этом деле. Успеешь еще передать свое поручение джентльмену. Ведь это не займет много времени?

– Одну-две минуты, – ответила Бет, – потому-то мне и хочется поскорее отделаться.

– А, вот оно что!.. – протянул Уайтерс, с радостью ухватившись за мысль, что его милой хочется поскорее выполнить поручение, чтобы чувствовать себя свободной. – Тогда, конечно, Бетси...

– Вы же знаете, – перебила его девушка, – всегда надо сначала покончить с делом! Раньше дело, а потом уж удовольствие.

– Ну, это как сказать... – отвечал Уайтерс. – Может быть, для нас с тобой будет приятнее наоборот. С делом можно и подождать немножко.

– Нет-нет! – нетерпеливо возразила Бетси. – Если леди, которая меня послала, узнает, что я столько времени потратила зря, мне достанется! И я не получу обещанной награды. Вы и не представляете себе, как она сейчас волнуется и ждет не дождется, чтобы я принесла ей ответ!

– Ну и пусть себе волнуется! Ну ее, подождет, милочка Бетси!

– Послушайте меня, Уайтерс! Ну, представьте себе, что вы сидите в тюрьме и кто-то хочет узнать про вас... ну, например, я... разве вы тогда сказали бы «пусть подождет»? Прошу вас, не задерживайте меня! Ведь мы можем повидаться с вами завтра. Приходите ко мне и сидите сколько угодно. Отца дома не будет, и вы можете болтать всякую чепуху.

– Ну как устоять, когда так уговаривают! – со вздохом сказал влюбленный кирасир, явно прельщенный столь завлекательной перспективой. – Ладно, ступай! Только поцелуй меня разок, прежде чем я тебя туда впусу, а когда будешь выходить, – еще раз. Согласна?

– От всего сердца! – с готовностью ответила Бет, вспомнив себя в роли девицы Марианны. – Вот!

И прежде чем Уайтерс успел схватить ее в объятия, она быстро подалась вперед и, вытянув губки, чмокнула его в щеку.

– Вот! – воскликнула она. – Довольно с вас?

– Нет, душечка! – взволнованно зашептал пылкий вздыхатель. – Еще сто раз – и все будет мало! Такой сладью никогда не насытишься, все будет еще хотеться! Э, что там рассказывают о фламандских девушках! Один поцелуй английской красотки пьянит, как молодое вино...

– Да будет вам льстить! Ну, Уайтерс, выполняйте свое обещание, если хотите, чтобы я на прощанье сдержала свое!

– Сейчас, душенька! Но только, смотри, поосторожнее! Потихе говори. А то, если сержант пойдет с обходом да увидит, что здесь делается, он меня живо из часовых в арестанты произведет – и оглянуться не успеешь! Ну, еще один поцелуйчик, и я открою.

Девушка, не колеблясь, подставила свою щечку жадным губам поклонника и, пообещав, что она не будет скупиться после того, как покончит с делом, бросилась к двери кладовой, которую наконец-то, после стольких разговоров, открыл Уайтерс.

Глава 42

ОБОЮДНЫЕ ПОДОЗРЕНИЯ

Весь этот день арестованный Голтспер томился в заключении. С той самой минуты, когда его схватили, с ним обращались, как с преступником, как если бы он уже был осужден.

В небольшом чулане, где он был заперт, не было никакой обстановки. Здесь были свалены ящики, доски, но не было ни стола, ни стула. Грубая скамья заменяла и кровать и сиденье. На этой скамье он сидел, пытаясь иногда прислониться к стене, что было довольно трудно, так как руки у него были связаны за спиной, а ноги у щиколоток тоже были скручены веревкой.

Он не делал никаких попыток освободиться от своих пут: это казалось ему безнадежным делом. Если бы даже ему удалось сбросить связывавшие его веревки, все равно оставалась запертая дверь, а за нею все время или стоял, или прохаживался часовой.

Как ни тяжело было ему видеть себя в этом унижительном положении и сознавать, что ему, быть может, грозит позорная казнь, мысли его были поглощены другим.

Ему не давали покоя мучительные подозрения: Марион Уэд и ее перчатка на шлеме Скэрти не выходили у него из головы.

Весь день – а он, казалось, длился бесконечно – Голтспер ни на минуту не мог

отделаться от этих мыслей и снова и снова задавал себе все тот же неотвязный вопрос: откуда у Скэрти эта перчатка? Завладел ли он ею тайком или, может быть, Марион подарила капитану этот знак любви, как когда-то подарила ему?

Он припоминал все свои встречи с Марион с того самого дня, когда он, задумавшись, ехал по лесу и вдруг глазам его предстало прелестное видение, смутившее его покой. И как потом он не раз встречал ее на этой тропинке, и сердце говорило ему, что это не случайные встречи... А потом эта перчатка, упавшая с руки... Как долго он не решался поверить, что она предназначалась ему! Но после того свидания в парке, когда она сама призналась, что уронила ее нарочно, когда он из ее уст услышал, что он владеет ее сердцем, что она принадлежит ему навеки, – как может он сомневаться в ее любви?

Однако он сомневался, и эти мучительные сомнения, вызванные ревностью, заставляли его подозревать Марион в легкомыслии и кокетстве. Она могла расточать улыбки и нежные взгляды, говорить нежные слова – так просто, из прихоти. Сегодня она подарила любовный сувенир ему, завтра – другому. Словом, он не мог отделаться от мысли, что Марион просто играла с ним.

Из всех пыток, которым способна подвергнуть ревность любящее сердце, эта – самая мучительная. Любовь без ответа причиняет страдание, но когда вам клянутся в любви, поощряют ваше чувство лживыми обетами и признаниями, а потом вы прозреваете и видите, что это обман, – тогда ревность становится поистине чудовищем.

Никакая жестокость не сравнится с жестокостью ветреной кокетки.

Но неужели Марион Уэд может быть кокеткой? Сотни раз Голтспер задавал себе этот вопрос. Сотни раз пытался отогнать подозрения. Но, увы, всякий раз язвительный голос ревности, прокрадшейся в его душу, отвечал: «Что ж, возможно».

И разум его, отравленный тем же ядом, покорно соглашался: «Да, так оно, вероятно, и есть».

Быть может, Генри Голтспер был склонен считать это вероятным потому, что в лучшую пору его жизни, в расцвете молодости и счастья, ему пришлось на горьком опыте изведать женское коварство.

– Ведь не может этого быть! – повторял он, в сотый раз возвращаясь к мучившим его сомнениям. – Она должна знать, что я здесь. Не может не знать! И хоть бы раз поинтересовалась, прислала записку... Наверно, и в инквизиторской темнице я не чувствовал бы себя таким покинутым. Может быть, им запретили общаться со мной? Хотелось бы думать, что это так. Ведь нельзя же сразу прервать дружбу, начавшуюся так сердечно? Почему же они все сразу вдруг отвернулись от меня? Ах, чего только не делали и не сделают люди, лишь бы избежать нависшей над ними опасности! Может быть, они все отреклись от меня, и она также отказалась от человека, знакомство с которым может навлечь на нее подозрения? Может быть, вот сейчас, по ту сторону этих толстых стен, идет веселье и они все принимают в нем участие – и семья и гости? Может быть, она-то и веселится больше всех? Ее новый избранник сидит рядом с ней и нашептывает ей на ухо нежные слова, завлекая ее своими лукавыми речами, на которые он такой мастер. А она улыбается, слушая его? О!

Он невольно застонал, потрясенный этой картиной, созданной ревнивым воображением.

Но это было только воображение. Если бы его глаза могли в эту минуту проникнуть сквозь толстые стены, он убедился бы, как несправедливы и безосновательны его упреки и подозрения. Он увидел бы, что Марион Уэд страдает не меньше, чем он, и по той же причине.

Она была одна в своей спальне. И хотя она уже давно сидела там затворившись, постель ее все еще оставалась несмятой. Шелковое покрывало не было откинута, и по всему было видно, что Марион и не собирается ложиться.

Прошлую ночь она также провела без сна, в тревоге за своего возлюбленного. Но ее тогда не терзали сомнения в его верности. Под утро, успокоившись, она заснула так крепко,

что не слыхала, как мимо ее окна проехал целый конный отряд – тридцать закованных в сталь кирасиров, бряцающих оружием. Марион проснулась, когда было уже совсем светло; ее разбудил шум, от которого нельзя было не проснуться; рев трубы, звонкое ржание лошадей, громкая команда врывались в комнату, как будто к дому приближалась конница. Марион вскочила с постели, а за ней Лора.

Она, дрожа, остановилась посреди комнаты, не решаясь подойти к окну. Но Марион недолго колебалась. Предчувствие недоброго, снова охватившее ее, не позволяло ей оставаться в неведении; схватив шарф, попавшийся ей под руку, она набросила его на плечи и быстро скользнула к окну.

Глазам ее представилось ужасное зрелище. Под самым окном, по аллее, идущей мимо дома, медленно двигался эскадрон кирасиров; на правом фланге капитан Скэрти, на левом – его субалтерн Стаббс; посреди на черном, как смоль, коне ехал всадник, выделявшийся своей благородной внешностью, но связанный по рукам и ногам.

Марион сразу узнала Генри Голтспера, но ее помертвевший взгляд был прикован не к его лицу, а к пучку увядших красных цветов, свисавших с полей его шляпы.

Марион внезапно отшатнулась от окна и без чувств упала на пол.

Неудивительно, что после такого удара Марион теперь было не до сна, и она не собиралась ложиться.

Наоборот, она намеревалась выйти из дому; на ней был темный бархатный плащ, совершенно скрывавший ее фигуру, а на голове капюшон, низко надвинутый на лоб, так что почти не видно было ни лица, ни чудесных золотых волос.

Лицо Марион, если бы его сейчас можно было разглядеть, показалось бы бледнее обычного; глаза у нее распухли и ещё не совсем высохли от слез. Одна только Лора видела эти слезы и знала, почему плакала Марион. Она целый день просидела с ней в ее комнате, но вечером Марион попросила ее идти к себе, сказав, что ей хочется побыть одной. Хотя Лора была посвящена во все тайны кухни, на этот раз Марион утаила от нее то, что собиралась сделать.

Весь день перед ее глазами стояло страшное зрелище, которое она видела утром. Человек, которого она любила со всем пылом первой чистой любви, перед которым она преклонялась, – этот человек в руках жестокого и мстительного врага! Его везли, как преступника, связанного, под стражей; он перед всеми опозорен. Нет, разве это может опозорить благородного патриота! Но жизнь его теперь в опасности...

Не это вызвало жгучие слезы на глаза Марион, не это заставило ее без чувств упасть на землю. И слезы и обморок вызваны были не состраданием к узнику Генри Голтсперу, а горечью обманутой любви, отравленной ревностью. Причиной всему были цветы, которые Марион увидела на шляпе Черного Всадника.

Подумать только, он носит их – и даже в такую минуту! В минуту бедствия, как будто для того, чтобы показать, как они для него священны!

От этой мысли Марион и лишилась чувств.

Она скоро пришла в себя, но мир в ее душе был нарушен. Весь день она провела в мучительном волнении. Горькие мысли сменялись одна другой. Любовь, ревность, сочувствие, негодование боролись в ее душе.

Но вот наступила ночь, и злоба и ревность отступили, благородные чувства одержали верх. Любовь и сострадание победили! То, что задумала совершить Марион, свидетельствовало не только о силе ее любви, но и об ее благородной самоотверженности.

Если бы Голтспер увидел ее сейчас и если бы он догадался о том, что она задумала, как стыдно ему стало бы за те обвинения и упреки, которым он, в горьком отчаянии, позволил сорваться со своих уст!

Глава 43

ПОСЕЩЕНИЕ УЗНИКА

Может показаться странным, что у двух совершенно разных людей возникла одновременно одна и та же мысль. Но сведущие психологи не удивились бы такому совпадению. Одинаковые обстоятельства приводят к одинаковым результатам как в умственном, так и в вещественном мире. Подобное совпадение мы видим на примере Марион Уэд и Элизабет Дэнси, когда знатная леди и бедная простолюдинка воодушевились одной и той же мыслью.

Они любили одного и того же человека – Генри Голтспера, томившегося в тюрьме, и обе думали, как бы его освободить; если что и могло бы показаться странным, так это то, что план, придуманный ими, в точности совпадал.

Бархатный плащ с капюшоном, в который, выходя из дому, закуталась Марион Уэд, служил той же цели, что и грубый плащ дочери лесника.

Обе, руководясь одним и тем же побуждением, выбрали для осуществления своего смелого замысла самое безопасное время – полночь.

Это был не случайный выбор. Днем они разузнали все, что касалось узника. Верная служанка Марион, давняя знакомая Уайтерса, сообщила ей, что он будет в карауле у тюрьмы от двенадцати до двух часов ночи. Кроме того, она рассказала ей, каков этот Уайтерс, что он собой представляет, и Марион из ее рассказа убедилась, что его нетрудно подкупить.

Час, выбранный обеими, имел еще то преимущество, что все обитатели усадьбы в это время обычно уже спали и, следовательно, было меньше риска попасться с этим небезопасным делом.

Дочь лесника опередила Марион Уэд на каких-нибудь десять минут, и это было чистой случайностью.

Бет Дэнси уже вошла в калитку, когда Марион Уэд тихонько выскользнула из комнаты и, пройдя по темному коридору, стала осторожно спускаться по парадной лестнице.

Голтспер в своей темнице услышал, как башенные часы медленно и гулко прозвонили двенадцать ударов – полночь!

– Хотел бы я, чтобы это был полдень! – промолвил он, когда они отзвонили. – Если правда, что я слышал сегодня утром, то завтра в это время я буду уже далеко отсюда. И так, меня ждет Тауэр. А потом – увы! – может быть, плаха! Что мне страшиться этого слова? Не лучше ли смотреть правде в лицо? Я знаю, мстительность этой низкой женщины, преследовавшей меня всю жизнь за то, что я не ответил на ее чувства, не удовлетворится ничем, кроме моей головы. Я узнаю ее руку в этом постскриптуе в королевской депеше; во всяком случае, если он и написан не ею, – она продиктовала его... Поскорей бы уж настал час отъезда! Даже в стенах Тауэра мне будет не так тяжело, как здесь, когда по одну сторону – ад, а по другую – рай. Я могу только мечтать о рае, в котором существует Марион. Как я люблю ее! И она так близко от меня, дышит со мной одним и тем же воздухом, но – увы! – даже и не помнит о моем существовании! А может быть... Что это? Шаги снаружи? Часовой с кем-то говорит... Женский голос!.. Наверно, какая-нибудь служанка прокралась сюда поболтать с часовым... Поздно, пожалуй, для болтовни. Но, может быть, она нарочно выбрала такой час? Как я завидую и этой девушке и ее возлюбленному-солдату, что им так легко видеться! Мне завидно, с какой легкостью у них начинаются и обрываются эти случайные связи! И никаких мучений! Завтра он может уехать, а послезавтра она будет так же весела, как всегда. Как не похоже это на то, что чувствую я! Ни разлука, ни ужасы Тауэра не изменят моего чувства. Если им суждено умереть, то только со мной – под топором палача!.. Они шепчутся у самой моей двери... Если приложить ухо к замочной скважине, может быть, я что-нибудь и услышу... А зачем мне слушать их жалкие сердечные тайны?.. А если я смогу услышать что-нибудь о себе или о ней? Пожалуй, стоит прислушаться.

Узник поднялся на ноги, но тут же, едва не упав, снова опустился на скамью.

– Ах, черт возьми! – вырвалось у него. – Я и забыл, что у меня ноги связаны. Пожалуй, то, что я могу услышать, не стоит таких усилий. Пусть себе секретничают, какое мне до них дело!

И он спокойно остался сидеть, но время от времени невольно поворачивал голову и

настороженно прислушивался.

Он услышал шаги у самой двери; голоса теперь были слышны совсем отчетливо.

«Так и есть! – подумал Голтспер, прислушиваясь. – Нежная парочка! Он пристаёт, чтобы она его поцеловала... Что это? Как будто ключ поворачивается в замке... Может ли это быть? Они идут сюда?»

Замок щелкнул, послышался звук отодвигаемого засова, и дверь тихо приоткрылась. В тусклом свете фонаря Голтспер смутно различил две фигуры: одна из них, несомненно, была женская.

Мужчина шел впереди – это был караульный. Он просунул голову в комнату, но остался стоять в дверях.

– Вы спите, мастер? – спросил он громким шепотом, но отнюдь не грубо.

– Нет, – ответил узник таким же осторожным шепотом.

– Так вот, тут барышня желает с вами поговорить... А как я думаю, вам не очень удобно разговаривать с ней в темноте, я уж тут поставлю свой фонарь. Только вы, пожалуйста, не задерживайте ее, а то как бы мне не влетело за это...

И, тотчас же повернувшись, солдат пошел за фонарем, а женщина, проскользнув мимо него, вошла в кладовую.

Слово «барышня» повергло Генри Голтспера в радостное смятение. Значит, он ошибся, думая, что эта полночная гостья – служанка из усадьбы. Может быть, это ее хозяйка?

В тусклом свете он видел женскую фигуру, плотно закутанную в плащ с капюшоном. Под этим плащом трудно было отличить крестьянку от королевы. Фигура была высокая, статная. Такая же, как у Марион Уэд!

Пылкое воображение Голтспера недолго обманывало его. Рука часового протянулась в открытую дверь и поставила на скамью фонарь. Свет упал на фигуру гостьи, осветив красный плащ и смуглое цыганское лицо с темными сверкающими глазами, – это было красивое лицо, но оно ничем не напоминало ангельское личико Марион Уэд.

«Это не она!.. Боже, это девица Марианна!»

В глазах Голтспера, только что сверкавших надеждой, мелькнуло разочарование. К счастью, Бетси не заметила этого: неверный свет фонаря избавил ее от такого огорчения.

– Бетси! – вскричал Голтспер, оправившись от изумления. – Вы здесь... Что вас привело ко мне в тюрьму?

– Тише! – прошептала девушка, отходя от двери, которую часовой из предосторожности прикрыл за собой. – Говорите шепотом! Я пришла спасти вас, вывести из этого ужасного места!

– Да разве это возможно? Дверь охраняют, снаружи стоит часовой. Как же можно выйти отсюда незамеченным?

– Конечно, вас увидят, но это неважно. Если вы сделаете все так, как я вам скажу, вы спокойно выйдете, и вас никто не задержит. Отец и Грегори Гарт все уже обдумали. Они ждут вас на опушке леса, на холме, прямо за домом.

– Ну, а что же я должен сделать? Говорите, милая Бетси!

– Вы наденете мой плащ – он длинный и закроет вас до пят. Но на случай, если он будет короток, я захватила с собой еще юбку. Вот она. И Бетси, откинув плащ, показала толстую суконную юбку, которую она держала под мышкой.

– Скорее, сэр! – настойчиво торопила она. – Одевайтесь как можно скорее ведь он может с минуты на минуту войти!

– Что? – в изумлении воскликнул Голтспер, глядя с невольным восхищением на эту смелую девушку. – Вы хотите, чтобы я вышел, переодевшись в ваше платье, и оставил вас здесь?

– Ну конечно же! Ведь другого способа нет. Мы не можем выйти вместе. Вас сейчас же задержат и меня вместе с вами – за попытку вывести вас. Вы должны выйти один.

– И оставить вас здесь расплачиваться за мое бегство? Нет, благородная девушка! Я скорее умру, чем сделаю это!

– Ах, сэр, ведь это же безумство! Делайте так, как я вам говорю. Не бойтесь за меня. Что они могут сделать девушке, которой терять нечего! Да, кроме того, я уверена, что он выпустит меня. Какой ему прок, если он меня задержит! Все равно ему придется за вас отвечать и это его не спасет.

Тот, кого Бетси называла «он», расхаживал между тем взад и вперед мимо двери, явно обнаруживая нетерпение.

– О, сэр, прошу вас, умоляю – бегите! Или... я... мы больше никогда не увидим вас!

Голос ее дрогнул, и это не ускользнуло от внимания Голтспера. Ее мольбы невольно заставили его поколебаться. Пожалуй, она была права, и ей, по всей вероятности, удастся выпутаться или отделаться каким-нибудь небольшим взысканием. А может быть, она сумеет провести часового и скрыться... Голтспер знал, что она умная и находчивая девушка.

– Не бойтесь за меня, сэр, – повторила Бетси, словно угадав его мысли. Я сумею с ним справиться. Он сделает все, что я захочу! Знаю, что сделает!

– Если бы я мог быть уверен...

– Вы можете быть уверены... – перебила она, разрезая веревки, которыми он был связан, – вы можете быть уверены! Предоставьте его мне!.. Вот плащ, сэр... Нет, сначала наденьте юбку. Вот так, закрепим ее. Теперь плащ... Так! Спрячьте голову под капюшоном, надвиньте его пониже на лицо... Так, хорошо. Когда вы выйдете, не останавливайтесь разговаривать с ним. Он будет пытаться вас поцеловать, я знаю, а вы повернитесь и сразу бегите к воротам. Калитка закрыта на щеколду. Как выйдете, бегите что есть силы прямо к лесу на вершине холма. Там встретите отца и вашего слугу Грегори Гарта. Сейчас темень, ни зги не видно. Фонарь я оставлю здесь, пока вы не выйдете за ворота. Ручаюсь, что он примет вас за меня, только вы повернитесь, чтобы он не успел вас поцеловать! Смотрите, не подпускайте его, а сразу бегите к воротам! Готовы? Ну, ступайте!

Голтспер, закутанный в плащ Бетси, которая осталась теперь в одном платье и с непокрытой головой, окинул ее на прощанье ласковым, признательным взглядом. Ей показалось, что она прочла в этом взгляде любовь... Увы, это была только благодарность!

В эту минуту часовой постучал алебардой в дверь, чтобы они поторопились.

– Иду, мастер Уайтерс, иду! – тихонько отозвалась Бетси, приложив губы к замочной скважине. – Откройте, выпустите меня!

Засов сразу отодвинулся – Уайтерсу не терпелось получить обещанный поцелуй. Дверь приоткрылась и закутанная фигура скользнула в темноту.

Уайтерс, не заходя за фонарем, тотчас же захлопнул дверь. Ему сейчас совсем не нужен был свет – ему хотелось побыть с Бетси. За фонарем он всегда успеет вернуться, а сейчас он спешит насладиться приятными минутами, которых он ждал с нетерпением. Он задержался, только чтобы задвинуть засов, а то как бы узнику не вздумалось выйти!

Это заняло у него всего несколько секунд, но, когда он повернулся, раздался стук щеколды, и в ту же минуту он увидел, как закутанная в плащ фигура мелькнула в открытой калитке. Миг – и она исчезла, громко стукнув дверью!

Надеясь, что еще не все потеряно и, может быть, ему все-таки удастся сорвать поцелуй, Уайтерс бросился к воротам и выскочил за нею в калитку.

– Вот подлая девка! – пробормотал он, вглядываясь в темноту. Удрала-таки! Бетси! Эй, Бетси! Вернись! Ты же должна сдержать свое обещание.

Уайтерсу казалось, что она не успела далеко уйти, он видел, как она пробежала шагах в двадцати от ворот и вдруг точно растаяла у него на глазах... И сколько он потом ни смотрел, нигде ее не было видно. Он не решался окликнуть ее погромче, опасаясь, как бы на его голос не прибежала стража с внутреннего двора.

– Эх, чертова девчонка! – бормотал он. – Ведь вот как надула меня с этим поцелуем! Ну да в конце концов не так уж это важно, – утешал он самого себя. – Отложим до завтра, а тогда уж я за все наверстаю! Она, видно, боялась этой леди, которая ее послала, – как бы та не лишила ее обещанной награды. Что ж, может, она и права. Ведь со мной-то она всегда может увидеться!

И с этой утешительной мыслью Уайтерс вошел в калитку и направился к кладовой, где сидел узник, чтобы взять оставленный там фонарь.

Глава 44

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Пройдя несколько шагов, Уайтерс вспомнил, что оставил калитку на щеколде. Опасно открывать дверь в кладовую, когда калитка не заперта: не дай Бог, арестант сбежит! Голтспер крепко связан по рукам и ногам, но на своем солдатском опыте Уайтерс убедился, что не один узник освобождался от таких пут.

Чтобы избежать этой опасности, он снова повернул к воротам: запереть калитку.

Подойдя к ней, он остановился и, приоткрыв ее, еще раз огляделся по сторонам. А может быть, Бетси вернется? Кто знает... может быть, она убежала, чтобы подразнить его?

Он напряженно вглядывался в темноту и вдруг увидел, как из-за угла дома показалась женская фигура, с головой закутанная в плащ. Она явно приближалась к нему. Кто же это мог быть, как не Бетси!

– Ну вот, значит, она не ушла! – обрадовавшись, вскричал Уайтерс. – Мне показалось, что она побежала в другую сторону, но я, видно, ошибся. Конечно, это она! В плаще с капюшоном. Я должен был знать, что она не уйдет от моего поцелуя! Завтра – своим чередом, но не надо упускать и сегодня!

Поздравляя себя с возвращением своей милой, Уайтерс ухмылялся, воображая, как он ее сейчас поймает и чмокнет. Между тем закутанная фигура приблизилась к воротам и остановилась в нескольких шагах от него.

– А я уж думал, ты сбежала и обманула меня, милочка Бетси! – сказал он и шагнул ей навстречу. – Как я рад, что ты вернулась! Отчего это у тебя такой испуганный вид? Да подойди же поближе, чего ты боишься? Ты же обещала поцеловать меня, а, Бет?

И он уже хотел схватить ее в свои объятия, как вдруг яркая вспышка молнии прорезала темноту и он увидел перед собой не Бет, с которой он только что расстался, не девушку в крестьянском плаще, но знатную даму, одетую в шелка и бархат! На тонких белых пальцах, поддерживавших капюшон, сверкнули драгоценные кольца...

«Должно быть, это та самая леди, что послала Бетси, – думал Уайтерс. Верно, ей надоело ждать, вот она и пришла сама. А может быть, она надеется и повидать его? Что ж, за поцелуй я не прочь впустить и ее, хотя мне, признаться, приятней поцеловать Бетси».

– Добрый вечер, сэръ! – приветливо сказала леди, явно удивленная странным поведением часового.

– Добрый вечер, мисс! – учтиво ответил Уайтерс. – Разрешите спросить, что вам угодно? Ночь-то уж больно темная, да и время позднее. Не страшно ли выходить одной такой молодой леди?

– Если я не ошибаюсь, вы, кажется, Уайтерс, – сказала леди, подходя поближе к часовому и откидывая с головы капюшон. Она не побоялась открыть лицо: вряд ли часовой мог узнать ее в такой темноте.

– Уайтерс, миледи! Уильям Уайтерс к вашим услугам!

– Благодарю вас, мистер Уайтерс! В самом деле я хочу попросить вас об одной услуге.

– Извольте, миледи! Чем могу вам служить? – отозвался молодой кирасир.

– Вы сторожите заключенного... не буду называть его имени – ведь он только один и есть. Мне надо видеть его... По очень важному делу.

– Ага, понимаю! – сказал Уайтерс с глубокомысленным видом.

– Мне нужно сказать ему несколько слов. Вы можете мне в этом помочь?

– Конечно, могу, – отвечал часовой, – если только вы уверены, что вам необходимо повидать его самой.

– Да-да, необходимо!

– А я, значит, не так понял! Я думал, вам надо было только передать ему что-то с той

девушкой, которую вы послали. Она уже была здесь, видела его и ушла. А вы, верно, с ней разминулись?

– С кем?

– Да вот с той девушкой, которую вы к нему посылали.

– Я... я никого не посылала.

Она едва вымолвила эти слова; голос ее прерывался от волнения.

«Эге! – подумал Уайтерс. – Так, значит, это еще кто-то скучает по моему арестанту! Ну и хват этот Голтспер! Похоже, все здешние дамы бегают за ним. Ну что ж, надо быть справедливым. Чем эта хуже той, которая посылала Бетси? Эта сама пришла, а не посылала других. Выходит дело – по справедливости, надо ее пропустить».

– Вот что, миледи, – сказал он, обращаясь к посетительнице, – я не возражаю, пропущу вас на минутку, только обещайте, что вы не будете задерживаться.

– Обещаю вам, милый Уайтерс! И вот вам награда за это. Примите мою благодарность за вашу благородную доброту!

Белая ручка с тонкими пальчиками, унизанными драгоценными кольцами, выскользнула из-под плаща, и в свете непрерывно полыхавших молний Уайтерс увидел розовую ладонь, полную золотых монет.

Не говоря ни слова, он быстро протянул свою громадную лапищу, и, едва нежная ручка, коснувшись его ладони, высыпала на нее пригоршню золотых монет, он тут же зажал их в кулаке и мигом переправил в карман.

– Дайте мне вашу руку, миледи, – сказал он, входя в калитку, и, взяв дрожащие пальчики своей спутницы, осторожно повел ее за собой.

Они прошли по темному проходу и остановились у двери кладовой. Уайтерс отодвинул засов и приоткрыл дверь.

– Эй, мастер! – окликнул он из-за двери. – Здесь к вам еще одна дамочка поговорить пришла, но только не задерживайтесь, как в прошлый раз... Проходите, миледи, он вас ждет.

Поддержав ее, чтобы она не споткнулась о порог, Уайтерс закрыл за ней дверь на засов, а сам направился к калитке. Он все еще не оставил надежды увидеть Бетси, а кроме того, ему не терпелось проверить свое сокровище и убедиться еще раз, при свете молнии, что монеты золотые.

Если бы фонарь, оставленный Уайтерсом в кладовой, стоял, как и прежде, на скамье, Марион Уэд (читатель, разумеется, уже догадался, что это была она) ни минуты не оставалась бы в заблуждении. Но когда Бет Дэнси, оставшаяся на месте Генри Голтспера, услышала, как отодвигается засов, она подумала, что это проверка или смена караула и, испугавшись, что ее обнаружат, схватила фонарь и поставила его в угол за ящик.

Кладовая погрузилась во мрак, и Бетси, надеясь, что ее, может быть, не узнают и примут в темноте за Голтспера, снова уселась на скамью.

Так оно и случилось. Марион робко приблизилась к скамье и дрожащим голосом произнесла имя Голтспера.

Голос, ответивший ей, сразу вывел ее из заблуждения. Это был не Голтспер, ошибиться было невозможно: ей ответила из темноты женщина.

Прежде чем Марион успела прийти в себя от изумления, фигура, сидевшая на скамье, поднялась и, сделав несколько шагов, остановилась у стены, на которую падал свет от стоявшего вблизи фонаря.

Марион Уэд узнала это лицо, оно не раз преследовало ее во сне: перед ней стояла Бет Дэнси!

Глухой стон вырвался из груди Марион. Она поняла все!

Так, значит, это и есть та девушка, которую будто бы послали с поручением к узнику! Кто же ее мог послать? Никто. Она пришла сама, а он скрылся. Она пришла спасти его и осталась на его месте.

Эти мысли с лихорадочной быстротой пронеслись в голове Марион, в то время как она молча смотрела на стоявшую перед ней Бетси.

И Бетси тоже смотрела на нее, не говоря ни слова; она догадалась, что привело сюда эту леди, закутанную в бархатный плащ. Если черные волосы и темные сверкающие глаза дочери лесника преследовали во сне Марион Уэд, то и Бет Дэнси нередко лишала покоя златокудрая леди с сияющими голубыми очами.

Соперницы стояли друг против друга: Марион – подавленная, смущенная, Бет – довольная, торжествующая.

Несколько секунд длилось это гнетущее молчание. Наконец Марион повернулась, чтобы уйти, но Бет окликнула ее:

– Вы звали Генри Голтспера, мисс Марион? Его здесь нет.

– Я это и без вас вижу, – холодно ответила гордая Марион, задетая вызывающим тоном дочери лесника.

– Но ведь вы думали, что он здесь, не правда ли?

Марион не сочла нужным ответить.

– Ясно, а то зачем бы вам приходиться сюда! Вы хотели освободить его, да только вы опоздали, мисс Марион! У мистера Голтспера есть друзья, которые заботятся о нем не меньше вашего, а может быть, еще и побольше. Вы видите здесь одного из его друзей.

– Это вы его друг?

Этот вопрос вырвался у Марион потому, что она вспомнила, что ей говорил Уайтерс о какой-то девушке, которую послала знатная леди.

Быть может, Бет и есть эта посланница и у Марион есть какая-нибудь тайная соперница одного с нею круга?

Эта мысль несколько утешила Марион, воскресив в ней надежду, но ответ Бетси мгновенно уничтожил их:

– Странный вопрос, мисс Марион! А кого же вы видите здесь, как не меня? Да, я не побоялась рискнуть жизнью, чтобы спасти его! Вы думаете, я пошла бы на это ради кого-нибудь другого! Нет! Будь это хоть сама королева – а она, я слышала, тоже любит его, как вы и я!

– Не такой уж это большой риск, – возразила Марион, возмущенная дерзким тоном своей соперницы. – Вы-то, во всяком случае, не многим рискуете!

– Вот как! Ну, а вы, если бы вовремя явились и спасли его, а? Вы ничем не рискуете?

Марион повернулась и пошла к двери, не желая продолжать этот разговор, от которого у нее разрывалось сердце.

– Постойте! – воскликнула ее мучительница, словно наслаждаясь страданием своей жертвы. – Вы, кажется, огорчены, что лишились случая доказать мистеру Голтсперу свою дружбу? Вы хотите что-нибудь сделать для него? Так вот, оставайтесь здесь на моем месте и выпустите меня. А я обещаю вам рассказать об этом мастеру Голтсперу, как только его увижу. Поверьте, это будет услуга ему! Ну как, согласны?

– Дерзкая девчонка! Отстаньте от меня с вашими дурацкими предложениями! Я больше не желаю разговаривать с вами!

И Марион, дрожа от негодования и обиды, громко постучала в дверь, забыв о всякой осторожности и о предупреждениях часового.

Уайтерс уже давно сторожил у двери и мигом отодвинул засов.

Леди молча переступила порог и быстро пошла к воротам.

Когда Марион вышла из калитки, ее чуть не сбilo с ног ветром. Дождь лил как из ведра, но она шла, не разбирая дороги, не замечая ни ветра, ни дождя.

В груди Марион тоже бушевала буря, и мрак, царивший в ее душе, не уступал мраку, окутавшему небо и землю.

Генри Голтспер более не существовал для нее. Ее даже не радовало его освобождение, хотя всего каких-нибудь полчаса назад она готова была на все, чтобы освободить его.

После того как она так долго мечтала о нем, после того как она, поборов свою стыдливость, сама открылась ему в любви, узнать, что ее покинули... нет, хуже! – просто пренебрегли ею ради вот этой грубой простолюдинки! О, как это было унижительно! Какой

мучительной горечью была отравлена ее душа! С каким жгучим стыдом вспомнила она о своем ослеплении! И как она могла не видеть этого раньше, когда все это было так явно, у нее на глазах! Конечно, эта связь между ними существует уже давно. Только любовь могла побудить дочь лесника отважиться на такой шаг. И как она должна быть уверена в его любви, чтобы пойти на такое самопожертвование! Какая женщина решится на это ради человека, который ее не любит?

Так рассуждала Марион Уэд, хотя она рассуждала не совсем правильно.

Ведь это могла быть просто случайная связь, а не настоящая любовь. Принимая во внимание огромную разницу в общественном положении обоих, такая связь казалась бы наиболее вероятной.

Но если даже такое предположение приходило в голову Марион, ей от этого было ничуть не легче. Напротив, это еще сильнее заставляло ее чувствовать свое унижение.

Не помня себя, Марион бежала по темному парку и не заметила, как очутилась около веранды.

Но вместо того чтобы укрыться от грозы под ее кровлей, она остановилась у крыльца и, откинув капюшон, подставила свое пылающее лицо холодным струям дождя и яростному ветру, как будто надеясь, что это принесет ей облегчение. Так она стояла, ломая руки, и словно взывала к небесам.

– О! Если бы я могла излить свое горе в слезах, как эти черные тучи проливаются дождем! Завтра от них не останется и следа, небо будет светло и ясно, а для меня и завтра будет все тот же мрак! О Боже, мне больше ничего не осталось в жизни! Один мрак!

– Марион!

Голос этот раздался как будто с неба. Что это? Неужели ей показалось? Может быть, это отдаленный раскат грома? Но разве гром может звучать так нежно? Вот опять и где-то совсем близко:

– Марион!

Яркий свет молнии озарил хорошо знакомое ей лицо и высокую фигуру – перед ней стоял Генри Голтспер!

Глава 45

БУРЯ И ПОКОЙ

Чтобы объяснить присутствие здесь Голтспера, вернемся к тому моменту, когда он, выбежав из калитки, бросился в кусты, чтобы, минуя лужайку, незаметно пробраться к тому месту, где его дожидались Дэнси и Гарт. Он помнил, что где-то здесь поблизости, за кустами, начинался ров, окружавший усадьбу. Спуститься в него не представляло труда, так как он сейчас был без воды. Укрывшись за высокой стеной вала, Голтспер мог спокойно пройти по сухому дну и, обогнув дом, выйти к склону холма против западной стены. Если даже за ним сразу погнались, ров будет для него надежным укрытием.

Подойдя к откосу, Голтспер спрыгнул вниз и прежде всего сбросил с себя сковывавшую его движения юбку и плащ.

Затем он осторожно выглянул за парапет вала, чтобы удостовериться, нет ли за ним погони. Это было как раз в тот момент, когда часовой вышел за калитку посмотреть, не вернулась ли Бетси. Голтспер в темноте не мог видеть, но слышал, как стукнула щеколда, и до него донеслось бормотанье солдата.

Внезапно сверкнула молния, и глазам Голтспера предстала высокая женская фигура и изумленное лицо часового. Голтспер сразу узнал Марион Уэд, и в первое мгновение его охватило чувство возмущения и боли.

Что привело ее сюда, в этот поздний час? Может быть, она пришла сюда на свидание со Скэрти?

Но эти ревнивые подозрения сразу сменились чувством бурной, ликующей радости, когда он увидел, как она протянула часовому пригоршню золота.

«Как я мог подозревать ее! – с раскаянием подумал Голтспер. – Она пришла ко мне в темницу. Я должен искупить свою вину перед ней! Скэрти украл перчатку – в этом нет сомнений. Если она пришла ко мне, если она, рискуя всем, решилась на такой отчаянный шаг, как смею я подозревать ее в кокетстве? Ах, я готов рискнуть свободой и даже своей головой, лишь бы узнать наверняка, что она пришла сюда ради меня!»

Он попытался выбраться изо рва, чтобы вернуться к воротам. Но ему это не удалось, так как парапет был много выше его головы, хотя ему было видно поверх него, когда он поднимался на выступ противоположной стены. После нескольких безуспешных прыжков он убедился, что ему все равно не дотянуться до края и что все его усилия тщетны.

«Но ведь есть же мостик! – вспомнил он. – И, кажется, где-то здесь, недалеко...»

Он пошел вдоль наружного края рва, не думая о том, что его могут увидеть. Кругом стоял кромешный мрак. Едва он успел сделать несколько шагов, хлынул дождь. Идти стало еще труднее, нога скользила по глинистому откосу рва, а когда он наконец, выбравшись наверх, подошел к мосту, ворота на нем оказались закрыты. При всей его ловкости, Голтсперу стоило немалого труда перелезть через них; но наконец, одолев это препятствие, он очутился по ту сторону рва, в кустах около цветника.

Отсюда ему были видны ворота, ведущие во двор, но там, по-видимому, никого уже не было. Он с огорчением подумал, что опоздал, но в ту же минуту услышал стук открываемой калитки и в резком, ослепительном свете молнии увидел темную фигуру в плаще, быстро двигавшуюся к дому.

Голтспер стоял, не двигаясь с места. Может ли он быть уверен в том, что она приходила к нему? А если это не так, каково будет его положение? Конечно, он не боялся предательства. Но что он может сказать Марион, встретившись с ней? Он будет только смешон. Не лучше ли избежать этой встречи?

Но его колебания длились всего несколько секунд. Ведь это, может быть, последний раз, и больше у него уже не будет возможности поговорить с Марион!

Эта мысль придавала ему смелости. Он вышел из кустов и, видя, что Марион остановилась около веранды, тихонько подошел сзади и окликнул ее.

Марион, услышав его голос, в первую минуту забыла обо всем.

– Это вы, Генри! – воскликнула она, задыхаясь от радости, что видит его свободным и невредимым.

Вдруг она вспомнила, кому он обязан своей свободой, и дерзкие речи его спасительницы снова зазвучали у нее в ушах. Она смерила его холодным взглядом.

– Я, право, удивлена, сэр, – сдержанно продолжала она. – Мне казалось, что к этому времени вы должны быть уже далеко от этих мест.

– Да, должен, но...

– Вы можете, не колеблясь, сказать мне, что вас задержало. Я знаю причину. Ее угадать нетрудно.

– Марион!

– Я не сомневаюсь, что ваша спасительница скоро присоединится к вам!

– Значит, вы знаете, как мне удалось бежать? – воскликнул обрадованный Голтспер. Из слов Марион он понял только одно: она была у него в темнице; ему и в голову не пришло заподозрить здесь какой-то намек. – Вы были там? Вы видели...

– ...ту, которая вас заменила, сэр. Неудивительно, что вы беспокоитесь о ее судьбе – она оказала вам большую услугу. Могу успокоить вас: она чувствует себя прекрасно, она горда своим подвигом... и вот только разве немножко беспокоится, как бы ей поскорее присоединиться к вам. Но вы не волнуйтесь! Она не заставит себя долго ждать. Такая смышленная девушка проведет и дюжину часовых!

– Марион!

– Я понимаю, вам досадно, что это не Бетси! Жаль, что она заставляет вас дожидаться, да еще в такой ливень!.. Ну, я бегу домой от дождя. Доброй ночи, сэр, или, если угодно, доброго утра!

– Марион! Марион! Не уходите! Не покидайте меня! Умоляю вас, послушайте меня!

Эта отчаянная мольба невольно заставила Марион остановиться.

– Я ждал не ее, – сказал Голтспер, начиная понимать странное поведение Марион. – Я ждал вас, Марион, только вас!

– Такая жалкая ложь, сэръ, недостойна вас, недостойна порядочного человека! Как вы могли ожидать увидеть меня здесь? О Боже! И я могла доверить свою репутацию этому человеку, который...

– Который отдаст жизнь свою, чтобы сохранить ее незапятнанной! Поверьте мне, Марион, ведь я только для того и остался, чтобы поговорить с вами. Я увидел вас из-за рва, когда бежал. Разве я мог надеяться на такой счастливый случай! Я видел, как вы подошли к воротам и вошли в калитку. Я чуть не обезумел от счастья, когда подумал, что вы, может быть, пришли навестить меня! Я даже не могу... не могу сказать вам, что я почувствовал... у меня нет слов!

Марион впивала в себя эти слова, и сердце ее, оживая надеждой и радостью, тянулось к нему, как цветок тянется к солнцу.

Капюшон ее все еще был откинут на плечи, ветер трепал ее золотистые волосы, дождь бил ей в лицо, но она ничего не замечала. Голтспер нежно взял ее за руку и повел на веранду.

Глава 46

«БЕГИТЕ, БЕГИТЕ!»

Тишина после бури, день после ночи, солнечное сияние, прогоняющее мрак, пожалуй, только с этим и можно сравнить блаженное состояние влюбленных, переживших такие страшные мучения.

Для обоих это была минута чистейшего счастья, не омраченного никакими сомнениями. Оба даже забыли о том, что привело их к такому ужасному ослеплению и отравило их души ядом ревности. Но после первых минут самозабвенного восторга утихшие подозрения снова проснулись, и Марион вспомнила о цветах на его шляпе, а Голтспер – о злополучной перчатке.

Ни он, ни она не могли объяснить, что это значит. Марион помнила только, что она потеряла свою перчатку, что она долго искала ее и не нашла.

Шляпа Голтспера все еще была у него на голове. До сих пор он не имел возможности снять ее, так как весь день просидел со связанными руками.

Когда Марион сказала ему об этих цветах и он, сорвав шляпу с головы, увидел букет, на лице его выразилось явное недоумение; он молча выдернул цветы из-под пряжки и с негодованием швырнул их прочь. Марион не могла усомниться в его искренности, но, устремив на него грустный взгляд, она положила руку ему на плечо и сказала:

– О, мой Генри, мне страшно подумать... но что, если когда-нибудь вы так же поступите...

– Что вы хотите сказать, Марион?

– Вы знаете, что я хочу сказать, дорогой. Не заставляйте меня говорить. Неужели вы сами не догадываетесь? Ведь вы так умны!

– Дорогая моя, боюсь, что я недостаточно умен и плохо угадываю, что прячется в женской головке... а то я не стал бы...

– Чего не стали бы? – живо перебила его Марион. – Скажите, Генри!

– Не стал бы так долго медлить, не боялся бы сказать вам о своей любви.

Марион было отраднее услышать, что Голтспер уже давно любит ее, но эти слова невольно напомнили ей, что она первая открыла ему свое сердце.

Он и сам понял, как неосторожны были его слова, и поспешил переменить разговор:

– Так что же вы хотели сказать? Что я могу бросить так же, как эти цветы?

– То, что я подарила вам. Мою перчатку, Генри!

– О, если мне когда-нибудь придется бросить ее на землю, как эти увядшие цветы,

клянусь вам, Марион, это будет вызов тому, кто посмеет оспаривать у меня право носить ее! А если это случится, Марион...

– Никогда! – вскричала она, нежно глядя его руку. – Никто, кроме вас, Генри, никогда не будет иметь этого права! Поверьте, поверьте мне!

Голтспер грустно вздохнул и молча прижал ее к своей груди. Если бы сердце Марион не билось так бурно и не помешало ей услышать этот вздох и если бы она в эту минуту могла видеть лицо своего возлюбленного, заглянуть ему в глаза, она, наверно, удивилась бы горестной складке, омрачившей его чело, и, несомненно, спросила бы, что означает этот вздох. Но она спрятала голову на его плече и думала о чем-то своем.

– Вы скоро покинете меня, Генри, – грустно промолвила она. – Я знаю, мы должны расстаться. Но когда же я теперь увижу вас? Вы уедете надолго?

– Я вернусь, дорогая, как только у меня будет возможность.

– Я хочу взять с вас одно обещание, Генри.

– Любое, Марион! Я готов обещать все, что вы потребуете от меня!

– Благодарю вас, Генри! Я не сомневаюсь, что вы сдержите обещание. Посмотрите мне в глаза... я знаю, что вы не умеете лгать.

Голтспер поднял на нее глаза и вздрогнул под ее испытующим взглядом.

– Что вы хотите, чтобы я обещал? – спросил он, стараясь скрыть свое смущение.

– Не бойтесь, Генри! Я попрошу у вас немногого. Вам это, может быть, покажется пустяком, а для меня это все. Я вам сейчас объясню. Только не смейтесь надо мной, я все равно ничего не могу с этим поделать. С тех пор как я узнала, что вы любите меня, я поняла одну вещь: ревность для меня хуже смерти. Я не могу жить и ревновать!

– Но, дорогая Марион, почему вам приходят в голову такие мысли? Что вам бояться ревности? Если она когда-нибудь даст нам почувствовать свое жало, страдать от него буду я, а никак не вы.

– Вы шутите, Генри! Но вы не знаете сердца женщины, которая любит впервые. Вы легко завладели им, но его добивались многие, и никогда до сих пор его никому не удалось завоевать. Вы не знаете, как я люблю вас! Вам кажется, что это мимолетное увлечение взбалмошной девчонки, которое пройдет с возрастом. Но я не девочка, Генри, я взрослая женщина, и я люблю вас!

– Но чем же я заслужил вашу любовь? – воскликнул восхищенный Голтспер. Скажите мне, дорогая Марион, за что вы полюбили меня? Я вдвое старше вас. Я давно утратил ту красоту, которая, быть может, когда-то могла бы увлечь ваше воображение. Как я могу считать себя достойным вашей любви? Я чужой в вашем кругу. В глазах света я авантюрист, и я готов согласиться с этим, если считать авантюризмом попытку помочь угнетенным людям вырваться из-под ига тирана. Простите, что я настаиваю, Марион, но я хочу услышать из ваших уст, за что вы любите меня!

Марион молчала. Не потому, что она не хотела ответить, но потому, что из всех загадок в мире нет большей загадки, чем любовь, и никто не нашел ответа на эту загадку.

– Я не знаю, Генри, – наконец сказала она. – Наверно, есть тысячи причин, но я могу назвать вам только одну: я люблю вас, потому что люблю!

– Радость моя, Марион! Я верю вам! А вы? Неужели вы не верите...

– О Генри! Я знаю, что сейчас вы любите меня...

– Сейчас и всегда!

– Вы можете поручиться за себя, Генри?

– Могу, Марион!

– Я хочу взять с вас обещание.

– Какое, Марион?

– Знаете, Генри, говорят, чувства иногда меняются и это не зависит от нас. Я, правда, этому не верю. Я знаю, что я всегда буду любить вас. Но я вам уже говорила, что для меня ревность хуже смерти. Так вот, вы должны обещать мне...

– Марион, я готов обещать вам что угодно, мое сердце навеки принадлежит вам!

– Так вот, обещайте мне... если случится так, что вы меня разлюбите, вы скажете мне об этом сами, честно, не скрываясь. Обещайте мне это, Генри!

– Но это же бессмысленно, Марион! Зачем я буду давать вам это пустое обещание? Вы знаете, что, пока я жив, я буду любить вас!

– Генри, Генри! Не отказывайте мне, вы же обещали мне исполнить все, чего я ни попрошу!

– Ну хорошо, дорогая! Если вы так настаиваете, я готов не только пообещать, но поклясться, что я всегда буду честен с вами. Если мое сердце когда-нибудь изменит вам, вы тотчас же узнаете об его измене. Что стоит обещать то, чего никогда не случится!

– А если вы будете далеко, Генри, и не сможете со мной увидеться, тогда... тогда вы пришлете мне мою перчатку. Когда она вернется ко мне, я буду знать, что человек, которому я дала ее – вместе со своим сердцем – и который когда-то так дорожил моим даром, возвращает мне его. Это будет лучше всяких слов, потому что услышать из ваших уст эту горькую правду для меня будет равносильно смерти.

– Дорогая моя, я готов подчиниться всему, что вы от меня требуете! Но как бы я хотел убедить вас, что это бессмысленно! Вы никогда не получите обратно вашу перчатку, я не верну ее вам, она слишком мне дорога, дороже всего на свете после этой беленькой ручки, которую она облекала и которая – да поможет мне Бог! – станет моей!

И, прижав к губам эту беленькую ручку, Голтспер нежно поцеловал тонкие пальчики.

Этот поцелуй оказался прощальным. Ярко полыхнувшая молния осветила веранду, и две прильнувшие друг к другу фигуры четко обрисовались в окне. В ту же минуту хриплый, сдавленный стон раздался внизу и чья-то тень мелькнула мимо веранды. Снова вспыхнула молния, они бросились к окну, но там уже никого не было.

– Бегите, Генри! – вскричала Марион. – Эта тень не зря мелькнула, она сулит беду! Вас могут захватить здесь! Бегите, бегите!

Голтспер не стал медлить.

Быстро сбежав с веранды, он бросился в кусты, скользнул с откоса в ров и стал осторожно пробираться к задней стене дома.

Глава 47

ПОГОНЯ

Тень, мелькнувшая за окном веранды, была не кто иная, как Бет Дэнси. Когда щедрая посетительница вышла из двери кладовой, Уайтерс задвинул засов и, движимый чувством уважения и благодарности, пошел проводить леди до ворот. Но, пройдя несколько шагов, он услышал, как стукнула калитка, и, когда он подошел ее запереть и на минутку выглянул в темноту, вблизи уже никого не было.

Он постоял несколько секунд, но, видя, что начинается гроза, пошел обратно в кладовую, чтобы взять свой фонарь.

Отодвинув засов, он открыл дверь и протянул руку за фонарем. Каково же было его удивление, когда, приподняв фонарь, чтобы осветить узника и удостовериться, что все в порядке, он увидел не арестанта, связанного по рукам и ногам, а Бет Дэнси, поднявшуюся ему навстречу! Так вот что означали ее поцелуи! Она одурачила его!

Он опрометью кинулся во двор, чтобы поднять тревогу, и Бетси, воспользовавшись его растерянностью, скользнула в открытую дверь и мигом добежала до ворот. Нащупав в темноте щеколду, она открыла калитку и сразу исчезла в темноте.

Она бросилась бежать к ограде, но вдруг ее точно что-то толкнуло. Она вспомнила приход Марион, и мысль о том, что она, может быть, встретилась с Голтспером, заставила ее повернуть к дому.

Она пошла вдоль стены и, услышав голоса на веранде, тихонько подкралась к окну.

Когда молния осветила две обнявшиеся фигуры, Бетси, не помня себя, чуть не ринулась на веранду. Но в это время со двора послышались бряцание оружия и встревоженные голоса

солдат.

«Погоня за беглецом!» – мелькнуло в голове у девушки. Дикая жажда мести заглушила все чувства в ее душе.

Она отомстит им обоим! Засадит Голтспера в темницу, из которой она его вызволила. Пусть она поплачет о нем, эта гордая леди!

Обезумев от ревности, Бетси стремглав бросилась к воротам, чтобы предупредить стражу. В ту минуту, когда Голтспер соскочил в ров, с полдюжины кирасиров, следуя указаниям Бетси, окружили веранду.

Гроза кончилась. На прояснившемся небе проступили звезды. Осторожно заглянув в раскрытые окна веранды, кирасиры убедились, что здесь нет ни души.

– Нет его здесь! Никаких следов! – мрачно произнес один из кирасиров, в котором по его унылому и испуганному виду нетрудно было узнать одураченного часового. – Господи, что теперь будет со мной!

И, устремив умоляющий взгляд на Бетси, он заговорил с ней шепотом, так, чтобы не слышали другие.

– Да нет, если он и убежал отсюда, – взволнованным, прерывающимся голосом отвечала девушка, – то вот только сейчас, сию минуту! Я хочу, чтобы вы его поймали! И ее тоже вместе с ним! То-то будет позор для этой гордячки!

– О ком ты это говоришь? Об этой леди в бархатном плаще?

– Да не все ли вам равно! Бегите за ним скорей, вы не можете не догнать его! Да ну, ступайте же, тащите его обратно в тюрьму! Тогда мы посмотрим, как она...

– А куда идти-то? В какую сторону? – подходя к ним, перебил ее сержант. Надо знать, где его ловить, а так, наугад метаться, – он у нас из-под носа уйдет.

– Нет-нет, не уйдет! – вскричала девушка. – Я покажу вам, куда идти. Идите прямо парком в самый конец, выйдете на дорогу в Хеджерли, только не идите по ней, а ступайте прямо к Вепсейскому лесу. Они поедут этой дорогой, я знаю, так они уговорились. Скорее! Скорее идемте, я поведу вас!

Пожалуй, не прошло и получаса с тех пор, как этот взволнованный голос, так настойчиво понукавший сейчас стражу, умолял Голтспера бежать...

Неужели это Бет Дэнси, так самоотверженно спасавшая любимого человека, жаждала теперь его гибели?

Может быть, это была хитрость с ее стороны? Может быть, она хотела выиграть время, направить его преследователей по ложному следу и этим помочь ему уйти?

Эти мысли проносились в голове Уайтерса. Его товарищи готовы были послушаться Бетси, но он нерешительно топтался на месте и недоверчиво смотрел на торопившую его девушку.

– А зачем нам тащиться пешком? На конях мы его скорей нагоним, – сказал сержант.

– Нет-нет! – отмахнулась Бетси. – Пока вы будете седлать лошадей, его и след простынет. Идемте, и я ручаюсь, что мы захватим его! Им надо пройти Вепсейский лес, а там их ждут лошади. Но вы его захватите раньше.

– А ты не врешь, Бетси? – спросил Уайтерс. – Ты уже меня раз одурачила. Но знай, я тебя не выпущу, пока он не будет у меня в руках!

– Дурень ты! – огрызнулась на него девушка. – Разве я тебе не говорила, почему я помогла ему убежать? Леди, которая меня послала, любила его без памяти, душу готова была отдать, чтобы с ним повидаться, а он, видишь, связался с другой! Так она теперь будет рада-радешенька, если его опять посадят в тюрьму. Она посулила мне награду, но, когда я расскажу ей все, что видела, она мне заплатит вдвое больше, если его только поймают. Будет тебе валять дурака! Сам знаешь, что с тобой сделают, если дашь ему убежать. Идем скорей! Ручаюсь, мы его нагоним!

Наполовину убежденный, Уайтерс, не видя иного выхода избежать наказания за свою оплошность, перестал колебаться и бросился вслед за другими.

Бет повела кирасиров не той дорогой, которую она указала Голтсперу. Она не

сомневалась, что беглец уже успел выбраться за ограду парка и вышел на Биконсфилдскую дорогу. Им надо было перехватить его на этой лесной дороге, и Бетси повела солдат наперерез по хорошо известной ей глухой тропинке.

Выйдя на дорогу, отряд пошел медленнее. Небо уже очистилось от туч, и ярко светила луна.

Сержант, опытный разведчик, внимательно поглядев на землю, дал знак остановиться.

– Здесь до нас никто не проходил, – сказал он, – нам незачем идти дальше. Поглядите, милая девушка, здесь нет никаких следов!

– Значит, мы его опередили, – ответила Бетси. – Я знаю, что они должны выйти сюда, наверное знаю!

– В таком случае, нам лучше подождать здесь, – шепотом сказал сержант. Отличное место для засады! Мы можем спрятаться в кустах, чтобы нас не увидели с дороги... Шш! Я, кажется, слышу чей-то голос!

Солдаты, переговаривавшиеся друг с другом, замолчали.

В наступившей тишине из лесу донесся громкий вопль.

– Похоже, какой-то бродяга отдает Богу душу, – пробормотал один из кирасиров.

– Это сова кричит в лесу, – сказал другой.

– Тише вы! – остановил их сержант. – Вон, слышите, еще голоса... и где-то совсем близко...

– Кто-то идет, – сказал он, прислушавшись. – Должно быть, это они. Эй, трое с этой стороны, сюда! Остальные – по ту сторону дороги. Лежать тихо, покуда не подойдут! Когда подам знак, бросайтесь на них. Не двигаться, пока не услышите сигнала!

Солдаты бросились в кусты; кто присел на корточки, а кто остался стоять, спрятавшись за густыми буками.

Сержант тоже укрылся за деревом, а Бетси нырнула в чащу и остановилась, дрожа всем телом, с ужасом ожидая исхода погони, которую она предательски сама навела на след.

Глава 48

СНОВА ПОЙМАН!

Голтспер шел по рву, пока не очутился позади дома. Там он поднялся на вал и бросился бежать через пастбище в глубину парка, откуда уже доносился свист – условный знак, который ему подавал Гарт. Через минуту он уже стоял рядом с Грегори и Дэнси.

Поспешно обсудив план дальнейших действий, они, не теряя ни минуты, двинулись в путь.

Дэнси должен был расстаться с ними и отправиться к себе домой, где его ждал Ориоли с лошадей Гарта; кроме этой лошади из королевских конюшен да старой клячи Дэнси, у них не было никаких других средств передвижения. Но поскольку Дэнси ничто не грозило и он не собирался бежать, а индеец в быстроте бега мог вполне помериться с лошадью, то двух лошадей беглецам было достаточно.

Жилище лесника находилось неподалеку от Оксфордской проезжей дороги, и, так как вести лошадей через проселочную дорогу мимо Хеджерли было дальше, условились, что Дэнси с индейцем выведут лошадей тропинкой через Вепсейский лес, а там их встретят Голтспер и Гарт, которые подойдут сюда параллельной лесной дорогой.

Этот план был придуман Гартом, который, опасаясь погони, решил держаться подальше от большой дороги.

Условившись о месте встречи, лесник направился к своему дому, а Гарт повел Голтспера по заросшему склону; затем они перелезли через ограду парка и вышли на дорогу, ведущую в Хеджерли.

Пройдя примерно с полмили, они подошли к опушке Вепсейского леса; его отделяла от дороги невысокая изгородь.

Гарт молча шагал впереди и, казалось, был погружен в какие-то сложные расчеты.

– Пожалуй, скоро будет светать, – пробормотал он, взглянув на небо. – Ну, да, я думаю, на это дело мне времени хватит!

– На что тебе хватит времени? – спросил Голтспер, расслышавший это бормотание.

– Да ничего такого, мастер Генри. Дельце у меня тут есть небольшое. Всего на каких-нибудь десять минут. Время сейчас боюсь упустить, а вот вернусь – и расскажу вам... А, вот он, лаз-то! Чуть не прозевал... Вы ступайте себе тихонько, а я вас живо нагоню, не успеете вон до той стороны леса дойти. А нет, так подождите меня там минутку, я мигом ворочусь.

И Грегори Гарт, согнувшись, юркнул в пролом ограды и скрылся в густой чаще леса.

Голтспер, убавив шаг, пошел один по дороге, недоумевая, какие загадочные дела могли заставить чудака Гарта внезапно покинуть его.

Но скоро мысли его вернулись к Марион, с которой он только что расстался, и, погружившись в сладостные воспоминания о недавних минутах, он шел по безлюдной дороге, вдыхая свежий лесной воздух, насыщенный ароматом цветов, орошенных дождем.

Впереди ждала неизвестность, опасности, жизнь его была под угрозой, но он забыл обо всем, вспоминая счастливые минуты и нежные речи Марион, еще звучавшие в его ушах.

Он уже отошел довольно далеко от того места, где его покинул Гарт, и вдруг замер от неожиданности: в ночной тишине откуда-то издали послышался явственный стон.

В таком глухом месте, ночью, что бы это могло означать? Стон повторился еще громче – это уже был не стон, а вопли, прерывавшиеся злобными выкриками. Прислушавшись, Голтспер убедился, что они доносятся с той стороны, куда скрылся Гарт. По-видимому, Грегори как-то замешан в этом...

Вопли и стоны продолжались, а злобные выкрики, сопровождавшие их, перемежались теперь громким и злорадным смехом.

Голтспер уже больше не сомневался, что это Гарт: он узнал его раскатистый смех и зычный голос. Но это ему ровно ничего не объясняло. Для него по-прежнему оставались загадкой и эти вопли и громкий хохот Гарта.

Не он один с недоумением прислушивался к этому странному дуэту: его преследователи, поджидавшие в кустах на дороге, с не меньшим изумлением слушали этот ночной концерт.

Голтспер слишком поздно заметил бесшумно скользившие фигуры, которые, выступив из-за деревьев, внезапно окружили его. Он попробовал было отскочить в сторону, но налетел на здоровяка сержанта, а в это время с другой стороны в него вцепился Уайтерс, которому, после того как он так опростоволосился, не терпелось поскорей водворить на место сбежавшего узника.

Голтспер был безоружен, и сопротивляться было бесполезно. В честном бою, один на один, он одолел бы всякого, но тут ему пришлось уступить грубой силе шестерых вооруженных преследователей. Такая судьба нередко выпадает на долю храбрых!

Окружив пленника, солдаты повернули обратно и повели его той же дорогой назад в тюрьму, из которой он так недавно спасся.

Дикие вопли и хохот все еще разносились по Вепсейскому лесу. Солдаты, занятые своим пленником, молча продолжали путь и только дивились про себя. Если бы не этот хохот, можно было бы подумать, что где-то в лесу совершается убийство. Но, слыша эти взрывы смеха, солдаты решили, что это, должно быть, цыгане расположились лагерем в лесу и пируют, справляя свой цыганский праздник.

А та, что освободила Голтспера и теперь снова помогла его поймать, укрывшись за деревьями, следила со злобным торжеством, как его окружают; а когда его схватили и повели, крадучись пошла следом, прячась в придорожных кустах, и с ужасом и отчаянием смотрела на то, что она сделала. Сердце ее разрывалось, когда она слышала грубые окрики солдат и видела, как они подталкивают безоружного пленника; а когда наконец его ввели в ворота и они захлопнулись за ним, дочь Дика Дэнси в слезах бросилась на землю, терзаясь горьким раскаянием.

Глава 49

ДВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Примерно через час после поимки Генри Голтспера два всадника спускались по отлогому склону Красного Холма, направляясь к Эксбриджу.

Это были люди богатырского сложения, один из них казался чуть ли не великаном. Тот, что был помоложе, ехал на хорошем коне, а его рослый спутник – на старой, паршивой кляче.

Первый был в сапогах со шпорами, в шляпе с лентой, в кожаных перчатках, и в темноте его можно было принять за знатную особу. Но когда луна выходила из-за облаков, всякому бросилось бы в глаза некоторое несоответствие остальных частей его одежды, и, присмотревшись к этой странной фигуре, нетрудно было узнать Грегори Гарта.

А его могучий спутник в крестьянской одежде был не кто иной, как Дик Дэнси.

С какой целью они очутились на дороге в Эксбридж, читатель сейчас узнает.

Солдаты, уводившие Голтспера, решили, что шум, который доносился до них из Вепсейского леса, подняли цыгане. Но это было не так. На самом деле это Грегори Гарт выполнял обещание, данное им утром Уэлфорду. Он сдержал свое слово и оставил Уилла Уэлфорда только после того, как хорошо дал ему почувствовать крепость своей дубинки. Будь у него побольше времени, Уиллу, вероятно, досталось бы еще сильнее, но Гарт так торопился, что не стал даже и развязывать его и оставил лежать, всего исполосованного и разукрашенного такими синяками, что, казалось, кожа его отливала всеми цветами радуги.

Разделавшись с подлым предателем, Гарт вышел из хижины и, швырнув в сторону свою дубинку, поспешно направился вслед за Голтспером.

Полагая, что тот уже успел далеко уйти по Биконсфилдской дороге, Гарт шел быстрым шагом, торопясь догнать его.

Дорога была освещена луной, и на влажной земле были ясно видны свежие следы. Бывший грабитель привык приглядываться к следам и разбирался в них не хуже лесного охотника. Следы показались ему подозрительными, и он, наклонившись, принялся разглядывать их.

Это было то самое место, где поймали Голтспера. Множество грубых солдатских сапог ясно отпечаталось на прибитой дождем пыли; следы находили одни на другие, местами от них тянулись полосы, и видно было, что солдаты топтались на месте и бросались из стороны в сторону; среди этих грубых следов были видны отпечатки более изящной обуви.

Гарт узнал в них следы сапог Голтспера. Он понял, что хозяина опять схватили. Проклиная себя за то, что это случилось по его вине, он повернул назад по следам, не питая никаких надежд на его вторичное освобождение.

Следы привели его к воротам парка, и там он увидел расprostертую на земле, всю в слезах, дочь лесника, которая, скрыв от него истинную причину своих слез, подтвердила, что мастера Голтспера поймали. Теперь уж не было никакой надежды выволить его из темницы: хитрость, к которой они прибегли в первый раз, второй раз никого не обманет. Да из всей стражи только и можно было рассчитывать на одного Уайтерса, а его теперь уж никак не удалось бы подкупить ни поцелуями, ни золотом.

Но Гарт был не такой человек, чтобы отчаиваться. Конечно, у него и в мыслях не было опять пустить в ход ту же уловку. Нечего было и думать о том, чтобы освободить хозяина хитростью. Но не удастся ли это сделать силой?

Не в Бэлстродде, конечно, где расквартирован конный отряд, а где-нибудь по дороге. Он знал, что Голтспера не позднее завтрашнего дня должны преправить в Тауэр. Так вот, нельзя ли этим как-нибудь воспользоваться?

Гарт хорошо знал дорогу на Лондон, со всеми ее проселками и перепутьями. У него было немало знакомых, живших поблизости от этой дороги. И хотя кое-кто из них, возможно, и пострадал от его промысла, большинство все же были его приятелями или людьми, так или иначе связанными с ним, к которым он в случае надобности всегда мог

обратиться.

Воодушевившись этой новой идеей, Грегори поспешил снова на Хеджерлейскую дорогу и направился в условное место, где его давно должны были дожидаться с лошадьми Дэнси и индеец.

Они так переволновались за время своего долгого ожидания, что уже и не надеялись на благополучный исход дела и не удивились печальному известию, которое им принес Грегори.

Гарт дорогой еще успел обдумать свой новый план, и, когда он сообщил его Дэнси, тот охотно согласился принять в нем участие.

Ориоли отправили назад в Каменную Балку, Гарт вскочил на свою краденую лошадь, Дэнси уселся на жалкую клячу, и они двинулись по тропинке, которая вилась вдоль южной ограды бэлстродского парка и выходила на большую королевскую дорогу там, где она пересекала Джеррет Хис.

К утру они достигли вершины Красного Холма и теперь спускались по его склону. Гарт то и дело понукал своего спутника, который едва поспевал за ним на своей кляче; не помогала ни палка, ни ржавые шпоры, которые Дэнси вонзал в бока бедного животного, – старая кляча медленно трусила рысцой и спотыкалась всякий раз, когда боль понуждала ее бежать быстрее.

– Черт бы побрал твою скотину! – вскричал Гарт. – Мы не успеем повидать всех, кого надо. Дочка твоя говорила вчера, что его повезут рано утром. Они хотят добраться засветло в Лондон – значит, в Эксбридже они будут часов в десять. А ведь у нас сколько дела до их приезда!.. Коли ее шпорами, Дэнси! Экая ленивая кобыла! Уж я бы заставил ее поворачиваться, коли бы сидел на ней!

– Бедная скотина! – с жалостью сказал Дэнси, вступаясь за свою клячу. Она целую неделю без корма, разве только пощиплет травы на обочинах дороги. Чего же удивляться, что у нее нет силы?

– Наше счастье еще, что недалеко ехать. А вот ежели бы наш путь лежал в Лондон, нам бы нипочем не добраться! А знаешь, я придумал, как нам время сберечь! Чего нам с тобой ехать вместе? Ты поезжай по Денемской дороге и предупреди там своих друзей, а я поеду за Колн и поговорю там с херфилдскими приятелями. Я оповещу, кого надо, в Эксбридже и Хиллиндоне, захвачу по дороге и Дрейтон. Так оно лучше будет. А встретимся мы с тобой в «Розе и короне», после того как управимся. Я туда сейчас сразу заеду, чтобы предупредить старика Броуна насчет винца. Хорошо, что я выручил немножко денег за часы, которые мне подвернулись, а то еще неизвестно, пришли ли бы нам эти патриоты на помощь! Я все до последнего гроша истрачу, только бы нам удалось освободить мастера Генри!

– Мне тратить-то нечего, а то я тоже не пожалел бы, – сказал лесник. Хороший господин, другого такого в наших краях не сыщешь!

– Да, Дэнси, это ты правду сказал. Хороший он человек! За то, видно, и хотят ему голову снести, потому что он стоит за правду! Мы должны сделать все, что можем, чтобы он удержал ее на плечах. Вот твоя дорога в Денем. Пришпорь свою клячу, да смотри будь у моста пораньше, до десяти часов!

С этими словами Грегори Гарт покинул лесника; тот свернул на проселок, ведущий к деревне Денем, а Грегори поскакал прямо по Эксбриджской дороге.

Глава 50

ПОД КОНВОЕМ

Было раннее утро, и в Бэлстродской усадьбе все еще спали. Скэрти, удовлетворенный тем, что ему удалось унизить и засадить в тюрьму своего соперника, уснул с радостной надеждой отделаться от него вовсе и крепко проспал всю ночь, нисколько не подозревая о событиях, разыгравшихся сначала в сотне шагов от его ложа, а потом в миле от усадьбы.

Даже когда он проснулся, никто не доложил ему ни о любовном свидании во время

дежурства на часах, ни о побеге узника, ни об его поимке. События так быстро следовали одно за другим, что все удалось сохранить в секрете. Кроме шести человек стражи, включая сержанта, никто из остальных кирасиров и не подозревал о том, что случилось. Уайтерс позаботился, чтобы его товарищи по караулу держали язык за зубами, чего ему вряд ли удалось бы добиться, если бы не золотые монеты, полученные от леди, которыми ему скрепя сердце пришлось поделиться. Таким образом, когда караул сменился, связанный узник, водворенный на свое прежнее место, был передан на попечение новому часовому, и его бегство и поимка остались ото всех в тайне.

Из тех, кто был осведомлен о его бегстве, только одна Марион пребывала в неведении о том, что его снова схватили. Расставшись с ним, она направилась к себе в спальню, но, поднимаясь по лестнице, услышала какой-то подозрительный шум. Она постояла у окна, прислушиваясь. Снизу доносились тихие голоса, потом послышался женский голос, который Марион сразу узнала, и затем все смолкло. Марион, конечно, и в голову не пришло, что это тревога; но все-таки у нее было беспокойно на душе, и она долго не отходила от окна, а потом даже спустилась на веранду и, выглянув из окна, посмотрела по сторонам. Но кругом все было тихо, и, решив, что солдаты вернулись во двор, она поднялась к себе в комнату и легла спать.

После стольких бурных переживаний и долгого бодрствования она крепко уснула, и в то время, когда на Генри Голтспера набросились выскочившие из засады солдаты, Марион Уэд снилось, как он спасся и прибежал к ней, и она снова переживала блаженные минуты недавнего свидания.

Она проспала до позднего утра. Но как ужасно было ее пробуждение после этого чудесного сна!

Она проснулась от громкого шума под окном. Внизу слышался топот лошадей, грубые голоса, отрывистая команда и громкий язвительный смех; она сразу узнала его: это смеялся Скэрти.

«Рано он поднялся сегодня! – подумала Марион. – Но, может быть, сейчас уже не так рано?»

Марион высунула из-под одеяла беленькую ручку и взяла с маленького столика у постели свои хорошенькие часики, украшенные драгоценными камнями. Взглянула на циферблат – десять часов!

И в ту же минуту зазвонили часы на башне.

Марион так поспешно схватилась за часы не потому, что ее удивил этот ранний шум. После того, что случилось сегодня ночью, это могло означать только одно: бегство Голтспера открыто и за ним готовится погоня. Она посмотрела на часы, чтобы узнать, много ли прошло времени с тех пор, как Голтспер скрылся, и обрадовалась, увидев, что уже десять часов.

Но почему же Скэрти так весел? Почему он смеется, когда, казалось бы, он должен быть вне себя от огорчения?

Марион вскочила с постели и быстро подбежала к окну. Только вчера она видела из этого окна самое тяжелое зрелище, какое ей когда-либо приходилось видеть. Такое же зрелище предстало перед ней и сейчас: Генри Голтспер на коне, привязанный к седлу, под охраной вооруженных кирасиров, тесно окружавших его со всех сторон.

Все были на конях, в полном снаряжении, с сумками, притороченными к седлам, словно готовились в поход. Капитан Скэрти расхаживал взад и вперед по усыпанной гравием дорожке, но, судя по его одежде, не собирался ехать с отрядом; на этот раз его заменял корнет Стаббс. Он сидел на коне Голтспера и как раз в эту минуту выезжал вперед, чтобы возглавить конвой.

Марион едва успела окинуть взглядом это совершенно неожиданное для нее страшное зрелище, как раздался сигнал: «Вперед!» Кони рванули, и ее возлюбленный скрылся из ее глаз. Стон, вырвавшийся у нее из груди, потонул в громких звуках рожка.

Прошло около часа, прежде чем потрясенная Марион опомнилась настолько, чтобы

обрести способность рассуждать. Но она все еще была в смятении и мысли ее беспорядочно блуждали, когда чьи-то голоса внизу снова заставили ее выглянуть в окно.

Какой-то верховой разговаривал со Скэрти. Это был человек в форменной штатской одежде – по-видимому, дорожный агент. Взмыленный конь под ним тяжело дышал, словно скакал во весь опор не одну милю.

Скэрти стоял у стремени всадника и слушал его поспешное донесение, отличавшееся, видимо, чрезвычайной важностью.

Незнакомец говорил взволнованным, тихим голосом, и до слуха Марион долетела фраза:

– Узник... отбит... под Эксбриджем...

Скэрти, услышав эти слова, не отвечая всаднику, бросился сломя голову к воротам с криком:

– На коней! Все на коней!

Приученные повиноваться мгновенно, кирасиры тотчас же повскакали в седла, и не успела Марион прийти в себя от этого ошеломившего ее радостного известия, как отряд, возглавляемый Скэрти, уже мчался во весь дух к воротам, выходящим на Эксбриджскую дорогу.

Глава 51

ОТБИЛИ!

Время приближалось к десяти часам, и жизнь в Эксбридже уже кипела ключом. На улицах царило необычное оживление. На площади, на перекрестках и особенно возле харчевни «Роза и корона» толпилось много народу. Это были не крестьяне, съехавшиеся на ярмарку, – день был не ярмарочный, – а преимущественно ремесленники и рабочие. Одеты они были по-будничному, и, казалось, они только что оторвались от работы, привлеченные неожиданным, занимательным зрелищем. Сапожник прибежал в своем кожаном фартуке, с липкими от лака руками; кузнец – только что от наковальни, потный и закопченный; мельник, пропыленный мукой; а от мясника шел тяжелый дух, словно он только что был на бойне.

Толпа, собравшаяся против «Розы и короны», была явно в приподнятом настроении; многие были навеселе. По рукам ходили кружки доброго эля, который прислуга харчевни щедро подносила желающим, по-видимому, за чей-то счет.

Высокий смуглый человек в шляпе с лентой особенно усердно угощал собравшихся вокруг него дюжих молодцов, из которых многие, как видно, были его приятелями – они обращались с ним запросто и называли его Грегори. Ему помогал другой – рослый, широкоплечий пожилой человек; а хозяин харчевни, заинтересованный в том, чтобы продать побольше, суетился возле них, поощряя улыбкой тех, кто стоял поблизости.

Все то и дело поглядывали в сторону моста, по которому проходила дорога через Колн, ведущая на запад. Этот мост не представлял собой ничего примечательного; он был построен в виде арки с каменным парапетом по обе стороны, который с моста переходил на дорогу и тянулся вдоль нее еще ярдов на двадцать – тридцать. Дальше со стороны города парапет переходил в ограду, отделявшую городскую дорогу от прилегавших к ней лугов.

Луга тянулись по обе стороны реки и простирались далеко на юго-запад.

Дорога с моста в сторону города проходила как раз перед глазами собравшейся у харчевни толпы, но по ту сторону реки дороги не было видно: ее скрывали каменный парапет и арка моста.

Смуглый человек в шляпе с лентой, хотя и обменивался забористыми шутками с окружающими и старался казаться веселым, поглядывал в сторону моста с явно озабоченным видом, а затем шептался о чем-то с рослым крестьянином в потертых плисовых штанах, который был не кто иной, как Дик Дэнси.

– Чего это вы все здесь собрались? – спросил какой-то человек, только что

подошедший к харчевне. – Или есть на что поглядеть?

– Может, и есть, – ответил один из толпы. – Подождите малость, – может, и увидите что-нибудь, на что стоит поглядеть.

– Да что такое?

– Кирасиры его величества короля.

– Подумаешь, есть из-за чего поднимать шум! Их теперь каждый день можно видеть.

– Да и один раз в день более чем достаточно! – добавил третий, который, по-видимому, не питал истинно верноподданнических чувств к своему монарху.

– Но ведь не каждый день можно увидеть то, что вы нынче увидите: в Тауэр повезут арестованного, знатного дворянина!

– Арестованного? Кого же?

– Черного Всадника, – отвечал первый. – Вот какого арестанта вы увидите, приятель!

Это известие могло бы взбудоражить толпу, если бы большинство собравшихся уже не были подготовлены к нему заранее. Волнение, поднявшееся в эту минуту, было вызвано тем, что человек, стоявший на парапете моста и наблюдавший дорогу, подал знак, а мальчишки, взобравшиеся на верх стены, начали размахивать шапками и кричать:

– Конники! Конники! Королевские кирасиры! Едут! Едут!

Вслед за этим показались пышные султаны, и отряд кирасиров, въехав на мост, растянулся сверкающей лентой.

Отряд состоял из шести пар всадников, следовавших одна за другой; впереди ехал командир отряда, а посреди – еще один всадник, не в доспехах, как прочие, а в бархатном камзоле, прикрученный веревками к седлу и со связанными за спиной руками. Это был арестант.

Видно было, что он хорошо известен толпе. Черный Всадник так часто появлялся на улицах Эксбриджа и беседовал с его жителями, что не было ничего удивительного в том, что горожане встречали его сочувственными взглядами.

Он ехал сейчас не на своем благородном коне, но толпа узнала его коня под другим, гораздо менее подходящим ему всадником, который был не кто иной, как корнет Стаббс, возглавлявший отряд. Будучи любителем лошадей, он недолго думая присвоил себе коня Голтспера по праву конфискации.

Гордясь возложенным на него ответственным делом, Стаббс важно гарцевал впереди отряда и, первым спустившись с моста, подъехал к толпе, собравшейся у харчевни. Ему показалось, что кое-кто встретил его угрюмым взглядом, но, в общем, это было скорее веселое и добродушное сборище.

Стаббсу, конечно, и в голову не могло прийти, что ему осмелятся преградить путь. Он был уверен, что толпа мгновенно расступится перед его мощным конем.

Но, подъехав к харчевне, он с удивлением обнаружил, что народ, столпившийся на дороге, не двигается с места; ему пришлось придержать лошадь, чтобы не раздавить людей.

В ту же минуту позади раздались громкие крики – народ приветствовал кирасиров, а один голос, покрывая все остальные, кричал: «Король! Король! Долой подлых изменников! Смерть предателям!»

Возгласы звучали насмешливо, но это было слишком тонко для тупых мозгов корнета Стаббса, и он понял их в буквальном смысле, как проявление истинно верноподданнических чувств.

– Добрые друзья! – любезно сказал он, и на его грубом лице выразилось явное удовольствие. – Рад видеть вас в таком превосходном настроении! Клянусь Богом, рад!

– Да, настроение у нас самое подходящее! – подхватил кто-то из толпы. Вы в этом скоро убедитесь. Эй, господин офицер, выпейте-ка с нами за здоровье короля! Надеюсь, вы не откажетесь?

– Ни в коем случае! – ответил Стаббс. – Ни в коем случае! Я рад бы выпить с вами, но, видите ли, друзья, мы сейчас при исполнении наших служебных обязанностей, нам нельзя задерживаться. Клянусь Богом, нельзя!

– Да мы вас и минуты не задержим, – настаивал тот, что заговорил первым, – здоровенный кузнец с таким же твердым лицом, как и его молот. – Клянусь Богом, не задержим! – добавил он, так явно передразнивая Стаббса, что тот на минуту усомнился в его дружелюбных чувствах. – Живей поворачивайтесь, ребята! – продолжал деревенский Вулкан (Вулкан – бог огня в древнем Риме; считался также покровителем кузнечного дела.) – Выноси вина, хозяин! Лучшего винца для господина офицера да браги покрепче для его храбрецов. Черт побери! День-то ведь жаркий да пыльный, а до Лондона еще ехать да ехать! Разве не приятно освежиться да промочить горло кружкой нашего эксбриджского эля?.. Правильно я говорю, молодцы?

Последние слова были обращены к солдатам, которые без слов поспешили подтвердить кивками и жестами, что охотно принимают предложение.

Тотчас же, словно по волшебству, по обе стороны конного отряда выросли люди с кружками, наполненными элем, который соблазнительно пенился перед глазами солдат.

Это были не буфетчики и не слуги из харчевни, а разные ремесленники и подмастерья, из которых, как мы уже говорили, преимущественно состояла толпа.

Но солдатам не было дела до того, кто их угощает. После того как они проскакали пять миль в жару по пыльной дороге, пенящийся напиток, который им подносили к губам, был слишком большим искушением для их пересохших глоток, и не кирасирам Скэрти было устоять против такого искушения!

Не дожидаясь ни разрешения, ни команды, каждый солдат схватил кружку, которую ему совали в руки, и с криком «За короля!» жадно поднес ее к губам. Толпа подхватила возглас, а люди, которые угощали солдат, словно желая еще больше показать свое уважение, схватили за уздечки их коней, чтобы всадники могли спокойно осушить кружки, не рискуя пролить ни капли драгоценной жидкости.

Двое из этих людей, как раз те, что подносили кружки конвоирам, между которыми находился арестованный, взяв лошадей за поводья, чуть-чуть вывели их из рядов, сделав это так незаметно, как будто они были тут ни при чем. В ту же минуту высокий человек со смуглым лицом, обросшим черной щетиной, юркнул мимо головы одной из лошадей и, подняв флягу, предложил выпить арестанту.

– Вы ведь не станете возражать, если и он тоже промочит горло? – сказал он, обращаясь к конвоирам. – Бедняга! Видать, он совсем истомился от жажды!

– Можете дать ему глотнуть разок-другой, – отвечал конвоир, – только смотрите, чтобы офицер не увидел! – И он многозначительно кивнул на Стаббса.

– Насчет этого можете не беспокоиться, – сказал Грегори Гарт, так как это был он.

– А ну, кавалер, – продолжал он, подходя вплотную к арестованному, глотните-ка эля! Конечно, это не то доброе винцо, к какому вы, верно, привыкли, а все-таки выпить недурно, и вам оно пойдет на пользу. Да не бойтесь, вы не упадете с седла, я вас придержу сзади. Вот так!

И с этими словами Гарт, обхватив пленника сзади, нащупал пальцами веревки на его руках.

Задние конвоиры, с увлечением поглощавшие эль и перебрасывавшиеся шутками с теми, кто их угощал, не заметили, как ловкие пальцы бывшего грабителя, быстро орудуя маленькой полоской блестящей стали, мгновенно перерезали веревки, связывавшие Генри Голтспера.

– Славное питье, не правда ли? – громко спросил Грегори, поднося флягу к губам пленника, и добавил быстрым шепотом: – Ну, мастер Генри, руки свободны. Хватайтесь за поводья и поворачивайте направо. Ткните кобылу вот этим ножом и скачите через мост, словно за вами сам дьявол гонится!

– Ничего не выйдет, Грегори, – быстро прошептал Голтспер. – Эта лошадь настоящая кляча, меня нагонят раньше, чем я проскачу милью... Ах, Хьюберт! вырвалось у него. – Я о нем и забыл! Да, можно попробовать!

За всю свою кампанию во Фландрии кирасиры капитана Скэрти никогда еще так не

попадали впросак: на их глазах старая полковая лошадь, на которой сидел арестованный, внезапно взвилась с места, словно в нее вонзили тысячу шпор, и, вырвавшись из рядов, понеслась как ветер, неожиданно превратившись в первоклассного скакуна.

Ошеломленные конвоиры, выронив кружки из рук, не успели схватить поводья, которые их неуклюжие помощники сдуру перекинули через головы лошадей, как пленник уже подскакал к мосту и, приложив пальцы к губам, издал пронзительный свист, в ответ на который послышалось звонкое ржание, и корнет Стаббс на своем вороном коне стрелой промчался мимо остолбеневших солдат. Казалось, он был единственный, не потерявший присутствия духа и мигом пустившийся в погоню. Увы, это было не так! Корнет Стаббс оказался храбрецом поневоле, ибо когда он уже настиг беглеца, сильная рука, схватив его за нагрудник и вырвав из стремени, швырнула на середину дороги, а беглец, не сходя на землю, перескочил на его коня и, приветствуемый бурными криками толпы, помчался прочь.

Оглушительное «ура», разнесшееся далеко вокруг, внезапно сменилось зловещей тишиной, сквозь которую кое-где прорывался изумленный ропот.

Удивление толпы было вызвано странным поведением Черного Всадника: очутившись на середине моста, он вдруг круто осадил лошадь, которая взвилась на дыбы, а потом рванулся сначала в одну, затем в другую сторону.

Толпе показалось, что лошадь вышла из повиновения, испугавшись чего-то, но через несколько секунд всем стало ясно, что дело не в лошади.

Вдали над парашетом показались развевающиеся султаны и сверкающие на солнце шлемы.

Это был другой отряд кирасиров, гораздо более многочисленный, чем первый: Скэрти со своим эскадром мчался навстречу беглецу. Первые ряды конницы уже поравнялись с парашетом и рысью приближались к мосту. В эту сторону путь всаднику был отрезан, и он, видя это, повернул назад. Но в это время кирасиры Стаббса, разъяренные тем, что их так провели, успели опомниться и теперь под командой своего сержанта неслись во весь опор наперерез Голтсперу.

Казалось, Черному Всаднику некуда податься: куда бы он ни повернул, его ждала верная смерть или неизбежный плен. И с той и с другой стороны к мосту приближались отряды кирасиров с карабинами и обнаженными шпагами, пространство между этими двумя отрядами было ограничено парашетом и частично оградой, сменяющей парашет за мостом.

Безоружному человеку, хотя бы и на прекрасном коне, прорваться было явно невозможно, и, как мы уже говорили, Голтспер несколько мгновений, казалось, был в нерешительности. Толпа, замерев, с тревогой следила за каждым его движением.

Но вот вороной конь уверенно повернул к городу и поскакал по мосту.

Кое-кто в толпе подумал, что беглец раскаялся в своем необдуманном поступке и решил сдаться конвою, от которого убежал. Другим казалось, что он хочет сделать попытку прорваться и выбирает наиболее слабое место.

Но ни та, ни другая догадка не подтвердились, ибо через несколько секунд все увидели, как Голтспер, доскакав до конца парашета, круто повернул коня и, посылая его голосом, и рукой, и шпорами, взвился вверх и перескочил через ограду на простирающийся внизу луг!

С громким торжествующим криком он мчался по зеленой траве, и этот крик и мощное, многоголосое «ура», которым толпа приветствовала его прыжок, долго раздавались в ушах Скэрти и его незадачливых кирасиров.

Пули, выпущенные вдогонку беглецу, не достигли цели. Искусные стрелки в то время были редки, и выстрел из карабина был не страшнее, чем стрела какого-нибудь неуклюжего самострела.

Кирасиры продолжали преследовать беглеца вдоль зеленых берегов Колна, но скорее по обязанности, чем в надежде настигнуть его. И прежде чем они миновали ограду, отделявшую их от лугов, и пустились по его следам, Черный Всадник уже почти скрылся из глаз: видно было только темное пятнышко, мелькавшее вдали, которое скоро превратилось в черную точку и исчезло.

Глава 52

ПОСЛЕ АРЕСТА

В дни Карла I государственные преступники были не такой редкостью, как в наши дни. У Лода был свой список, свой список был и у Страффорда – этого высокородного дворянина, ставшего жестоким орудием тирана и окончившего свои дни также государственным преступником, самым выдающимся из всех.

Когда человека по доносу отправляли в Тауэр, – это никого не удивляло: такие происшествия вызывали не больше шума, чем в наше время поимка какого-нибудь бандита.

Арест Генри Голтспера был воспринят, как одно из таких обычных явлений. Его освобождение и побег были несколько более необычным происшествием, но и это только первое время вызывало интерес и служило пищей для разговоров в округе. Очень немногие были осведомлены, каким образом удалось спастись арестованному и как вышло, что толпа бунтовщиков, по выражению приверженцев короля, так своевременно собралась у харчевни «Роза и корона».

Никто не имел понятия, куда скрылся беглец. Предполагали, что он бежал в Лондон. Этот огромный город, в котором можно было затеряться, как в пустыне, был наиболее безопасным убежищем для всех недовольных королевской властью и числящихся на подозрении.

Капитан кирасиров принял все меры, чтобы помешать распространиться слухам об этом злосчастном происшествии. Он не сообщил своему начальству ни об аресте, ни о побеге Голтспера и нарушил свой долг, оставив это дело без расследования.

Он все еще питал надежду поймать беглеца и с этой целью использовал тайно все средства, бывшие в его распоряжении. Он разослал во все концы секретных агентов, и ни одно письмо, ни одно сообщение не могло проникнуть в усадьбу сэра Мармадюка Уэда без того, чтобы капитан Скэрти не ознакомился с его содержанием.

Последнее время его положение в доме, где он квартировал, могло показаться неестественным. У него установились тесные отношения с семьей хозяина, однако можно было усомниться, насколько эти отношения были искренни как с той, так и с другой стороны.

С первого дня своего пребывания под кровлей сэра Мармадюка Скэрти держал своих солдат в такой строгости, что они даже втихомолку возмущались им. Но капитан Скэрти был командир, с которым не приходилось шутить, и его подчиненные знали это. За малейший проступок или нарушение порядка в усадьбе хозяевам приносились извинения, и можно было подумать, что отряд королевских кирасиров был прислан в Бэлстрод не на постой, а в качестве почетной стражи, в знак уважения к его владельцу.

Эта деликатность и внимание по отношению к сэру Мармадюку проистекали отнюдь не из рыцарских чувств или врожденной учтивости, а единственно из желания завоевать его дочь. Скэрти поставил себе целью завладеть ее рукой и сердцем. Он жаждал завоевать сердце Марион, потому что любил ее со всей страстью своей пламенной, сильной, хотя и заблудшей души; и вместе с тем он мечтал получить ее руку, потому что его привлекало ее богатство, ибо Марион была наследницей великолепного поместья. Это было отдельное владение, независимое от усадьбы Бэлстрод. Оно обеспечивало Марион первое место в графстве, и это-то и побуждало Скэрти добиваться ее руки.

Он твердо решил, что, даже если ему не удастся завоевать сердце Марион Уэд, она все равно будет его женой; и если он не добьется этого честным путем, он не постесняется пустить в ход другие средства: использовать для этой цели страшный секрет, в который он проник тайком.

Жизнь сэра Мармадюка зависела от одного его слова. Она была всецело в его власти, все равно как если бы сэр Мармадюк стоял пред судом «Звездной палаты», где десятки свидетелей готовы были подтвердить его измену.

Одного слова Скэрти было достаточно, чтобы заставить сэра Мармадьюка предстать перед этим страшным судилищем, и он знал это. Стоило ему только мигнуть своим солдатам – и хозяин его превратится в узника.

Он не думал, что ему придется когда-нибудь довести дело до такой крайности. Он полагался на свои чары и на свой успех у прекрасного пола. Человек, которого он первое время считал своим соперником, теперь исчез из глаз Марион, и она, по-видимому, и не вспоминала о нем. Скэрти все больше и больше убеждался, что между Марион и Голтспером никогда не было никаких нежных отношений.

Разве не могла она подарить ему перчатку из любезности, в благодарность за какую-нибудь услугу? Такие сувениры на шляпах и на шлемах вовсе не всегда знаменовали собой чувства, а то, что знакомство Марион с Голтспером состоялось совсем недавно, еще больше укрепляло Скэрти в его убеждении.

Женщины в те дни принимали деятельное участие в политике. Разве не женщина была причиной войны с Испанией и интервенции во Фландрии? Женщина привела к искусственному союзу с Францией, и теперь та же женщина правила Англией.

Марион Уэд была именно такая женщина, которая способна была вершить государственные дела. Ее политические убеждения не были тайной для офицера-роялиста. Она нередко высмеивала его взгляды, и он не сомневался в том, что она сочувствует республиканцам.

Быть может, именно на этой почве и возникли ее отношения с Голтспером?

Если бы в тот знаменательный день, когда Голтспер спасся, Скэрти имел возможность наблюдать за Марион, вряд ли он пребывал теперь в этой счастливой уверенности.

На ее лице, когда она, подбежав к окну, увидела своего возлюбленного связанным, под конвоем солдат, каждый прочел бы мучительную тревогу, волнение и горе, свидетельствующие об ее чувстве. Если бы Скэрти видел отчаяние, которому она предавалась до тех пор, пока не услышала слов гонца, сообщавшего о побеге узника, если бы он увидел, какой радостью озарилось ее лицо, – он понял бы, что Марион беззаветно любит Голтспера.

Но, как ни велика была его досада, что Голтспер ускользнул из его рук, Скэрти утешал себя тем, что так или иначе он отделался от своего соперника. Теперь он может быть спокоен. Голтспер не перешагнет порога усадьбы сэра Мармадьюка, и он, Скэрти, может без помехи идти к своей цели – добиваться руки и сердца его дочери.

Между тем сэр Мармадьюк и его семья по-прежнему проявляли по отношению к своим непрошеным гостям учтивую любезность, хотя всякий наблюдательный человек, хорошо разбирающийся в людских взаимоотношениях, безусловно заметил бы, что эта любезность – вынужденная.

Сэр Мармадьюк руководствовался в своем поведении сознанием опасности, грозившей ему как участнику тайного заговора. Арест Голтспера служил достаточным основанием для таких опасений.

Ему было чрезвычайно тяжело поддерживать какие бы то ни было отношения со Скэрти, но осторожность и вместе с тем надежда, что события могут принять более благоприятный оборот, заставляли его быть терпеливым.

Короля вынудили издать указ – не об избрании нового парламента, но о созыве старого. На этом были сосредоточены надежды и ожидания той партии, к которой недавно присоединился сэр Мармадьюк.

У Марион тоже были все основания не доверять Скэрти, но она заставляла себя быть с ним любезной из любви к отцу. Она смутно чувствовала, что над ним нависла угроза, хотя она ничего не знала о тайном собрании. Сэр Мармадьюк, не желая понапрасну пугать дочь, ничего не рассказал ей об этом. Он просто попросил ее держаться с незваными гостями как подобает любезной хозяйке дома, и Марион, смирив свое высокомерие, покорно подчинилась его требованию.

У Скэрти не было никаких причин обижаться на невнимательность хозяйской дочери;

наоборот, она держала себя с ним так приветливо, что он даже склонен был делать из этого весьма лестные для себя выводы.

Так в течение нескольких первых недель пребывания Скэрти в Бэлстродке жизнь в усадьбе текла спокойно, пока одно событие не повлекло за собой некоторых серьезных перемен. Сэр Фредерик Дэйрелл, владелец поместья Фулмир, разослал приглашения на праздник, в программу которого входила соколиная охота. Вместе с семьей сэра Мармадюка были приглашены и его гости – капитан Скэрти и корнет Стаббс.

Глава 53

НА ОХОТУ!

Первые лучи солнца протянулись над бэлстродским парком. Роса еще сверкала на траве, и могучие каштаны бросали длинные тени на отлогие склоны. Олень, поднявшись со своего мшистого ложа, отправился завтракать на лужайку. Птицы радостно приветствовали наступающий день и веселыми стайками перелетали с одного дерева на другое. Вся природа проснулась.

Хотя час был еще ранний, обитатели усадьбы, по-видимому, не спали. Полдюжины оседланных лошадей были выведены конюхами со двора и стояли перед домом наготове, ожидая своих всадников.

Кроме конюхов, стоявших возле лошадей, здесь были и сокольничие, державшие на руках или на плечах соколов, накрытых колпачками, и доезжачие и егеря с собаками на сворках – все одетые соответственно своему званию.

Марион сидела у себя в комнате со своей кузиной Лорой Лавлейс. Обе были в шляпах с высокой тульей, в плотно облегающих зеленых бархатных амазонках, с хлыстами в руках, затянутых в замшевые перчатки. Они ждали, когда их позовут садиться на лошадей.

– Уолтер говорит, что охота будет удачная, – сказала маленькая Лора, сияя от удовольствия и оживленно расхаживая по комнате. – Он говорит, на озерах уже давно никто не был и что там сейчас целые выводки цапель, бекасов, вальдшнепов, куликов. То-то порезвятся наши кобчики и соколы! Вот будет весело!

– Да, конечно, для тех, кто может забавляться этим.

– Как, Марион, ты же так любишь соколиную охоту! Ведь ты даже ездила охотиться одна!

– Ах, Лора, и охота и многое другое гораздо приятнее в одиночестве, чем в компании, которая тебе не нравится.

– Ну, что ты, Марион! Неужели среди этого избранного общества, в котором мы сегодня будем, не найдется ни одного приятного человека?

– Ни одного... насколько мне известно.

– Как! А наш любезный гость, который будет сопровождать нас, – капитан Скэрти?

– Я думала, ты скажешь: корнет Стаббс!

– Ха-ха-ха! Ну нет! Он слишком туп, чтобы мне могло быть приятно в его обществе.

– А капитан Скэрти слишком остер, чтобы я могла находить удовольствие в его обществе. Сказать по правде, я даже предпочитаю ему Стаббса, несмотря на его ужасное имя.

– Ты шутишь, Марион? Стаббс... Стаббс... корнет Стаббс! Или даже полковник Стаббс, все равно! Подумать только, миссис Стаббс! Нет, ни за что на свете я не согласилась бы стать леди Стаббс! Нет, даже за герцогскую корону!

– Ну, если бы пришлось выбирать между Стаббсом и Скэрти, право, я не знаю, кто из них хуже.

– Ну что ты говоришь, Марион! «Скэрти» все-таки звучит как-то воинственно. Мне даже кажется, что человек с таким именем может быть героем.

– А мне кажется, что человек с таким именем может быть трусом. И он такой и есть.

– Как! Наш капитан Скэрти? Что ты! Все считают его таким достойным кавалером, и

он так хорошо держит себя! Сначала он был немножко грубоват, я признаю это. Но потом, право же, он вел себя в высшей степени благородно. А уж по отношению к тебе, Марион, он проявляет такое исключительное внимание, что, казалось бы, мог заслужить твое расположение.

– Скажи лучше, мое глубочайшее отвращение, это будет ближе к истине. Действительно, он его заслужил!

– Во всяком случае, ты этого не показываешь. Я столько раз видела тебя в обществе капитана Скэрти очень веселой. Уверю тебя, у вас обоих был очень довольный вид!

– Вынужденное довольство. Улыбка на губах не всегда означает радость, Лора, и вежливый разговор отнюдь не доказывает расположения. Ты видела, что я вежлива с капитаном Скэрти, ничего более, и для этого у меня есть основания.

– Основания?

– И серьезные основания, милая Лора. Если бы не это, я не поехала бы сегодня на охоту, и тем более с таким спутником, как он. Быть может, в твоих глазах, крошка, капитан Скэрти – герой, но это герой не моего романа, и ты знаешь это.

– Знаю, знаю, душечка Марион! Ведь я только шучу. Я знаю, что капитан Скэрти не твой герой. Имя твоего героя Генри Голтспер.

– Да, это правда. Но берегись, болтушка! Никому об этом ни слова! Если ты только проговоришься, так и знай, я расскажу Уолтеру, как ты восхищаешься капитаном Скэрти или корнетом Стаббсом! К кому из них ты хочешь, чтобы он тебя ревновал?

– О Марион, ни слова Уолтеру о Стаббсе! Ты знаешь, я думаю, он уже немного ревнует к нему. Ему не нравится, что он так ухаживает за мной, да и мне тоже, но я ничего не могу с этим поделать: ведь мы встречаемся с ним по крайней мере четыре раза в день. Я думала, после того как я ответила ему отказом, все будет кончено и он оставит меня в покое. Оказалось, что нет! Представь себе, он по-прежнему продолжает за мной ухаживать как ни в чем не бывало! Прошу тебя, не огорчай Уолтера, а то еще он вызовет его на поединок, и...

– ...и храбрый корнет снесет Уолтеру голову?

– Нет, этого он не сможет сделать, хоть он и больше Уолтера. Но я уверена, что Уолтер гораздо храбрее его. Он вовсе не так отважен, этот отвратительный наглец!

– Как, он был резок с тобой?

– Да не совсем так... просто он, по-видимому, не понимает, что значит быть вежливым. Вот капитан Скэрти – совсем другое дело. Он вежливый.

– Да, пожалуй.

– Дороти Дэйрелл считает его совершенством. Я уверена, что она влюблена в него. Зачем она так часто ездит в Бэлстрод, если не для того, чтобы повидаться с ним? Я уверена, что она приезжает вовсе не ради кого-нибудь из нас.

– Пусть себе приезжает, если это ради того, о ком ты говоришь!

– Ну конечно! И сегодняшнюю соколиную охоту она устроила для того, чтобы насладиться его обществом. Она хитрое, опасное создание, эта Дороти!

– Если она хочет поймать капитана Скэрти, надеюсь, что это ей удастся. Уж я-то наверно не стану ей мешать в этом!

– А я решила сегодня следить за ней. Посмотрим, как она будет себя вести! О, ты не знаешь, Марион, как я ненавижу ее! И знаешь почему?

– Право, не могу сказать.

– Да потому что знаю, что она – твой враг!

– Я никогда не делала ей ничего дурного.

– Я знаю.

– Так чем же вызвана эта вражда? Ты можешь сказать?

– Да.

– Так скажи мне.

– Твоей красотой.

– Ну, если причина в этом, то она должна быть и твоим врагом не меньше, чем моим!

– О нет! Я не так тщеславна, чтобы считать себя красавицей. Я просто недурна собой. А ты, кузина... если ты мне, женщине, кажешься красавицей, то какой же ты должна казаться мужчине!

– Ты дурочка, Лора. Ты гораздо красивее меня. А что касается Дороти Дэйрелл, разве она не слывет первой красавицей графства? Я это слышала сотни раз.

– И я тоже. Но это ничего не значит. Хотя ты и старше меня, Марион, но я думаю, что в этих делах я понимаю не меньше тебя. Кроме того, я ведь сужу со стороны. Не всегда «первая красавица» или «царица бала» бывают на самом деле самыми красивыми. Очень часто они слывут такими не из-за красоты, а из-за своего поведения. И если о Дороти Дэйрелл, которая ведет себя так вызывающе, говорят «наша красавица», то тебя просто не осмеливаются так называть, а молча восхищаются твоей красотой. Ты и сама это знаешь, Марион. Ведь даже наши деревенские ребята и те глядят на тебя с изумлением и восторгом. Вот потому-то Дороти Дэйрелл тебя и не терпит. Ей хочется быть первой, а ее рядом с тобой никто не замечает. Помнишь, как у нас на празднике она старалась обворожить человека, которого она, по ее словам, презирает?

– Голтспера?

– Да. Я наблюдала за ней. Какие только уловки она не пускала в ход, чтобы привлечь его внимание! А он, кроме тебя, никого и не замечал. А теперь она решила пленить капитана Скэрти. Кузиночка, я очень прошу тебя, не можешь ли ты немножко пококетничать со Скэрти, чтобы позлить ее? Мне так хочется, чтобы Дороти получила щелчок, это сбило бы с нее спесь!

– Нет, Лора, ты знаешь, я просто не способна на это, и в особенности теперь.

– Ну, хоть часок, только чтобы наказать ее!

– А как тебе понравится, если тебя кто-нибудь накажет? Представь себе, что кто-нибудь будет сегодня кокетничать с Уолтером? Или он с кем-нибудь?

– А я тогда буду кокетничать со Стаббсом!

– Неисправимая кокетка! Ах, Лора, ты, конечно, увлечена Уолтером, но ты понятия не имеешь, что такое любовь!

– Нет, я...

– Мисс Марион! – крикнул конюх, просунув голову в дверь комнаты. – Сэр Мармадьок уже в седле. Ждут только вас и мисс Лору.

Он тут же побежал обратно.

– Лора, – шепнула Марион кузине, выходя из комнаты, – никому ни слова о том, что ты знаешь, никому! Обещай мне это, и тогда я, может быть, сделаю то, о чем ты меня просила.
***

В это же время Скэрти у себя в комнате беседовал со своим подчиненным Стаббсом. Оба были в костюмах для верховой езды, с охотничьими сумками через плечо и уже держали шляпы в руках, видимо ожидая, что их вот-вот позовут садиться на лошадей. Тут же на спинке стула сидел великолепный сокол с закрытой колпачком головой.

Скэрти, по своей излюбленной привычке, шагнул из угла в угол, а корнет стоял с озабоченным лицом и следовал взглядом за своим начальником.

– Итак, мой славный корнет, – насмешливо сказал Скэрти, – вы решили еще раз попытать счастья?

– Да, клянусь Богом! Если вы одобряете это.

– Зачем вам мое одобрение? Ведь это не относится к военной службе. Вы можете делать предложение любой женщине в графстве и по двадцати раз каждой, если это вам нравится.

– Но я хочу вашего совета, капитан. Представьте себе, что она откажет мне во второй раз?

– Да, это будет не совсем удобно, в особенности если принять во внимание, что вы живете под одной кровлей и едите за одним столом. Тем более неудобно, что вы, кажется, уже получили отказ.

– Это было неофициальное предложение. Я, видите ли, слишком поторопился тогда. С тех пор прошло много времени, и у меня теперь больше надежд. Мне кажется, если я не ошибаюсь в ней, она теперь отнесется к этому иначе.

– Но, значит, вы все-таки не совсем уверены?

– Да нет, не совсем...

– Тогда не лучше ли отложить ваше предложение до того времени, когда вы будете уверены, что его примут благосклонно?

– Так я мог бы быть и сейчас уверен, если бы... Вот об этом-то я и хочу с вами посоветоваться.

– Слушаю вас.

– Вы знаете, капитан, что эта девушка, хотя она только племянница сэра Мармадюка, любит его, как родная дочь. А к этому мальчишке Уолтеру она просто привязана, как к брату; ведь они росли вместе, а родного брата у нее нет.

– Не могу не удивляться вашей проницательности, корнет Стаббс!

Это было как раз то качество, которым отнюдь не мог похвалиться корнет, иначе от него не ускользнула бы насмешка в тоне Скэрти.

– Ну, его-то я, во всяком случае, не боюсь!

– А кого же вы тогда боитесь? Или у вас есть еще соперники? Может быть, молодой Дэйрелл? Или этот красавчик – сын сэра Роджера Хаммерсли? Кто-нибудь из них?

– Нет, никого нет.

– В таком случае, почему же вы сомневаетесь? Как вам самому кажется: нравиться вы девушке или нет?

– Иногда – да, иногда – нет. У нее что ни день – по-разному. Но я так думаю, что сейчас я ей нравлюсь. Или, во всяком случае, нравился вчера.

– А почему вы так думаете? Она вам это говорила?

– Да нет, не говорила. Но я сужу по ее поведению. Я ей намекал, что у меня будет с ней очень серьезный разговор, когда мы поедем на охоту. И мне показалось, она была в восторге, клянусь Богом! И потом весь вечер она была в очень веселом настроении и несколько раз говорила, что она ждет не дождется завтрашней охоты. Что же это может значить, если не...

– Если не то, что она предвкушает удовольствие от вашего предложения! Но если ее расположение к вам меняется, как вы сами говорите, и вчера вам было ясно, что вы ей нравитесь, так сегодня, может быть, как раз наоборот? Именно по этой причине я посоветовал бы вам отложить это дело до завтра.

– Но я же вам говорю, капитан, что у меня есть средство получить ее согласие как сегодня, так и завтра! Если бы я только мог намекнуть ей...

– На что?

– Вы же знаете, что сэр Мармадюк в вашей власти.

– Знаю.

– Так вот, если бы я дал ей понять, что ее дяде грозит опасность, что он может лишиться не только свободы, но и жизни...

– Стаббс! – вскричал капитан кирасиров, подскочив к нему и потрясая сжатым кулаком перед лицом своего подчиненного. – Если вы только заикнетесь об этом, если вы посмеете сделать хотя бы малейший намек, ваша жизнь окажется в еще большей опасности, чем жизнь сэра Мармадюка Уэда! Я уже вам раз сказал, что вы должны держать язык за зубами, а теперь повторяю свое приказание еще раз!

– Разумеется, капитан! – пробормотал извиняющимся тоном испуганный Стаббс. – Если вы возражаете, я ни слова не скажу об этом, клянусь Богом!

– Да уж, пожалуйста, воздержитесь! Завоевывайте свою красотку каким угодно способом, но только не злоупотребляйте властью, которой вам не дано. Могут возникнуть такие обстоятельства, когда понадобится разоблачить эту тайну, но право решать, как и когда это сделать, принадлежит мне, а не вам!

Стаббс попытался что-то сказать в свое оправдание, но в это время вошел слуга и

сказал, что все уже собрались внизу.

Спустя пять минут блестящая кавалькада выезжала из восточных ворот бэлстродского парка.

Глава 54

СОКОЛИНАЯ ОХОТА

В наши дни озера Фулмир уже больше не существует, хотя живописное селение, некогда расположенное на его берегах, и доныне зовется этим именем. Озеро давно уже исчезло; ручей Элдерберн, реки Колн и Темза постепенно поглотили его воды и унесли их в океан, а дно озера поросло травой и превратилось в зеленый луг с маленькими бочажками, где растет в изобилии кресс-салат и аир; салат поселяне носят на соседний рынок, а корни аира собирают деревенские лекари.

Но в то время, о котором мы рассказываем, весь этот громадный луг представлял собой водное пространство с заросшими камышом берегами, где водились выпь и лысуха, голубая цапля и дикие утки.

Здесь, на берегах озера, и должна была состояться соколиная охота, на которую съехались гости Дороти Дэйрелл, дочери сэра Фредерика, хозяина замка Фулмир.

Дороти Дэйрелл, очень хорошенькая молоденькая девушка, отличалась необыкновенной бойкостью нрава, что в глазах ее кавалеров и поклонников придавало ей особую пикантность. Следуя примеру своего отца, она была слепо привержена королевской власти и твердо придерживалась нелепого убеждения, что власть королю дается от Бога.

В то время, как и в наши дни, многие представители двуногой породы, мало чем отличающиеся от обезьян по своему развитию, вели паразитическое существование и превозносили власть любого тирана, именующего себя королем.

Однако не все были таковы. И среди крупных государственных деятелей, и среди простых людей немало было истинных патриотов, бесстрашно призывающих к созданию нового строя – республики.

И постепенно это начинало находить отклик не только в городах, но и во многих деревнях и селениях по всей Англии. Но никогда никто не посмел бы заикнуться об этом в деревне Фулмир. Человека, который отважился бы произнести вслух слово «республика», немедленно обвинили бы в измене и предали позорной казни, не дав сказать ни слова в свое оправдание.

Дороти ненавидела всякую мысль о республике, как все низкие души, которые ненавидели ее во все века и продолжают ненавидеть и теперь. Как нам ни жаль, что приходится отнести прелестную Дэйрелл к этой категории, но крошка Дороти была не только маленького роста, но и душа у нее была маленькая. За хорошеньким личиком скрывалась жестокая, себялюбивая натура, но с помощью тонких уловок и кокетства Дороти сумела завоевать успех и стать притягательным центром довольно обширного круга людей, которые ею восхищались.

Во всяком случае, масса знатных господ, откликнувшихся на ее приглашение и съехавшихся на Фулмирское озеро, чтобы принять участие в охоте, свидетельствовала об ее популярности в светском обществе.

Встретившись в условленном месте, веселая кавалькада двинулась по берегу озера. Цапли и дикие утки с криком поднимались из камышей, соколы настигали их, словно крылатые стрелы, собаки бросались искать дичь в камышах и кустарниках. Хозяева ловчих соколов заключали пари, и зрители, затаив дыхание, следили за пернатыми хищниками и громкими возгласами приветствовали победителя. Так, соревнуясь, гости обогнули озеро, а затем поднялись на вершину холма и уселись в тени деревьев на зеленой лужайке, где радушный хозяин уже заранее приготовил для них роскошное угощение.

Мы не будем описывать подробно этот веселый завтрак под открытым небом, остроумную беседу, подогретую прекрасным вином, галантные любезности и шутки,

расточаемые в изобилии. Остановимся на разговоре, который должен быть интересен читателю, поскольку он привлек внимание всей нашей компании. Разговор этот начала Дороти Дэйрелл.

– Мне жаль, что, кроме охоты, – сказала она, обращаясь к своим гостям, я не могу предложить вам ничего более захватывающего. После того зрелища, которым мы наслаждались в Бэлстрод Парке, я боюсь, наш праздник покажется пресным. Ах, если бы среди нас появился Черный Всадник! Как жестоко с вашей стороны, капитан Скэрти, что вы лишили нас этого удовольствия!

– Я весьма сожалею, – отвечал капитан, которому вряд ли доставили удовольствие ее слова, – что служебный долг вынудил меня поступить с мятежником так...

– Не извиняйтесь, капитан Скэрти, – вмешался сэр Фредерик, приходя на помощь смущенному кирасиру. – Мы все знаем, что вы поступили, как подобает честному слуге его величества. Хорошо, если бы в наше смутное время и другие проявляли такую же энергию! – И сэр Фредерик язвительно покосился на своего соседа – сэра Мармадьюка Уэда, к которому он отнюдь не питал дружеских чувств. – Единственно, о чем можно пожалеть, – что этому бунтовщику, кто бы он ни был, удалось убежать. Но я надеюсь, что его скоро поймают и он получит по заслугам.

– А чего же он, по-вашему, заслуживает? – спокойно спросил сэр Мармадьюк.

– Плахи! – запальчиво вскричал сэр Фредерик, который успел изрядно угоститься своим отборным вином. – А чего же другого может заслуживать авантюрист, строящий заговоры против своего короля? Я отрубил бы ему голову, как кочан капусты!

– Вы этим добились бы только того, что приготовили бы почву для десятка новых, – сдержанно возразил сэр Мармадьюк.

– Ну и пусть! Мы с ними поступим так же. Эту власть не отнимут у нас, несмотря на предательский парламент, который король так неосмотрительно согласился созвать!

– Ах, папа! – притворно жалобным тоном воскликнула Дороти. – Не говорите об отрубленных головах! Мне было бы очень жаль, если бы узник капитана Скэрти лишился своей головы! Я так рада, что он убежал от вас, капитан!

– Это что еще такое, дочка? – грозно спросил сэр Фредерик, поворачиваясь к дочери. – Откуда эта жалость? Я только сегодня утром слышал, как ты говорила совсем другое!

– Но я тогда еще не знала, что... что...

– Чего вы не знали? – слышались со всех сторон любопытные возгласы.

– Что есть кто-то, кому не безразлична судьба этого несчастного. Кому...

Лукавый взгляд, брошенный Дороти в сторону Марион Уэд, не ускользнул от внимания златокудрой девушки; заметил его и Скэрти.

– А кто же интересуется его судьбой? – спросил сэр Фредерик, испытующе глядя на дочь.

– Ну, прежде всего его жена, – ответила Дороти с многозначительным ударением на последнем слове.

– Жена? – подхватило сразу несколько голосов. – Черный Всадник женился? Мы этого не знали!

– Я тоже всего только час назад узнала об этом, – продолжала Дороти, довольная произведенной ею сенсацией. – Мне рассказал об этом кузен Уайленд. Он только сегодня приехал, а до сих пор был при дворе. Мистер Голтспер, оказывается, пользуется широкой известностью, но только не под тем именем, под которым он пожелал предстать перед нами, простыми деревенскими жителями Бэкингемшира.

– Совершенно верно, – сказал юноша в придворном костюме, стоявший позади Дороти. – Джентльмен, о котором говорит моя кузина, женат. Я думал, это все знают.

– Но откуда же нам знать, милый Уайленд? – с очаровательным простодушием спросила Дороти. – Мистер Голтспер здесь ни с кем не знаком, кроме, кажется, сэра Мармадьюка и его семьи, да и то, если не ошибаюсь, едва-едва! – И она с невинной улыбкой повернулась к сэру Мармадьюку.

– Это правда, – ответил сэра Мармадюк. – Я недавно познакомился с джентльменом, о котором вы говорите. И я понятия не имел, что он женат. Но какое это имеет отношение...

– Ах, господа, – вмешался молодой придворный, – вы, наверно, не знаете настоящего имени кавалера, который называет себя Голтспером! Он был довольно видной персоной при дворе. Только это было еще до меня, но мне многие рассказывали о нем. А потом произошел, кажется, какой-то скандал...

– Ну, ну, Уайленд! – перебила его хорошенькая кузина. – Никаких скандалов здесь! Что бы там ни было, держите это при себе!

– Имя!.. Его имя! – хором закричало несколько голосов, и большинство присутствующих, оживившись при слове «скандал», с явным нетерпением повернулись к придворному, надеясь услышать пикантное разоблачение.

Придворный назвал имя, хорошо известное в этом обществе и лет десять тому назад часто упоминавшееся рядом с именем английской королевы.

Это сообщение произвело совсем неожиданное впечатление. Человек, о котором до сих пор говорили в таком уничтожающем тоне, оказывается, был фаворитом, что, по мнению большинства собравшихся здесь дворян, должно внушать не презрение, а зависть.

Паж королевы, ее любимец, чье загадочное исчезновение вызвало скандал при дворе, – все это внушало интерес к Черному Всаднику. Ах, если бы они только знали, что этот никому не известный Генри Голтспер – тот самый Генри, которому когда-то расточала улыбки королева! Сколько друзей нашлось бы у него в этом обществе! Теперь уже никто не решался назвать его авантюристом.

Даже сердце заносчивой Дороты внезапно смягчилось, когда она услышала имя, произнесенное кузеном Уайлендом.

Гости сэра Фредерика не говорили о скандале при дворе, по крайней мере открыто. Может быть, кое-кто и шептался об этом, но скандал был слишком стар, чтобы представлять интерес даже для самых заядлых сплетников.

Разговор постепенно перешел на другие темы, но небольшая кучка, окружавшая молодого Уайленда, продолжала расспрашивать его, жадно интересуясь разными подробностями матримониальных дел заговорщика.

Но молодой придворный знал немного и мог рассказать слушателям не больше того, что они уже знали и раньше: Генри тайно вступил в брак с одной из придворных дам королевы Генриетты, и тотчас же за бракосочетанием последовало событие, в котором принимала участие сама королева, – дело кончилось разлучением супругов, причем Генри потерял большую часть своего состояния. Вскоре после этого он оставил придворную службу и исчез из Англии; как многие отважные, предприимчивые молодые люди того времени, он эмигрировал в колонии.

Надо отдать справедливость юному Уайленду: он не позволял себе никаких враждебных выпадов по адресу человека, о котором рассказывал. Он ничего не знал о том, чем была вызвана эта супружеская ссора и кто, собственно, был виноват. Ему было неизвестно, что причиной внезапного разрыва между Генри и его невестой-женой была ревность королевы и что это она своими преследованиями обратила его в бегство.

Наконец, тема эта утратила всякий интерес, и у молодежи пошли свои разговоры и шутки.

Одна только Марион Уэд не принимала участия в общем разговоре. Она не могла оправиться от этого неожиданного удара.

Чувствуя себя не в силах притворяться веселой, она незаметно отделилась от компании и скрылась в чаще деревьев. Ей казалось, что сердце у нее не выдержит и разорвется. Ноги у нее подкашивались, и она бессильно прислонилась к стволу высокого бука.

Так вот, значит, какое препятствие могло разлучить их! Могло! О, какая ложь!

Марион с горечью вспоминала теперь каждое слово Голтспера в ту ночь, когда они виделись последний раз.

«Он лгал мне – он скрыл, что у него есть жена! А я поклялась принадлежать ему

навек. О Боже, дай мне силы отступить от моей клятвы! Я не должна, не смею думать о нем. Нас разделяет пропасть! Но что я могу сделать со своим сердцем? Увы, я люблю его, несмотря на этот чудовищный обман! Но, может быть, я несправедлива к нему? Разве я не сама первая сказала ему о своей любви? Я помню, в эту последнюю ночь он несколько раз порывался сказать мне что-то. О, я могла бы простить ему, если бы он рассказал мне все без утайки! А теперь – нет! Я не могу, не смею! Но сердце мое все равно не изменится, хотя жизнь для меня кончена!»

Марион стояла, прислонясь к дереву, глядя перед собой угасшим взором, и даже не повернула голову, услышав звук приближающихся шагов. Горе сделало ее бесчувственной ко всему.

– Марион! Где ты? – раздался голос Лоры. – Я везде ищу тебя!

– Здесь, Лора, – тихо отозвалась Марион, делая над собой усилие, чтобы казаться спокойной.

– Ах, милая кузина, я сейчас расскажу тебе такую историю! – весело тараторила Лора, пробираясь сквозь чащу кустарников; наконец, вынырнув из-за ветвей, она остановилась перед Марион с пылающими щеками и вздымающейся грудью. – Ну, как ты думаешь, душечка, что это такое? Попробуй угадай!

– Ты знаешь, я плохой отгадчик, Лора. Надеюсь, ты не потеряла своего любимого сокола?

– Нет, слава Богу, этого не случилось! Но кое-что я потеряла.

– Что же это такое?

– Поклонника!

– Ах! – вырвалось у Марион, но она тотчас же овладела собой и спросила спокойным тоном: – Уж не ухаживал ли Уолтер за Дороти Дэйрелл?

– Нет. Ну ее, эту Дороти!

– Или, может быть, за кем-нибудь, к кому у тебя больше оснований ревновать? За Уинифрид Уайленд?

– Нет, что ты! Ничего такого страшного! Но у меня есть еще поклонник – и вот его-то я и потеряла!

– Ах, вот как! Ты признаешься, что у тебя есть другой? А Уолтеру ты об этом сказала?

– Ах, ну что тебе дался Уолтер! Как ты думаешь, о ком я говорю?

– Должно быть, о капитане Скэрти, которым ты так восхищаешься. Наверно, это и есть поклонник, которого ты потеряла?

– Нет, этого еще не случилось!

– Как! Значит, есть еще третий или, во всяком случае, был? Вот неисправимая кокетка!

– Ну, что ты! Я вовсе даже и не поощряла его ухаживаний. Уверю тебя, никогда! Скажи сама, разве ты когда-нибудь замечала?

– Мне будет легче тебе ответить, когда я узнаю, кто этот потерянный поклонник.

– Боже мой, кто! Ну конечно, корнет Стаббс!

– Ах, вот кто! Но я вижу, дорогая кузина, что ты легко примирилась с этой потерей. Ну, как же это вышло, расскажи!

– Представь себе, Марион, – проникновенным тоном сказала Лора, обнимая свою подругу, – этот наглец опять сделал мне предложение!

– Как! Второй раз объяснение в любви? Ну, знаешь, я бы на твоём месте считала это скорее приобретением, а не потерей!

– Да, но подумай только: второй раз объясняется в любви и на этот раз гораздо решительнее, чем в первый! Он даже и слушать не желал моего отказа!

– Но что же ты ему все-таки ответила?

– В первый раз, как я тебе рассказывала, я просто отказала ему. Ну, а на этот раз я говорила с ним очень резко. Уверю тебя, я была страшно возмущена! Но этот наглец не желал ничего слушать и продолжал приставать ко мне, точно он совершенно уверен, что может заставить меня сказать «да»! Я никак не могла отделаться от него. Я даже пригрозила,

что он дождется от меня пощечины. И так оно и было бы, если бы в это время к нам кто-то не подошел и не избавил меня от его приставаний. Я бы не возмущалась так, если бы хоть когда-нибудь давала ему повод для такого поведения! Надо же быть таким нахалом!

– А ты рассказала об этом Уолтеру?

– Нет, и прошу тебя, не говори ему, милая Марион! Ты же знаешь, что Уолтер ревновал меня к Стаббсу даже без всяких оснований. Он сейчас же вызовет его на дуэль, а я вовсе не хочу этого! Ни за что на свете! Хотя я была бы рада, если бы кто-нибудь другой, только не Уолтер, проучил его! Помнишь, как твой храбрый Генри проучил... Ах! – воскликнула она, увидев искаженное страданием лицо Марион. – Прости меня, кузина! Я совсем забыла... От этого объяснения со Стаббсом у меня все вылетело из головы. О, милая Марион, ведь это, может быть, еще и неверно? Может быть, это ошибка? Ведь Дороти Дэйрелл такая злока – она может выдумать что угодно! А этот надутый щеголь, брат Уинифрид Уайленд, – такой же фальшивый, как и его кузина. Ему, как и Дороти, нельзя верить. Милая Марион, прошу тебя, не верь этому! Наверно, это какое-то недоразумение. Голтспер не может быть женат, а если это правда, значит, он подлый...

– Лора! – перебила ее Марион. – Я тебе приказываю... умоляю тебя... не говори ни слова о том, что ты знаешь, никому, даже Уолтеру! И я прошу тебя, не говори о нем так, как ты сейчас сказала. Если даже он и такой, как ты думаешь, мне больно слышать, когда это повторяют!

– Но ты же не можешь любить его, если это правда!

– Я ничего не могу с этим поделать. Для меня все кончено. Но я не могу не любить его!

– Милая, милая моя Марион! – воскликнула Лора, чувствуя, как Марион, прижавшись к ее груди, сотрясается от рыданий. – Мне так жаль тебя, бедняжка Марион! Не плачь, дорогая! Это пройдет. Когда-нибудь ты перестанешь думать о нем!

– Никогда! – с рыданием вырвалось у Марион.

Подняв голову, она вытерла слезы и, призвав на помощь всю свою гордость, постаралась принять спокойный вид, а затем, под руку с Лорой, решительно направилась к лужайке, чтобы присоединиться к компании, от которой она недавно бежала.

Глава 55

ПЕРЧАТКУ ВЕРНУЛИ!

Весь день Марион принуждала себя казаться веселой и поддерживать оживленный разговор. Наконец спустились сумерки, туман поднялся над озером, и компания стала собираться домой.

Но и ночь не принесла облегчения Марион Уэд. Мысли, терзавшие ее, не давали ей забыться ни на минуту. Она долго металась без сна и несколько раз вскакивала с постели и бродила по комнате, не находя себе места.

Образ Генри Голтспера, навеки запечатленный в ее сердце, неотступно стоял перед ее глазами, но каждое воспоминание о нем было отравлено ядом.

До этого дня Марион не представляла себе, что значит настоящее страдание. Муки ревности, которые ей пришлось испытать, были ничто в сравнении с тем, что она переживала сейчас. В разлуке с возлюбленным, в постоянных опасениях за его судьбу она все же не чувствовала себя несчастной; она жила, окрыленная надеждой и сладостными воспоминаниями об их встрече. Правда, она иногда задумывалась над его словами и с тревогой спрашивала себя, не скрывается ли за ними что-то, о чем он не решался сказать.

Но она старалась сейчас же отогнать от себя эти несправедливые подозрения. Разве она могла сомневаться в нем? Ведь он дал ей слово вернуть перчатку, если он ее разлюбит. И как он тогда смеялся над ней и уверял ее, что этого не может случиться! Она немножко удивлялась, что от него так долго нет никаких вестей. Мог бы черкнуть хоть словечко, чтобы успокоить ее... Но она не огорчалась его молчанием. Может быть, он знал, что в Бэлстрод опасно писать. Капитан Скэрти, ссылаясь на то, что ему будто даны приказания свыше,

которым он вынужден подчиняться, распорядился, чтобы без его просмотра ни одно письмо, ни одна записка не поступали в дом сэра Мармадюка Уэда.

После того как Голтспер скрылся, Марион ничего не знала о своем возлюбленном; она впервые услышала о нем сегодня, когда при ней заговорили о его жене.

Она не стала слушать никаких сплетен. С нее довольно было того, что она узнала; ее возлюбленный, человек, которому она отдала сердце, – муж другой! Этого было довольно, чтобы лишиться ее всего, чем она жила, и повергнуть в бездну отчаяния.

На людях, в этой шумной, веселой компании, Марион не пыталась объяснить себе, как это могло случиться, но теперь она жаждала получить объяснение от самого Голтспера.

Всю ночь она ни на минуту не сомкнула глаз и задолго до того, как большой колокол Бэлстрода возвестил обитателям усадьбы начало нового дня, Марион Уэд, плотно закутавшись в плащ, с низко опущенным капюшоном, вышла из дома и быстро направилась по росистой траве к восточным воротам.

Рука ее сжимала под плащом письмо, написанное этой ночью. На конверте стояло имя Генри Голтспера. Адреса его Марион не знала, поэтому она решила отнести его сама в Каменную Балку, где надеялась увидеть кого-нибудь из его верных слуг, кто мог бы доставить письмо по назначению.

Она уже не раз порывалась сходить в Каменную Балку и попытаться установить связь со своим возлюбленным. До сих пор ее удерживала от этого боязнь, что письмо может попасть в руки его врагов, а потом, ей казалось, что он должен написать первым, и она со дня на день ждала от него весточки. Но теперь эти соображения уже не удерживали ее. Это было не такое письмо, какое она собиралась написать ему раньше, полное любви и забот. Это было горькое письмо, полное обманутого чувства, жгучего разочарования и разбитых надежд. ***

В эту ночь под кровлей бэлстродского дома бодрствовала не одна Марион Уэд.

Капитан Скэрти, который, по своей солдатской привычке, вставал не позже шести часов, на этот раз поднялся задолго до рассвета. В те смутные дни немало людей из военных кругов были втянуты в политические интриги. Капитан кирасиров, пользующийся доверием королевы, был одним из таких людей.

Хотя Скэрти любил жить в свое удовольствие, его нельзя было упрекнуть в праздности. Его честолюбие не позволяло ему оставаться в стороне от событий, и он с увлечением примкнул к тайной политической интриге, в которую его вовлекла королева. В связи с этим ему приходилось вести обширную переписку, которой он посвящал обычно эти ранние утренние часы.

Накануне он задержал свою переписку из-за охоты и потому сегодня поднялся ни свет ни заря и тотчас же уселся за письменный стол.

Помимо разных политических и военных донесений, с которыми он поспешил разделаться в первую очередь, у него было еще одно дело, и он решил не откладывать его. На столе перед ним лежал пакет, в котором, по-видимому, было не письмо, а нечто другое. Пододвинув его к себе, Скэрти, с пером в руке, смотрел на него в некоторой нерешительности, словно недоумевая, как ему поступить. В этом пакете лежала перчатка Марион Уэд, некогда красовавшаяся на шляпе Генри Голтспера и похищенная Скэрти.

Капитан кирасиров все еще не чувствовал уверенности, что эта перчатка была залогом любви, свидетельствующим о том, что сердце Марион принадлежит Голтсперу. Он решил вернуть эту перчатку Марион и посмотреть, что из этого выйдет.

Дар любви, возвращенный любимым человеком, – это не может не произвести впечатления!

Если Марион действительно увлечена Голтспером, в ее чувствах может произойти переворот в пользу его, Скэрти. А если между ними ничего нет... что ж, от этого никто не пострадает! Вопрос в том, как послать эту перчатку, чтобы у Марион не было сомнений, что ее возвращает Голтспер. Нужно написать адрес его почерком. Скэрти задумался, припоминая, где он недавно видел почерк Голтспера; потом, вспомнив, пододвинул к себе

толстую пачку бумаг. Это были письма и документы, захваченные им в день ареста Голтспера.

Вынув несколько писем, он некоторое время рассматривал их с вниманием эксперта, расшифровывающего трудную рукопись. В связи с его тайной деятельностью у Скэрти был достаточный опыт по части подделки документов. Положив перед собой одно из писем, он взял перо и, осторожно выводя каждую букву, написал на пакете с перчаткой: «Мисс Марион Уэд».

– Этого достаточно, – решил он. – Адрес излишен. Пакет должен быть передан из рук в руки, как если бы его привез верный гонец. У Марион нет никаких оснований не доверять леснику Уэлфорду. Возможно, она даже знает, что он был на посылках у Голтспера; а о том, что его прогнали, ей вряд ли может быть известно. Удивляюсь, отчего его до сих пор нет? Я велел ему прийти до рассвета... Ага! Легко на помине! Чья-то тень мелькнула мимо окна, это, наверно, он...

Скэрти быстро поднялся и, взяв пакет, направился к выходу навстречу своему посыльному.

Действительно, на крыльце стоял предатель Уэлфорд. Скэрти не впустил его в дом. Он уже заранее предупредил его, что от него потребуется. Вручив ему пакет, Скэрти шепотом повторил свои наставления: пакет нужно отдать так, чтобы этого никто не видел; лучше всего подстеречь мисс Марион, когда она будет гулять одна, подойти к ней тихонько, сказать, что его послал Голтспер, вручить пакет и передать якобы от имени Голтспера то, чему его научил Скэрти. А после этого поскорее уйти, чтобы избежать всяких распросов.

– Ну, а теперь – марш отсюда! – скомандовал Скэрти, закончив свои наставления. – Да постарайся, чтобы тебя никто не заметил! Нехорошо, если тебя увидят здесь в такой ранний час, да еще узнают, что ты приходил ко мне. Когда дело будет сделано, дай мне знать и, если у тебя все сойдет благополучно, получишь еще столько же.

С этими словами Скэрти опустил в руку ложного гонца золотую монету и, быстро повернувшись, пошел к себе.

Лесник, жадно ослабившись при виде золота, блеснувшего у него на ладони, опустил монету в карман и, сойдя с крыльца, крадучись пошел через кустарник.

Случай или сам дьявол благоприятствовал ему. Он никак не рассчитывал, что ему посчастливится так скоро заработать обещанную награду. Едва только он перебрался на ту сторону рва, как увидел впереди женскую фигуру, закутанную в плащ с капюшоном.

Уэлфорд сразу узнал молодую хозяйку усадьбы, он не раз видел ее в этом бархатном плаще.

Марион быстро шла по аллее, и Уэлфорд, прячась за деревьями, осторожно шел за ней следом. Выйдя из ворот, она пошла по дороге к лесу и, свернув на хорошо знакомую ей тропинку, остановилась под развесистым буком. Задыхаясь от нахлынувших на нее чувств, она стояла под его зеленым шатром, погрузившись в сладостные воспоминания. Даже сейчас, когда сердце ее сжималось от жгучей обиды и боли, она чувствовала умиротворяющее действие этого священного для нее дерева – свидетеля ее любви.

Сухая листва зашуршала под тяжелыми шагами, и в двух шагах от Марион на тропинке появилась рослая мужская фигура.

Это был лесник Уэлфорд.

Марион стояла, не двигаясь и не глядя на него, ждала, когда он пройдет. Но лесник, увидев ее, остановился и, сняв шляпу, отвесил неловкий поклон.

– Госпожа Уэд! – тихонько окликнул он.

– Что вам надо от меня? – холодным, удивленным тоном спросила Марион.

– Я шел за вами от самого дома. У меня к вам есть дело, да только с глазу на глаз.

– Какое дело? – В голосе Марион послышалась невольная тревога. Что может быть нужно от нее этому парню? По виду он не внушал доверия, а она здесь одна, в лесной глуши.

Но ее опасения тут же исчезли, когда он, свернув полу своего камзола, достал пакет и, протянув ей, сказал:

– Меня послали передать вам этот пакет и приказали отдать вам из рук в руки, чтобы никто не видел.

– Кто вас послал? – живо спросила Марион, беря пакет из рук осторожного гонца.

– Мистер Голтспер, – коротко ответил лесник. – Я уж тут не буду задерживаться, как бы меня кто-нибудь не увидел... Да мистер Голтспер только всего и велел сказать, что он жив и здоров, живет со своей женой, они опять помирились. В письме, верно, про все написано. Уж вы простите меня, что я так спешу, мне надо скорей вернуться к хозяину. Счастливо оставаться!

И, низко поклонившись, Уэлфорд поспешил скрыться. А Марион, сраженная его словами, стояла, не двигаясь с места, и смотрела потухшим взглядом на оставшийся в ее руке пакет.

Когда ее дрожащие пальцы сломали печать и, разорвав конверт, нащупали замшевую перчатку, которая тут же выскользнула у нее из рук, Марион с глухим стоном рухнула на землю.

Она не потеряла сознания – она упала, обессиленная горем, сломленная отчаянием, которое словно ледяной рукой сжало ее сердце.

Итак, все кончено! Он возвратил ей дар любви, он отрекся от нее! Он больше ее не любит! Нет, он никогда не любил ее, иначе разве он мог бы измениться так скоро!

Марион долго лежала, уткнувшись лицом в землю, разбитая, уничтоженная, не в силах пошевелиться. Наконец, сделав над собой усилие, она поднялась и, едва живая, словно в каком-то полубреду, медленно пошла домой. Белая перчатка осталась лежать на земле, брошенная.

Глава 56

СКЭРТИ ОТВЕРГНУТ

Скэрти не подозревал, какой удар он нанесет Марион своей жестокой затеей. Он понятия не имел о том условии, которое заключила Марион с Голтспером. Он сделал это просто для того, чтобы испытать ее чувства, допуская, что она может быть увлечена Голтспером, однако не настолько, чтобы сохранить к нему привязанность после того, как он вернет ей сувенир и она узнает, что он помирился с женой.

Он надеялся, что Голтспер перестанет для нее существовать, а тогда новому пылкому поклоннику, капитану кирасиров Скэрти, легче будет добиться ее расположения.

Капитан Скэрти был действительно влюблен в Марион, но в данном случае им руководили и другие побуждения. Он жаждал завладеть не только ее сердцем, но и рукой или, вернее, состоянием, которое принесла бы ему Марион, став его женой. У капитана кирасиров не было за душой ничего, кроме жалованья да высокого покровительства, но ни то, ни другое не давало ему тех благ, которые он получил бы, сделавшись зятем сэра Мармадьюка Уэда.

Скэрти поставил себе целью жениться на Марион Уэд и считал, что у него в руках есть верное средство добиться желанного результата даже в том случае, если ему не удастся завоевать сердце богатой наследницы.

Возвращение перчатки было первым шагом в задуманной им программе действий. Затем следовало предложение руки и сердца. Если ему ответят согласием, – отлично! Если нет, – он примет чрезвычайные меры. Но медлить было нельзя. Времена были таковы, что власть распоряжаться судьбой сэра Мармадьюка Уэда и этим путем воздействовать на его дочь могла в любую минуту выскользнуть из его рук.

Вернувшись к себе в комнату, Скэрти долго ходил из угла в угол, обдумывая предстоящее объяснение с Марион.

«Интересно знать, скоро ли этот тупица Уэлфорд сумеет передать пакет Марион? – рассуждал он, расхаживая взад и вперед. – Надеюсь, он понял мои наставления и поостережется искать ее здесь, в доме. Он должен подстеречь ее одну, на прогулке. Но кто

знает, может пройти несколько дней, прежде чем ему удастся встретить ее одну!»

За окном показалась голова Уэлфорда.

«Как! Он вернулся, этот болван! Не дай Бог, его еще кто-нибудь увидит из дома! Правда, сейчас еще рано, но все равно! Экий дурень! Пойду узнаю, что его заставило вернуться».

Схватив шляпу, Скэрти поспешно выбежал из дома и вошел в кусты, где его поджидал лесник.

– Что случилось, Уэлфорд? – спросил он. – Почему ты вернулся?

– Да так вышло, господин капитан, – ухмыляясь, ответил Уэлфорд. – Птичка вылетела рано, я тут же ее и поймал.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Да я отдал пакет!

– Как – отдал? Да где же ты мог ее увидеть в такую рань?

– Да вот так уж мне повезло. Как вышел отсюда, так и увидел ее у ворот. Шел за ней следом до самого леса и вот на той тропинке, что ведет к Каменной Балке, подошел к ней и сказал все, как вы велели, и пакет отдал.

– Да как же она могла пойти в лес в такое время? Ты что-то путаешь, Уэлфорд! Не может этого быть!

– Ничего я не путаю, господин капитан. Сделал все, как вы велели. Да я сколько раз и раньше встречал ее на этой тропинке! Она чуть не каждый день ездила по ней верхом. А сегодня она пришла пешая, пришла и стала под деревом.

– А что же она там делала?

– Да ничего, господин капитан. Стояла себе под деревом – там такой большой бук растет посреди поляны. Ну, я как отдал пакет и сказал, что вы велели, тут же и ушел.

– А она там осталась?

– Да, так и осталась стоять под большим буком.

– А ты никого не встретил, когда шел назад?

– Нет, никого не встретили не обогнал никого.

– Так, наверно, она и сейчас там? Ты ведь сразу ушел?

– Этого я, конечно, не могу сказать, там она или нет. Я оттуда во весь дух сюда, чтобы успеть вас повидать, пока еще в доме не встали. Но я так полагаю, ежели она даже сразу вслед за мной пошла, все равно она до дому дойти не успела. Вы ее на полдороге можете встретить.

– Ты говоришь, это дорога на Каменную Балку?

– Да, та самая, что идет через Стампвеллский лес, а потом в гору. Она отходит от большой дороги в лес недалеко от ворот парка.

– Знаю, знаю! Ну, вот тебе, получай! Выпей за мое здоровье. А теперь марш отсюда, чтобы тебя, избави Бог, не видали со мной! Ступай куда хочешь, но вечером будь дома – ты можешь мне понадобиться.

Лесник взял монету и мигом исчез.

– Итак, мисс Марион изволила подняться до рассвета и отправиться в лес по дороге на Каменную Балку! – бормотал про себя Скэрти, разгуливая по цветнику. – Не означает ли это, что... Ах, черт! – внезапно воскликнул он. Быть может, я еще успею захватить его!.. Эй, седлать! – крикнул он сержанту, который в эту минуту вышел из-под арки двора. – Дюжину верховых! Немедленно!

И он бросился к себе в комнату и стал поспешно облачаться в свои стальные доспехи, разбросанные по комнате.

Через несколько минут, вооружившись с ног до головы, он на ходу налил себе чарку вина из стоящего на столе графина и, осушив ее залпом, вышел, бряцая сталью, и быстро зашагал по коридору, ведущему в заднюю половину дома.

Выйдя во двор, он вскочил на приготовленную для него лошадь и, приказав кирасирам следовать за ним, поскакал к воротам, мимо которых проходила дорога на Каменную Балку.

Но скачка эта окончилась, прежде чем они достигли ворот. Поднявшись на холм, откуда начиналась каштановая аллея, идущая до самой ограды, Скэрти внезапно осадил коня и приказал отряду остановиться. Тотчас же вслед за этим последовал второй приказ – вернуться обратно. Изумленные странным поведением своего капитана, кирасиры, недоумевая, повернули назад.

Кое-кто из них успел заметить внизу в аллее медленно движущуюся среди каштанов фигуру.

– Парус на горизонте! – пробормотал один из них, бывший моряк. – Капитан хочет пришвартоваться и требует, чтобы матросы убрались с палубы.

– Это она, – прошептал Скэрти, вглядываясь в медленно приближающуюся фигуру. – Если даже она и была с ним, преследовать его сейчас бесполезно. Не такой он дурак, чтобы торчать здесь! Если она действительно виделась с ним, моя затея с перчаткой обернется против меня. Но, может быть, она ждала его, а он не явился? В таком случае, перчатка попала как раз вовремя, и сейчас для меня самый благоприятный момент. Я должен объясниться с ней сегодня же! Откладывать далее просто опасно. Быть может, у нее есть возможность общаться с ним, и тогда эта история с перчаткой выйдет наружу. Нельзя полагаться на случай, надо действовать. Я не в состоянии больше терпеть эту неопределенность! Объяснюсь с ней сейчас же. Будь что будет! Если она ответит «да», Ричард Скэрти готов изменить своему королю и предоставить сэру Мармадюку строить заговоры сколько его душе угодно. Но если она откажет ну, тогда берегитесь, мисс Марион: старому бунтовщику не сносить головы! От вашего ответа зависит и мое счастье и голова вашего отца. Надеюсь, вы будете милостивы и не заставите меня прибегнуть к суровым мерам!.. Пожалуй, мне лучше сойти с коня и пойти ей навстречу. Объясняться в любви, сидя верхом, как-то нелепо. Надо приблизиться к ней со смиренным видом и пасть на колени. Ха-ха-ха! Что сказали бы при дворе? Непобедимый Скэрти, любимец королевы на коленях у ног провинциальной девицы, дочери бунтовщика, умоляет ее о любви... ну, это еще куда ни шло... нет, мало того, – сам предлагает ей руку и сердце.

Скэрти, смеясь, соскочил с коня и, закрепив поводья за ветку дерева, быстро пошел вниз навстречу Марион.

Он встретил ее у подножия холма в густой тени каштанов. Она бросила на него холодный, удивленный взгляд, едва кивнув головой.

Казалось бы, такой прием должен был заставить Скэрти отказаться от своего намерения, но он не смутился.

– Мисс Марион! – сказал он, приблизившись к ней с почтительным видом, и, обнажив голову, отвесил низкий поклон. – Если вы не прогневайтесь на меня за то, что я нарушил ваше уединение в этот ранний час, я буду благословлять судьбу за счастливый случай, посланный ею!

– Я не ожидала встретить вас здесь, капитан Скэрти.

– А я так искал этой встречи! Я уже давно жду случая поговорить с вами наедине.

– Наедине? Простите меня, сэр, я не могу представить себе, о чем вы хотите говорить со мной, что требовало бы таких условий.

– Вы это сейчас узнаете, мисс Марион. Но мне казалось, что вы могли бы догадаться об этом сами. Нужно ли мне говорить вам, что я влюблен?!

– Но почему, сэр, вы выбираете меня в поверенные ваших сердечных дел? Я полагала бы, что с этим признанием вы должны обратиться к той, кого оно непосредственно касается.

– К кому же, как не к ней, я и обращаюсь! О, мисс Марион, ужели вы могли не заметить моих страданий, которые я был не в силах скрывать? Я люблю вас безмерно, я преклоняюсь перед вами! Не гневайтесь на меня за то, что я больше не в состоянии молчать! Не отталкивайте меня, о прекрасная Марион! Умоляю вас, скажите мне одно слово! Одно слово надежды!

Скэрти, бросив на землю шлем, упал на колени и, устремив глаза на Марион, трепетно ожидал ответа.

Марион молчала. Ее печальное лицо казалось непроницаемым: на нем нельзя было прочесть ни радости, ни досады, ни удивления.

Скэрти стоял на коленях, напрасно ожидая ответа. Наконец, чувствуя, что становится смешон, он снова заговорил:

– Не отвергайте меня, Марион! Умоляю вас, скажите хоть слово! Клянусь вам, если вы снизойдете ко мне, вы можете потребовать от меня любой жертвы! Моя рука, мое сердце, мой меч, вся моя жизнь будут принадлежать вам! Я знаю, сейчас я недостоин вас, но я сделаю все, чтобы заслужить ваше уважение... и, может быть, вашу любовь. У меня есть надежды на будущее. Мне незачем скрывать от вас, что мне покровительствует королева. С такой невестой, с такой женой, как вы, – красавицей, знатного рода, блистающей умом, – я достигну всего! Нет такой вещи, которой я не сделал бы, чтобы заслужить вашу любовь! Я буду счастлив прославить свое имя, чтобы вы могли с гордостью носить его и царить над всеми. Сейчас перед вами скромный офицер. Но в недалеком будущем мне предстоит получить титул лорда. Я не добивался его, для меня он не имеет значения, но я буду счастлив положить его к вашим ногам. О, Марион, зачем мне господство и власть, если я никогда не буду властителем нашего сердца! Я жду приговора, Марион! Скажите мне, могу я надеяться?

Марион устремила взгляд на своего пламенного поклонника. Она не могла не поверить его искренности. Как бы он ни был вероломен, его чувства к ней не вызывали сомнений. Она давно знала, что он любит ее.

Быть может, это и заставило ее подавить свое возмущение. Что оскорбительного в том, что он взывает к ней, пав к ее ногам? В ее глазах можно было прочесть не возмущение, а жалость. Но через минуту взгляд ее равнодушно скользнул по нему, став таким же непроницаемым и холодным, как прежде.

Обманутый этим смягченным выражением лица, Скэрти на мгновение почувствовал себя победителем.

Но, увы, только на мгновение! Холодное равнодушие скользнувшего по нему взгляда яснее всяких слов сказало ему, что надеяться не на что.

Марион подтвердила это на словах – коротким, бесповоротным отказом.

После этого Скэрти не оставалось ничего другого, как подняться, надеть шлем и откланяться. ***

Марион пошла вверх по холму, а Скэрти, пройдя несколько шагов, остановился и следил за ней, пока она не скрылась из глаз.

Лицо его было неузнаваемо. Все, что он с трудом прятал под маской смиренной учтивости – бешеная неукротимость страстей, злоба, оскорбленная гордость, – все это сейчас прорвалось наружу.

– Довольно! Я больше не стану церемониться! – пробормотал он, скрипнув зубами. – С этой гордочкой надо действовать не так – не добром, а силой! Только так и можно завладеть ее рукой, да, пожалуй, и сердцем. Я знавал таких. А в истории разве мало примеров? Взять хотя бы похищение сабинянок! Долго ли они ненавидели своих похитителей? Нет, очень скоро стали любящими женами, и то, что, по мнению глупцов, должно было внушить им ненависть, только еще сильнее разожгло их любовь. Клянусь Небом, я последую примеру этих римских насильников, мне не остается ничего другого! Сейчас у меня в колчане имеется еще стрела, пора положить ее на тетиву. Наверно, сэра Мармадьюк уже проснулся, хотя он, кажется, не поднимается так рано, как его очаровательная дочь... Проклятье! Что могло заставить ее выйти до рассвета из дома? Я, конечно, дознаюсь, и если окажется, что...

Он стиснул зубы и схватился за ворот, словно у него перехватило дыхание.

– Да, Марион Уэд, – прошептал он, – если это так, ты станешь моей любовницей, а не женой!

Отцепив поводья, он вскочил на коня и, вонзив в него шпоры, погнал его галопом вверх по склону к дому.

Глава 57

СЭР МАРМАДЬЮК В ЗАТРУДНЕНИИ

Сэр Мармадьок сидел у себя в библиотеке, погруженный в невеселые размышления.

Последнее время он жил в постоянной тревоге, в предчувствии надвигающейся опасности, угрожающей ему и его близким. У него было достаточно оснований для таких опасений. Он знал, что он скомпрометировал себя не только участием в тайном собрании, происходившем в Каменной Балке, но и многими другими делами, которые, быть может, уже расследуются «Звездной палатой».

Предположения, возникшие у него в связи с арестом Генри Голтспера, не давали ему покоя. Голтспера арестовали рано утром, вскоре после того, как кончилось совещание, и это невольно вызывало подозрения, что на собрании присутствовал шпион.

Если это так – а сэр Мармадьок неизменно приходил к этому заключению, он должен считать свою жизнь конченной, как если бы его уже схватили, судили и приговорили к плахе.

Но если там был шпион, то это, должно быть, сам капитан Скэрти или кто-нибудь, непосредственно связанный с ним, иначе почему бы арестовали Голтспера?

Сэр Мармадьок считал капитана королевских кирасиров способным на любую низость. Его дружелюбие и любезность, его неоднократные сожаления по поводу того, что ему приходится играть такую роль, не внушали доверия хозяину дома. Сэр Мармадьок без труда разгадал вероломную натуру своего непрошеного гостя.

До сих пор Скэрти не позволял себе ни малейшего намека на то, что ему было известно. У него были свои причины молчать. И все же сэр Мармадьок не мог отделаться от подозрений.

К несчастью, у него не было никакой возможности проверить их. Скэрти тщательно следил за его корреспонденцией, ссылаясь на королевский приказ, а те из участников тайного собрания, с кем сэр Мармадьок мог повидаться лично, тоже ничего не знали и могли только подозревать. Никто, кроме Дэнси, Уэлфорда и Грегори Гарта, не был осведомлен о том, что произошло в ту ночь. Дэнси с дочерью уехали несколько недель назад неизвестно куда; с Уэлфордом сэр Мармадьок никогда не имел никаких дел, а Грегори Гарта он и вовсе не знал.

Сознавая, что жизнь его висит на волоске, сэр Мармадьок возлагал надежды только на парламент.

Этот парламент, получивший впоследствии название Долгого и представлявший собой собрание самых пламенных патриотов, когда-либо собиравшихся вместе, должен был со дня на день начать свою деятельность и вступить в борьбу с древней гидрой, именующей себя королевской властью. Угнетенным это сулило облегчение, осужденным – отмену приговора, заключенным – свободу.

Однако гидра эта, хотя и была несколько придавлена и напугана, все еще сохраняла свое ядовитое жало. В некоторых графствах власть ее держалась все так же крепко, и там по-прежнему чинились всякие насилия – хватали людей, конфисковывали имущество, обезглавливали невинных.

Неудивительно, что сэр Мармадьок Уэд опасался за свою жизнь. Сэр Джон Элиот (Элиот Джон (1592 – 1632) – один из лидеров оппозиции в парламенте в 20-х годах XVII века. Разоблачал в парламенте всемогущего фаворита Карла I герцога Бэкингема. Неоднократно арестовывался. Умер в тюрьме от чахотки.) томился в тюрьме; Лентолл (Лентолл Уильям (1591 – 1662) – юрист, спикер палаты общин, один из крупнейших деятелей партии индпендентов.), Лильберн (Лильберн Джон (1618 – 1657) – вождь мелкобуржуазной демократической партии левеллеров, выдающийся публицист. В 1638 году за распространение противоправительственной литературы был выставлен у позорного столба, подвергнут бичеванию и приговорен к пожизненному тюремному заключению. Освобожден в 1641 году. Впоследствии подвергался преследованиям со стороны просвитериан, а потом со стороны Кромвеля, которого обвинял в измене интересам народа.), Принн подвергались всяческим притеснениям. А сколько людей ходило по улицам с отрубленными ушами или

изувеченные пытками! А Голтспер, которого сэра Мармадьок знал ныне как смелого патриота, объявлен вне закона и скрывается, разыскиваемый гнусными ищейками – тайными агентами мстительной королевы.

Сэр Мармадьок чувствовал себя пловцом посреди разъяренного океана. Парламент казался ему спасательной лодкой, спешившей на помощь и пробивающейся через гребни волн. Дойдет ли она до него? Спасут ли его? Или ему суждено увидеть, как она разобьется о скалы и ее отважную команду поглотит бушующий океан?

Поистине это была отважная команда, которая в те бурные дни взялась за руль государственного корабля, чтобы привести его в надежную гавань!

Сколько славных имен, которые передаются из уст в уста и живут в каждом сердце! Пим, Гемпден, Голлис, Гезльриг, лорды Кимболтон (Кимболтон, лорд, Эдуард Монтегю, граф Манчестер (1602 – 1671) – председатель палаты лордов, один из лидеров просвитериян. Был в оппозиции королю, но во время гражданской войны стремился к соглашению с ним.), Эссекс (Эссекс Роберт Девере (1591 -1646) – один из лидеров пресвитериян в палате лордов; во время гражданской войны был главнокомандующим парламентской армии. Сторонник компромисса.), Ферфакс (Ферфакс Томас, барон Кларендон (1612 – 1671) пресвитериянин, генерал; в 1645 – 1650 годах был главнокомандующим парламентской армии.) и, наконец, самое славное из всех, бессмертное имя Оливер Кромвель! Эта блестящая плеяда имен внушала уверенность и бодрость даже самым робким; она помогала им не падать духом.

Что значит теперь, спустя два столетия, жалкий титул «Carolus Rex» по сравнению с этими великими именами! Даже и тогда он с каждым днем постепенно утрачивал свое могущество. И наступило время, когда люди, словно очнувшись после тяжелого похмелья, поняли, что верность королю – это не что иное, как поправленные права и задущенная свобода, что слово «король» отождествляется со словом «тиран», а слово «патриот» обрело свой подлинный смысл.

Это были не политические дельцы наших дней, величающие себя государственными деятелями, бессовестно спекулирующие народными правами, готовые в любую минуту перевернуться из одного лагеря в другой, политиканы, набившие себе руку на грязных интригах, люди без стыда и совести, позорящие английскую нацию, которых предают проклятию, едва только они сходят со сцены или оканчивают свое бесславное существование.

Как не похожи нынешние времена на те славные дни, когда Англия в мучительных усилиях завоевывала себе свободу! Будем надеяться, что она и доныне сохранила свой вольнолюбивый дух и найдет еще в себе силы подняться и сбросить позорные оковы рабства, в какую бы форму оно ни облекалось – в бесправное крепостничество прежних дней или в пришедшую ему теперь на смену современную систему налогов. Ибо называть можно по-разному, но по существу это одно и то же.

Итак, сэра Мармадьок сидел у себя в библиотеке, когда вошел слуга и доложил, что его желает видеть капитан Скэрти.

«Что ему от меня надо?» – с досадой подумал сэра Мармадьок, но, бросив взгляд на вошедшего капитана, сразу убедился, что тот пришел неспроста. Несмотря на все присущее ему хладнокровие, Скэрти, явившийся привести в исполнение свой гнусный замысел, был заметно взволнован. Невольное смятение преступника было явно написано на его обычно невозмутимом лице.

Сэра Мармадьок уже давно подозревал, что Скэрти домогается руки его дочери. Он относился к этому крайне неодобрительно, но с тех пор, как у него появились другие подозрения насчет Скэрти, эти домогательства сделались для него источником новых опасений и тревог. Его беспокойство усилилось бы во стократ, если бы он знал, какие широкие полномочия присвоил себе капитан Скэрти и в какой мере он способен злоупотребить своей властью. В кармане у Скэрти уже лежал приказ об аресте сэра Мармадьока и препровождении его в Тауэр – приказ, подписанный королем.

Неважно, что и то и другое было подделано самим Скэрти, – сэру Мармадьоку не

могло прийти в голову усомниться в подлинности приказа и не было возможности проверить его достоверность.

Вернувшись домой после объяснения с Марион, Скэрти потратил полчаса на изготовление этого фальшивого документа, решив пустить его в ход, если сэр Мармадьук не пожелает пойти ему навстречу.

– Прошу прощения, сэр Мармадьук Уэд! – сказал он с церемонным поклоном. Простите, что я помешал вам в такой неурочный час, но у меня к вам важное дело. Надеюсь, вы извините меня за нарушение этикета, когда узнаете, что меня к вам привело.

– Я не сомневаюсь, что капитан Скэрти выполняет свой служебный долг, это служит ему достаточным извинением.

– Должен вам признаться, сэр Мармадьук, что меня привели к вам два дела: первое – я должен с прискорбием сказать, – тягостный долг, второе относится к области чувств, и если бы я мог льстить себя надеждой, что вы отнесетесь к нему благосклонно, я мог бы сказать, что оно столь же отраднo для меня, сколь печален мой долг.

– Вы говорите загадками, сэр! Я не понимаю вас. Не могли ли бы вы сказать просто и ясно, какие у вас ко мне дела? Вы говорите, что одно из них для вас тягостно, а другое, при известных условиях, может оказаться приятным. Выбирайте сами, с чего вы хотите начать.

– Вы упрекаете меня в том, что я говорю обиняками, – ответил Скэрти. – Я принимаю ваш упрек, сэр Мармадьук, и буду говорить с вами прямо. Начну с самого важного для меня: я люблю вашу дочь и хочу, чтобы она стала моей женой.

– Ценю вашу откровенность, капитан Скэрти, но позвольте мне заметить вам, что признание, которым вы меня добровольно почтили, относится более к моей дочери, нежели ко мне. Вам никто не мешает поговорить об этом с ней самой, а она ответит вам так, как подскажут ей ее чувства.

– Я уже говорил с нею. Я сделал ей предложение.

– И что же она ответила?

– Отказала.

– Зачем же вы после этого приходите ко мне, капитан Скэрти?

– Неужели это требует объяснений, сэр Мармадьук? Я люблю вашу дочь, люблю ее всем сердцем, всей душой! Я хотел бы жениться на ней... сделать ее счастливой... предоставить ей со временем блестящее положение, титул! Я знаю, что сейчас обстоятельства сложились далеко не в мою пользу. Но если бы вы мне помогли, сэр Мармадьук, если бы воспользовались родительской властью...

– Не продолжайте, сэр, – спокойно прервал его сэр Мармадьук. – Какой бы ответ вам ни дала моя дочь, это и мой ответ. Вы говорите о родительской власти. В таких делах у меня нет никакой власти. Отец не имеет права подавлять сердечные склонности своих детей или препятствовать им. Я никогда не присваивал себе такой власти и не позволю себе прибегнуть к ней и теперь – ни в вашу пользу, ни против вас. Если вы завоевали сердце Марион Уэд, владейте им так же, как и ее рукой! Если нет, – напрасно вы обращаетесь ко мне, я ничем не могу вам помочь. Моя дочь свободна выбрать человека, который ей по сердцу, и отвергнуть того, кто ей не нравится. Итак, сэр, – решительно заключил он, – это дело мы с вами покончили, и, надеюсь, к вашему удовлетворению.

– Хорошо! – воскликнул Скэрти, и в голосе его послышалось возмущение и обида. «Ничего другого я и не ожидал, – подумал он. – Нечего больше и разговаривать... во всяком случае, пока я не нажму рычага. Тогда, надо полагать...»

– Разрешите узнать, в чем заключается второе дело, которое привело вас ко мне? – спросил сэр Мармадьук, желая поскорее кончить этот неприятный разговор. – Вы, кажется, сказали, что оно тягостно для вас?

– Да, в самом деле! – ответил Скэрти притворно сочувственным тоном. – Вы, может быть, не поверите мне, но, клянусь честью офицера, чей долг повиноваться королю, мне никогда не приходилось брать на себя более неприятной обязанности, чем та, которая на меня возложена теперь!

– Я думаю, что я смогу лучше судить об этом, когда вы соизволите сказать мне, в чем она заключается, сэр. Быть может, я смогу чем-нибудь помочь вам?

– О, сэр Мармадьук, я сам желал бы иметь возможность помочь вам!

– Вот как!

– Увы, всего какой-нибудь месяц назад я мог бы с полным равнодушием выполнить то, что мне предписывает долг! Я вас не знал, я не знал вашей дочери... О, лучше бы мне никогда не знать ни вас, ни...

– Сударь, – сухо прервал его сэр Мармадьук, – прошу вас, перейдите к делу. Какую неприятность вы медлите сообщить мне? Я изумлен, я теряюсь в догадках...

– Простите, благородный сэр, я не решаюсь произнести... Вот приказ, полученный мною, ясный и безоговорочный. Прочтите сами!

И Скэрти дрожащей рукой протянул сэру Мармадьоку приказ, который гласил следующее:

"Капитану Ричарду Скэрти, командиру королевских кирасиров.

Бэлстрод Парк.

До сведения его королевского величества дошло, что сэр Мармадьук Уэд, благородный рыцарь, изменил своему королю и предательски злоумышляет против власти и правительства его величества. А посему приказываем капитану Скэрти арестовать сэра Мармадьока и препроводить в Тауэр, дабы содержать его в заключении до суда «Звездной палаты» или какого-либо иного суда, коему надлежит расследовать подобные преступления.

Сим предлагается капитану Скэрти действовать незамедлительно и приступить к исполнению приказа его величества тотчас же по получении сего.

Дано во дворце Уайтхолл.

Carolus Rex".

– Итак, я ваш узник, – сказал сэр Мармадьук, складывая бумагу и возвращая ее капитану.

– Не мой, сэр Мармадьук! Помилуйте, не мой, а короля!

– Куда же меня повезут?.. Ах, я забыл! Мне не полагается задавать вопросы...

– Место назначения указано в приказе.

– И время также!

– Сожалею, но это так, – сказал Скэрти, делая вид, что его тяготит выполнение этой обязанности. – Вы читали приказ и понимаете, что я должен повиноваться беспрекословно.

– Я полагаю, мне разрешат проститься с семьей?

– Мне крайне прискорбно, сэр Мармадьук, но полученные мной предписания чрезвычайно строги.

– Неужели мне не дадут проститься с детьми? Ведь мне, быть может, уже не придется увидеться с ними!

– Не говорите так, сэр! – с сочувственным видом проникновенно сказал Скэрти. – Это, наверно, недоразумение. Кто-нибудь из ваших врагов оговорил вас перед королем. Будем надеяться, что все кончится благополучно! Я сочувствую вам всей душой, но я получил секретное распоряжение: после того как вам будет прочитан приказ об аресте, не разрешать вам общаться ни с кем из ваших друзей и родных, иначе как в моем присутствии.

– Что ж, мы простимся в вашем присутствии. Можно мне позвать детей сюда?

– Конечно, конечно, сэр Мармадьук! О Боже, какая тяжкая обязанность быть свидетелем столь горестной сцены! ***

На этот раз Скэрти сказал правду. Прощание сэра Мармадьока с детьми было поистине тягостной сценой, которая не поддается описанию.

Спустя час сэр Мармадьук под конвоем отряда кирасиров выехал из Бэлстрод Парка по дороге в Лондон, в знаменитую тюрьму для политических преступников, пользующуюся широкой, или, вернее сказать, позорной славой, – в Тауэр.

СУД

Не прошло и недели, как сэра Мармадюк предстал перед «Звездной палатой» этим страшным судилищем, которое долгие годы внушало ужас – не преступникам, а невинным людям.

Когда обвинитель является в то же время и судьей, можно не сомневаться, что подсудимый будет признан виновным. В деле сэра Мармадюка обвинителем был сам король. «Звездная палата» была только маской для самовластия монарха, которая позволяла ему уклоняться от ответственности за любой произвол.

Суд был не более и не менее чем фарс, подобный фарсам, разыгрывавшимся конклавом святейшей инквизиции. Высший королевский суд ничем не отличался от этого священного трибунала; но хотя и в том и в другом случае судебная процедура носила характер фарса, последнее действие этого фарса слишком часто оказывалось трагедией.

Суд над сэром Мармадюком, как большинство судов того времени, был жестоким издевательством над справедливостью; это была пустая формальность, жалкая видимость соблюдения законности, сохранившейся только в конституции. Двор уже заранее осудил сэра Мармадюка. «Звездной палате» оставалось только утвердить приговор, что и было сделано без промедления, и на этот раз, во избежание огласки, без всякой торжественности.

Подсудимому было предъявлено обвинение в измене королевской власти и в злоумышлении против короля. Обвинение было доказано, и подсудимый был приговорен к смертной казни, установленной для государственных преступников, – к отсечению головы на плахе.

Сэру Мармадюку не дали даже очной ставки ни с одним из свидетелей, и он не знал, кто давал показания против него. Но главное обвинение – участие в тайном собрании в Каменной Балке – не оставляло ни малейших сомнений в том, что одним из этих свидетелей, который, быть может, даже и подстроил все дело, был капитан Скэрти.

Во время следствия сэра Мармадюк пребывал в полном неведении, какие обвинения и улики выдвигаются против него. Ему не позволили даже взять адвоката, и задолго до того, как был вынесен приговор, уже стало ясно, чем кончится для него этот суд. И когда председатель незаконного судилища огласил смертный приговор, для сэра Мармадюка это не было неожиданным ударом.

Но каким жестоким ударом явилось это для двух любящих сердец, когда Уолтер, присутствовавший на суде, вернулся домой, убитый горем, и сообщил печальное известие обитателям усадьбы, которой вскоре предстояло лишиться хозяина!

Никогда еще вероломная натура Ричарда Скэрти не проявляла себя так бесстыдно, как в этот тяжелый час.

Дети его жертвы почти поверили в его дружеские чувства – он выражал такое искреннее участие, так горячо старался утешить их, что Уолтер и Лора не допускали и мысли, что он может быть способным на предательство; даже Марион поколебалась в своих подозрениях, которые ей до сих пор внушал этот человек.

Если бы у сэра Мармадюка была возможность общаться с детьми, этого не могло бы произойти. Но он был лишен этой возможности. С момента его ареста Скэрти принял все меры, чтобы помешать этому. Прощание происходило в присутствии Скэрти. В тюрьме сэра Мармадюк был совершенно отрезан от мира. После суда Уолтеру разрешили увидеться с отцом на несколько минут, но свидание происходило в присутствии тюремщиков и тайных агентов.

Сэр Мармадюк не мог поделиться с сыном своими подозрениями относительно Скэрти и предостеречь его от этого человека, который, притворяясь другом его детей, был не только их врагом, но шпионом и доносчиком, погубившим их отца.

Ни Уолтер, ни Лора, ни Марион не подозревали об этом. Им не пришло в голову поинтересоваться, почему Скэрти внезапно исчез из усадьбы и не появлялся в течение двух дней – как раз когда происходил суд. Разве они могли подозревать, что этот вероломный

негодяй, искусно прикидывавшийся другом, тайно присутствовал в эти дни на суде в «Звездной палате» в качестве добровольного свидетеля и давал против обвиняемого показания, которые привели к его осуждению...

Наутро после того, как страшный приговор стал известен в усадьбе Бэлстрод, Марион, убитая обрушившимся на нее двойным горем, сидела у себя в комнате.

У испанцев есть пословица: «Гвоздь гвоздем выбивают», которая этим прозаическим образом утверждает, что в сердце не могут ужиться одновременно два горя – одно вытесняет другое.

Эта пословица справедлива, однако не во всех случаях жизни.

Марион, сраженная страшным известием о тяжелой участи, ожидавшей ее отца, и о грозившей ей горькой утрате, не могла забыть о другой невосполнимой утрате, которая разбила ее сердце и погрузила в беспросветный мрак.

Мысли, одна черней другой, лихорадочно пронеслись в ее сознании, и если муки разбитого сердца вытесняли на минуту боль и страх за отца, – и то и другое разрывало ей душу и повергало ее в бездну отчаяния.

Марион была не одна; с ней были Лора и Уолтер. Они вместе провели бессонную ночь, и по их бледным лицам и покрасневшим глазам видно было, что они провели ее в слезах.

Всю ночь, не смыкая глаз, они пытались придумать, нельзя ли что-нибудь предпринять, чтобы попытаться спасти отца. Но все, что ни приходило им в голову, казалось недейственным.

Наконец Марион вызвалась поехать в Лондон и броситься в ноги королеве.

– Боюсь, что это будет бесполезно, – сказал Уолтер. – Я был у нее. Я пал перед ней на колени, уверял ее, что отец невинен, молил ее, обливаясь слезами, но ее ничего не трогало. Я никогда не видел ее такой разгневанной! Чего я только не наслушался от нее! Она обозвала меня подлым щенком, отродьем изменника и злодея, а Джермин и Голланд и другие молодые придворные из ее свиты смеялись надо мной. Я не посмел обратиться к королю. Ах, милая сестра, боюсь, что ты ничего не добьешься во дворце! Помочь нам может только один человек, потому что он свой в этой придворной клике. Ты знаешь, о ком я говорю, Марион?

– О капитане Скэрти?

– Да.

– Да, это правда, – подхватила Лора. – Помните, он несколько раз намекал, что у него будет возможность что-то сделать. Я готова упасть перед ним на колени и умолять его! Но ты знаешь, Марион, что одно твое слово сделает больше, чем все наши мольбы – и мои и Уолтера.

– О Марион! – сказал Уолтер, догадываясь, на что намекает Лора. – Если этот человек говорил искренне и если он действительно имеет такое влияние а я при дворе кое-что об этом слышал, – тогда у нас есть надежда. Я не знаю, о чем говорит Лора, но она уверяет, что одно твое слово может подействовать на него. Милая сестра, неужели это жертва?

– Да, Уолтер, ты прав, называя это жертвой. Без этого мои мольбы будут так же бесплодны, как и ваши. Я в этом не сомневаюсь.

– Что ты говоришь? Какая жертва?

– Моя рука...

– Милая, милая Марион, но если ты не любишь его, ты же не можешь стать его женой, не можешь обещать ему свою руку!

– А без этого он откажет мне.

– Негодяй! О Боже! И ведь он может спасти отца, речь идет о его жизни!

– Я хотела бы, чтобы это была моя жизнь! – с отчаянием воскликнула Марион. – Мне легче было бы умереть, чем решиться на это!

Уолтер не понял; что означают ее слова, но Лора догадалась.

Но никто из них не успел ответить, как Марион, вскочив с места, стремительно направилась к двери.

– Куда ты, кузина? – испуганно спросила Лора.

– К капитану Скэрти! – твердо ответила Марион. – Я брошусь к его ногам и не встану до тех пор, пока он сам не скажет мне, какой ценой надо заплатить за жизнь моего отца!

Глава 59

ПРЕКРАСНАЯ ПРОСИТЕЛЬНИЦА

Приговор, вынесенный сэру Мармадьоку, был новой тетивой, которую Скэрти натянул на свой лук, готовясь испытать ее крепость.

Ему ничего не стоило добиться этого приговора, и он, полагаясь на свое влияние при дворе, надеялся, что ему будет так же легко добиться и помилования.

Он спасет сэра Мармадьока, если Марион станет его женой.

Скэрти не посмел обратиться с этим предложением к отцу Марион, помня его решительный отказ. Правда, с тех пор обстоятельства изменились: сэру Мармадьоку грозила позорная смерть. Какой человек не ухватился бы за любое средство, чтобы избежать этой ужасной участи!

Но Скэрти знал, что сэр Мармадьок не такой человек, которого страх перед смертью может заставить поступиться счастьем дочери. Он так любит Марион, что, может быть, предпочтет умереть, чем принуждать ее к браку с нелюбимым человеком. Скэрти решил попытаться сначала поговорить с Марион.

Он знал о приговоре, прежде чем Уолтер вернулся из Лондона с печальным известием. Но он не счел нужным сообщать о нем Марион и Лоре. Уолтер приехал в Бэлстрод поздно вечером. Быть может, если бы не такой поздний час, Скэрти пришел бы выразить им свое сочувствие и даже постарался бы выдавить слезу, чтобы показать свое огорчение; но, так как время было уже за полночь, он ограничился тем, что послал слугу передать свои соболезнования, а свидание с Марион отложил на завтра.

С первого же дня ареста сэра Мармадьока Скэрти незаметно старался внушить его детям, что у него есть возможность спасти их отца, что это сопряжено с большими трудностями, требует чрезвычайных усилий, но он готов пойти на любые жертвы; и при этом он бросал такие красноречивые взгляды, что Марион нетрудно было догадаться, какую он за это потребует плату.

Итак, почва была подготовлена. Теперь нужно было только выбрать удобный момент и объяснить с Марион. Он решил сделать это с утра. Марион к этому времени несколько успокоится и будет более способна оценить его предложение. Перед тем как послать к Марион слугу с просьбой принять его, Скэрти долго расхаживал взад и вперед по большой гостиной. Он чувствовал себя далеко не уверенно: надежда, страх и стыд боролись в его душе и лишали обычного самообладания. Несколько раз он протягивал руку к звонку, чтобы послать слугу к Марион, и каждый раз у него не хватало решимости.

– Ну и дурак! – выругался он наконец. – Дурак и трус! Чего я боюсь? Разве она может мне отказать, когда от этого зависит жизнь ее отца?

И он решительно подошел к столу, на котором лежал колокольчик, но в это время стук открывающейся двери и шелест шелкового платья заставили его обернуться. Перед ним стояла Марион.

Скэрти, смутившись, отдернул руку от звонка, словно его застали на месте преступления. Ему показалось, что Марион прочла на его лице все, о чем он только что думал. Но, взглянув на нее, он сразу почувствовал радостную уверенность: она пришла сюда потому, что она знала, что он здесь! Она пришла к нему просить помощи!

К Скэрти мгновенно вернулась вся его самоуверенность. Приход Марион давал ему козырь в руки. Теперь ему можно было не ломать себе голову, как приступить к этому объяснению: ему нужно только довести его до конца.

– Мисс Марион! – сказал он, почтительно склонившись перед ней. – Я боялся быть лишним, но мне хотелось разделить ваше горе и попытаться хоть немного утешить вас.

– Судя по тому, что вы не раз говорили, сэр, – тихо, но вместе с тем твердо сказала

Марион, – вы можете сделать гораздо больше. Если я не ошибаюсь, у вас есть возможность повлиять на короля?

– Скорей, пожалуй, на супругу короля, – ответил капитан с тонкой улыбкой, рассчитанной, очевидно, на то, чтобы произвести впечатление на просительницу. – Да, прелестная Марион, здесь, пожалуй, я пользуюсь некоторым влиянием! Конечно, оно невелико, но, каково бы оно ни было, оно все к вашим услугам!

– О сэр, благодарю вас за эти слова! Скажите, что вы используете его, чтобы спасти жизнь моего отца! Скажите это, и вы заслужите вечную благодарность...

– Марион Уэд?

– И не только мою... Отца... брата... всех наших близких, а быть может, всего нашего графства... Все будут благодарны вам и будут благословлять вас за это доброе дело!

– Если бы я дорожил благодарностью, то только вашей! Это для меня достаточная награда.

– Вы можете быть уверены, что я буду благодарна вам всей душой.

– Скажите лучше – всем сердцем!

– Разве я этого не сказала? В сердце моем всегда будет жить благодарность к вам.

– Ах, благодарность – холодное слово! Я бы хотел, чтобы вы заменили его другим.

– Как я должна понимать вас, сэр?

– Скажите – любовь. Подарите мне ее, и я обещаю, что я не успокоюсь до тех пор, пока не добьюсь помилования вашему отцу или не разделю его участь за свое заступничество! О, Марион, сжальтесь надо мною! Не вы, а я теперь взываю к вам о помощи! Дайте мне то, о чем я прошу, и повелевайте мной, как своим рабом!

В течение нескольких секунд Марион стояла молча.

Это молчание внушило Скэрти надежду, и он жадно впился взглядом в лицо Марион.

Но он ничего не мог прочесть в ее лице. Эти прекрасные, словно застывшие черты казались высеченными из камня, они не выдавали движений ее души.

Когда Марион заговорила, Скэрти понял, что он неправильно истолковал ее молчание.

– Капитан Скэрти, – сказала она, – вы человек светский и, как я слышала, хорошо разбираетесь в сложностях женской природы...

– Вы мне льстите! – перебил ее Скэрти, делая усилия, чтобы снова обрести свое обычное спокойствие. – Разрешите спросить, чем я мог заслужить такой лестный отзыв?

– Вы меня не так поняли. Я хочу сказать, что вы, который так хорошо знаете женскую природу, должны понимать, что вы просите невозможного. Женщина не может отдать свое сердце. Его надо взять у нее.

– А ваше сердце, Марион Уэд?

– Оно не в моей власти. Оно принадлежит не мне.

– Им уже завладел кто-то другой? – злобно вскричал Скэрти, ибо то, что до сих пор было только смутной догадкой, теперь подтвердилось признанием самой Марион.

– Увы, да! Завладел... похитил, если хотите, но оно больше не в моей власти. Оно разбито, и излечить его нельзя. О, сэр, для вас оно не имело бы никакой цены, даже если бы я и могла его вам отдать! Не требуйте от меня невозможного. Примите взамен то, что я предлагаю вам от души, – мою безграничную благодарность!

Скэрти молчал, стиснув зубы, задыхаясь от душивших его чувств. Слова Марион точно парализовали его. Да, он хорошо знал женское сердце и понимал, что у него не может быть никаких надежд. Сердце Марион принадлежит другому. Как странно она сказала: «похищено», «разбито»... Стоило над этим подумать, но Скэрти сейчас было не до того. Ему надо было во что бы то ни стало добиться руки Марион Уэд. Если она не может отдать ему свое сердце, она заплатит ему за жизнь отца своей рукой и своим состоянием.

– Ваша благодарность много для меня значит, мисс Марион, – сдержанно промолвил он. – Я буду счастлив заслужить ее. Но мне бы хотелось получить от вас нечто другое...

– Что же, сэр?

– Вашу руку.

– В уплату за жизнь моего отца?
– Совершенно верно.
– Опомнитесь, капитан Скэрти! Что может дать вам моя рука, если сердце мое...
– ...принадлежит другому? Вы это хотите сказать? Я не теряю надежды завоевать его своей любовью. Сердце женщины можно завоевать не однажды!
– Потерять его можно только раз в жизни.
– Пусть так. Я готов нести это горе. Мне будет легче переносить его, когда вы будете моей женой. Простите, мисс Марион, не будем больше говорить об этом! Дайте мне ваше согласие, – и ваш отец будет жить. Откажитесь, – я не неволю вас. Но знайте, что ему не сносить головы!
– О, сжальтесь надо мною, заклинаю вас! Может быть, и у вас есть отец! О, капитан Скэрти, подумайте, что значит лишиться отца! Я умоляю вас, спасите его, вы можете это сделать!

Гордая Марион упала перед ним на колени и, подняв к нему свое прекрасное умоляющее лицо, смотрела на него глазами, полными слез.

Скэрти смотрел на эту Венеру в слезах, не в силах оторвать от нее восхищенного взгляда, и сердце его ликовало. Марион Уэд у его ног!

– Да, я могу спасти его и спасу! – с жаром воскликнул он.

В заплаканных глазах Марион блеснула надежда, но она тут же погасла, когда взгляд ее встретился с откровенным, беззащитным взглядом Скэрти.

– Да, – продолжал он с нескрываемым торжеством, – я могу это сделать и сделаю! Вам достаточно только сказать одно слово. Обещайте мне, что вы будете моей женой!

– О Боже! – вскричала Марион, поднявшись с колен. – Неужели в вашем сердце нет ни капли жалости?

– Любовь не знает жалости, а тем более любовь, над которой насмеялись, как вы насмеялись над моей!

– Нет, я этого не делала! Но вы просите от меня невозможного.

– Почему? – спросил Скэрти, обнадеженный этим кратким ответом. – В этом нет ничего невозможного. Я не жду и не прошу, чтобы вы подарили мне ваше первое, нетронутое чувство. Для меня это уже миновало! Я едва могу надеяться пробудить ваше сердце для второй любви. Но я сделаю все, чтобы заслужить ее! И вот потому я и прошу вас стать моей женой, дать мне возможность завоевать вашу любовь! Послушайте меня, Марион! Вы видите перед собой человека, которого до сих пор не отвергала ни одна женщина, будь это даже коронованная особа! Человека, который не терпит, чтобы ему что-то становилось поперек дороги! Ничто никогда не может заставить меня отказаться от моих желаний! Скажите, что вы будете моей, – и все будет хорошо. Подумайте, к чему приведет ваш отказ! Я жду вашего ответа. Вы скажете мне «да» или «нет»!

И Скэрти, заложив руки за спину, стал медленно прохаживаться по комнате, словно желая дать Марион время подумать.

Марион подошла к итальянскому окну и, повернувшись спиной к этому зверю в образе человека, в отчаянии устремила взор к небу. Могла ли она колебаться сделать выбор между жизнью отца и собственной загубленной жизнью! Разве жертва, которой от нее требует Скэрти, может сделать ее более несчастной? Эти мысли проносились в голове Марион, но никто, кроме нее, не мог бы сказать, какие чувства боролись в ней в эту минуту и что происходило в ее душе.

Скэрти продолжал расхаживать по комнате, с нетерпением дожидаясь ответа. Он не хотел ее торопить, он понимал, что сгоряча она скорее ответит «нет»; а если она хорошенько подумает и представит себе, что ждет ее отца, это, может быть, заставит ее образумиться и принять его предложение.

И наконец он дождался. Марион с радостным возгласом распахнула окно и, протянув руки, ринулась на веранду.

Глава 60

РОЛИ ПЕРЕМЕНИЛИСЬ

Скэрти остолбенел от изумления. Ему показалось, что Марион Уэд сошла с ума. Но когда он подошел к окну, зрелище, представившееся его глазам, вызвало у него опасения совсем иного рода.

По главной аллее парка двигалась громадная толпа народа – тут были рабочие, подмастерья, ремесленники, но главным образом местные крестьяне. Капитан кирасиров не впервые видел такую пеструю толпу. Быть может, это была та самая толпа, которая приветствовала его насмешливыми выкриками на мосту через Колн, когда он возвращался после своей неудачной погони за Черным Всадником. Так оно, вероятно, и было, за небольшим исключением. Одним из этих исключений был пожилой всадник в черном бархатном камзоле, с величавой осанкой и строгим, благородным лицом.

Народ, толпившийся вокруг, по-видимому, хорошо знал этого всадника, потому что громкое «ура» и радостные возгласы «Да здравствует сэра Мармадюк!» то и дело оглашали воздух.

Но не только хозяин Бэлстродской усадьбы – а это действительно был он! вызывал такой энтузиазм толпы.

Рядом с ним на прекрасном вороном коне ехал другой, более молодой всадник не менее благородной внешности. Крики «Да здравствует Черный Всадник!» достигли слуха капитана Скэрти прежде даже, чем он, выглянув в окно, увидел знакомую фигуру на вороном коне, которую ничто не могло изгладить из его памяти.

– Что за дьявольщина! – невольно вырвалось у Скэрти.

Сэр Мармадюк без стражи, ликующая толпа и тут же этот проклятый мятежник Голтспер!

Марион, с рассыпавшимися по плечам золотыми волосами, бежала им навстречу.

– Что это, черт возьми, может означать? – с недоумением спрашивал себя Скэрти.

Прежде чем он успел прийти в себя от изумления, вызванного этим неожиданным зрелищем, процессия уже подошла к главному входу.

– Ура, ура! Да здравствует Джон Гемпден! Ура, ура! Да здравствует Пим! дружно подхватывала толпа.

Но когда вслед за этим раздалась возгласы: «Да здравствует парламент! Смерть предателю Страффорду!» – Скэрти не выдержал. Страффорд был его покровителем. Как смеет этот сброд поносить Страффорда! Он выскочил на веранду и бросился бежать по аллее к толпе. За ним следом бросились несколько кирасиров, стоявших в воротах двора и тоже с недоумением глазевших на это зрелище.

– Подлые бунтовщики! – вскричал Скэрти, подбегая к толпе и выхватывая на ходу шпагу. – Кто из вас осмелился оскорбить благородного лорда Страффорда, пусть еще раз посмеет произнести эти гнусные слова! Я вырву ему язык из его изменнической глотки!

– Не торопись, господин, не махай шпагой! – раздался зычный голос, и из толпы выступил дюжий молодец со смуглым лицом, обросшим густой щетиной, одетый в камзол с чужого плеча и в шляпе с пером. Это был не кто иной, как наш старый знакомец Грегори Гарт. – Чего зря грозишься? – насмешливо продолжал он. – А ну-ка, попробуй! Посмотрим, удастся ли тебе выполнить свои угрозы! Это я первый крикнул «Смерть предателю Страффорду!» – И с этим вызывающим возгласом Гарт выхватил из ножен здоровенный палаш и принял оборонительную позу.

– Ткни его, Грегори! – крикнул из толпы рослый, широкоплечий человек это был браконьер Дэнси. – Сделай на нем зарубку! Я тебе помогу!

– И мы тоже! – хором подхватили кузнецы, пекари, мясники, выступая и меряя взглядом кирасиров, стоявших позади Скэрти.

Скэрти не решился привести в исполнение свою угрозу. Противники, столпившиеся вокруг молодца с палашом, были все до одного вооружены и грозно сжимали в руках кто –

молот, кто – нож, кто – дубину; да вся толпа тут же ринется им на подмогу, а у его кирасиров разве что у двоих, у троих, имелись шпаги, а остальные были и вовсе без оружия.

В рукопашном бою все преимущества находились на стороне противника. Капитан кирасиров не мог не учесть этого; он решил отступить и вернуться с вооруженным отрядом. Вот тогда он покажет этому сброду, который осмелился бросить ему вызов!

Он уже собирался было скомандовать своим кирасирам отступить, но в это время сэр Мармадьук соскочил с коня и, подойдя к капитану, остановился между ним и толпой.

– Мне думается, капитан Скэрти, – сказал он с легкой иронией в голосе, что вы слишком далеко зашли в вашем служебном рвении. Могут быть разные мнения насчет заслуг «благородного Страффорда», как вы изволили именовать Томаса Уэнтворта. Он сейчас предан суду, который, можно не сомневаться, поступит в нем так, как он того заслужил.

– Предан суду? Герцог Страффорд?

– Да, как я вам уже сказал. Он сейчас находится в том самом положении, в котором совсем недавно находился я. Признаюсь, я не без удовольствия покинул этот приют! Я понимаю, капитан Скэрти, что вы еще не могли быть осведомлены об этой перемене в судьбе вашего друга, ибо он только вчера переступил порог Тауэра.

– Страффорд в Тауэре! – с ужасом повторил Скэрти, не веря своим ушам.

– Да, и скоро предстанет перед судом. Не перед «Звездной палатой», которая вчера прекратила свое существование, но перед судом, который будет более справедливо судить его преступления, – перед Высшим Парламентским Судом. Томас Уэнтворт предстанет перед ним как государственный преступник, обвиняемый в измене своей родине.

– Да здравствует парламент! Смерть изменнику Страффорду! – снова закричала толпа, приветствуя речь сэра Мармадьюка.

Скэрти казалось, что он сходит с ума. Он повернулся, чтобы уйти домой и обдумать наедине, как ему действовать дальше, но сэр Мармадьук остановил его.

– Капитан Скэрти, – громко сказал он все тем же спокойным, ироническим тоном, – не так давно вы соизволили предъявить мне королевскую грамоту. Я счастлив, что могу ответить вам тем же. Я привез вам приказ от его величества, как вы можете сами убедиться, взглянув на эту печать.

Сэр Мармадьук достал из камзола пакет, запечатанный королевской печатью.

– В тот раз вы были так любезны, – продолжал он, – что дали возможность всем присутствующим ознакомиться с его содержанием. Я последую вашему примеру.

И, сломав печать, сэр Мармадьук прочел во всеуслышание:

"Капитану Скэрти, командиру отряда королевских кирасиров.

Бэлстрод Парк.

Его величество король повелевает капитану Скэрти вывести вверенный его командованию отряд из владений сэра Мармадьюка Уэда и направиться с ним на расквартирование в наш королевский дворец в Виндзоре. Его величество предлагает сим своему верному слуге капитану Скэрти приступить к выполнению приказа немедленно по получении оно.

Уайтхолл.

Carolns Rex".

Послание его величества было встречено громкими одобрительными возгласами, но ни один голос в толпе не крикнул «Да здравствует король!» Все знали, что эта уступка сэру Мармадьюку со стороны короля была сделана не по доброй воле, а внушена страхом. Он сделал это по настоянию парламента, и толпа, приветствуя этот справедливый акт, кричала: «Да здравствует парламент!»

Лицо Скэрти было чернее тучи, когда он последний раз вошел к себе в комнату, чтобы собраться в дорогу.

– Малодушный трус! – злобно бормотал он сквозь стиснутые зубы. Это относилось не к кому-нибудь из обитателей усадьбы, а к королю, который поставил капитана Скэрти в такое унижительное положение.

Спустя десять минут он уже скакал во главе своего отряда прочь из Бэлстродской усадьбы, оставив нескольких кирасиров для сопровождения обоза...

Марион бросилась в объятия отца, как только он сошел с коня.

– О Боже, какая радость! Ты жив и невредим! – шептала она, прижавшись к его груди.

– Да, дитя мое, с такими отважными провожатыми я чувствовал себя в полной безопасности.

– Судьба сжалилась надо мной! Ведь я почти готова была дать свое согласие, пожертвовать собой, но это было бы для меня хуже смерти...

– Пожертвовать собой? Кому, Марион?

– Ему, Скэрти. Он обещал добиться для тебя помилования, но только при условии, что я... – Марион замялась, не решаясь повторить слова Скэрти.

– Можешь не говорить, какие это были условия, – сказал сэр Мармадьюк. – И ты, моя мужественная девочка, готова была принять их! Я знаю твоё великодушие! Но, благодарение Богу, я обязан своим спасением не милости врага, а мужеству друзей, и прежде всего – вот этому доблестному джентльмену, которого ты видишь рядом со мной. Если бы не он, приказ короля пришел бы, пожалуй, слишком поздно...

Марион подняла глаза, и взгляд ее встретился с пламенным взглядом Голтспера, сидевшего на коне.

В эту минуту сэру Мармадьюку пришлось вмешаться в стычку между кирасирами Скэрти и своими отважными провожатыми, которые порывались вступить в рукопашный бой.

Марион и Голтспер на минуту остались одни.

– Благодарю вас, сэр, – произнесла Марион прерывающимся от волнения голосом. – Благодарю вас за то, что вы спасли моего отца! Радость видеть его живым служит мне утешением в том горе, которое вы причинили мне.

– Я причинил вам горе, Марион?

– Не будем говорить об этом, сэр. К чему объяснения? Вы знаете, о чем я говорю. О Генри, Генри! Я никогда не думала, что вы способны на такой обман, на такую чудовищную жестокость!

– Марион!

– Не говорите мне ничего! Уезжайте отсюда! Оставьте меня с моим горем, мне больше ничего не осталось в жизни...

– Я должен подчиниться вашим приказаниям, Марион, – сказал Голтспер, берясь за поводья. – Вы гоните меня? Но как же мне теперь жить, когда вся жизнь моя принадлежит вам? О Боже, куда мне деваться! – с отчаянием воскликнул он.

– К вашей жене, – чуть слышно, с горьким упреком прошептала Марион.

– Ах, вот в чем дело! Так вам, значит, поспешили сказать!

– Да, я знаю все.

– Нет, не все, Марион. У меня нет жены.

– К чему обманывать меня, Генри? У вас есть жена. Я слышала это от людей, которые вас знают. Вы женаты.

– Я скрыл от вас это, Марион. Это правда, я был женат. Но жена моя умерла.

– Умерла?

– Да, умерла. Я признаю, что я виноват перед вами. Я должен был сказать вам все. Мое оправдание только в моем безумстве. Я полюбил вас, когда она еще была жива...

– О Боже, значит, вы разлюбили меня после того, как она умерла?

– Как можете вы говорить так, Марион! Мое сердце принадлежит вам навеки. Разве вы не помните обет, которым вы связали меня, когда мы виделись с вами последний раз? Мне ничего не стоило связать себя этим обетом. Я никогда не мог бы нарушить его, даже если бы я и хотел это сделать.

– Вы смеетесь надо мной, Генри! Как смеете вы говорить мне о своей любви, о своих обетах! Ведь то обещание, которое я взяла с вас, – вы же его сдержали!

– Какое обещание, Марион?

– Как можно шутить так жестоко! А моя перчатка? Когда вы мне прислали ее и гонец передал мне ваши слова, я думала, я не выживу... я...

– Перчатка! С гонцом! – вне себя от изумления перебил ее Голтспер.

– Марион! – крикнул сэр Мармадюк, успевший огласить королевский приказ и положить этим конец перебранке между кирасирами и толпой. – Домой, дочка! Позаботься принять гостей со всем радушием, которым до сих пор славился дом Уэдов. Мы проделали длинный путь, и наши достойные друзья из Эксбриджа, Денема и Айвера наглопались пыли. Наверно, в наших погребях найдется какое-нибудь освежающее средство... Пойди распорядись, дочка!

Марион с сияющим лицом бросилась выполнять приказание отца. Изумление Голтспера рассеяло мрак в ее душе. Загадочное возвращение перчатки означало не то, что она думала. Генри Голтспер по-прежнему принадлежит ей!

Как весело потекла жизнь в Бэлстродской усадьбе после отъезда Скэрти с его кирасирами! Лоре больше нечего было опасаться приставаний навязчивого Стаббса, и она целые дни проводила с Уолтером. Ничто больше не угрожало любви Генри Голтспера и Марион; она пылала в их сердцах ярким неугасимым пламенем, но они ревниво оберегали ее от чужих взглядов и по-прежнему встречались тайком на лесной тропинке, под тем самым буком, где Марион пережила самые сладостные и самые горькие минуты своей жизни.

Им не было надобности скрываться: двери дома сэра Мармадюка Уэда были всегда открыты для его спасителя, но влюбленные всегда ищут уединения и стараются как можно дольше уберечь от всех свою нежную тайну.

Глава 61

ЭПИЛОГ

Чтобы довести до конца наше повествование, нам осталось рассказать только два эпизода, которые хоть и сильно отличаются друг от друга, но, подобно мифологическим сценам из жизни богов в древнем языческом Пантеоне, часто изображаются рядом.

Марс (Марс – в древнеримской мифологии бог войны.), этот жестокий и не всегда справедливый бог, на этот раз позволил одержать победу достойной стороне. В течение трех лет война бушевала в стране, и лучшие сыны Англии орошали своей кровью родную землю в жестокой, междоусобной резне.

Борьба шла между роялистами и республиканцами; это слово, которое Генри Голтспер впервые провозгласил на тайном собрании в Каменной Балке, теперь уже не боялись произносить вслух. Напротив, люди с гордостью называли себя республиканцами, как оно и должно быть и всегда будет среди честных и порядочных людей. Существовали также названия «кавалер» и «круглоголовый», но и то и другое – как хвастливое, так и пренебрежительное – исходило из уст неистовых роялистов, которые, потерпев поражение, сохранили свои скверные замашки и непримиримую жестокость; она и поныне отличает английских консерваторов, как об этом можно судить по непосильным налогам, которыми они душат бедняков у себя на родине, и по бесчеловечной системе рабовладения в захваченных ими колониях по ту сторону океана.

Кавалер при дворе Карла I своим франтовством и манерностью мало чем отличался от нынешнего фата, разве что превосходил его тщеславием и порочностью. В храбрости он далеко уступал своему круглоголовому противнику. Его звание «кавалер», его «рыцарство», подобно пресловутому рыцарству рабовладельцев-южан, были просто громкими словами, употребляемыми не по назначению, из глупого чванства.

Встреча противников состоялась на равнине Марстон-Мур – это главное поле боя с гордостью вспоминают защитники свободы.

Неистовый сумасброд Руперт (Принц Руперт Пфальцкий (1619 – 1682) начальник конницы Карла I, а затем – организатор морской войны против Кромвеля. Командовал

армией короля при Марстон-Муре.), невзирая на предостережения более благоразумных людей, двинул из Йорка одну из самых многочисленных армий, которую удалось собрать сторонникам короля. Ему удалось прорвать осаду при содействии маркиза Ньюкаслского, и, упоенный своей победой, он ринулся вперед, чтобы раздавить отступающего противника.

Руперт настиг республиканцев на равнине Марстон-Мур, куда они, на его несчастье, стянули войска, чтобы дать ему решительный бой.

Мы не будем описывать эту знаменитую битву, которая разрешила спор между трон и парламентом. Мы приведем из нее только один эпизод, который имеет непосредственное отношение к нашему повествованию.

Среди сторонников сумасбродного принца Руперта был офицер Ричард Скэрти, недавно произведенный в полковники и командующий конным кирасирским полком. В рядах республиканской армии на стороне Ферфакса одним из полковых командиров, командовавших конницей, был полковник Генри Голтспер.

Судьба ли, слепой случай или, быть может, обоюдное стремление – трудно сказать, что свело этих двух людей лицом к лицу в тот знаменательный день на поле битвы. Скэрти ехал во главе своей закованной в латы, сверкающей сталью конницы, а Голтспер на своем вороном коне возглавлял славный отряд бэкингемшпирских йоменов в зеленых камзолах.

Сотни ярдов еще разделяли враждующие стороны, когда два этих непримиримых противника и кое-кто из сопровождавших их воинов узнали друг друга. Среди кирасиров, находившихся под командованием Скэрти, многие квартировали в Бэлстродской усадьбе, а в зеленом войске, следовавшем за Черным Всадником, было немало молодцов из той толпы, что провожала уезжавших кирасиров гиканьем и насмешками.

И тем и другим не терпелось помериться силами, и они ждали только слова от своих командиров; но те, пришпорив коней, вихрем помчались навстречу друг другу и сшиблись в открытом поле. Не смея без команды нарушить строй, солдаты остались на своих местах, и только два молодых офицера, движимые, по-видимому, такой же яростной враждой, последовали за своими командирами.

Это были корнет Стаббс и Уолтер Уэд. Но они не привлекли особенного внимания, ибо все взоры были устремлены на двух непримиримых противников, схватившихся не на жизнь, а на смерть.

Скэрти, снедаемый бешеной ревностью, пылал дикой ненавистью к своему счастливому сопернику; он не забыл унижения, которому его подверг Черный Всадник. Голтспером руководили более благородные чувства, но они также побуждали его уничтожить врага.

Гордый республиканец видел в нем подлого королевского приспешника, одного из тех, кто служит опорой тиранам, кто в угоду им душит и притесняет народ, кто готов умереть за них на поле брани, в нелепом заблуждении, будто он умирает за отчизну и короля.

У Голтспера не было никаких личных счетов со Скэрти, несмотря на то, что тот пытался погубить его. Ярый роялист вызывал у патриота чувство благородного негодования, которое всякий честный республиканец, естественно, питает к стороннику деспотии, будь то глупец или негодяй, – иного быть не может: он должен быть либо тем, либо другим. Подобно тому, как пастух стремится убить волка, который расхищает его стадо, Генри Голтспер жаждал уничтожить Скэрти, который помогал тирану расхищать народное добро и губить честных людей.

Сознавая, что он заслужит благодарность многих людей, Генри Голтспер, не колеблясь, ринулся на злодея, и через несколько мгновений Скэрти лежал бездыханный и недвижимый, словно бесформенная груда тяжелых стальных доспехов.

Между тем два корнета также скрестили шпаги, но, прежде чем кто-либо из них успел нанести удар, горнисты королевских войск протрубили отступление. Кирасиры Скэрти, теснимые зелеными камзолами, бросились в бегство. С этой минуты они, как и вся остальная армия принца Руперта, полагались больше на свои шпоры, чем на шпаги.

Последнее действие переносит нас снова в Бэлстродскую усадьбу. На лугу за валом, где

высятся остатки саксонских укреплений, друзья сэра Мармадюка снова собрались на веселый праздник. Все честные люди Бэкингемшира сошлись сегодня здесь по приглашению хозяина Бэлстрод Парка. Громадный луг, где когда-то стояли лагерем саксы, может вместить не одну тысячу людей, но сегодня там теснится столько народу, что едва хватает места для игр, состязаний и плясок.

Какое счастливое событие празднует сегодня сэр Мармадюк со своими друзьями бэкингемширцами?

Это торжественное празднество отмечает два важных события в его доме: свадьбу его дочери Марион с полковником республиканской армии сэром Генри, членом парламента, тем самым, кого мы до сих пор знали под именем Генри Голтспера, или Черного Всадника, и свадьбу племянницы Лоры с его единственным сыном Уолтером.

Обе счастливые пары сейчас с увлечением следят за веселыми плясками на зеленом лугу. В пестром хороводе кружатся знакомые всем персонажи из любимой народной легенды о Робине Гуде. Вот рослый бородач в костюме Маленького Джона; в нем нетрудно узнать вашего старого знакомого, бывшего грабителя Грегори Гарта. Что удивительного, что он с таким совершенством играет свою роль! Но и Робин Гуд, и девица Марианна сегодня не те, кого мы имели удовольствие видеть в прошлый раз. Славного разбойника Робина Гуда изображает бывший кирасир Уайтерс, который уже давно стал верным сторонником парламента, а девицу Марианну – скромная светловолосая девушка.

Но почему же не видно красавицы Бет Дэнси и лесника Уэлфорда? И что согнуло мощную фигуру старого браконьера Дика Дэнси, который, прислонясь к дереву, печально смотрит на веселый хоровод? Давно уже он не появлялся на людях; сегодня он в первый раз вышел из своего уединения и покинул старую лесную хижину, где он сидел, запершись со своим горем, оплакивая утрату единственной дочери. Но ни пляски, ни игры, ни веселые остроты и шутки его приятеля Грегори – ничто не может вызвать улыбки на лице старого Дэнси: и когда взор его падает на робкую белокурую девицу Марианну, глаза его затуманиваются слезами, и он вспоминает свою веселую смуглую красавицу Бет.

У всех в памяти еще жива трагическая кончина бедняжки Бетси. Она погибла от руки гнусного негодяя Уэлфорда. Не смея нанести удар человеку, которого он считал своим соперником, Уэлфорд, обезумев от ревности, зарубил Бетси. Убийца понес заслуженную кару – он кончил свою жизнь на виселице.

Долго пировали гости в Бэлстродской усадьбе на свадьбе Марион и Лоры. На этот раз ничто не омрачало торжественного празднества, и, если не считать бедняги Дэнси с его безутешным горем, все веселились от души. Одна только Дороти Дэйрелл, снедаемая завистью, не радовалась счастьем молодых. Белая перчатка, красующаяся на шляпе мужа Марион, вызвала у нее язвительное замечание.

– Посмотрите на эту перчатку! – воскликнула она. – Бела как снег истинный символ новобрачной, но время оставит на ней свои следы и пятна, и тогда уж она не будет служить украшением и ее пренебрежительно бросят!

Но это ядовитое рассуждение ни у кого не нашло отклика, и вряд ли отыщется хоть одна душа, которая могла бы пожелать такой участи белой перчатке!